Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина»

Факультет гуманитарного образования

Кафедра истории

Кафедра философии и социально-политических технологий

III МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ 100-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ СССР
(VI ГУБКИНСКИЕ ГУМАНИТАРНЫЕ ЧТЕНИЯ)

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

13 мая 2022 г.

МОСКВА 2022

федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Российский государственный университет нефти и газа
(национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина»

Кафедра истории
Кафедра философии и социально-политических технологий

III МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ 100-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ СССР (МОСКВА, 13 МАЯ 2022 Г.)

материалы конференции

Москва, РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина,
2022

УДК 061.3
ББК 63.3(2)613-02
М34

Авторы – составители:
В.В. Калинов, О.В. Каримов

III Международная научно-практическая конференция, посвящённая 100-летию образования СССР (Москва, 13 мая 2022 г.) : материалы конференции / авторы-составители: В.В. Калинов, О.В. Каримов. – М. : РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, 2022. – 3,58 Мб – Электрон.дан. - 1 электрон.опт.диск (CD-ROM); 12 см. – Систем.требования: компьютер IBM-PC совместимый; монитор, видеокарта, поддерживающ. разреш.1024x768; привод CD-ROM; программа для чтения pdf-файлов. – Загл.с этикетки диска. – ISBN 978-5-91961-441-8. – Текст. Изображение : электронные.

В сборнике представлены доклады участников III Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию образования СССР, в рамках VI Гуманитарных чтений. В них рассмотрены вопросы кризиса государственного управления 1917 г.; становления и развития государства нового типа; партийного и национального строительства; экономического развития СССР; советской внешней политики; участия советского народа в Великой Отечественной войне и укрепления обороноспособности страны на различных этапах; политического и культурного развития; патриотизма как национальной идеи и фактора безопасности СССР и современной России; современного прочтения марксизма.

Сборник предназначен для специалистов, преподавателей и студентов вузов, учителей и учащихся школ, а также для всех интересующихся историей Отечества.

Ответственность за содержание и достоверность сведений, предоставляемых для опубликования, несут авторы. Редакция не несет ответственности за содержание предоставленного материала. Мнение авторов публикаций не обязательно отражает точку зрения редакции. Авторы опубликованных материалов несут ответственность за точность приведенных цитат, собственных имен, прочих сведений и соответствие ссылок оригиналу

Минимальные системные требования:
Тип компьютера, процессор, частота: IBM-PC совместимый
Видеосистема: монитор, видеокарта, поддерживающая разрешение1024x768
Дополнительное оборудование: привод CD-ROM
Дополнительное программное обеспечение: программа для чтения pdf-файлов.

ISBN 978-5-91961-441-8

© РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, 2022
© Коллектив авторов, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

«МЫ НАШ, МЫ НОВЫЙ МИР ПОСТРОИМ». ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ 10

Горлов В. Н.

Историческая неизбежность социалистической революции в россии **10**

Руднева С. Е.

Потребность железных дорог россии в чёрном металле в 1917 году **17**

Каримов О. В.

Морская агентурная разведка в октябре 1917 – феврале 1918 гг. **26**

Гергилева А. И.

«Союзники русской революции»: политические и идеологические задачи советской власти в отношении военнопленных первой мировой войны **36**

Воробьев Е. П.

Революция 1917 г. И гражданская война в россии: коммеморация в царицыне – сталинграде 1920-1930-х гг. **46**

Куканов А. И.

Первая советская мобилизация в москве (1918 г.) **52**

Лытова Ж. Ю.

И.В. Сталин в Царицыне (по воспоминаниям Ф.С. Аллилуева) **58**

Ковба В. И., Чугунов Е. А.

Несколько штрихов к осмыслению проблемы кадровой преемственности в военном и культурном строительстве советской России в период Октябрьской революции и гражданской войны **64**

«ОТ РАЗРУШЕНИЯ К СОЗИДАНИЮ». СОЗДАНИЕ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА 75

Овчинникова Т. К.

Становление советской правовой доктрины (1920-1930-е годы) **75**

Васильев Юрий Альбертович

Альтернативы советской модернизации после образования СССР **81**

«НАМ НЕТ ПРЕГРАД НИ В МОРЕ, НИ НА СУШЕ». ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА СССР В 1922-1991 ГОДАХ 87

Петров Н. В.

О специфике изучения социального состава городского населения СССР в 1920-е годы (по материалам Курской губернии) **87**

Соколов А. С.

Унификация денежного обращения в республиках союза сср 1923─1940 ..... **93**

Малахов Р. А.

Государственная капитализация лесной промышленности Европейского Севера России в конце 1920-х – 1930-е гг. **99**

Жукова В. С.

Колхозное крестьянство Вологодской области в довоенное время (по материалам воспоминаний В.Т. Ульяновского) **105**

Юрченко В. В.

Ухтпечлаг – Коми автономная область: взаимотношения руководящих органов в первой половине 1930-х годов **111**

Белоногов Ю. Г.

Изменения трудового законодательства в 1940 г. В контексте милитаризации советской экономики накануне Великой Отечественной войны **117**

Карпов В. П.

От «Генеральной перспективы» к «Временной схеме»: нефтяная промышленность югры в 1960-е – 80-е годы **124**

Прищепа А. И.

Материально-техническое снабжение промышленного освоения западно-сибирской нефтегазоносной провинции в 1960-е гг. **130**

Бодрова Е. В., Калинов В. В.

Точки зрения о причинах кризиса в нефтегазовом комплексе СССР **138**

«НАШ ОТВЕТ ЧЕМБЕРЛЕНУ». СОВЕТСКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА – ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ИЛИ НОВИЗНА? 152

Тетерин П. В.

Образование СССР и принципы новой внешней политики. **152**

Арцыбашев В. А.

Германия в планах британских консерваторов накануне Локарнской конференции (по материалам советской военной разведки) **161**

Вафин Х. Ш.

Внутренние и внешние факторы советско-китайских отношений в 60-е годы XX века 168

«КРЕПКИ МЫ СПАЙКОЙ ТЕСНОЙ. СИЛЬНЫ МЫ ДРУЖБОЙ ЧЕСТНОЙ». НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО СОЮЗА ССР 176

Шулико Г. А.

Основание СССР как веха в истории Марксизма 176

Бакланов В. И.

Советский этнонационализм против советского интернационализма 182

Жукова Е. М.

Интернационализм как фактор реализации принципа веротерпимости в советскую эпоху..... 188

«ЕСЛИ ЗАВТРА ВОЙНА, ЕСЛИ ЗАВТРА В ПОХОД – БУДЬ К ПОХОДУ СЕГОДНЯ ГОТОВ». СССР В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1939-1945 ГОДЫ) 194

Ащеулов О. Е.

Развитие гвардейских миномётных частей РККА в 1941 году и их роль в обороне москвы 194

Лавренов С. Я.

Накануне Сталинградской битвы 205

Ворсин В. Ф., Снегова Ю. В.

Организация тылового обеспечения войск в Висло-Одерской стратегической наступательной операции (12.01–03.02.1945)..... 211

Шуняков Д. В.

Присвоение воинских званий офицерским кадрам Красной армии в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) 222

Полуэктов И. Б.

Подготовка кадров для авиации Военно-морского флота СССР на территории Куйбышевской области в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. 234

«Я – СЫН ТРУДОВОГО НАРОДА». СТРОИТЕЛЬСТВО ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СТРАНЫ СОВЕТОВ (1918 – 1991 ГОДЫ).....240

Плеханов А. А.

Роль Ф.Э. Держинского в укреплении обороноспособности Советской республики 240

Хохлов В. С.

Образование главного органа службы связи Красной армии: историческое измерение 246

Вафин Х. Ш., Рыскулбеков А. И., Бурнаев З. Р.

Советско-Китайский вооруженный конфликт как фактор воссоздания Среднеазиатского военного округа 254

«И ВНОВЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ БОЙ». ПАТРИОТИЗМ КАК НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ И ФАКТОР БЕЗОПАСНОСТИ СССР 260

Маркова Т. В., Тихонов А. К.

Пионерская организация во Владимирском крае в 1922-1924 гг. 260

Кусаинов К. К., Усенов С. А.

«И вновь продолжается бой». Патриотизм, как национальная идея и фактор безопасности СССР 284

Койшигарина Г. М.

Бауржан Момыш-Улы: пример воинской чести и гражданской совести 293

Тыныбаев С. К.

Особенности организации военно-патриотической работы в Среднеазиатском военном округе (1969–1989 гг.) 299

«ПОТЕРЯЮ ИСТИННУЮ ВЕРУ. БОЛЬНО МНЕ ЗА НАШ СССР». ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА 305

Завражин А. В., Шубина И. В.

Особенности внутрипартийной борьбы в СССР (1924-1934 гг.) 305

Большаков В. И.

Советский период в контексте историсофского цивилизационного анализа 313

Огурцова А. Ю.

Государственные меры совершенствования региональных СМИ в послевоенный период 320

Мусаева З. А.

Некоторые проблемы кадровой политики кпсс в годы перестройки 326

Мозохин О. Б.

Начало борьбы с вредительством на объектах
военной промышленности СССР 333

Стрелков А. В.

В поисках утраченного времени (к распаду СССР) 340

Еремин С. В., Теняев Н. А.

Поисковая работа и её презентация через музейно-выставочную
деятельность как форма патриотического воспитании молодежи..... 349

**«НАМ ПЕСНЯ СТРОИТЬ И ЖИТЬ ПОМОГАЕТ». СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
И ИСКУССТВО – ЕДИНСТВО В МНОГООБРАЗИИ** 355

Мухамедов Ш. Б.

Система традиционного образования в средней азии: трансформационные
процессы и инновации (вторая половина xix –xx вв.)..... 355

Палий Е. Н.

Советский балет 20-х годов XX века – начало пути 368

Хилтухина Е. Г.

Эстетическое образование в советский период 374

Шуленина Н. В., Слизовский Д. Е.

Суровые будни культурной политики большевиков: 1922 год..... 380

Кузнецова О. В.

Особенности проявления советской культуры в повседневной
жизни первоцелинников 399

Левина Л. А.

«Первый учитель» – повесть Ч. Айтматова и фильм А. Кончаловского:
два взгляда на становление советской власти в Средней Азии..... 405

Турсунова Р. Ю., Хасанова М. Б.

Средняя Азия – единство в многообразии в советский период
(историко-культурный аспект) 412

Топорина Е. А.

Женские образы советского кинематографа 424

Катюхина Т. В., Семенова Т. Н.

Эволюция культурных и социальных идеалов экранных образов
киноискусства советского периода и современности 430

Куланов А. Е.

О совместных кинопроектах СССР и Японии как способе сближению двух стран (1966-1991) **436**

СОВРЕМЕННОЕ ПРОЧТЕНИЕ МАРКСИЗМА **442**

Фалеев А. Н., Филатова М. Н.

Марксистская философская концепции человека и современность: теория и методология **442**

Котельников М. Е.

Идентификационный кризис марксизма и предпосылки выхода из него **449**

Балычева М. Б.

Интерпретация теории отчуждения в современном западном марксизме **456**

Рябчун Н. П.

Развитие социологической концепции Маркса в теории праздного класса Веблена и Макканелла **461**

Торопова А. А.

Отчужденная телесность в эпоху современной экотехнии **467**

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕЛОСТНОСТИ В ПОСТСОВЕТСКУЮ ЭПОХУ **473**

Душин А. В.

Русофобия британских СМИ в контексте борьбы Великобритании с Российской Империей, Советским Союзом и Новой Россией **473**

Юдина М. Е.

«Век живи – век учись» **481**

Семенова Т. Н., Ситнова Л. И., Катюхина Т. В.

Категория «отчуждение» в свете новых парадигм общественного развития **487**

СОВЕТСКАЯ НАУКА И ВЫЗОВ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ **498**

Мауль В. Я.

Бои за историю в революционной риторике советских историков (20-е годы XX века) **498**

Прямицын В. Н.

Победа советской науки и техники в горах Гиндукуша **510**

Кузнецов А. А.

1961 – год научно-технической революции **516**

Железнякова М. А.

Научно-технический прогресс и его роль в развитии общества **522**

Сазонова Н. А.

Проблемы и достижения советской науки и техники **528**

Александрова И. Н., Акишин А. П.

Учебно-методическое пособие «Великие русские» как один из инструментов формирования положительного имиджа России у иностранных учащихся **534**

«МЫ НАШ, МЫ НОВЫЙ МИР ПОСТРОИМ». ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ

УДК 94(470+57) «1917»

ИСТОРИЧЕСКАЯ НЕИЗБЕЖНОСТЬ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ

Горлов Владимир Николаевич

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры исторических наук и архивоведения

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

e-mail: gorlov812@mail.ru

Аннотация. Вся предшествующая история с неотвратимостью вела к революции в России. Октябрьская революция 1917 г. стала результатом исторически длительного революционного процесса. Марксизм стал основой революционной идеологии в России. Марксизм был приспособлен к русским условиям. Социалистическая революция стала неизбежной, ибо буржуазная не дала ни мира, ни земли. Это значительно ускорило социалистическую революцию в стране, доведенной до нищеты и истощенной войной.

Ключевые слова: Большевики, буржуазия, революция; мировая война; монархия; кризис; марксизм.

THE HISTORICAL INEVITABILITY OF THE SOCIALIST REVOLUTION IN RUSSIA

Gorlov Vladimir N.

doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Historical Sciences and Archival Science Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

e-mail: gorlov812@mail.ru

Abstract. All the previous history inevitably led to a revolution in Russia. The October Revolution of 1917 was the result of a historically long revolutionary process. Marxism became the basis of revolutionary ideology in Russia. Marxism was adapted to Russian conditions. The socialist revolution became inevitable, because the bourgeois revolution gave neither peace nor land. This greatly accelerated the socialist revolution in a country reduced to poverty and exhausted by the war.
Key words: The Bolsheviks, bourgeoisie, revolution; world war; monarchy; crisis; marxism.

Февральская революция 1917 г. показала полную неспособность царской власти управлять страной и армией в условиях войны. Наследственная монархия в России продемонстрировала свою полную несостоятельность как средство управления государством. Перед страной открылась историческая альтернатива: либо окончательный распад, гибель цивилизации, просуществовавшей много веков, либо прорыв на особый, неизвестный ещё истории путь развития общества.

Император был свергнут не большевиками, а российской буржуазией, т.к. даже ей сложившееся в России положение было неприемлемо. Великий русский философ Н.А. Бердяев отмечал: «Разложение императорской России началось давно. Ко времени революции старый режим совершенно разложился, исчерпался и выдохся… Монархия в России пала, её никто не защищал» [1, с. 109]. После Февральской революции стоял главный политический вопрос: кто сможет поднять и удержать брошенную государственную власть. Временное правительство должно было сделать то, что позднее сделали большевики: немедленно прекратить войну, заключить мир, раздать землю крестьянам. Это позволил бы наладить хозяйство. Временное правительство продолжало войну, поэтому оно было обречено.

Чрезвычайно низкий уровень жизни подавляющей части российского населения подготовили условия для социального взрыва в 1917 г. Пришедшая к власти после Февральской революции буржуазия не смогла решить экономических проблем. Кризис капитализма в стране, ускоренный мировой войной, послужил непосредственной причиной социалистической

революции в России. Народ устал жить в атмосфере лжи, насилия, буржуазного гнёта. Не удивительно, что осенью 1917 г. подавляющая часть политически активного населения в России оказалась на стороне революции.

Яростно заклеймил капитализм религиозный философ С.Н. Булгаков: «…капитализм, основанный на эксплуатации труда, классовых антагонизмах, контрастах богатства и бедности, есть явный грех и человеконенавистничество…Упразднение капиталистического строя и замена его социалистическим строем является естественной задачей христианской политики» [2, с. 225]. Об этом же говорил и Н. Бердяев: «В социально-экономической системе коммунизма есть большая доля правды, которая вполне может быть согласована с христианством, во всяком случае более, чем капиталистическая система, которая самая антихристианская. Коммунизм прав в критике капитализма» [1, с. 150]. Только большевики имели четкую программу вывода страны из кризиса и защиты интересов народа. Поэтому именно они и пришли к власти. Их программа предусматривала строительство социализма в России. Оно и было начато под руководством В.И. Ленина. За партией большевиков пошли миллионы рабочих и крестьян, активно пополнявших её ряды.

Н.А. Бердяев утверждал, что народ «не пожелал больше терпеть, и весь строй души народной перевернулся…Ленин не мог бы осуществить своего плана революции и захвата власти без переворота в душе народа» [1, с. 102]. В начале XX века в России сложилась единая идеология в лице идеи социальной правды, т.е. социализма. Та идея во многом стала развитием изначальной русской идеи о необходимости господства справедливости. Питирим Сорокин писал, что в 1917 г. социализм стал религией русского народа.

Следует отметить, что помимо экономических и политических моментов, большую роль сыграли идеологические факторы. Буржуазные идеалы к началу XX века потеряли свою былую привлекательность для народных масс, т.к. полностью проявили свою классовую сущность. И новые

идеалы появились. Об этом и В.И. Ленин писал: «Когда было свергнуто крепостничество и на свет божий явилось «свободное» капиталистическое общество, - сразу же обнаружилось, что эта свобода означает новую систему угнетения. Различные социалистические учения немедленно стали возникать, как отражение этого гнета и протест против него» [4, с. 46].

Таким образом, негативные тенденции, свойственные буржуазному обществу, объективно вели к появлению и развитию внутри этого общества социалистической идеологии. Высшим научным выражением её явился марксизм, который стал основой революционной идеологии в России. Большевизм как идеология рабочего класса сформировался на базе марксизма.

Даже по признанию его критиков (в первую очередь здесь следует отметить Н. Бердяева) марксизм был приспособлен к русским условиям. Надо отметить, что Россия оказалась в особом положении. Это отмечал ещё и К. Маркс: «Россия – единственная страна в Европе, в которой общинное землевладение сохранилось в широком национальном масштабе, но в то же самое время Россия существует в современной исторической среде, она является современницей более высокой культуры, она связана с мировым рынком, на котором господствует капиталистическое производство» [7, с. 413]. Не сам по себе уровень развития капитализма, а специфическое сочетание различных факторов создало условия для социалистической революции в России. К. Маркс и Ф. Энгельс это предвидели и выражали уверенность, что «…в далеком Петербурге произойдет событие, которое в конце концов должно будет неизбежно привести, быть может после длительной и жесткой борьбы, к созданию российской Коммуны» [8, с. 275]. К. Каутский в 1902 г. отмечал: «Новое столетие начинается такими событиями, которые наводят на мысль, что мы идем навстречу дальнейшему передвижению революционного центра, именно передвижению в Россию» [3].

Первая мировая война и Февральская революция 1917 г. породили в громадной массе людей идею прекращения войн. Большевики уловили эту идею и трансформировали её в главную задачу – идею отторжения империализма, как источника войн, путем революции. Большевики полагали, что «объективные условия, созданные империалистической войной, завели все человечество в тупик, поставили его перед дилеммой: или дать погибнуть ещё миллионам людей и разрушить до конца всю европейскую культуру или передать власть во всех цивилизационных странах в руки революционного пролетариата, осуществить социалистическую революцию» [5, с. 254]. Эта идея отторжения капитализма так и не была бы реализована в тот исторический период, когда шла мировая война, если бы когорта пассионариев во главе с В.И. Лениным не предложила своих способов реализации этой идеи. Большевики при этом к общемировой идее прекращения захватнических войн добавили ещё общероссийскую идею передачи земли крестьянам. Переплетение этих идей, оформление идей в виде конкретной задачи – «Мир народам, землю – крестьянам» и обеспечило успех социалистической революции в России.

Временное правительство не отреагировало положительно на идею прекращения войны и идею передачи земли крестьянам. Объективная самоналадка привела к слому системы управления. Н.А. Бердяев был убежден, что «если бы не было войны, то в России революция все-таки в конце концов была бы…Наступил час, когда он (народ) не пожелал больше терпеть…» [1, с. 102, 113].

Социалистическая революция в стране стала осуществляться по теоретической концепции большевиков и под их руководством. Большевистские лидеры во главе с В.И. Лениным выполнили роль пассионариев. Большевики смогли сформулировать конкретные задачи управления, которые выражали суть указанных идей, и возглавить их реализацию. Их доминирование в управлении Россией возникло и

продолжалось совершенно естественно и обвинять их в заговоре абсолютно необъективно.

Большевики пришли к власти потому, что только они имели четкую программу вывода России из кризиса и защиты интересов трудового народа. Их программа предусматривала строительство социализма в России. За партией большевиков пошли миллионы рабочих и крестьян, активно пополнявшие её ряды.

В.И. Ленин выражал интересы прежде всего трудовых слоев населения России. Не случайно Н.А. Бердяев впоследствии напишет: «Плеханов, глава меньшевистской фракции, был книжным теоретиком марксизма, а не революционным вождем. Настоящим революционным вождем был В.И. Ленин, создатель русского и мирового коммунистического движения» [1, с. 92]. Гениальность В.И. Ленина проявилась в том, что он увидел в реальных условиях России возможность и необходимость осуществления социалистической революции. В.И. Ленин характеризовал революцию как «необходимость, ибо иного выхода не оказалось» [6, с. 191].

Октябрьская революция победила не только и не столько потому, что К. Маркс и Ф. Энгельс научно обосновали её историческую необходимость и неизбежность, а В.И. Ленин обосновал возможность победы социалистической революции в России как наиболее слабом звене капиталистического мира, а именно потому, что в России к 1917 г. были созданы все необходимые предпосылки для этого – общество было готово осуществить эту революцию, кроме того, оно испытывало в ней огромную потребность.

Большевики во главе с В.И. Лениным осознали, что западный, капиталистический путь в России в принципе невозможен. Октябрьская революция в России была не случайным явлением, не отклонением от нормы, а явлением вполне закономерным, имеющим глубокие социально-экономические и духовно-культурные корни. Россия в 1917 г., наконец, нашла после долгих поисков свой путь – строительство социализма. Выбор

социалистического пути России в 1917 г. имел и продолжает иметь эпохальное значение. В ходе уникального исторического стечения обстоятельств Россия открыла свой путь исторического развития. Это и не колония, и не капитализм. Истинный смысл этого пути только сегодня начинает осознаваться во всей глубине и масштабности.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1) Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука,1990. 224 с.
2) Булгаков С.Н. Христианский социализм. Новосибирск, Наука: Сиб. отделение, 1991. 347 с.
3) Каутский К. Славяне и революция // Искра. 1902. № 18. 10 марта.
4) Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 23. М.: Госполитиздат, 1961. 594 с.
5) Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. М.: Госполитиздат, 1969. 671 с.
6) Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. М.: Госполитиздат, 1969. 748 с.
7) Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 19. М.: Госполитиздат, 1961. 534 с.
8) Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 37. М.: Госполитиздат, 1965. 432 с.

УДК 94(47).084.8

ПОТРЕБНОСТЬ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ РОССИИ В ЧЁРНОМ МЕТАЛЛЕ В 1917 ГОДУ

Руднева Светлана Евгеньевна
доктор исторических наук, профессор кафедры «История»,
Российский университет транспорта (МИИТ), Россия, Москва;
профессор департамента гуманитарных наук,
Финансовый университет при Правительстве РФ, Россия, Москва
e-mail: se_rudneva@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы необычных объемов работы железных дорог России в 1915 – 1917 гг., по сравнению с предшествовавшими годами, вызванные участием страны в Первой мировой войне с 1914 г.

Ключевые слова: Железные дороги России, Первая мировая война, перевозки, эвакуация, вагоны, паровозы, железнодорожная сеть.

THE NEED OF RUSSIAN RAILWAYS FOR FERROUS METAL IN 1917

Rudneva Svetlana E.
doctor of historical Sciences, Professor of the Department «Political Science, history and social technologies»,
Russian University of transport (MIIT), Russia, Moscow;
Professor of the Department of Humanities, Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia, Moscow
e-mail: se_rudneva@mail.ru

Abstract. The article deals with the problems of unusual volumes of work of the railways of Russia in 1915 – 1917, compared with previous years, caused by the country's participation in the First World War since 1914.

Key words: Russian railways, World War I, transportation, evacuation, wagons, locomotives, railway network.

Резкие изменения всей экономической жизни России, вызванные участием страны в Первой мировой войне с 1914 г., стали причиной совершенно необычных объемов работы железных работ в 1915 и 1916 гг., по сравнению с предшествовавшими годами. В период за пять лет, с 1908 г. по 1913 г., средний рост работы казенных железных дорог выражался в 7,4%. С началом военных действий в 1914 г., за год войны рост перевозок естественно приостановился. Затем с развитием войны и с выяснившейся необходимостью развития перевозок для обслуживания армий и промышленности тыла, в 1915 г. общая работа железных дорог увеличилась, по сравнению с 1914 г., на 9%, несмотря на потерю железных дорог, временно отошедших к неприятелю, и на произошедшую задержку в движении в течение осени 1917 г., в следствии эвакуации. Подведенные итоги пробега грузов за первые 2/3 1916 г. указывали, что железные дороги значительно развили перевозки, доведя их до 3.600.000 миллионов пудо-верст за 2/3, т.е. примерно до 4.800.000 миллионов пудо-верст в год. Это составляло 14% прироста против 1915 г. и почти 20% против 1913 г.

Разрешенные к производству работы по усилению целого ряда магистральных линий, а также сооружение новых, давали полное основание думать, что пробег в пудо-верстах будет интенсивно увеличиваться, поскольку спрос на транспортные средства не ослабевал и страна требовала их все в больших размерах.

Предполагалось, что ещё значительнее этот вопрос обозначится после войны, когда в процессе естественного хода государственной жизни, потребовалось бы полное развитие всех промышленных ресурсов страны. Поэтому приходилось предпринимать и максимальное развитие перевозочного механизма. Мощность этого механизма характеризовалась пропускной способностью. Если ставилась задача использовать пропускную

способность в самых крайних пределах существовавшей железнодорожной сети, за исключением некоторых участков, расположенных в стороне от транзита, то тем самым определился бы максимальных размер перемещения грузов по железнодорожной сети. При проведении такого подсчета по всем железным дорогам, определялся пробег вагоно-верст в год для казенной сети 11,1 миллиарда и для частной сети 5,3 миллиарда, а всего 16,4 миллиарда, со включением в этот пробег и дорог Западного района, на период осени 1917 г. занятый неприятелем, не считая только Финляндских и Китайской Восточной железных дорог. Такой пробег требовал, при годовом пробеге наличного пробега в 23.000 верст, общим числом 713.000 вагонов [1, с. 153].

При такой необходимости вагонов осенью 1917 г. наблюдалась значительная их нехватка [2, с. 376], покрываемая экстренными мероприятиями и которую, как и нехватку, вызванную усиленным процентом больных единиц подвижного состава [3, с. 251] , удалось бы, по мнению некоторых наблюдателей, покрыть с помощью Америки [4, с. 153]. Расчет потребности подвижного состава строился на предположении, что эта нехватка ликвидирована и расчет велся только на новые железные дороги, определялась потребность подвижного состава на пятилетие 1918–1922 гг. Учитывая накопленный опыт, эксплуатация железных дорог в первое трехлетие после открытия их для временного движения требовала, ориентировочно, 4 вагона на версту, а затем, в процессе развития движения, наличие вагонов на них должно было приближаться к среднему для русской железнодорожной сети, т.е. около 8 вагонов на версту.

Осенью 1917 г. имелось строящихся и находившихся во временной эксплуатации 14,5 тысячи верст новых железных дорог. Предполагая, что к концу 1922 г. им потребовалось бы уже 8 вагонов на версту, потребность в них оценивалась в 116 тысяч вагонов. Принимая во внимание, что часть железных дорог находилась во временной эксплуатации, пользуясь в тот период подвижным составом уже открытых для правильного движения железных дорог, и до периода 1918–1922 гг. должен был еще пройти весь

1917 г., казалось бы правильным получить в первые два года упомянутого пятилетия, приблизительно, по расчету 4 вагона на версту, на 14 тысяч верст всего 56.000 вагонов, а в остальные три года дополнить парк вагонов на железных дорогах до 8 вагонов на версту. Следовательно, потребность вагонов по годам распределилась бы следующим образом: 1918 г. – 28.000, 1919 г. – 28.000, 1920 г. – 20.000, 1921 г. – 20.000, 1922 г. – 20.000, всего – 116 тысяч вагонов.

При ежегодном строительстве, начиная с 1918 г., пришлось бы поставлять им подвижной состав в количествах соответственно: 4 вагона на версту в первое трехлетие со времени окончания постройки и в увеличивающихся количествах в последующие годы. В потребность 1918 г. можно было бы включить, поэтому, наименьшую цифру, а именно 16.000 вагонов, исходя из вероятной готовности к временному движению к концу 1918 г. 4 тысяч верст, к постройке которых предполагалось приступить в 1917 г. На 1919 г. цифра потребности принималась в 24 тысячи, т.е. 4 вагона на 6.000 верст, на 1920 г. – 32 тысячи, или 4 вагона на 6 тысяч верст плюс развитие на 2 вагона с версты первых четырех тысяч верст, на 1921 и 1922 гг. потребность принималась по 36.000 вагонов, т.е. в 6 вагонов на 6 тысяч верст, соответственно уже устанавливавшемуся порядку поступления в эксплуатацию новых 6.000 верст и усилению движения на предыдущих 6.000 верст.

При отмеченном выше пробеге в 16,4 миллиарда вагоно-верст и в среднем составе поезда в 42 вагона имелось бы более 400 миллионов поездо-верст. Для перехода к паровозо-верстам необходимо было бы прибавить 30% так называемого бесполезного пробега, что дало бы общий пробег в 520 миллионов паровозо-верст (400×1,3=520). При годовом пробеге наличного паровоза в 26.400 верст это потребовало бы всего 20.000 паровозов. Условно предполагалось, что недостаток до этого количества паровозов на русской железнодорожной сети был бы покрыт экстренными мероприятиями при помощи Соединенных Штатов Америки.

Осенью 1917 г. свыше 25% русского паровозного парка было старше 30 лет, а 10% даже старше 45 лет. Средний возраст паровозов составлял 24 года. Из числа их постройки до 1860 г. относились 128 паровозов, между 1860 и 1870 гг. – 1812, между 1870 и 1880 гг. – 3264, между 1880 и 1890 гг. – 1299, между 1890 и 1900 гг. – 5.478 паровозов. Средняя сила тяги составляла всего только 8,3 тонны, средний вес в порожнем состоянии 48 тонн, т.е. в среднем русский товарный паровоз представлял собой только, так сказать, «нормальный» паровоз 1893 г. Далее, принимая к исключению из инвентаря ежегодно только 1/30 его часть, т.е. не рассчитывая даже на усиленное погашение паровозов, крайне необходимое, как это видно из вышеизложенного, для исключения из инвентаря устарелых паровозов, с передачей их частью на подъездные ветки, заводы, страна имела на пополнение ежегодной потребности к исключению из парка, считая, что пополнение будет производиться паровозами в 1,2 раза сильнее средней современной паровозной единицы в 1918 г. – 510 паровозов, в 1919 г. – 520, в 1920 г. – 530, в 1921 г. – 540 и в 1922 г. – 550 паровозов, итого – 2.650 штук.

Для новых железных дорог потребность в паровозах исчислялась в зависимости от потребного, вышеперечисленного уже количества товарных вагонов. По опытным данным русской сети на каждые 30 вагонов требовался в среднем один паровоз. Поэтому, для 116.000 вагонов, предназначенных для 14.500 верст, находившихся во временной эксплуатации и постройке, потребовалось бы 3.225 паровозов [5, с. 154], распределяемых по годам следующим образом: 1918 г. – 780, 1919 г. – 780, 1920 г. – 555, 1921 г. – 555, 1922 г. – 555.

Ежегодно для потребности вновь строившихся 6.000 верст железных дорог потребовалось бы по такому же расчету одного мощного паровоза на 36 вагонов, соответственно вышеуказанным количествам вагонов в 1918 г. – 445, в 1919 г. – 665, в 1920 г. – 890, в 1921 г. – 1.000, и в 1922 г. – 1.000, а всего 4.000 паровозов. Общее число потребных для железнодорожной сети России товарных поездов составило бы 9.875.

Предполагавшееся изменение парка пассажирских паровозов в течение 1917 г. оценивалось как несущественное [6, с. 402], поскольку в тот период в России и за границей производился заказ исключительно мощных товарных паровозов. Пассажирское движение на русской железнодорожной сети характеризовалось за пятилетие с 1908 г. по 1913 г. ежегодным приростом в 8% числа пассажиро-верст, но в 1914 г. этот прирост выразился в 31,5%. Опыт 1915 и 1916 гг. отчетливо показал, что пассажирское движение, в смысле населенности поездов, не удовлетворяло потребности и в этом отношении в период времени после Первой мировой войны русской железнодорожной сети пришлось бы считаться с гигантским ростом движения внутри страны. Заранее предвидеть числовую величину этого роста не представлялось возможным, высказывались только вероятные предположения. Количество пассажирских вагонов, потребное к ежегодному приобретению, выражалось по подсчету вероятной цифрой в 3000 вагонов всевозможных типов в год. Увеличение пассажиро-верст не сопровождалось бы увеличением прямо пропорционально этому числу пассажирских паровозов. Исходя из этих соображений, средний процент необходимого прироста пассажирских паровозов исчислялся в 580 паровозов в год. Погашение инвентаря таковых потребовало бы: в 1918 г. – 130, в 1919 г. – 150, в 1920 г. – 170, в 1921 г. – 190, в 1922 г. – 210 паровозов. Потребность пассажирского движения вновь строившихся железных дорог предполагалось удовлетворять за счет их товарных паровозов. Следовательно, цифра потребности пассажирских паровозов составляла по годам: 1918 г. – 750, 1919 г. – 730, 1920 г. – 750, 1921 г. – 770, 1922 г. – 790, всего 3.750 паровозов. Полная потребность товарных и пассажирских паровозов выражалась, в итоге, по годам: 1918 г. – 2.445, 1919 г. – 2.695, 1920г. – 2.725, 1921 г. – 2.865, 1922 г. – 2.895, в сумме – 13.625.

Производство паровозов по частным заводам России, в 1917 г. занимавшимся постройкой паровозов, составляло (исключительно ширококолейные с отдельным тендером) по годам: в 1906 г. – 1.281 паровоз,

в 1907 г. – 755, в 1908 г. – 641, в 1909 г. – 514, в 1910 г. – 495, в 1911 г. – 416, в 1912 г. – 306, в 1913 г. – 535, в 1914 г. – 749, в 1915 г. – 910, в 1916 г. – 599 паровозов. Паровозы последних лет этого периода были гораздо более тяжелого типа, чем в 1906 г., их вполне можно было считать примерно в 1,5 паровоза за старый паровоз. Возникла необходимость учитывать следующие обстоятельства: оборудование русских заводов рассчитано было на паровозы «нормального типа» – значительно более легкие, чем требовавшиеся осенью 1917 г. типа 0-5-0; оборудование это в значительной степени устарело и требовало замены новыми и более усовершенствованными станками и механизмами; отмеченная замена была еще более необходима потому, что паровозные заводы России, при общей мало развитой механической промышленности, являлись крупнейшими заводами и во время продолжавшейся тогда Первой мировой войны, при соответствующем оборудовании паровозных цехов и их вспомогательных, интенсивно вели работу как по станкостроению для новых военных отделов, так и по выделке всевозможных артиллерийских и тому подобных припасов, начиная со снарядов и кончая орудиями, что совершенно расшатало и вывело из строя целый ряд станков (износ, переделка и т.д.).

Цифры за первые два года относились к паровозам старого легкого типа 1893 г. и при переводе на современные мощные паровозы они выразились бы цифрами 855 и 503 паровоза. Остаток или опоздание неисполненных заводами заказов составляли: на 1 января 1915 г. – 125 паровозов, на 1 января 1916 г. – 347, на 1 января 1917 г. – 538. При детальном рассмотрении практически возможной и вероятной производительности российских заводов, без существенного их переоборудования, Комитет заготовлений при Министерстве путей сообщения исчислил таковую для частных паровозов в цифре около 1.250 паровозов. В том числе с добавлением к этому производительности: завода в Юзовке снарядов и военных припасов – в 300 паровозов, усиления Воткинского казенного завода и сооружения нового Кулебакского завода на 250 паровозов, которые

предрешены были решениями Временного правительства, – цифра производительности заводов в России составила бы к 1922 г. до 1.900 паровозов в год. Расширением существовавших паровозных заводов при заключении с ними долгосрочного договора было бы возможно, как это выяснилось на основании переговоров с ними Министерства путей сообщения – повысить общую цифру паровозостроения в России к 1922 г. до 2.250 – 2.400 паровозов.

Итак, в случае даже развития существовавших заводов оставалась непокрытой потребность в паровозах, не принимая еще во внимание усиленного погашения старого и окончательно расшатанного Первой мировой войной их парка, необходимо было срочно приступить к постройке, по крайне мере, еще одного или двух заводов. Вагоностроительные заводы России исчисляли свою максимальную производительность в 63 тонны товарных и 4.154 пассажирских, неодновременно одни за счет других, вагонов. Это исчисление произведено было при наличности заводов Лильпоп, Рау и Левенштейн в Варшаве (3 тонны товарных вагонов), эвакуированного и еще не восстановленного, и в тот период восстанавливаемых Рижских заводов Русско-Балтийского и «Феникс» (14.300 товарных вагонов), и поэтому должно было быть соответственно уменьшено. Фактическая же производительность заводов обусловливалась долгое время после 1906 г. исключительно наличностью заказов, значительно упавшей из-за перехода железных дорог на усиление нагрузки 750-пудового вагона до 900, затем и до 1.000 пудов, улучшения утилизации наличного уже непосредственно на железных дорогах подвижного состава.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1) Железнодорожное дело. 1917. №№19–20. С. 153.

2) Руднева С.Е. Петроградский отдел Союза инженеров путей сообщения в борьбе с разрухой на железнодорожном транспорте летом 1917 года // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2019. Т. 9. № 6-1. С. 376.

3) Руднева С.Е. Организация снабжения железных дорог России металлами в 1917 году // Актуальные вопросы современной науки и образования. – Пенза, 2020. С. 251.

4) Железнодорожное дело. 1917. №№ 19–20. С. 153.

5) Там же. С. 154.

6) Руднева С.Е. Топливо и железные дороги России в 1917 году // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2020. Т. 10. № 1-1. С. 402.

УДК 355/4

МОРСКАЯ АГЕНТУРНАЯ РАЗВЕДКА В ОКТЯБРЕ 1917 – ФЕВРАЛЕ 1918 ГГ.

Каримов Олег Владимирович
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, Россия, Москва
e-mail: heleg@bk.ru

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы создания органов морской агентурной разведки после Октябрьской революции 1917 г.
Ключевые слова: Первая мировая война, Морской Генеральный штаб, Морское министерство, Особое делопроизводство, морской агент.

NAVAL INTELLIGENCE IN OCTOBER 1917 – FEBRUARY 1918

Karimov Oleg V.
candidate of historical Sciences, associate Professor of history, National University of Oil and Gas «Gubkin University», Russia, Moscow
e-mail: heleg@bk.ru

Annotation. The article deals with the problems of the creation of marine intelligence agencies after the October Revolution of 1917.
Keywords: World War I, Naval General Staff, Maritime Ministry, Special office work, naval agent.

Накануне и в годы Первой мировой войны организацией и ведением военно-морской разведки занималась Иностранная часть [1, с. 84] Морского Генерального штаба (МГШ или Генмор). В 1914 г. из его состава было выделено Особое делопроизводство, руководившее деятельностью морских

агентов. Особое делопроизводство (ОДЕ) осуществляло руководство и формировало задания для русских морских агентов в следующих странах: Германия и Нидерланды (капитан 1 ранга М.М. Римский-Корсаков; Италия и Австро-Венгрия (капитан 2 ранга барон П.Г. Врангель); Франция, Бельгия, Испания и Португалия (капитан 1 ранга В.И. Дмитриев); Великобритания (контр-адмирал Н.А. Волков); Турция (капитан 2 ранга А.Н. Щеглов); Греция (капитан 1 ранга А.А. Макалинский); Швеция и Норвегия (капитан 1 ранга В.А. Сташевский); Дания (капитан 2 ранга Б.С. Безкровный); Япония и Китай (капитан 2 ранга А.Н. Воскресенский); Северо-Американские Соединённые Штаты (капитан 1 ранга Д.С. Васильев).

В своей деятельности морские агенты опирались на утвержденную 27 сентября (10 октября) 1908 г. «Инструкцию военно-морским агентам». Кроме обязательного информирования о состоянии военно-морских сил (ВМС) иностранных государств, предупреждения обо всех важных изменениях и военных приготовлениях страны пребывания, контроля за исполнением заказов Главного управления кораблестроения и снабжений, морским агентам была вменена в обязанность организация «негласной» разведки. Возглавил Особое делопроизводство МГШ опытный разведчик капитан 2 ранга М.И. Дунин-Борковский.

Основными способами получения сведений о ВМС иностранных государствах, для морских агентов были: регулярное участие в маневрах, получение сведений официальным путем из военного и морского министерств страны пребывания, изучение зарубежной прессы. «Инструкция…» ориентировала на сбор сведений с легальных позиций, ограничивая какое-либо использование нелегальной агентуры. Морским агентам приходилось опираться на так называемых «доброжелателей», продававших услуги третьих лиц. Поэтому к началу Первой мировой войны у МГШ практически отсутствовала своя агентурная сеть. Сформировать же ее в условиях войны оказалось достаточно сложной задачей. Немаловажную роль здесь играло то, что на оперативные расходы (оплату организационных

расходов и вознаграждение агентуре) МГШ приходилось регулярно изыскивать и переводить резидентам крупные суммы в рублях и валюте.

Приход к власти большевиков в октябре 1917 г. привел к коренным изменениям во всех сферах государственной деятельности. 8 ноября 1917 г. Второй Всероссийский съезд Советов образовал Комитет по военным и морским делам. Вместо морского министра был назначен народный комиссар по морским делам. При наркоме была учреждена Верховная морская коллегия по управлению бывшим Морским министерством. В ее состав вошли: нарком матрос П.Е. Дыбенко, военный специалист капитан 1 ранга М.В. Иванов, мичман Ф.Ф. Раскольников, матросы С.Е. Сакс и В.В. Ковальский.

Не осталась в стороне от изменений и военно-морская разведка. Поначалу некоторые морские агенты заняли нейтральную позицию, ожидая результатов революции в России, другие сразу не приняли ее и вошли в сношения с союзниками, передавая не только добытые сведения, но и агентуру [2, с. 15]. В качестве примера подобных действий можно привести инициативу сотрудника Особого делопроизводства старшего лейтенанта Р.А. Окерлунда, В октябре 1917 г. он находился в служебной командировке в Амстердаме и регулярно совершал поездки в Лондон и Париж для встреч с представителями английской и французской разведок с целью официального взаимного обмена разведывательной информацией.

В декабре 1917 г. фактически прекратилось финансовое обеспечение зарубежных разведывательных аппаратов Военно-морского флота [3, с. 34]. Столкнувшись с недостатком средств, Окерлунд нашел выход в британской помощи. Он получил одобрение российского морского агента в Лондоне контр-адмирала Н.А. Волкова, который и организовал встречу с начальником английской военно-морской разведки адмиралом Р. Холлом.

В 1999 г. подтверждение этой встрече появилось в книге А. Джадда, расшифровавшего и опубликовавшего дневники первого начальника английской разведки СИС/МИ-6 М.Камминга: «8 декабря в офисе Холла

встретился с адмиралом Волковым и лейтенантом Окерлундом из российской разведки. Они заявили, что их разведывательная служба стоит 15 тыс. фунтов стерлингов. Если мы согласимся с их предложением, то наше Казначейство сможет им выдать такую сумму в качестве аванса» [4]. Договорившись о получении средств, Окерлунд телеграфировал Дунину-Борковскому: «Надеюсь получить 15 000 фунтов стерлингов от англичан за счет России для продолжения нашей работы, что хватает на месяц… Адмиралтейство готово взять все наши полезные им организации со всем личным составом». Однако старший лейтенант предупредил начальника Особого делопроизводства, что без указаний МГШ он передавать агентуру не будет, но «наши сведения пока передаю им» [5, л. 2].

Инициативно вступив в сотрудничество с англичанами, Окерлунд не преследовал цели личного обогащения и, естественно, не являлся врагом своей Родины. Он лишь попытался сохранить работоспособность военно-морской разведки на перспективу, чтобы пока в России решалось: кто же окажется у власти, разведка против Германии не прекращалась. Кстати, Окерлунд перевел полученные средства на оплату агентурных сетей агентов «Барона» (5 тыс.) и «Гого» (10 тыс.) [5, л. 5].

Капитан 1 ранга Дунин-Борковский согласился с позицией офицера и 22 декабря 1917 г. телеграфировал в Лондон: «необходимо стараться сохранить дело для России. Прилагаю все усилия перевести деньги. Вейнмарн (Христиания) по моему приказанию перевел Сташевскому 20 тысяч крон»[5, л. 5]. Одновременно Михаил Иосифович ориентировал о положении в Особом делопроизводстве: «работа в ОДЕ продолжается без контроля, под моей личной ответственностью… шифровалка Генмора контролируется комиссаром, и только работа ОДЕ продолжается без контроля благодаря отдельным шифрам». Он сообщил, что контролируется и вся «бумажная» дипломатическая почта – «вализа просматривается комиссаром. Продолжайте работу, несмотря на все затруднения. Считаю Ваше пребывание в Лондоне очень полезным для дела» [5, л. 8].

Не имея сведений о закулисной деятельности старшего лейтенанта Окерлунда, новое партийное руководство по «политическому чутью» не могло доверить организацию разведывательной работы морским агентам и резидентам, назначенным еще при царской власти. Оно стремились заменить личный состав зарубежных аппаратов разведки политически надежными лицами, которые должны были бы проводить разведывательную деятельность не только в отношении иностранных ВМС, но и осуществлять политическую разведку.

Против этого активно выступил начальник МГШ капитан 1 ранга Е.А. Беренс. 27 января 1918 г. он подробно осветил Верховной Морской коллегии положение морских агентов в новых международных условиях и стоящие перед ними задачи. По словам Беренса, морские агенты назначались после предварительного запроса через МИД разрешения у правительств иностранных государств. Лишь после получения согласия и представления в зарубежном МИД и морском министерстве морской агент мог приступить к своей работе, но сейчас это невозможно «пока не существует еще признания заграничными представительствами нашего, и пока должности послов и посланников остаются незамещенными»[6, л. 1].

По его мнению, если Советская власть в условиях непризнания другими государствами начнет назначать новых морских агентов, то их деятельность сведется к нулю – они будут не в состоянии сноситься нормально ни с властями страны пребывания, ни с руководством ВМС. Таким образом, их роль приравняется к обычному корреспонденту, проживающему в стране на правах частного лица. Это, естественно, сказалось бы на сношениях с Генмором – отправка шифртелеграмм агенту была бы запрещена, а несекретные телеграммы он смог бы отправлять как частные и тогда они будут проходить цензуру. «Те наши агенты, которые находятся сейчас за границей, находятся там уже давно (большинство еще до начала войны), пользуются доверием правительств и адмиралтейств; что, в частности, облегчает переговоры как чисто военные, так и хозяйственные,

связанные с заказами, платежами по их перевозкам, а теперь и ликвидацией. Все эти агенты имеют на руках большие отчетности, которые они должны еще закончить и в них разобраться, должны удовлетворить претензии к нашему морскому ведомству и вообще ликвидировать все многочисленные дела, вызванные войной»[6, л. 2], – объяснял Беренс.

По мнению начальника МГШ, политикой морские агенты не должны были заниматься. Если же необходимость сохранения аппаратов морских агентов Советской властью будет признана, то основной их задачей будет добывание разведывательных сведений о ВМС зарубежных государств и сношение адмиралтейств между собой.

Уже в первые месяцы после революции стало ясно большинство государств отказалось признавать Советскую власть, что незамедлительно отразилось на работе морских агентов: «телеграммы морского агента из США надолго задерживались американской цензурой. В Италии были запрещены к приему шифрованные телеграммы в Петроград от русского морского агента» [6, л. 2].

Беренс пытался доказать Верховной морской коллегии, что замена всех русских морских агентов заграницей крайне неразумна и МГШ необходимо постараться их агентуру сохранить настолько долго, насколько это возможно. Он выступил категорически против радикальных мер по замене всех зарубежных аппаратов, мотивируя это тем, что «коль такие затруднения [*в отправке телеграмм* – прим. авт.] делаются лицам, которых давно знают, у которых с ними [*зарубежными ВМС* – прим. авт.] хорошие и доверительные отношения, то можно наверняка сказать, что новым лицам, если бы их даже желательно и возможно назначить, никогда не удастся сделать и того немногого, что еще могут теперешние агенты. Кроме того, надо иметь в виду, что им придется не только заводить связи и знакомства с адмиралтействами, но и с другими агентами прочих государств, которые в теперешнее время будут долго присматриваться к новым лицам»[6, л. 2].

Однако доклад капитана 1 ранга Беренса был принят Верховной Морской коллегией к лишь сведению.

В этот же день Евгений Андреевич направил в Верховную морскую коллегию рапорт, который был своеобразным актом протеста против недальновидных действий коллегии в отношении военно-морской разведки: «Считаю долгом доложить следующее. Ввиду разногласий, происходящих у меня… с комиссаром Генмора, а также теперь и комиссариатом по иностранным делам, который взял на себя совершенно не присвоенную ему роль разбираться кто из наших служащих в агентствах подходит или не подходит к должности, я как технически ответственный за правильность службы Морского Генерального штаба, не имею более возможности продолжать нести эту ответственность в отношении заграничной части службы Штаба, о чем и докладываю»[6, л. 3].

Чтобы предотвратить назревающий провал в разведывательной работе Е.А. Беренс обратился ко всем морским агентам с разъяснением сложившегося положения в России. Одновременно, исходя из запросов руководства Советской России, он поставил перед морскими агентами новые задачи: «Необходимо внимательно следить за настроениями правящих кругов и широких масс… Надо следить за официальными и полуофициальными органами печати, стараться подмечать и угадывать нарождающееся» [2, с. 15].

В качестве главных задач разведки были указаны, следующие:

- выяснение наиболее авторитетных политических партий, их численности и количества сторонников, военной политики партий, отношения их к России; степень влияния партий на политику правительств, отношение политических партий к роли и значению вооруженных сил, в особенности к флоту и финансированию их развития;

- выяснение экономического положения страны пребывания; особенное внимание необходимо было обратить на международную морскую торговлю,

ее статистику, зависимость государств от торговли и иностранных рынков, экономическая международная программа правительств;

- отслеживание судостроительных программ и непосредственной постройки кораблей, полемика по данному вопросу, выполнение программ; характеристика и состояние промышленности, имевшей отношение к флоту, ее мобилизационных возможностей, роли и значения этой промышленности во внешней политике государств» [6, л. 5].

Начальник МГШ Беренс и начальник Особого делопроизводства Дунин-Борковский попытались сохранить у морских агентов лояльное отношение к событиям в России. Однако Наркомат иностранных дел (НКИД) потребовал прекратить все сношения с агентами, обвиняя последних в непризнании Советской власти. Например, в феврале 1918 г. НКИД в письме комиссару Генмора Ф.Ф. Раскольникову характеризовал морского агента в Лондоне контр-адмирала Н.А. Волкова как «гражданина известного своей реакционной деятельностью» [3, с. 34] (что, как мы видели выше, соответствовало действительности). Беренс вынужден был телеграфировать ему, что получил приказание ликвидировать все заграничные учреждения военно-морской разведки. Приговором разведке звучало: «в создавшейся обстановке никакие сведения использованы быть нами не могут, а потому и продолжение агентурной работы для России является бесцельным» [2, с. 15].

По настоянию комиссара МГШ Раскольникова было принято постановление Верховной морской коллегии, согласно которому приказом по флоту и морскому ведомству от 08 (21) февраля 1918 г. № 163 военно-морские представительства за границей были упразднены, все аппараты морских агентов расформированы и ликвидированы. Самое главное – «ликвидируется и разведка. Первое было сделано помимо Генмора, а второе вопреки его докладу… Затем и Иностранный отдел в Генморе сделался ненужным и упразднен при сокращении штатов» [7, л. 27], – писал Беренс. Уничтожение органов разведки объяснялось по-революционному просто: при изменившемся политическом строе разведка не может выполнять своего

предназначения – морские агенты не одобрили Октябрьской революции, а с Германией уже начались предварительные переговоры о мире и, следовательно, агентурная работа против нее утратила смысл.

15 (28) февраля 1918 г. старший лейтенант Окерлунд получил из МГШ телеграмму от Дунина-Борковского, в которой говорилось: «Я получил приказание ликвидировать все заграничные организации морской разведки… Вследствие этого приказываю Вам: 1) по Вашему усмотрению и соглашению с Адмиралтейством передать им в полное распоряжение наши организации со всем личным составом… 3) Сообщить о происшедшей смене Сташевскому (Стокгольм), Безкровному (Копенгаген), Вейнмарну (Христиания), Спешневу (Амстердам), Яковлеву (Париж) и Макалинскому (Афины) и предложить желающим работу на новых условиях, а я их извещаю, что они получат дальнейшие указания от Вас... 5) Лично Вы свободны поступить по Вашему усмотрению, вследствие перевода флота на вольнонаемные начала, увольнение от службы производится беспрепятственно» [5, л. 14-15].

На следующий день М.И. Дунин-Борковский направил в адрес упомянутых морских агентов телеграмму, в которой предупредил, что «дальнейшие указания по разведке будете получать от Окерлунда из Лондона»[5, л. 16].

Таким образом, к середине февраля 1918 г. по военно-морской разведке был нанесен сильнейший удар. 22 февраля 1918 г. Совет народных комиссаров учредил Народный комиссариат по морским делам (НКМД). Верховная морская коллегия была переименована в коллегию этого наркомата. При НКМД был организован Морской штаб, а в нем было создано Разведывательное отделение Оперативного управления, которое руководило лишь оперативной разведкой флотов и флотилий, агентурная разведка за пределами государства в его сферу деятельности не входила [8], что значительно снижало информированность центральных органов военно-морского управления о планах противника и его военном потенциале.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1) Алексеев М.А. Военная разведка России. От Рюрика до Николая II. М.: Русская разведка, 1998. Т. 2. С. 84.

2) Владимиров О.В. «Следить за настроениями правящих кругов» // Родина. 2011. № 10. С. 15.

3) Владимиров О.В., Могильников В.А. «Я – русский, я – военный, я патриот». Деятельность отечественной военной разведки на примере службы российского морского агента в Швеции, Норвегии и Дании капитана 1 ранга В.А. Сташевского // Военно-исторический журнал. 2004. № 4. С. 34.

4) Alan Judd The Quest for C/ Sir Mansfield Cumming and the Founding of the British Secret Service – London. 2000// Цит. по Ю.Х.Тотров Из истории английской разведки. «Дело Генмора»// http://www.chekist.ru/article/4406

5) Российский государственный архив военно-морского флота (РГАВМФ). Ф. 418. Оп. 2. Д. 102 // Цит. по Ю.Х. Тотров Указ. соч.

6) РГАВМФ. Ф. р-342. Оп. 1. Д. 650.

7) РГАВМФ. Ф. р-342. Оп. 1. Д. 653.

8) Каримов О.В. Советская военно-морская разведка в годы Гражданской войны // Вопросы истории. 2004. № 7. Сс. 131-138.

УДК 94:355(470)

«СОЮЗНИКИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ»: ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ОТНОШЕНИИ ВОЕННОПЛЕННЫХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Гергилева Алла Ивановна

кандидат исторических наук, доцент, заместитель руководителя департамента развития магистратуры и дополнительного профессионального образования, доцент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций, Сибирский федеральный университет, Россия, Красноярск

e-mail: gerg-all@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы о наделении правами и свободами военнопленных Первой мировой войны, находящихся на территории России, после Октябрьской революции; описывается деятельность военнопленных-интернационалистов, получивших политические права, дается характеристика организаций военнопленных и приводятся примеры их идеологических взглядов.

Ключевые слова: военнопленные Первой мировой войны, интернационалисты, октябрьская революция, союзы военнопленных социал-демократов.

«ALLIES OF THE RUSSIAN REVOLUTION»: POLITICAL AND IDEOLOGICAL TASKS OF THE SOVIET AUTHORITY IN RELATION TO THE PRISONERS OF WAR OF THE FIRST WORLD WAR

Gergileva Alla I.

candidate of historical Sciences, associate Professor, Deputy Head of the department for the development of Master's and additional professional education, associate Professor of the department of History of Russia, World and Regional civilizations, Siberian Federal University, Russia, Krasnoyarsk

e-mail: gerg-all@mail.ru

Abstract. The article deals with the issues of granting rights and freedoms to prisoners of war of the First World War, who are on the territory of Russia, after the October Revolution; describes the activities of internationalist prisoners of war who received political rights, describes the organizations of prisoners of war and gives examples of their ideological views.
Key words: prisoners of war of the First World War, internationalists, October Revolution, unions of prisoners of war of social democrats.

Революции, прошедшие в России в начале XX века, отражали наиболее ярко всю борьбу, связанную с завоеванием свобод для большинства населения страны. В эту борьбу за защиту своих прав и свобод были невольно втянуты и иностранные военнопленные Первой мировой войны, томившиеся в плену на территории России уже более трех лет, хотевшие мира и скорейшего возвращения на родину.

Октябрьская революция существенно ускорила классовое размежевание в среде военнопленных, это способствовало тому, что левые политические силы стали выдвигать через Советы рабочих и солдатских депутатов требования, уравнивавшие военнопленных в правах с русскими рабочими. «Октябрьская революция совершенно освободила военнопленных от всякой опеки и надзора…» [4, с. 520]. По стране прокатились массовые митинги в поддержку победившей революции, в них принимали участие и военнопленные. Так, на митинге военнопленных в Екатеринбурге, организованном в начале ноября 1917 года, была принята резолюция, в которой заявлялось: «Мы выражаем нашу полную солидарность с русской революцией…» [1, с. 111]. 8 декабря 1917 года за подписью 11-ти венгерских военнопленных социал-демократов интернационалистов Омского лагеря было направлено приветствие в Смольный: «Мы стали союзниками русской революции и идем теперь вместе с вами» [9, с. 81].

При всем восторге пленных основная их масса сочла Октябрьскую революцию, как ранее Февральскую, внутренним делом России, видя в ней «начало эры отъезда на родину». Большинство пленных офицеров не просто не приняли революции в России, но и посчитали опасной «заразу

большевизма» для остальных пленных. Военнопленные офицеры настойчиво выступали за нейтралитет пленных и их изоляцию от классовой борьбы русских рабочих. Призывы не вмешиваться в дела русских и добиваться отправки домой, в отличие от интернациональных лозунгов, поддержанных наиболее радикальными пленными, были самыми популярными в их среде.

Декрет о мире, принятый 8 ноября (26 октября) 1917 г. стал одним из основополагающих актов советского правительства, и как решили военнопленные определяющим их судьбу.

Многие военнопленные в основном из числа солдат встали на сторону российских революционеров, так как советским правительством проводился ряд мер по улучшению их социально-экономического положения: отмена тюремно-лагерного режима, уравнение оплаты труда с местными рабочими, введение 8-ми часового рабочего дня и другое.

В улучшение правового и материального положения попали военнопленные, принявшие идеалы революции и активно участвовавшие в революционной борьбе. Другие пленные, которые восприняли революцию как возможность скорейшего возвращения домой, и потому не способствовавшие решению политических и идеологических задач советской власти, воспринимались её либо как «пассивные массы», с которыми надо проводить усиленную пропагандистскую работу, либо, в случае дальнейшего сопротивления, как «контрреволюционные элементы.

После Октябрьской революции активисты из среды военнопленных развернули при помощи большевистских организаций работу по привлечению широких масс зарубежных трудящихся на сторону Советской республики. В этом им помогали органы государственной власти на местах. Ими являлись местные областные (до сентября 1918 года) губернские, уездные, волостные и сельские Советы.

Еще 17 декабря 1917 г. в Москве в гостинице «Дрезден», где помещался МК РСДРП(б), состоялось собрание более 200 военнопленных-интернационалистов. В собрании участвовали и представители московских

большевиков. Открывая собрание, австрийский социал-демократ А. Эбенгольц отметил, что советское правительство предоставило пленным право создавать свои организации и что они считают своим долгом принять участие в революционном движении. Тогда же был организован «Союз военнопленных социал-демократов интернационалистов», утвержден устав и избран комитет союза. В состав комитета вошли А. Эбенгольц (председатель), немец Э. Рейтер, венгр Ф. Янчик, чех А. Кольман и др. [13].

При Союзе военнопленных социал-демократов интернационалистов была образована группа агитаторов, и которую вошли венгры Г. Самуэли и Голлендер, немец Р. Роткегель, болгарин Г. Михайлов, румын М. Гуйю, серб П. Лазич и др. С удостоверениями от комитета агитаторы выезжали в лагеря военнопленных, расположенных в Рязани, Ярославле, Калуге, Епифани.

Аналогичные организации возникали и в других местах России. Венгерская социал-демократическая организация возникла во второй половине декабря 1917 года. 31 декабря президиум Омского Совета рабочих и солдатских депутатов заслушал ходатайство военнопленных венгерских социал-демократов (большевиков) об организации партийного комитета и постановил удовлетворить эту просьбу [5, л. 32].

8 января 1918 г. венгерская организация провела собрание военнопленных-венгров, а также румын, знакомых с венгерским языком, в нем учувствовало до 300 человек. Выступавший от имени Омского комитета РСДРП (б) А.А. Григорьев призывал к организации для борьбы с мировым империализмом, К. Лигети говорил о значении русской революции и необходимости её поддержки рабочими всех стран.

Вслед за тем были созданы революционные группы военнопленных других национальностей. К февралю 1918 года они образовали «Омскую организацию интернациональной социал-демократической рабочей партии» в составе шести секций: венгерской, немецкой, чехословацкой, румынской, австрийской и польской. Омский комитет иностранных интернационалистов оказал большое влияние на организацию военнопленных в Западной Сибири.

В ответ на письма с мест он указывал: «Создавать организации надо на интернациональной, революционной, социал-демократической основе» [2, с. 110].

Выполняя решение Уральской конференции РСДРП(б) от 5 (18) января 1918 года, в котором областному комитету партии поручалось «обратить самое серьезное внимание на работу по организации военнопленных, на агитацию и пропаганду среди них» [1, с. 278-279], екатеринбургские большевики содействовали образованию «Союза социал-демократов интернационалистов военнопленных Урала». Екатеринбургская организация союза, насчитывавшая к февралю до 1 тыс. членов, имела три секции - немецкую, венгерскую и польскую [14]. Во главе организации стоял Исполнительный комитет под председательством немецкого интернационалиста О. Фильтера.

При активном участии Томского комитета большевиков в городе на общем собрании революционно настроенных военнопленных 28 января (10 февраля) 1918 г. оформилась «Интернациональная социал-демократическая партийная организация» во главе с венгерскими интернационалистами Ф. Мюннихом и К. Рейнером, австрийцем М. Юнгом и др. [6].

Создание и деятельность интернациональных революционных организаций военнопленных проходила в условиях непринятия идеалов революции многими военнопленными. Например, военнопленные-офицеры, проникнув 25 января (7 февраля) 1918 г. на собрание революционных пленных солдат в Челябинске, попытались помешать образованию организации социал-демократов интернационалистов [8]. Р. Роткегель, военнопленный немец, отмечает в своих воспоминаниях, что «контрреволюционные элементы стремились помешать вступлению солдат-военнопленных в революционные организации» [12, с. 233]. В Костроме, например, офицеры-военнопленные образовали комитет, который занимался милитаристской агитацией, призывая защищать национальные интересы.

Офицеры-военнопленные в Барнауле угрожали агитаторам-интернационалистам расправой по возвращении из Советской России.

К концу 1917 года интернациональные революционные организации военнопленных были созданы в Иваново-Вознесенске, Твери и Серпухове, в январе-феврале 1918 года – в Туле, Ярославле, Канске, Балашове, Самаре, Симбирске, Нижнем Новгороде, Смоленске, Костроме. Работу среди пленных вели «Совет военнопленных социал-демократов» в Барнауле, «Группа иностранных коммунистов» в Саратове, «Социалистическая организация военнопленных» в Боровске и другие интернационалистские группы и организации. «Вот у нас наступила пора перемен… Мы, наконец, обрели полную свободу», – говорил Ийожеф Бернат, пленный из Красноярска.

Представители многих философских школ считают, что прогресс – это движение к какой-то определенной цели, цели же существуют только для человека, для истории они просто не возможны. Так, например, К.Р. Поппер считает, что прогрессировать может только человек, защищая, например, демократические институты, от которых зависит свобода [11, с. 49]. Трактуя философа, можно говорить о том, что военнопленные восприняли участие в жизни России как возможность вернуться на родину, и нужно было действовать исходя из условий, предоставляемых той или иной политической властью.

Меры для обеспечения внутреннего самоуправления военнопленных тоже были частью программы предоставления определенных свобод советским правительством военнопленным. В ряде мест возникают Советы военнопленных. 3 марта 1918 г. в Томске собравшиеся военнопленные избрали Совет из 25 человек. При Совете был создан революционный трибунал. В распоряжении Совета находился отряд Красной гвардии из военнопленных, поддерживающий порядок в лагере. В апреле Совет создал несколько секций: агитационную, военную, по оказанию материальной помощи нуждающимся военнопленным, по устройству их на работу.

Помимо административных и хозяйственных функций Советы выполняли роль политических организаций, увязывая свою работу с деятельностью российских Советов рабочих и солдатских депутатов, участвовали в совместных делах.

В один из мартовских дней 1918 года газета «Красноярский рабочий» писала, что в воскресенье 10 марта Ачинский Совет рабочих и солдатских депутатов организовал демонстрацию. К часу дня на городской площади против исполнительного комитета собрались вооруженные рабочие Ачинско-Минусинской и Томской железной дорог, с оркестром музыки подошла революционная рота, а вслед за ней несколько сот пленных разных национальностей со своими знаменами, – информировала читателей газета.

Часто вопросы о работе Советов становились предметом обсуждения на заседаниях исполкомов Советов рабочих и солдатских депутатов. В середине марта в Большом зале Барнаульского исполкома собравшиеся депутаты прослушали рассказ председателя Совета военнопленных О.Гроссфельдера о делах и свободах его коллег.

Свобода, полученная иностранными трудящимися, дала им возможность участвовать в выборах в Российские Советы рабочих и солдатских депутатов, быть там людьми, которых понимают, с мнениями которых считаются.

17 февраля 1918 г. прошло событие избирателей из числа военнопленных по выборам в Омский Совет рабочих и солдатских депутатов. На нем присутствовало более 600 человек. Единодушно они проголосовали за Кароя Лигети, Йожефа Рабиновича и Йожефа Шомолаи.

Советское правительство учитывало то обстоятельство, что вслед за выходом России из войны неизбежно последует возвращение военнопленных на родину. Поэтому уже на легальной основе была развернута широкомасштабная агитационно-пропагандистская компания среди военнопленных в духе антиимпериализма и международной классовой солидарности. Специально созданные структуры для реализации

идеологической политики ставили задачи: «организации революционных пленных, борьбы с контрреволюционными элементами среди них, агитации и пропаганды идеи мира среди народов…» [7]. При возвращении домой военнопленные объявили мир как один из результатов русских революций. Например, словенские пленные были воодушевлены восстаниями солдат в австро-венгерской армии весной 1918 года под миролюбивыми лозунгами.

21 февраля 1918 г. на заседании Всероссийского бюро пленных с участием Петроградского Военно-революционного комитета военнопленных было решено: срочно возбудить перед ВЦИК ходатайство об уравнении прав военных и гражданских пленных Германии, Австро-Венгрии и Болгарии с правами русского пролетариата, т.е. предоставить пленным рабочим свободу труда, проживания право вступления в профсоюзы и другие рабочие организации и право иметь представителей в местных Советах; приступить к созданию по всей России среди пленных Революционных комитетов, их задачи – организация революционных пленных, борьба с контрреволюционными элементами среди них, агитация и пропаганда идеи мира среди народов, культурно-просветительская деятельность между пленными; предложить Советам на местах отделить военнопленных пролетариев от контрреволюционеров, особенно от офицеров, которых сконцентрировать в отдельные казармы под строгим надзором и наблюдением; приступить к подготовке созыва Всероссийского съезда военнопленных; выделить при Бюро национальные отделы: немецкий, венгерский, сербский, польский, чехословацкий и др.; создать информационный отдел с целью издания газет, брошюр и листовок и распространения их по всей России, а также для инструктирования делегатов с мест» [10].

В апреле 1918 г. в Москве состоялся Всероссийский съезд военнопленных, на нем присутствовало 256 делегатов. Важнейшим вопросом Съезда было возвращение военнопленных на родину. Как отмечалось в документах съезда: «Возвратиться домой или остаться здесь – это зависит от

доброй воли каждого. В интересах революции эти люди должны отправиться домой» [3, с. 112]. Подобный съезд военнопленных Сибири и Дальнего Востока прошел в это же время в Иркутске.

Кропотливая агитационная работа большевиков среди военнопленных принесла свои плоды. Акцент делался на том, что военнопленные в большей своей массе были простыми тружениками, рабочими и крестьянами, мирно выполнявшими свою работу. «Пролетарское правительство», борясь за экономические и политические права российских рабочих, приравнивало и военнопленных к этой категории. Желавшие скорого возвращения на родину военнопленные видели единственный возможный выход из сложившейся ситуации, принять участие в событиях, происходивших на территории их плена, в том числе и в различных съездах-военнопленных, митингах, акциях, позволяющие на деле почувствовать свободу. Можно сказать, что большевики были отличными психологами, предоставляя политические права и свободы, желающим, военнопленным-интернационалистам, одновременно шел процесс их идеологической обработки и подготовки из них ярых коммунистов, последние оставались среди военнопленных, распространяя идеи социалистического братства и мировой социалистической революции. Таким образом, политический расчет советского правительства был вполне оправдан, расширение прав и свобод военнопленных дало свои результаты.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1) Большевики Урала в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции. Сборник документов и материалов. – Свердловск. Средне-Уральское книжное изд-во, 1957. 395 с.

2) Венгерские интернационалисты в Великой Октябрьской социалистической революции: Сб. / сост. Е. Дьеркеи, А. Йожа – М.: Воениздат, 1959. 322 с.

3) Венгерские интернационалисты в Октябрьской революции и Гражданской войне в СССР. Т. 1. М.,1968. 511 с.

4) Военнопленные империалистической войны. // Сибирская советская энциклопедия /Сост. В.Д. Вегман – Новосибирск, Т. 1: А – Ж / под общ. ред. М.К. Азадовского [и др.]. Сиб. краев. изд-во, 1929. 988 стб.

5) Государственный архив Омской области. Ф. 662-Р. Оп. 1. Д. 16.

6) Знамя революции (Томск). 19 февраля 1918.

7) Известия Комитета Советских организаций Забайкальской области. 4 апреля 1918.

8) Известия Челябинского Совета. 31 января (12 февраля) 1918.

9) Копылов В.Р. Зарубежные интернационалисты в Октябрьской революции. / В.Р. Копылов. М.: Мысль, 1977. С. 81.

10) Омский вестник. 3 марта 1918.

11) Поппер, К.Р. Нищета историцизма / К.Р. Поппер. // Вопросы философии. 1992. № 8. С.49 - 79.

12) Роткегель Р. Воспоминания. // Новая и новейшая история. – № 5. – 1957. - С. 231 - 237.

13) Социал-демократ. 20 декабря 1917.

14) Уральский рабочий. 28 февраля 1918.

УДК 94(47)

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 Г. И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ: КОММЕМОРАЦИЯ В ЦАРИЦЫНЕ – СТАЛИНГРАДЕ 1920-1930-Х ГГ.

Воробьев Евгений Петрович

кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-политических наук, Московский государственный технический университет гражданской авиации, Россия, Москва

e-mail: vorobyev@bk.ru

Аннотация. В статье рассматривается актуализация событий революции 1917 г. и гражданской войны в государственной политике 1920–1930-х гг. Празднование годовщин Октябрьской революции и обороны Царицына, изменения в городской среде закладывали основу для официальной трактовки прошлого, для превознесения избранных героев и очернения неугодных участников событий 1917-1920 гг.

Ключевые слова: коммеморация, революция 1917 г., гражданская война в России, Царицын, Сталинград

REVOLUTION OF 1917 AND THE CIVIL WAR IN RUSSIA: COMMEMORATION IN TSARITSYN-STALINGRAD OF THE 1920S-1930S

Evgenii P. Vorobiev

candidate of historical Sciences, associate Professor of history Moscow State Technical University of Civil Aviation, Moscow, Russian Federation

e-mail: vorobyev@bk.ru

Abstract. The article deals with the actualization of the events of the 1917 revolution and the Civil War in the state policy of the 1920s-1930s. The celebration of the anniversaries of the October Revolution and the defense of Tsaritsyn, changes in the urban environment laid the

foundation for the official interpretation of the past, for the exaltation of the chosen heroes and denigration of objectionable participants in the events of 1917-1920.
Key words: commemoration, revolution of 1917, civil war in Russia, Tsaritsyn, Stalingrad

В первые годы Советской власти для утверждения новой системы ценностей было необходимо придать Октябрю 1917 г. и борьбе большевиков за власть особое значение в массовом сознании. Уже первую годовщину Октябрьской революции власти постарались сделать всеобщим праздником. В Царицыне была разработана многодневная программа торжеств [2, л. 27-30, 65-67].

К годовщине революции приурочили открытие клуба Коммуны, Дворца искусства, 1-го пролетарского политехникума, Прифронтового университета [2, л. 40; 11, л. 14]. В праздничные дни шла работа с молодежью. 7 ноября 1918 г. был устроен вечер для учащихся гимназий им. В.Г. Белинского и им. Л.Н. Толстого с разъяснением смысла нового праздника и принципов новой школы. Ученический оркестр исполнял революционные песни, был поставлен водевиль, завершилось мероприятие чаепитием и танцами. 8 ноября был объявлен Всероссийский день «Юная Россия», по поводу которого состоялась лекция Я.А. Александрова «Деятели искусства из народа». На стенах лекционной аудитории висели портреты К. Маркса, В. Ленина, Л. Троцкого, А. Луначарского, М. Горького. На концерте «Юной России» исполнялись романсы, музыкальные пьесы, читались стихотворения [5, с. 4].

Формирование исторической памяти происходило через переименования: школы в Царицыне назвали в честь Совнаркома, Интернационала, 27 февраля 1917 г., 25 октября 1917 г., 1 Мая, К. Маркса, Ф. Энгельса, А. Бебеля, К. Рылеева, А. Герцена, М. Бакунина, С. Перовской, М. Горького. Всего произошло более 70 переименований учебных заведений города [1, л. 9-11].

Подвиг героев-революционеров должна была зафиксировать для

будущих поколений Комиссия по истории Октябрьской революции и истории Коммунистической партии. В Царицыне губернское бюро Истпарта было создано в 1922 г. Результатом его деятельности стали воспоминания, которые хранятся в Государственном архиве Волгоградской области. Эти источники свидетельствуют о снабжении частей Красной армии, о добровольности их формирования рабочими, о нехватке боевого опыта. Так, участник событий Клопов, отмечает, что бойцы собирали брошенное оружие, которого хватало с избытком, в том числе пулеметов, кухонь и медикаментов [3, л. 63]. Помощник командира Красной гвардии Петренко указал, что по требованию заводчан им привезли два вагона винтовок, но выдавать оружие власти опасались [4, л. 2]. Красногвардеец И.П. Крыгин отметил, что «рабочие в засаленных спецовках, пиджаках, почти необученные военному строю, владению оружием упорно сражались» [3, л. 53].

С середины 1920-х гг. формирование исторической памяти получило более прочную научную основу. В 1925 г. была издана книга лидера царицынских большевиков С.К. Минина [6], усилившая тенденцию выделения обороны Царицына в особую страницу истории противостояния на Юге России в 1918-1919 гг. В 1928 г. С.К. Минин был награжден орденом Красного Знамени за заслуги в годы гражданской войны, он считался в массовом сознании одним из главных героев обороны Царицына, хотя его здоровье и позиции в партийной иерархии неуклонно слабели [7, л. 1-14]. К 10-летнему юбилею Великого Октября была составлена подробная хроника событий [12], что позволило исследователям создать обобщающий труд о революции 1917 г. в Царицыне [13].

В 1920-е гг. процесс коммеморации событий революции 1917 г. и гражданской войны осуществлялся с помощью праздничных мероприятий, установления памятников погибшим героям борьбы за Советскую власть, переименования районов, улиц и площадей Царицына, а в 1925 г. и самого города.

В 1923 г. Губернская комиссия по организации празднования 6-й

годовщины Октябрьской Революции разработала очередной план торжеств [8, л. 6-6об.]. Несмотря на последствия голода в Нижнем Поволжье предлагалось декорирование и иллюминация улиц города, общественных учреждений, театров и клубов, улучшение питания красноармейцев, воспитанников детдомов и учащихся школ, привлечение театров и печати для популяризации праздника. С этой целью предприятиям и учреждениям предписывалось приурочить ко дню торжеств выдачу зарплаты рабочим и служащим, в театрах и кинотеатрах бесплатно показывать революционный репертуар. Нерабочие дни объявлялись с 6 по 8 ноября за счет сокращения Рождества и Пасхи.

6 ноября 1923 г. состоялись вечера воспоминаний, а 7 ноября – парад. Художественное оформление Царицына включало праздничное освещение и салют. В докладе о проведении мероприятий подчеркивался массовый энтузиазм, шествия и демонстрации прошли с большим подъемом и пением революционных песен, театры и кино в праздничные дни были переполнены [8, л. 10-12].

Комиссия по празднованию 6-й годовщины Октябрьской революции приняла решение о продолжении переименований в Царицыне. Александровская площадь стала Октябрьской, Гоголевская – площадью Павших борцов, Троицкая – Свободы. Предтеченская улица была названа в честь Л.Д. Троцкого, Троицкая в честь М.С. Урицкого, Успенская в честь В.И. Ленина. В топонимике города были увековечены имена С. Разина, С. Халтурина, С. Минина, Я. Ермана, М. Калинина, В. Чапаева. Всего состоялось 41 переименование [8, л. 7].

На местах захоронений защитников Царицына устанавливались памятные знаки. В 1923 г. у братской могилы жертв белогвардейского террора на площади Павших борцов был возведен деревянный памятник, в 1925 г. он был заменен каменной стелой. К 8-й годовщине Великого Октября на братской могиле в Комсомольском саду был поставлен монумент в виде сцементированных между собой булыжников. Захоронения павших воинов

стали главными местами памяти о борьбе за Советскую власть.

С возвышением И.В. Сталина в руководстве СССР росла мифологизация его роли в обороне Царицына. Вместе с вождем Советского государства главными героями борьбы с белыми на Юге России стали сталинские соратники К.Е. Ворошилов, С.М. Буденный, а также погибшие руководители Красной армии и партии большевиков А.Я. Пархоменко, Я.З. Ерман, И.В. Тулак, Н.А. Руднев. Многие защитники «Красного Вердена», которых сначала превозносили, потом были очернены, как С.К. Минин, и репрессированы.

2 января 1935 г. состоялось заседание Сталинградского съезда Советов, посвященное 15-летию освобождения Царицына от белой армии. Среди ораторов выделялся бывший комиссар Царицынского фронта Е.А. Щаденко, который осветил оборону города через призму собственной деятельности, характеризуя контакты с И.В. Сталиным, С.К. Мининым, Я.З. Ерманом, штабом Северо-Кавказского военного округа, показывая противоречия между руководителями по поводу полномочий и снабжения воинских частей. Этот доклад помощника начальника Военной Академии РККА отразил ситуацию военного времени, в которой многое зависело от отношений между командирами и уровня дисциплины во вверенных им войсках [10].

Выступление бывшего комиссара одной из воинских частей 10-й армии И.Ф. Ткачева отличалось восхвалением И.В. Сталина и К.Е. Ворошилова, а также Д.П. Жлобы, удар Стальной дивизии под командованием которого сорвал наступление белых в октябре 1918 г. [9]. В 1938 г. Ткачев и Жлоба были арестованы по ложным обвинениям и расстреляны, а их вклад в защиту Царицына был предан забвению.

В 1920-1930-е гг. коммеморация событий 1917-1920 гг. претерпела значительную эволюцию. На начальном этапе борьба за власть Советов воспринималась как целостный процесс. Активную роль в сохранении исторической памяти играли участники обороны Царицына и органы власти, которые через организацию праздников, переименований, мест памяти и

научно-публицистической работы способствовали тому, что в массовом сознании Октябрьская революция заняла значительное место. В 1930-е гг. политический режим использовал коммеморационные практики в Сталинграде для создания образа Сталина как выдающегося руководителя и полководца.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1) Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 99.

2) ГАВО. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 102.

3) ГАВО. Ф. Р-346. Оп. 1. Д. 13.

4) ГАВО. Ф. Р-346. Оп. 1. Д. 31.

5) Жизнь наша. №1. 8 дек. 1918 г.

6) Минин С.К. Город-боец. Шесть диктатур 1917 года (Воспоминания о работе в Царицыне). – Л., 1925. 247 с.

7). РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 543.

8) РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 676.

9) РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 136.

10) РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 906.

11) РГВА. Ф. 100. Оп. 2. Д. 128.

12) 1917 год в Сталинградской губернии / Сост. Г.Т. Гаврилов; Под ред. Н.Н. Соколова. Сталинград, 1927. 271 с.

13) Романов И., Соколов Н. Очерк истории революции 1917 г. в Царицыне (Сталинграде). Саратов, 1932. 104 с.

УДК 623.123

ПЕРВАЯ СОВЕТСКАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ В МОСКВЕ (1918 г.)

Куканов Андрей Игоревич

заведующий организационным сектором, Второе управление Правительства Москвы, Россия, Москва

e-mail: kukanov_andrei@mail.ru

Аннотация. В статье отражены вопросы проведения летом 1918 г. мобилизации в Москве и ее итоги.

Ключевые слова: военный отдел, военный комиссариат, мобилизация, Народный комиссариат по военным делам, Моссовет.

THE FIRST SOVIET MOBILIZATION IN MOSCOW (1918)

Kukanov Andrey I.

head of the organizational sector, The second Department of the Moscow Government, Russia, Moscow

e-mail: kukanov_andrei@mail.ru

Annotation. The article reflects the issues of the mobilization in Moscow in the summer of 1918 and its results.

Keywords: military department, military commissariat, mobilization, People's Commissariat for Military Affairs, Moscow Council.

После Октябрьской революции 1917 года, в рамках создания новой системы управления страной, в Советской России выделялась работа Народного комиссариата по военным делам, связанная с формированием местных органов военного управления.

В инструкции Всероссийской коллегии Народного комиссариата по военным делам, опубликованной 10 февраля 1918 г., разъяснялось, что «создание Красной армии и управление ею на местах возлагаются на местные, уездные, губернские и областные (краевые) Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Для этого при них создаются военные отделы». 13 февраля Народный комиссариат по военным делам предписал всем Советам и солдатским комитетам немедленно создать военные отделы и сеть вербовочных пунктов, приступить к записи добровольцев в ряды Красной армии [2, с. 72].

Так как военные отделы формировались на базе Советов, то успех в решении поставленных задач напрямую зависел от способностей новой власти на местах.

В то время обстановка для Советской России значительно обострилась. 21 февраля 1918 г., когда войска Германии перешли в полномасштабное наступление, В.И. Ленин подписал от имени ЦК партии большевиков и советского правительства знаменитое воззвание «Социалистическое Отечество в опасности». 22 февраля Верховный главнокомандующий Н.В. Крыленко объявил «революционную мобилизацию», ответственность, за реализацию которой, была возложена на районные советы и районные штабы Красной армии.

На заседании исполкома Моссовета 25 февраля отмечалось, что «запись добровольцев в Красную армию идет очень успешно. Есть много фабрик и заводов, где рабочие записываются поголовно». К концу февраля около 20 тыс. москвичей состояли в красноармейских отрядах и батальонах [1, с. 104].

Однако добровольческий подход комплектования Красной армии не обеспечивал создания массовой вооружённой силы. Уставшее от войны население неохотно вступало в ряды Красной армии. К 1 апреля 1918 г. она насчитывала лишь 153,7 тыс. чел. Нарком по военным делам Л. Д. Троцкий,

выступая 22 апреля 1918 г. на заседании ЦИК, вынужден был признать, что «армия ныне отсутствует» [4, с. 617].

Высший военный совет 31 марта 1918 г. своим приказом объявил о создании шести военных округов. Новая система военно-окружного управления требовала создания местного военно-окружного аппарата, который опирался бы на местные Советы, но в то же время являлся бы проводником директив военно-окружного совета.

Такой аппарат пришел на смену военным отделам. СНК РСФСР 8 апреля 1918 г. принял декрет об учреждении волостных, уездных, губернских и окружных комиссариатов по военным делам. В задачи военным комиссариатам стали входить мероприятия по учету годного к военной службе населения, его призыву, формированию вооруженной силы, обучению военному делу, управлению войсками, предназначенными для обслуживания местных нужд, и удовлетворению материальных потребностей военного снабжения. В отличие от военных отделов, которые создавались только в губернских и уездных Советах, новые органы военного управления были созданы и в волостном, и в окружном звене.

В этом направлении Москва шла впереди. Еще до издания указанного декрета приказом Московского областного военного комиссариата 11 марта 1918 г. при Московском совете был учрежден Военный комиссариат Москвы во главе с коллегией, в которую вошли Я.Я. Пече, Р.И. Берзин, А.А. Уваров.

В этот же день Президиум Моссовета принял постановление о введении в Москве принудительной воинской повинности для лиц призывного возраста, об очередности вооружения формируемых частей, об использовании офицеров старой армии.

Летом 1918 г. после короткого перемирия против молодого Советского государства выступили объединенные силы внутренней и внешней контрреволюции. Характеризуя тогдашнее положение Советской Республики, В.И. Ленин указывал: «Мурманск на севере, чехословацкий фронт на востоке, Туркестан, Баку и Астрахань на юго-востоке – мы видим,

что почти все звенья кольца, скованного англо-французским империализмом, соединены между собой».

29 мая 1918 г. в Москве было объявлено военное положение [3, с. 50-51]. В этот же день постановлением ВЦИК было объявлено о переходе к всеобщей мобилизации рабочих и беднейших крестьян в Рабоче-крестьянскую Красную армию. В постановлении говорилось о необходимости безотлагательного перехода к принудительному набору одного или нескольких возрастов [3, с. 50].

Народному комиссариату по военным делам необходимо было разработать в недельный срок план осуществления принудительного набора. При этом Московскому совету предписывалось принять самое энергичное и деятельное участие в работе военного комиссариата по исполнению возложенных на него задач.

Уже 17 июня 1918 г. декретом СНК о призыве на военную службу рабочих рождения 1896 и 1897 гг. была объявлена первая мобилизация в Москве. Призыву подлежали все рабочие, постоянно и временно проживающие в городе Москве и его пригородах. Очевидно, что успешность проведения в жизнь такого решения полностью зависело от военного комиссариата города Москвы.

Для приема на военную службу рабочих в городе Москве при каждом районном комиссариате по военным делам были образованы приемные комиссии и высшая комиссия при комиссариате по военным делам города Москвы в соответствии с Наставлением о порядке приема на военную службу рабочих и крестьян (приказ Народного Комиссариата по военным делам от 12 июня 1918 г.).

Москвичи должны были явиться в районный комиссариат по военным делам того района, где находилась фабрика или промышленное заведение, на котором служит рабочий. При себе необходимо было иметь паспорт или иной документ, удостоверяющий личность и возраст, а также документ о прежней военной службе. Лица, не имевшие названных документов или

имевшие документы, свидетельствующие об освобождении их от военной службы при ранее бывших призывах, также обязаны были явиться в комиссариаты.

Если призываемый не смог представить документа, удостоверяющего его возраст, то приемная комиссия имела право определить его возраст по наружному виду. На предприятия и частные лица, у которых состояли на службе подлежащие призыву рабочие, возлагалась обязанность своевременно освободить их от занятий, немедленно выдать им необходимые документы.

От явки по призыву никто не освобождался, кроме лиц, имевших очевидные наружные признаки негодности к военной службе (калеки), одержимых тяжкими болезнями, препятствующими личной явке. От приема же на военную службу освобождались комиссиями только лица, недостойные служить в армии по своим нравственным качествам. Все принятые на военную службу лица должны были пробыть на действительной военной службе в течение шести месяцев.

За четыре дня с 21 по 24 июня было призвано свыше 8 тыс. человек. К концу июня в Москве было сформировано свыше 50 отрядов, насчитывавших около 60 тыс. человек. К концу июля 11 пехотных и кавалерийская дивизий Московского военного округа, в составе которых было значительное число москвичей, были готовы вступить в бой. Формировались 12 резервных полков и отрядов [1, с. 115]. В августе-сентябре было проведено еще девять призывов. До конца 1918 г. в столице было призвано в Красную армию более 100 тыс. человек [3, с. 51]. Мобилизация прошла быстро и организовано.

На 7-м Всероссийском съезде Советов Л.Д. Троцкий отмечал: «Первая мобилизация была серьезным испытанием для нашего военного аппарата и в известном смысле для нашей советской системы. Мы нелегко решались провести первую мобилизацию в Москве, которая охватывала летом прошлого года (1918 г.) всего 10 000 рабочих… Она прошла удачно, что позволило нам этот опыт постепенно расширить на всю страну» [5, с. 83].

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1) Алещенко Н.М. Московский Совет в 1917–1941 гг. М.: Наука, 1976. 592 с.

2) Военные комиссариаты: История создания и развития (1918–2018 гг.) // Министерство обороны Российской Федерации. М.: АО «Красная Звезда», 2018. 368 с.

3) Ленинские декреты о Москве. М.: Московский рабочий, 1978. 520 с.

4) Макаревич О.Л. Постановка мобилизационной работы и комплектование Красной армии людскими ресурсами в годы Гражданской войны в России (1918–1922) // Вестник Удмуртского университета, 2020. Т. 30. № 4. 727 с.

5) 7-й Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. Стенографический отчет. М.: Государственное издательство, 1920. 282 с.

УДК 94(47)

И.В. СТАЛИН В ЦАРИЦЫНЕ (ПО ВОСПОМИНАНИЯМ Ф.С. АЛЛИЛУЕВА)

Лытова Жанна Юрьевна
кандидат исторических наук, заместитель заведующего отделом «Мемориально-исторический музей», ФГБУК «Государственный историко-мемориальный музей-заповедник «Сталинградская битва»
e-mail: mim1937@rambler.ru

Аннотация. В статье на основе воспоминаний Ф.С. Аллилуева, который в 1918 г. во время пребывания И.В. Сталина в городе Царицыне, был его личным секретарем, дается представление о местах пребывания Иосиф Виссарионович в городе, а также о некоторых его поездках и встречах.
Ключевые слова: Царицын; Гражданская война в России; И.В. Сталин; Ф.С. Аллилуев.

I.V. STALIN IN TSARITSYN (FROM THE MEMORIES OF F.S. ALLILUEV)

Lytova Zhanna Y.
candidate of historical Sciences, Deputy Head of the Department «Memorial and Historical Museum», Federal State Budgetary Institution of Culture «State Historical and Memorial Museum-Reserve "Battle of Stalingrad»
e-mail: mim1937@rambler.ru

Abstract. In the article based on the memoirs of F.S. Alliluyev, who in 1918 during the stay of I.V. Stalin in the city of Tsaritsyn, was his personal secretary, an idea is given of the places of stay of Joseph Vissarionovich in the city, as well as some of his trips and meetings.
Key words: Tsaritsyn, The Civil War in Russia, I.V. Stalin, F.S. Alliluyev.

События Гражданской войны в России занимают особое место в исторической науке и продолжают оставаться актуальными среди общественности. Одним из аспектов военного периода является деятельность Иосифа Виссарионовича Сталина в Царицыне в 1918 г.

В годы войны уездный город Саратовской губернии Царицын в стратегическом отношении представлял особенную важность. Он располагался на перекрестке ключевых транспортных артерий, а сточки зрения географического положения был препятствием для формирования сплошного фронта армий белого движения.

29 мая 1918 г. Совет народных комиссаров постановил направить в Царицын И.В. Сталина в качестве общего руководителя продовольственным делом на юге России [9, с. 75]. Согласно тексту мандата, Сталин был облечен чрезвычайными правами [11].

6 июня 1918 г. он прибыл в Царицын, 19 июля 1918 г. возглавил Военный совет Северо-Кавказского военного округа. В сентябре–октябре 1918 г. был членом Революционного военного совета Южного фронта, а 20 октября 1918 г. выехал из Царицына в Москву [9, с. 76, 97, 117, 202; 10, с. 574].

Деятельность Сталина в городе подробно описана в советской [1; 5; 9; 14; 15] и российской историографии [2; 3; 6; 17]. Опубликован пласт нормативных и делопроизводственных документов [12; 18], а также мемуары [4; 13; 14].

Однако, некоторую информацию возможно получить только из источников личного происхождения, которые ранее не были известны широкой общественности. Так, например, невостребованным исторической наукой остается вопрос о повседневной стороне жизни Сталина в городе, его передвижениях и встречах. Много домыслов имеет и описание вагона, в котором он прибыл в город.

В фондах Музея-заповедника «Сталинградская битва» содержатся воспоминания Федора Сергеевича Аллилуева – личного секретаря И.В.

Сталина, который также находился в Царицыне в 1918 г. [7]. Документальные свидетельства были получены в результате переписки главного хранителя фондов Государственного музея обороны Царицына-Сталинграда имени И.В. Сталина Н.М. Шевцовой с Ф.С. Аллилуевым.

Переписка велась в ноябре 1950 г. – феврале 1951 г. и была инициирована в связи с тем, что перед Сталинградской областью была поставлена «задача увековечивания исторических мест Сталинграда и области, связанных с героической обороной Царицына и Сталинграда» [16]. Среди памятных локаций значилось место на Центральном вокзале, где стоял вагон Сталина. Была предпринята попытка розыска вагона [19].

В связи с тем, что подробное описание вагона Сталина в документальных источниках не было представлено, отсутствовали фотографии, то личные свидетельства участников событий могли стать ценным источником информации о нем.

В одном из первых писем Шевцову интересовали сведения о том, как выглядел вагон, в котором прибыл Сталин, и кому он первоначально принадлежал. В ответ на это Аллилуев сообщил: «… вряд ли это вагон Юсупова. Были разговоры, что вагон одного из царских генералов. Не личный, а служебный. Так сказать, штабной вагон. Вагон был достаточно скромным и без излишней роскоши. Заношен и совсем без блеска…» [7, л. 15]. «Мебель в вагоне… вся была оббита коричневой темной кожей, простеганной в клетку по диагонали, верхняя часть стенок… в салоне и в купе была оббита атласной тканью желтовато-золотистого цвета, но уже выцветшей и потерявшей всякий блеск. Кухня очень скромная… Внешне вагон также давно не окрашивался…, цвет вагона – темно-коричневый…» [7, л. 18]. К письму Аллилуев приложил несколько начертанных им схем расположения мебели в вагоне. Попытался он развеять и ещё один миф о принадлежности вагона: «… согласно каким-то разговорам, утверждают, что это был вагон А.Д. Вяльцевой (певицы). Однако, на чем основаны эти разговоры неизвестно…» [7, л. 7].

Также Аллилуев сообщил сведения относительно места расположения вагона в 1918 г. и присутствия конвоя около него: «… Вагон И.В. Сталина стоял налево от вокзала у платформы в тупике…» [7, л. 16 об]. «За все время пребывания Сталина в вагоне караул не выставлялся и вход был совершенно свободен. Как это не «дико» выглядит с точки зрения сегодня, но в условиях 1918 г. в этот период это было именно так и, насколько я помню, на предложение начальника отряда выставить у ворот пост, Сталин ответил: «не надо». В конце июля после одного скандала на вокзале начальник отряда выставил дежурного по платформе, но не у вагона. Таким образом, на мой взгляд, это было в условиях этого периода 1918 г. определенным проявлением такта» [7, л. 8].

Подтверждения описываемому факту имеются в воспоминаниях И.М. Сидоренко, председателя укома Царевской парторганизации, где он обращает внимание, что «… в вагон тов. Сталина я был пропущен без всяких задержек и товарищ Сталин меня принял…» [7, л. 4].

Также, в своих воспоминаниях Аллилуев сообщил, что: «В Штаб (бывший дом Воронина) Сталин переехал в начале августа 1918 г. Занимал одну комнату с окошками на улицу. Соседняя этой комнате (маленькая) служила для членов Ревсовета. Здесь он однажды произнес короткую речь (2 минуты) перед уходившим на фронт полком (с балкона)…» [7, л. 12].

В своих письмах Шевцова пыталась найти ответы на большое количество вопросов, связанных не только с вагоном Сталина, но и его передвижениями по Царицыну и за его пределы.

На многие из вопросов Аллилуев не смог дать ответа, постоянно подчеркивая, что основную часть времени находился при вагоне. Однако, отметил, что присутствовал вместе со Сталиным на митинге в «бывшем театре, вероятно “Клуб Коммунист”. Выступали К.Е. Ворошилов и др. Сталин же находился в президиуме и не выступал» [7, л. 19об].Так же, Аллилуев отметил, что Сталин выезжал в Камышин («ездил Сталин в Камышин и обратно один, без всякого сопровождения» [7, л. 5об]) и в район

Кривой Музги до хутора Ляпичев, а также в Котельниково («один раз в жестком вагоне, а в другой раз в бронепоезде, который вел бой в присутствии и по указаниям Сталина» [7, л. 20]).

Таким образом, воспоминания личного секретаря Сталина, во время его нахождения в Царицыне, Ф.С. Аллилуева являются источником информации о вагоне, в котором Иосифа Виссарионович прибыл в город, а также некоторых его поездках и встречах.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1) Алексеев В.Н. Оборона Царицын. Сталинград, 1937. 348 с.
2) Анфертьев А.И. «Для пользы дела мне необходимы военные полномочия»: к вопросу о взаимоотношениях И.В. Сталина, К.Е. Ворошилова и А.Е. Снесарева в 1918 г. // Новейшая история России. 2011. № 2(2). 50–56.
3) Белов Д.А. Оборона Царицына в годы Гражданской войны (по материалам архивов России и Франции) // Военно-исторические аспекты жизни Юга России XVII–XXI вв.: вопросы изучения и музеефикации: международная научно-практическая конференция. – В., 2019. 316 с., с. 165–168.
4) В боях за Царицын: Сборник воспоминаний. Сталинград, 1959. 397 с.
5) Водолагин М.А. Красный Царицын. Волгоград, 1967. 176 с.
6) Войтиков. С.С. Новейшая историография деятельности И.В. Сталина в годы Гражданской войны // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2017. № 8. С. 122–129.
7) Воспоминания Аллилуева Ф.С. 1950–1951 гг. / Музей-заповедник «Сталинградская битва» (далее – МЗСБ). НВФ-2706.
8) Воспоминания Сидоренко Ивана Михайловича, представителя укома Царевской парторганизации. 1949 г. / Центр документации новейшей истории Волгоградской области (далее – ЦДНИВО). Ф. 149. Оп. 3. Д. 276.
9) Генкина Э. Борьба за Царицын в 1918 г. – М., 1940. – 220 с.

10) Гражданская война и военная интервенция в СССР: энциклопедия. М., 1987. 720 с.
11) Декрет Совета народных комиссаров от 31 мая 1918 г. // Борьба. 13 июня 1918. № 134. / МЗСБ. КП-19287/1589.
12) Документы советской эпохи. Документальные комплексы [Электронный ресурс] / Документы советской эпохи. Режим доступа: http://sovdoc.rusarchives.ru/docs/ (дата обращения – 09.03.2022 г.)
13) Легран Б.Н. Сталин в Царицыне: Революционные мемуары. Спб., 1932. 260 с.
14) Меликов В. Героическая оборона Царицына (1918 г.). М., 1940. 370 с.
15) Мухин А.В. Сталин на продовольственном фронте (Царицын, 1918 год) // Советский заготовитель. 1939. № 10.
16) Письмо Н.М. Шевцовой Ф.С. Аллилуеву от 13 декабря 1951 г. / МЗСБ. НВФ-27064. Л. 1.
17) Попов В.Н. И.В. Сталин в Царицыне и Сталинграде // Политическое просвещение. 2013. № 2 (73). С. 105–127.
18) Сталин в Царицыне. Сборник документов. Сталинград, 1940. 72 с.
19) Студеникина Е.В. Об увековечивании места, где в 1918 г. стоял вагон И. Сталина (по документам ГУ «Центр документации новейшей истории Волгоградской области) // Вопросы краеведения: материалы краеведческих чтений. Вып. 13: материалы XXI и XXII краеведческих чтений. – В., 2012. 600 с., с. 393–396.

УДК. 355.21:355.48:331.7.007

НЕСКОЛЬКО ШТРИХОВ К ОСМЫСЛЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ КАДРОВОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В ВОЕННОМ И КУЛЬТУРНОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ СОВЕТСКОЙ РОССИИ В ПЕРИОД ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Ковба Виктор Иванович

кандидат военных наук, доцент, доцент кафедры общей тактики и оперативного искусства, Военная академия РХБ защиты им. Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко, Россия, г. Кострома

e-mail: viktorkovba@yandex.ru.

Чугунов Евгений Анатольевич

кандидат исторических наук, доцент, член-корреспондент Академии военно-исторических наук; Военная академия РХБ защиты им. Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко; Россия, г. Кострома

e-mail: e.a.chugunov@yandex.ru

Аннотация. На основе анализа широкого круга источников и научных публикаций авторами предпринята попытка рассмотреть ряд вопросов кадровой преемственности в военном и культурном строительстве Советской России в период Октябрьской революции и Гражданской войны.

Ключевые слова: война; революция; офицер; армия; кадры; преемственность; большевики; Советская Россия; культурное строительство; Пролеткульт; творческая интеллигенция; классовый подход; культура; пролетариат.

SOME STROKE TO COMPREHENSION OF THE PROBLEM OF PERSONNEL SUCCESSION IN THE MILITARY AND CULTURAL

DEVELOPMENT OF SOVIET RUSSIA IN THE PERIOD OF THE OCTOBER REVOLUTION AND THE CIVIL WAR

Kovba Viktor Ivanovich
Candidate of Military Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of General Tactics and Operational Art,
Military Academy of the Marshal of the Soviet Union S.K. Timoshenko,
Russia, Kostroma
e-mail: viktorkovba@yandex.ru.

Chugunov Evgeny Anatolievich
Candidate of Medical Sciences, Associate Professor, Corresponding Member of the Academy of Military Historical Sciences; Military academy of the RCB protection named after. Marshal of the Soviet Union S.K. Timoshenko;
Russia, Kostroma
e-mail: e.a.chugunov@yandex.ru

Annotation. Based on the analysis of a wide range of sources and scientific publications, the authors attempted to consider a number of issues of personnel continuity in the military and cultural development of Soviet Russia during the October Revolution and the Civil War.
Keywords: war; revolution; the officer; army; personnel; continuity; Bolsheviks; Soviet Russia; cultural building; span-cult; creative intelligentsia; class approach; culture; proletariat.

Первая мировая война, две революции 1917 г., Гражданская война коренным образом изменили российское общество, сами основы его существования и перспективы развития. Изменения коснулись всех россиян независимо от возраста, пола, вероисповедания, социального статуса, профессиональной и национальной принадлежности. Суть их состояла в насильственном умерщвлении «старой» и болезненном рождении «новой» России (советской), нуждавшейся в огромном числе специалистов,

управленцев, военачальников, творческих работников и др. – то есть, КАДРОВ. С первых же дней советской власти стало очевидно, что выдвиженчеством и революционным порывом «кадровый голод» не утолить. Важно было создать механизм, обеспечивающий кадровую преемственность «старой» и «новой» России.

Кадровая проблема оставалась острейшей до конца Гражданской войны, прежде всего, в вооруженных силах РСФСР. Успехи «красных» военачальников, выдвинувшихся «из гущи народа» (М.В. Фрунзе, В.К. Блюхер, С.М. Буденный и др.), опирались не только на их природную одаренность и горячие призывы комиссаров, но и на профессионализм офицеров царской армии, вступивших в Красную армию (РККА).

Царская армия к концу 1917 г. была разрушена. На ее обломках сформировались 2 противоборствующие армии: Красная и Белая. Пять лет между ними шла война, приведшая страну к разрухе. В этой ситуации трагично сложилась судьба русского офицерства. К 1917 г. в царской армии находилось до 1 миллиона офицеров. Командный состав ее включал в себя как гвардейцев из знатных дворянских фамилий, так и офицеров запаса, подготовленных из унтер-офицеров, инженеров, студентов и т.п. [3, с. 3] Большое число офицеров запаса в армии к 1917 г. объяснялось огромными потерями на полях сражений. Уже в первые месяцы войны погибло более 50% кадровых офицеров [10, с. 404]. После Октябрьской революции офицерство пошло в обе армии – как в Белую, так и в Красную. «Революция расколола русское офицерство на два враждебных лагеря…» [10, с. 411].

Причины сотрудничества офицерского корпуса с РККА были различны: убеждение, насильственное привлечение на службу, необеспеченность своего существования и существования близких, месть, патриотизм, стремление навредить «советам» и др. Генерал А.А. Брусилов пришел в РККА в связи с тем, что «белыми» был казнен его сын, бывший офицер царской армии, состоявший на службе у «красных». «Семейная» мотивация сыграла важную роль в приходе на службу в РККА генерала М.Д. Бонч-Бруевича, брат

которого В.Д. Бонч-Бруевич был видным деятелем большевистской партии. Вот как писал по этому поводу сам генерал: «…Я тянулся к большевикам, видя в них единственную силу, способную спасти Россию от развала…» [1, с. 226]. Он стал первым царским генералом, перешедшим к большевикам (отсюда и прозвище – «советский генерал»; по аналогии – писатель А.Н. Толстой – «красный граф»). Новая власть доверяла ему, о чем свидетельствует его назначение в ноябре 1917 г. начальником штаба Верховного главнокомандующего.

В силу искреннего убеждения на стороне «красных» оказался выпускник Николаевской академии Генерального штаба полковник С.С. Каменев – член Реввоенсовета и Главнокомандующий Вооруженными силами Республики, в 1917 г. изучивший сборник В.И. Ленина и Г.Е. Зиновьева «Против течения», который «открыл для него новые горизонты…». Его военным талантам обязана была Республика Советов победами над А.В. Колчаком, А.И. Деникиным, Н.Н. Юденичем, П.Н. Врангелем и др. Важную роль сыграл С.С. Каменев в советско-польской войне 1920 г., подавлении белофиннов в Карелии, басмачей в Фергане и Бухаре [7]. Его помощником был выпускник Академии Генерального штаба генерал П.П. Лебедев. В 1918 г. он из идейных соображений отказался примкнуть к Белому движению. Именно он сменил на посту начальника штаба Верховного главнокомандующего М.Д. Бонч-Бруевича и в 1919-1921 гг. руководил Полевым штабом Республики. П.П. Лебедев, сделавший блистательную карьеру в Генеральном штабе царской армии, проявивший незаурядные полководческие способности в Первой мировой войне, стал на сторону «красных» в результате личного приглашения В.И. Ленина. С П.П. Лебедевым связаны разработка и проведение операций РККА по разгрому Н.Н. Юденича, А.И. Деникина и А.В. Колчака. [8].

Аналогичная ситуация сложилась и в Военно-Морском флоте. Морской генеральный штаб после октябрьских событий 1917 г. почти в полном составе перешел на сторону «красных». Командование флотом Республики было

доверено бывшим царским морским офицерам, таким как: М.В. Иванов, В.М. Альтфатер, Е.А. Беренс, А.В. Немитц и др.

М.В. Иванов – выпускник Николаевской морской академии, участник русско-японской и Первой мировой войн, капитан первого ранга сменил на посту руководителя Красного военно-морского флота матроса-большевика П.Е. Дыбенко. 21 ноября 1917 г. на I Всероссийском съезде моряков военного флота (в работе которого участвовал В.И. Ленин) был произведен в контр-адмиралы, став первым советским адмиралом.

Его преемником – первым командующим Рабоче-Крестьянским Красным флотом стал контр-адмирал, выпускник Николаевской морской академии, участник обороны Порт-Артура и Первой мировой войны В.М. Альтфатер. О переходе на сторону советской власти он писал: «До сих пор я служил лишь потому, что считал нужным быть полезным России… Я убедился – вы любите Россию более многих из наших. Поэтому я пришел к вам» [5, с. 186].

Е.А. Беренс – руководил Рабоче-Крестьянским Красным флотом с апреля 1919 по февраль 1920 г. Он окончил Морской кадетский корпус, в период русско-японской войны служил на крейсере «Варяг». Преподавал в Морском корпусе и в Академии Генерального штаба. После Октябрьской революции перешел на сторону советской власти. С ноября 1917 по апрель 1919 г. был начальником Морского генерального штаба. В 1920 г. принял участие в подписании Тартуского мира с Финляндией. Экспертом участвовал в работе советских делегаций на Генуэзской, Лозаннской и Рижской конференциях.

А.В. Немитц сменил Е.А. Беренса на посту руководителя Военно-Морского флота. Он с отличием окончил Морской кадетский корпус и курс Артиллерийского офицерского класса. Отказался расстреливать осужденных матросов – участников севастопольского восстания 1905 г. С 1907 г. – штаб-офицер Морского генерального штаба, преподавал в Николаевской морской академии, опубликовал ряд трудов о русско-японской войне, участвовал в

Первой мировой войне. Летом 1917 г. сменил адмирала А.В. Колчака на посту командующего Черноморским флотом. В 1919 г. вступил в РККА. С февраля 1920 по август 1921 г. являлся командующим Морскими и Речными силами Республики, состоял управляющим делами Наркомата по военным делам РСФСР, с ноября 1921 г. занимал должность помощника Главнокомандующего Вооруженными силами Республики по морским делам. Большинство офицеров, генералов, адмиралов, перешедших на службу советской власти, сделали свой выбор из патриотических побуждений, понимая, что в той обстановке не было иной силы, способной защитить Россию от иностранной интервенции, которая переплелась с «белым» движением. «Безвозвратные потери Красной Армии составили 940 тыс. человек, санитарные потери 6 млн. 792 тыс. человек. Белые армии потеряли в боях 225 тыс. человек… Потери России в Гражданской войне составили 13 млн. человек» [13, с. 228]. Военные, видевшие смысл жизни в служении Отечеству, считали долгом поддержать «красных» в борьбе за независимость Родины.

В то же время нельзя замалчивать и факт, что многие профессиональные военные привлекались на службу Советской России принудительно. В 1919 г. офицеры, генералы и адмиралы составляли в РККА 53% командного состава [17]. В Гражданской войне «победу одержали Красная Армия и Флот, в рядах которых служили 75 тыс. офицеров и генералов русской армии. Опираясь на их опыт, военному руководству Советской Республики удалось создать сильные вооруженные силы… Белое движение из-за противоречий во взглядах на будущее России… не сумело добиться единого руководства… вооруженными формированиями и координации их действий» [13, с. 228].

Большевики задали новый вектор культурного развития страны, жестко определили направления культурной политики, в основе которой лежал классовый подход. Для интеллигенции (научной, технической, художественной и др.) остро встала проблема сотрудничества с новой

властью или противления ей. Та часть интеллигенции, которая не пошла на сотрудничество с большевиками, подверглась репрессиям, покинула Россию добровольно или насильственно. С Родиной расстались И. Бунин, Д. Мережковский, З. Гиппиус, Ф. Степун [2, с. 34-37], Н. Бердяев и др. Однако, многие представители интеллигенции, оставшись в России, честно служили ей. Тем более, что часть из них до октября 1917 г. участвовала в революционном движении.

В культурной жизни страны возник ряд новых культурно-просветительских, литературных, художественных и иных организаций и движений. Наиболее авторитетной в деле культурного строительства организацией стал Пролеткульт. В 1920 г. в его рядах было до 80 тыс. человек, пролеткультовцами издавалось 20 журналов. Важным явлением в деятельности организации стало создание Первого Рабочего театра Пролеткульта, где творили С.М. Эйзенштейн, И.А. Пырьев, М.М. Штраух, Г.В. Александров и др.

Главным идеологом Пролеткульта стал выходец из семьи учителя А.А. Богданов (Малиновский). Он окончил естественное отделение физико-математического факультета Московского университета и медицинский факультет Харьковского университета, занимался революционной деятельностью, был близок с В.И. Лениным. В годы Первой мировой войны служил военврачом в действующей армии. «…Фронт подтвердил его… убеждение, что пролетарская революция и последующая за ней… Гражданская война… вызовет колоссальные жертвы. Богданов пришел к мысли, что пролетариату нужно стремиться не к политическому господству, а к культурному вызреванию» [9]. Он полагал, что любое произведение искусства отражает интересы и мировоззрение только одного класса, а потому непригодно для другого. Пролетарская культура – система элементов сознания, управляющая социальной практикой, а пролетариат как класс ее реализует [6, с. 270-276].

После октября 1917 г. Богданов работал профессором Первого Московского университета, являлся членом Президиума Коммунистической академии, директором первого в мире Государственного научного института переливания крови. В историю вошел как ученый-энциклопедист, революционный деятель, врач, мыслитель-утопист, крупнейший идеолог социализма.

Первый народный комиссар просвещения Советской России, в сферу деятельности которого входили и вопросы культурного строительства, А.В. Луначарский обучался в Киеве в Первой мужской гимназии, где был дружен с будущим великим философом Н.А. Бердяевым. Окончил Цюрихский университет, занимался революционной деятельностью. В послеоктябрьский период отстаивал необходимость сохранения историко-культурного наследия России. В знак протеста против бомбардировки большевиками исторических памятников Москвы во время вооруженного восстания, временно покинул пост наркома, обратившись с заявлением в Совнарком (ноябрь 1917): «Я… услышал от очевидцев, что произошло в Москве… Кремль…бомбардируется... Работать под гнетом этих мыслей… нельзя. Я осознаю всю тяжесть этого решения. Но не могу больше» [11, с. 337]. Луначарский был незаменим для большевиков в вопросах установления контактов со старыми и вообще педагогическими кругами, ожидавшими от власти «невежественных узурпаторов» уничтожения всех искусств и наук. Только он мог с энтузиазмом доказывать, что большевики уважают культуру [16, с. 369-370]. Он внес огромный вклад в становление социалистической культуры – образования, издательского дела, театрального искусства, кино. На время его руководства Наркомпросом приходится и период деятельности Пролеткульта.

Культурное строительство требовало не только инициативы и революционного порыва, но и профессиональных знаний, творческого опыта и многого другого, чем пока класс-гегемон не располагал. Возникла проблема кадрового дефицита, особенно в провинции. Участник пролеткультовского

движения в Костроме отмечал, что «работников, опытных в культурно-просветительской работе, не было»[14, с. 6]. Поэтому к культурному строительству (как и к научному, военному, любому иному) в интересах пролетариата привлекалась «старая» интеллигенция. «В Петрограде мы широко использовали буржуазную… интеллигенцию», – вспоминал пролеткультовец из города на Неве [12, с. 176].

С деятельностью пролеткультов оказались связаны известные представители «старой» творческой интеллигенции: С. Волконский, Н. Гумилев, В. Ходасевич и др. Причины их сотрудничества с новой властью, как и в офицерской среде, были разными. Внук декабриста, героя войны 1812 г., генерала князя С.Г. Волконского – С.М. Волконский, бывший директор Императорских театров, а в советское время лектор театральной студии Московского Пролеткульта писал: «Из… массы народа, которая прошла за три года перед моими глазами во всевозможных «студиях», я только в одной среде нашел проявление настоящей свежести. Это в рабочей среде. Здесь я видел яркие, любознательностью горящие глаза; каждое слово принималось с доверием и жаждой. Я очень много читал в … Пролеткульте … Я всегда буду вспоминать с признательностью эту молодежь и их отношение к моей работе и ко мне лично» [4, с. 298]. Волконскому, как и многим другим представителям «старой» творческой интеллигенции, импонировало стремление граждан новой России к познанию «азов» культуры, чего многие из них были лишены в дореволюционный период.

Голод, холод, разруха, безработица, эпидемии заставили работать в пролеткультовских студиях Н.С. Гумилева, В.Ф. Ходасевича и др. Привлечение «старой» интеллигенции к пролетарскому культурному строительству советской властью контролировалось. В.И. Ленин обращал внимание на то, что использование ее, как и военспецов, должно носить временный характер. В 1922 г. по его указанию ГПУ выслало из страны более 160 ученых, философов, деятелей культуры («философский пароход») [15, с.

72]. И такие акции проводились неоднократно, ибо большевикам нужна была не сама интеллигенция, а ее профессионально-творческий потенциал.

Становление Советской России, происходившее в условиях жестокой борьбы, принявшей форму Гражданской войны, было невозможно без наследования и преемственности во всех сферах общественной жизни. Осуществление того и другого стало возможным благодаря кадровой преемственности, обеспечившей большевикам возможность строить новые общество и государство не на пустом месте, а используя достижения предыдущих поколений, пусть и живших при «старом» режиме.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1) Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть советам. Воспоминания. М., 1957.

2) Баранов А.Н., Чугунов Е.А. Первая мировая война глазами историка и философа Ф.А. Степуна // Гуманитарные проблемы военного дела. Военно – научный журнал. 2017. № 3.

3)Военная история. Часть пятая. Кострома: КВВКУХЗ, 1998.

4) Волконский С.М. Мои воспоминания. В 2 тт. Т. 2. Родина. М., 1992.

5) Гофман М. Война упущенных возможностей. СПб., 2017.

6) Иванцов Д.С., Чугунов Е.А. Теоретик Пролеткульта А.А. Богданов и концепция «пролетарской культуры» // Актуальные проблемы современных социально-гуманитарных наук. Кострома: КГУ, 2012.

7) Каменева Н.С. Путь полководца. Киев, 1982.

8) Кавтарадзе А.Г. Военспецы на службе Республики Советов. М., 1988.

9) Колодный Л. Жизнь и судьба // Московский комсомолец. 2012. 18 октября.

10) Мариюшкин А. Трагедия русского офицерства // Офицерский корпус русской армии. Российский военный сборник. Вып. 17. М., 2000.

11) Мельгунов С.П. Как большевики захватили власть // Как большевики захватили власть. «Золотой немецкий ключ» к большевистской революции. – М.: Айрис – пресс, 2007.

12) Маширов – Самобытник А. История Пролеткульта (1905-1917) // Вопросы литературы. 1958. № 4.
13) Отечественная военная история с древнейших времен до наших дней. В 3 тт. Т. 2-3. М.: «Звонница – МГ», 2003.
14) Растопчина М.А. Культура наша. Кострома, 1919.
15) Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. В 2 тт. Т. 1. М., 1997.
16) Троцкий Л.Д. Силуэты: политические портреты. М., 1991.
17) Хазин М. Гражданская война: царские офицеры и Красная армия // Частное представление. Электронный ресурс. URL: http://vraginaroda.net/?p=2818

«ОТ РАЗРУШЕНИЯ К СОЗИДАНИЮ». СОЗДАНИЕ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

УДК 94(47).084.8

СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЫ (1920-1930-Е ГОДЫ)

Овчинникова Татьяна Константиновна
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории,
РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, Россия, Москва
e-mail: milovidovadom@yandex.ru

Аннотация. В статье на основе анализа взглядов выдающихся советских правоведов отражена эволюция правовой мысли Советского государства в период его становления.
Ключевые слова: марксистская теория права, правосознание, революционная законность, психологическая теория права, социологическая теория права.

FORMATION OF THE SOVIET LEGAL DOCTRINE (1920-1930s)

Ovchinnikova Tatiana K.
candidate of historical Sciences, associate Professor of history, Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University, Russia, Moscow
e-mail: milovidovadom@yandex.ru

Abstract. Based on the analysis of the views of prominent Soviet jurists, the article reflects the evolution of the legal thought of the Soviet state during its formation.
Key words: Marxist theory of law, legal consciousness, revolutionary legality, psychological theory of law, sociological theory of law.

В первые годы советской власти юридическая мысль развивалась на фоне революционного романтизма, левого радикализма и явного недостатка

опыта социалистического строительства. Создание в декабре 1922 г. нового государства потребовало дальнейшей разработки марксистской правовой теории. В связи с этим представляется интересным проследить эволюцию советской правовой доктрины периода её становления, обратившись к наследию её крупнейших представителей.

Советская правовая наука 1920-1930-х гг. выработала понятие права, связанное преимущественно не с нормами, а с «правосознанием революционных масс» и системой общественных отношений. Соответственно, в теории стали выделяться психологический и социологический аспекты права.

Становление психологической теории права связано с именем Михаила Андреевича Рейснера**.** М.А. Рейснер полагал, что марксистская доктрина была сконцентрирована исключительно на экономизме и производственных отношениях, а государственно-правовые и политические надстройки рассматривала как второстепенные. Как ученый-правовед он прекрасно понимал, что устойчивость нового государства зависит от системы правовых норм, которая будет признаваться справедливой и поддерживаться подавляющим большинством граждан. Именно поэтому он обратился к психологической теории права, истоки которой были заложены Л.И. Петражицким. У него Рейснер заимствовал понятия «интуитивного права» и «политики права». «Интуитивное право имеет индивидуальный, изменчивый характер, оно определяется особыми условиями жизни каждого человека, его характером, воспитанием, социальным положением, профессией, знакомствами и т.п. Общность указанных условий необходимо ведет к наличности в большей или меньшей степени согласия интуитивного права отдельных индивидов. Таким образом, фактической основою социального правопорядка и действительным рычагом соответствующей социально-правовой жизни является, в существе дела, не позитивное, а право интуитивное», – писал Рейснер. [3, с.18]. На этом основании Рейснер и его последователи делали выводы, что, во-первых, именно интуитивное право

должно быть источником любого законодательства, а во-вторых, что советская правовая система представляет собой сложный конгломерат правосознаний различных классов, каждое из которых имеет выражение в одном из кодексов: пролетарское – в КЗоТ, крестьянское – в Земельном кодексе, буржуазное – в Гражданском кодексе. При этом правосознание, считал Рейснер, никогда не является лишь «объективной технической формулировкой существующих производственных отношений», но всегда несёт на себе отпечаток субъективного. А правосознание господствующего класса вообще не может адекватно отражать реальные отношения в силу того, что данный класс сознательно стремится выдавать свои интересы за общенациональные, а то и общечеловеческие [4, с. 56, 38].

В теории М.А. Рейснера право и закон разграничивались. Право – это идеологическая форма, совокупность правовых требований (идеологий) различных классов, а закон – форма выражения общего права, которое формулируется государством в результате классового компромисса, например, между классом рабочих и классом крестьянства в советском обществе. [2, с. 166-173]. Важное отличие теории М.А. Рейснера от марксистских концепций права 1920-х гг. – то, что право, по его мнению, не только не исчезнет в будущем, как государство, но и достигнет «высшей ступени развития своего совершенства».

Учение М.А. Рейснера заложило методологические и идеологические основы всей последующей советской юридической науки, хотя его концепция подвергалась критике со стороны таких правоведов как П.И. Стучка, Е.Б. Пашуканис и др.

Председатель Верховного суда РСФСР с 1923 по 1932 гг. Пётр Иванович Стучка испытал заметное влияние со стороны социологической школы права, поэтому его правовая теория объединяет марксистский и социологический подходы. Стучка полагал, что, поскольку правосознание населения крайне консервативно, оно является прибежищем буржуазной идеологии, а потому право – это институт, серьёзно тормозящий процесс

коммунистического строительства. Исходя из этого положения, Стучка выступал за максимальное упрощение советской юридической науки и права, низведение их до уровня рядового рабочего и крестьянина, что, безусловно, способствовало формированию правового нигилизма. Такая позиция не означала полного отрицания права: Стучка был убеждён, что построение коммунизма должно сопровождаться созданием нового советского права, которое в связи с многообразием конкретных правовых форм всё больше перерастает в «технику». «Мы имеем законы-приказы…мы создали законы-директивы, законы-лозунги, мы форму закона применяли в эпоху НЭПа по-буржуазному… Но перед нашими глазами происходит не только деление законов на правовые и технические, но и превращение самого права в технику» – писал он. [6, с. 100]. В такой ситуации технические нормы, очищенные от субъективистских и идеологических элементов, должны были стать высшей ступенью развития правовой формы, а её собственно правовые элементы – исчезнуть. При этом система права не должна быть законченной, полной. Достаточно установить в законах наиболее важные нормы, очертить общие контуры. Советские законы – «вехи, по которым определяются границы данного правопорядка, данной системы правовых отношений. Теоретически закон должен дать основной принцип данной системы, а остальное – уже дело пролетарского суда», – отмечал в середине 20-х годов Стучка. [7, с. 47].

Ещё одним представителем социологической теории права был Евгений Бронеславович Пашуканис**.** Его идеи во многом расходились с марксистской философией права: ученый полагал, что развитие права связано не с необходимостью политического господства, а с потребностями торгового оборота. Пашуканис считал, что с устранением товарообмена произойдет отмирание права. С этой точки зрения новое "пролетарское" право – химера, а предложенная им концепция применима только к тем отношениям, которые имели и имеют место до и вне социализма. [5, с. 396].

Ключевыми понятиями советской правовой мысли 1920-х – 1930-х гг. были понятия революционной законности и революционного правосознания. Революционное правосознание рассматривалось как ведущий принцип правотворчества, восполняло пробелы в законе: если прямого указания в законе нет, можно воспользоваться революционным правосознанием. Революционная законность совпадала с революционной целесообразностью, а затем с тем правопорядком, который был признан целесообразным верховными органами пролетарской диктатуры и являлся общеобязательным. Законодательная и законоприменительная практика базировались на двух принципах: законность и целесообразность, и, по мере формирования тоталитарного режима, целесообразность всё больше начинала превалировать над законностью. К середине 1930-х гг. юридическая наука окончательно стала инструментом укрепления личной власти, проводником догматизированного марксизма и партийных директив. Использование идей немарксистских авторов, что было типично, например, для Рейснера, Стучки, Пашуканиса, рассматривалось как буржуазный уклон. «Все усилия вредителей были направлены на то, чтобы доказать, что советской теории права не может быть и не должно быть», – говорил в своём выступлении на Первом Совещании по вопросам науки советского социалистического права в июле 1938 г. А.Я. Вышинский. На Совещании была утверждена официальная правовая доктрина Советского государства: «Право не есть система общественных отношений, право не есть форма производственных отношений, право есть совокупность правил поведения, или норм, но не только норм, а и обычаев и правил общежития, санкционированных государственной властью и защищаемых ею в принудительном порядке» [1, с. 27].

Кратко подводя итог, можно сказать, что советские правоведы 1920-1930-х гг., находясь, в целом, на марксистко-ленинской идеологической платформе, продемонстрировали широкий спектр мнений и методологический плюрализм. Им удалось показать, что на основе

марксизма можно развивать не только нормативистские, но и психологические и социологические подходы. П.И. Стучка, Е.Б. Пашуканис, М.А. Рейснер и др. оценивали правовую реальность как сложное, многоплановое явление, проявляющееся не только в нормах, но и в общественных отношениях, правосознании, идеологии и прочих элементах «правовой материи». По мере завершения внутрипартийной борьбы и формирования культа личности Сталина правовая теория всё больше унифицировалась, приобретала догматизированный вид и превращалась в средство оправдания тоталитарного режима.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ.

1. Вышинский А.Я. Основные задачи науки советского социалистического права // Советское государство и право. 1938. № 1.

2. Максимова О.Д. Понятие права и законотворчества в психологической концепции М.А. Рейснера //Genesis: исторические исследования. 2019. № 12.

3. Рейснер М. А. Право: Наше право. Чужое право. Общее право. Л.– М.: Гос. Изд-во, 1925. 276 с.

4. Рейснер М. А. Государство буржуазии и Р.С.Ф.С.Р.: в 3-х ч. М.-Петроград: Гос. Изд-во, 1923. 419 с.

5. Строгович М.С. К вопросу о постановке отдельных проблем права в работах П.И. Стучки, Н.В. Крыленко, Е.Б. Пашуканиса // Вопросы общей теории советского права: Сб. ст. / Под ред. С.Н. Братуся. М.: Госюриздат, 1960. С. 384-405.

6. Стучка П.И. Право-закон-техника //Советское государство и революция права. 1930. № 1. С. 97-102.

7. Стучка П.И. Революционная роль советского права: хрестоматия-пособие для курса Введение в советское право / П.И. Стучка с предисл. П. Кузьмина. Изд. 3-е. Москва: Советское законодательство, 1934. 158 с.

УДК 94(47).084.3.5.6

АЛЬТЕРНАТИВЫ СОВЕТСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ПОСЛЕ ОБРАЗОВАНИЯ СССР

Васильев Юрий Альбертович

доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и регионоведения, Московский гуманитарный университет, Россия, Москва

e–mail: vasyural@mail.ru

Аннотация. В статье констатируется наличие сложившейся в СССР в 1920-е гг. вариативной ситуации, связанной с необходимостью стратегического выбора модели советской модернизации. Освещаются основные альтернативы (ленинская, троцкистская, бухаринская, сталинская), ограниченные социалистической перспективой в духе марксистских идей. Показана обусловленность выбора путей развития страны внутрипартийной борьбой в ВКП(б).

Ключевые слова: марксизм, советская модернизация, В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий, Е.А. Преображенский, Н.И. Бухарин, И.В. Сталин.

ALTERNATIVES TO SOVIET MODERNIZATION AFTER THE FORMATION OF THE USSR

Vasiliev Yuri A.

Doctor of History, a Professor of the Department of History and Regional Studies of Moscow University for the Humanities. Russia, Moscow

e–mail: vasyural@mail.ru

Abstract. The article states the presence of the prevailing in the USSR in the 1920s. a variable situation associated with the need for a strategic choice of the model of Soviet modernization. The main alternatives (Leninist, Trotskyist, Bukharinian, Stalinist) are highlighted, limited by the socialist perspective in the spirit of Marxist ideas. The conditionality of the choice of the ways of the country's development by the inner-party struggle in the VKP(b) is shown.

Key words: Marxism, Soviet modernization, V.I. Lenin, L.D. Trotsky, E.A. Preobrazhensky, N.I. Bukharin, I.V. Stalin.

Великая российская революция 1917 г. устранила возможность *консервативного* развития России. В огне Гражданской войны 1917–1922 гг. и установления государственной формы власти под названием «диктатура пролетариата» сгорели возможности *либеральной* перспективы. Поэтому после образования СССР спектр вариантов выбора стратегии развития в 1920-е гг. ограничивался рамками *социалистической* доктрины.

Расхожее утверждение о том, что марксизм являлся чуждой западноевропейской теорией, искусственно и даже случайно привнесенной и насаждаемой в России, представляется слишком упрощенным и неверным взглядом. Традиционалистские (почвеннические, общинные и даже сакральные) привычки российского крестьянина оказались созвучны многим марксистским идеям. Утопическая по содержанию марксистская мечта о грядущем коммунизме удачно легла на подготовленную (народниками, славянофилами и пр.) почву народных идеалов и ожиданий в российском обществе. Подобные созвучия проявились в синтетическом феномене советского коммунизма, объединившем российскую традицию и идеологию коммунистической модернизации. Марксистская идея о бестоварном производстве и распределении, основанная на принципе справедливого распределения материальных благ, совпала с традиционным и консервативным образом натурального и общинного хозяйствования в российской деревне. Марксистские установки о построении бесклассовой общественной организации, ликвидации социального неравенства отвечали вековым ожиданиям устройства справедливого и гуманного общества, соответствующего пониманию *правды* и *свободы* в российской ментальности. Советский коммунизм, целью которого являлось достижение некой идеальной высшей формы человеческого общества, создал духовную основу модернизации в России [1, с. 9].

Методологическим основанием репрезентации представленной темы может служить историософский концепт «ясности смысла» великого российского мыслителя М.В. Ломоносова как обращенности к вопросам о смысле истории [2, с. 145]. Другим основанием является теория *понимания* выдающегося немецкого теоретика истории И.Г. Дройзена, которая позволяет дать представление прошлого в истории в контексте исторической эпохи [3, с. 220-221].

В современных дискуссиях в качестве альтернатив советской модернизации после образования СССР обсуждаются следующие варианты: ленинская, «левая» (троцкистская), бухаринская («правая»), противопоставляемых, как правило, сталинскому «большому скачку», олицетворяющему административно-командную модель. Внутрипартийная борьба за лидерство являлась, по сути, противоборством за выбор пути к социализму.

Советская модернизация (переход от традиционного, аграрного общества к современному - индустриальному) основывалась на марксистских предположениях о непосредственном переходе к социалистическому строительству через создание государственного производства и распределения. В большевистском понимании грядущего социализма центральное место занимали установки на всеобщую национализацию и обобществление средств производства, огосударствление экономики, централизованное государственное распределение материальных благ.

1. *Ленинская альтернатива.* Ее сторонники акцентируют внимание на нереализованных и упущенных возможностях развития страны по пути нэпа, инициатором и вдохновителем которого являлся В.И. Ленин. Утверждается также, что сравнительно ранняя смерть и уход с политической арены партийного вождя, обладавшего непререкаемым авторитетом среди большевистских руководителей, помешала претворению в жизнь ленинских планов, задуманных в последние месяцы жизни в виде «политического завещания». В духе подобных рассуждений нэп в интерпретации

постепенной, поэтапной и цивилизованной эволюции остался неосуществившейся возможностью советской истории как альтернативы сталинскому курсу – некой триумфальной дорогой к социализму.

Ленинская идея развития государственного капитализма на базе диктатуры пролетариата не позволяла дать адекватный ответ вызову индустриальной эпохи. Оценка социальной базы диктатуры пролетариата не соответствовала реальности: по расчетам Ленина, доля пролетариата и «полупролетариата» в социальной структуре страны составляла не менее 60% [4, с. 454].

2. *Альтернатива троцкизма (программа «левой оппозиции»).* И идеолог «левой оппозиции» Л.Д. Троцкий разработал собственное видение перспектив развития страны (второго периода нэпа, по его словам), обусловленное завершением восстановительного периода. Левым принадлежит постановка проблемы о соотношении «плана и рынка»: под планом подразумевалось государство, под рынком – экономика. Была предпринята попытка определить соотношение между политикой и экономикой. Плановое регулирование как государственно–административных, так и рыночных факторов не мыслилось без создания централизованной системы хозяйственного управления [5, с. 208-224].

Экономический мозг «левой оппозиции» Е.А. Преображенский разработал проект «первоначального социалистического накопления», ориентированный на источники вне комплекса государственного хозяйства для «перекачки» средств через механизм неэквивалентного обмена между городом и деревней, «эксплуатацию» социалистической системой хозяйства досоциалистических форм [6].

3. *Бухаринская альтернатива (установки «правого уклона»).* Отстаивая значимость рыночных отношений в переходе к социализму, Н.И. Бухарин в то же время в вопросе о товарно-денежных отношениях при социализме оставался на прежних марксистских позициях – их отмирания и замены прямым, безденежным распределением продуктов.

Бухарин выдвинул собственный закон пропорциональных трудовых затрат (или закон трудовых затрат), предлагаемый в качестве всеобщего и универсального закона, пригодного для всех эпох и народов. Закон трудовых затрат, по Бухарину, определял пропорциональность в распределении труда и производства между различными сферами народного хозяйства [7].

Переход к реконструктивному периоду, по мнению Бухарина, не требовал принципиального изменения хозяйственной политики. Теория Бухарина вполне вписывалась в общую схему многоукладной нэповской экономики.

4. С*талинский «Великий перелом».* Сталинская доктрина олицетворяла модель форсированного строительства социализма в СССР в условиях капиталистического окружения. Характерными чертами данной модели являлись: ликвидация многоукладной экономики и рыночных отношений, ускоренная индустриализация, коллективизация в аграрном секторе, укрепление и ужесточение административной системы. Осенью 1929 г. был объявлен сталинский «коренной перелом» [8]. В 1930-е гг. в стране утвердилась система сталинизма: политика и практика создания общества, где безраздельно господствует одна форма собственности (государственная), одна идеология (марксизм–ленинизм), руководит один лидер, правит одна партия (коммунистическая) [9, с. 5].

Резюмируя изложенное, следует констатировать, что видение большевистских теоретиков не выходило за пределы противопоставления «социализм» – «капитализм». При всех различиях во взглядах и «левые», и «правые» стояли во главе правящей коммунистической партии. Тактические формы и методы перехода к социализму (переходного периода) они могли понимать по–разному, но всех объединяла убежденность в том, что история движется по пути замены капитализма социалистическим обществом.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1) Алешкин П.Ф. Крестьянское протестное движение в России в условиях политики военного коммунизма и ее последствий (1918-1922 гг.). М.: Книга, 2012. 624 с.

2) Васильев Ю.А. Идеи М. В. Ломоносова в русской исторической школе // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 2. С. 141–148.

3) Васильев Ю.А. Историка Иоганна Густава Дройзена как методология истории // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 2. С. 218–226.

4) Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. М.: Политиздат, 1977.

5) Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923-1927. Т. 1. – М.: Терра, 1990. – 256 с.

6) Преображенский Е.А. Основной закон социалистического накопления // Пути развития: дискуссии 20–х годов. Л.: Лениздат, 1990. С. 53-130.

7) Бухарин Н. И. К вопросу о закономерностях переходного периода // Пути развития: дискуссии 20–х годов. Л.: Лениздат, 1990. С. 209-253.

8) Сталин И. В. Год Великого перелома. К XII годовщине Октября // Соч. Т. 12. М.: Госполитиздат, 1949. С. 118–135.

9) Лельчук В. С. Апогей и крах сталинизма. Страницы российской истории. Ч. 1. М.: ИРИ РАН, 1998. 248 с.

УДК 94(47).084.5

О СПЕЦИФИКЕ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО СОСТАВА ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СССР В 1920-е ГОДЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Петров Николай Вячеславович
аспирант кафедры конституционного права
Юго-Западный государственный университет, Россия, Курск
e-mail: petrovkolya97@mail.ru

Аннотация: В статье на основе архивных данных анализируются особенности изучения государством социального состава городского населения в провинции в первые годы после создания СССР.

Ключевые слова: Население, социальный состав, демография, город, советская власть.

ON THE SPECIFICS OF STUDYING THE SOCIAL COMPOSITION OF THE URBAN POPULATION OF THE USSR IN THE 1920S (BASED ON THE MATERIALS OF THE KURSK PROVINCE)

Petrov Nikolai V.
postgraduate student of the Department of Constitutional Law
Southwest State University, Kursk, Russia
e-mail: petrovkolya97@mail.ru

Abstract: The article analyzes approaches to the study by the state of the social composition of the urban population in the province in the first years after the formation of the USSR based on archival data.

Keywords: Population, social composition, demography, city, Soviet power.

Образование Советского Союза в 1922 году стало одним из самых важных событий не только в отечественной, но и в общемировой истории. Процесс построения нового государства невозможен без объективной информации о состоянии демографии и экономики. Поскольку именно в городах имелся потенциал для развития промышленности СССР, на начальных этапах его становления перед государством встала задача получения данных о городском населении. Такая потребность обусловила проведение Всесоюзной городской переписи 1923 года.

На местах велась активная подготовка к этому мероприятию. В частности, в Докладе о Всероссийской переписи городского населения от 11 февраля 1923 г., подготовленном заведующим Губернским статистическим бюро К.К. Введенским для Курского губисполкома, отмечалось, что «со времени переписи 1920 года в строении демографической массы произошли существенные изменения в среде городского населения, наиболее подвижного и быстро меняющегося» [1, л. 88].

Особенностью Всесоюзной переписи 1923 года стало распространение переписи на города и экономически тесно связанные с ними пригороды [1, л. 89]. Кроме того, в основу проведения изучения социального состава городского населения СССР был положен комбинированный подход: перепись городского населения (демографическо-профессиональная); перепись домовладений и помещений (собственно-городская перепись); перепись промышленных предприятий, а также учет торговых предприятий [1, л. 88]. Поставленные перед советскими органами статистики задачи были ориентированы на получение данных по экономическому потенциалу городского населения с целью его дальнейшего изучения и анализа.

К исследованию социального состава населения Губернское статистическое бюро предъявляло следующие требования: одновременность проведения переписи; «быстрота» – проведение с максимально возможной

оперативностью, для переписи населения отводился один день; «момент наблюдения должен отвечать состоянию наименьшей подвижности социальной массы» [1, л. 89-90].

Демографическая часть переписи имела свой объект – наличное население, то есть «население, которое фактически находится в пределах переписной территории в критический момент наблюдения» [1, л. 89-90]. При этом отсутствующее более трех месяцев население не регистрировалось, а отсутствующее менее этого срока – фиксировалось только в посемейном списке.

Основная счетная единица переписи была представлена отдельным лицом, на которое составлялся личной листок, а вспомогательной единицей становилась семья [1, л.92].

Вместе с тем, при подготовке к Всесоюзной городской переписи 1923 года на местах отмечались недостатки программы переписи. Во-первых, Губернское статистическое бюро пришло к выводу, что определение площадей домовладений через опрос не будет эффективным при практике проведения страховыми органами через своих агентов и Коммунальными отделами измерений [1, л. 94]. Для устранения этого пробела рекомендовалось проводить измерения. В Докладе о Всероссийской переписи городского населения утверждалось, что «прежняя земская практика довольствовалась рулеткой, и этого было вполне достаточно» [1, л. 95]. К недостаткам было отнесено отсутствие учета угодий, состояния построек и регистрации мостовых, тротуаров, строительных признаков квартиры. Также к пробелам городской переписи причислено решение о непроведении регистрации владельцев скота.

При подготовке Всесоюзной городской переписи 1923 года на территории Курской губернии Губернское статистическое бюро пришло к выводу, что «программы переписи не вполне достаточны для того, чтобы удовлетворить местные нужды органов, заинтересованных в материалах переписи» [1, л. 95].

Предварительно Губернское статистическое бюро включило в программу переписи 91 поселение, по итогу 83 поселения было включено в городскую перепись [1, л. 96; 2, л. 4]. В Курской губернии насчитывалось приблизительно 580 счетных участков и 50 инструкторских районов, а для проведения переписи требовалось 17 руководителей, 45 инструкторов и 580 счетчиков [1, л. 97, 99].

В предварительных итогах городской переписи по губернии было отражено: число владений (застроенных и незастроенных); число владений; число квартир (заселенных и пустующих) [2, л. 1-4].

Анализ данных, подученных в ходе городской переписи на территории Курской губернии, показывает, что приоритетным направлением по сбору данных являлась экономическая составляющая жизни жителей городов и жителей: помимо количества владений, застроек и квартир было учтено количество учреждений без жилья и с жильем, фабрично-заводские мастерские, прочие промышленные помещения, торговые и складские помещения, гаражи, конюшни и сараи, помещения для хозяйственных нужд, действующих и бездействующих помещений, а также количество скота (лошади, коровы, волы, свиньи, овцы и козы) [2, л. 1-4].

Если говорить непосредственно о социальном составе населения, то предварительные итоги располагали данными только по категориям «число семей», «наличное число мужского пола», «наличное число женского пола», общее количество населения [2, л. 1-4].

По результатам городской переписи в Курской губернии оказалось, что абсолютно во всех городах Курской губернии женское население преобладало, по всему региону всего проживало 135 632 мужчины и 154 126 женщин, а всего 289 758 городских жителей и 58 764 семей [2, л. 4]. Самыми населенными городами были Курск (18 004 семей, 40 164 мужчины, 45 743 женщин, а всего 85 907 жителей) и Белгород (6 152 семей, 13 019 мужчин, 15 721 женщин, а всего 28 740 жителей) [2, л. 1]. Из изложенного видно, что, несмотря на поставленные задачи перед городской переписью населения,

изучение дифференциации по профессиональному и национальному признаку в итоге не стало одним из результатов работы Губернского статистического бюро, что говорит не о самой высокой заинтересованности власти в полномасштабном изучении социального состава городского населения.

Однако изучение естественного движения населения по Курской губернии органами статистики продолжилось: в Отчете отдела демографии Губернского статистического бюро за январь – декабрь 1926 года отражено, каким образом менялось число браков, разводов, родившихся, умерших и естественном приросте населения в период с 1923 по 1925 годы. Так, число браков в эти годы последовательно уменьшалось с 37 696 до 33 461 (в 1923 г.) и 23 985 (к 1925 г.) соответственно. Число разводов уменьшилось с 2 367 до 2 175 (в 1924 г.), а затем увеличилось до 2 956 (в 1925 г.) разводов. Число родившихся последовательно увеличивалось: 123 195 чел. (в 1923 г.), 131 095 чел. (в 1924 г.) и 140 232 чел. (в 1925 г.). Число умерших увеличивалось с 58 741 чел. (в 1923 г.) до 71 186 чел. (в 1925 г.). Естественный прирост в указанные годы был положительным: с 64 454 чел. до 69 046 чел. [3, л. 12].

Таким образом, можно сделать вывод, что в первые годы существования СССР государство нуждалось в изучении социального состава городского населения. В Кратком историческом обзоре организации и деятельности Курского губернского статистического отдела в 1917 по 1927 годы указано, что предварительные итоги городской переписи были опубликованы в январе 1924 г., окончательная разработка завершилась к концу 1925 г., а в 1926 г. итоги переписи готовились к опубликованию [3, л.71]. Это свидетельствует о важности проведения объективного исследования потенциала городов. Однако в работе статистических органов был отдан приоритет не социальным, а экономическим характеристикам городского населения. Необходимо указать, что губернские органы статистики оценивали утвержденные программы проведения переписи и

разрабатывали предложения по их улучшению и устранению пробелов в целях получения наиболее полных и ценных для развития региона данных о городском населении.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1)Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. Р-327. Оп.1. Д.115.

2) ГАКО Ф. Р-327. Оп.7. Д.116.

3) ГАКО Ф. Р-327. Оп.7. Д.201.

9И (470)

УНИФИКАЦИЯ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ В РЕСПУБЛИКАХ СОЮЗА ССР 1923–1940

Соколов Александр Станиславович
доктор исторических наук, профессор кафедры истории, философии и права Рязанского государственного радиотехнического университета имени В.Ф. Уткина, Россия, Рязань
e-mail: falcon140770@yandex.ru

Аннотация. В статье отражена деятельность партийно-государственного руководства, направленная на унификацию денежного обращения в республиках СССР в период нэпа и после.

Ключевые слова: денежное обращение, валюта, СССР, рынок, унификация, эмиссия.

UNIFICATION OF MONETARY CIRCULATION IN THE REPUBLICS OF THE USSR 1923–1940

Sokolov Aleksandr S.
Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History, Philosophy and Law of the Ryazan State Radio Engineering University named after V.F. Utkin, Russia, Ryazan
e-mail: falcon140770@yandex.ru

Abstract. The article reflects the activities of the party and state leadership aimed at the unification of monetary circulation in the republics of the USSR during the NEP period and after.

Key words: money circulation, currency, USSR, market, unification, issue.

30 декабря 1922 г. I Всесоюзный съезд Советов принял декларацию и утвердил Договор об образовании СССР. В него вошли четыре национальные республики ─ РСФСР, УССР, ЗСФСР, БССР. С созданием нового государства возникла необходимость в установлении единой денежной системы СССР. Процесс унификации денежных знаков, находящихся в обращении происходил в соответствии с декретом СНК от 8 сентября 1922 г. «Об установлении однородности денежного обращения», который воспретил Народному Комиссариату Финансов и Госбанку выпускать в обращение всякого рода денежные знаки прежних до 1922 г. выпусков [3, с. 71].

В 1923 г. в Федеративном Союзе Советских Социалистических Республик Закавказья проходила финансовая реформа, осуществленная в форме создания одной системы денежного обращения для всей Федерации. Постановлением Союзного Совета ЗСФСР был выпущен новый закавказский денежный знак, имевший хождение и являвшийся законным платежным средством во всех закавказских республиках. С января 1923 г. по апрель 1924 г. было выпущено в обращение 16 квадриллионов закавказских рублей. Денежная реформа 1923 г. не объединила финансовую систему Закавказья с общесоюзной системой. После выпуска в обращение в феврале 1924 г. казначейских билетов вместо обесценивавшегося совзнака Москва стремилась к полной унификации денежного обращения и центр без особого сожаления смотрел на то, что закавказская денежная система приближается к краху еще с большей быстротой. В письме к С. Орджоникидзе С.М. Киров с тревогой сообщал, что «закавказский денежный знак упал до безобразия» под влиянием беспрецедентного роста цен. В другом письме к Орджоникидзе Киров констатировал, что рабочие отказываются принимать в уплату закавказские дензнаки, требуя выплату заработка в червонцах и казначейских билетах, и что как только каналы денежного обращения начнет заполнять серебряная монета, финансовый крах Закавказья будет неизбежен [9, с. 51]. Хозяйственные органы и кооперация старались сбывать обесценивающийся закавказский дензнак. Постановлением Закавказского ЦИК и СНК от 18

февраля 1924 г. установлено было обязательное хождение на территории ЗСФСР государственных казначейских билетов СССР. В апреле 1924 г. прекращена была эмиссия закавказских денежных знаков и декретирован был их выкуп по курсу 12,5 млрд за рубль казначейскими билетами. Денежная реформа благотворно сказалась на понижении цен на продукты, многие из которых понизились на 20-25% [4]. Стала обесцениваться иностранная валюта. В Тифлисе курс фунта стерлингов на 1 апреля упал с 9,45 до 7,35 рублей [3, с. 604]. Л.Н. Юровский писал в «Финансовой газете», что Закавказье приобретает от реформы не только преимущества, которые связаны с введением устойчивой валюты, но еще и все те выгоды, которые вытекают из единства денежной системы и упрощения торговых операций с остальными союзными республиками [10].

Аналогичное мероприятие по унификации денежного обращения было проведено в Хорезмской и Бухарской народных республиках. Еще в апреле 1922 г. сотрудник Наркомата финансов С. Измаилов писал Г. Сокольникову о том, что во избежание кризиса важно добиться унификации валюты с Бухарской республикой [11, с. 254]. В марте 1923 г. Политбюро одобрило меры по унификации денежных систем [7, с. 209]. С мая произошел обмен местных денежных знаков на общефедеративные. Курс для обмена был установлен 1:3 для Бухары и 1:1 для Хорезма. К осени 1923 г. выкуп местных денег был закончен. Однако фактически серебряная теньга еще долго сохраняла хождение в Бухаре [12, с. 229].

В сентябре 1939 г. СССР начал присоединение западно-украинских и западно-белорусских земель. В связи с этим встал вопрос о включении денежного обращения этих областей в систему денежного обращения Советского Союза. Постановлением СНК от 6 декабря 1939 г. был определен переход на советскую валюту присоединенных территорий. С 21 декабря Госбанк должен был вести все расчеты государственных и кооперативных учреждений в советской валюте. Пересчет польских злотых на советские рубли осуществлялся по установленному курсу: 1 злотый равнялся 1 рублю.

Но на советские деньги можно было обменять только 300 злотых. С 21 декабря 1939 г. польские злотые были исключены из обращения. Власть уведомило население Западной Украины и Западной Белоруссии лишь накануне. Это вызвало тревогу и недовольство населения. В докладной записке Л. Берии нарком внутренних дел УССР И. Серов сообщал, что в день оглашения постановления правительства об отмене злотых «наблюдалось скопление населения около банков» [1, с. 168]. В Западной Белоруссии имели место случаи, когда «вопреки правительственным распоряжениям о выплате зарплаты советскими деньгами» людям выдавали уже не действовавшие злотые [6, с. 27].

Переход на советскую валюту в Бессарабии и Северной Буковине был осуществлен в 1940 г. Постановлением СНК от 2 июля 1940 г. был установлен обменный курс:1 лей равнялся 2,5 копейки. Леи принимались в платежи, но в обращение не выпускались, а со счетов и вкладов выдавалось не свыше 200 руб. (8 тыс. лей) в месяц. Постановлением СНК от 29 августа 1940 г. было принято решение о прекращении обращения румынских лей с 1 сентября 1940 г.

После провозглашения Литвы, Латвии и Эстонии советскими республиками и принятие их в состав СССР начался переход на советскую валюту. В сентябре 1940 г. были приняты постановления СНК по Латвийской, Литовской и Эстонской ССР [8, л. 87-96]. Была повышена зарплата на 25─40%, с ноября устанавливались цены применительно ценам СССР. Вводилось параллельное обращение советской и местной валюты по курсам 1 лит: 90 коп., 1 лат: 1 рубль, 1 эстонская крона: 1 руб. 25 коп. Местная валюта в обращение не выпускалась, не разрешалось выплачивать со счетов в банках и сберкассах частным лицам и предприятиям более 1000 руб. независимо от размера счета. Прибавка к зарплате и другие меры поддержки населения не смогли компенсировать потери граждан на переходе на советский рубль. Реальный курс местных валют был примерно один к десяти. Это сделало неизбежным повышение цен в Прибалтике уже осенью

1940 г., что пошатнуло у жителей веру в новые порядки [5, с. 245]. В июле 1940 г. Берия сообщал Сталину, что в Таллине ходят слухи, что эстонская крона перестает ходить и вводится рубль, который приравнивается к кроне. Образуются очереди у магазинов. В марте 1941 г. в Прибалтике везде была введена в обращение советская валюта. Постановлением СНК от 21 марта 1941 г. было принято решение об аннулировании с 25 марта 1941 г. литы, латы и кроны.

С начала 1920-х до 1940 г. в республиках Союза ССР были проведены финансовые реформы, заключающиеся в переходе местной валюты на советский рубль. Унификация денежного обращения носила конфискационный характер, имела своими последствиями рост цен и увеличение объемов бумажной эмиссии. Тем не менее, сформированная единая денежная система страны позволила выдержать серьезные испытания в сфере финансов и кредита в годы Великой Отечественной войны.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1) Баран В.К. Экономические преобразования в Западной Украине 1939─1941 годах //Западная Белоруссия и Западная Украина в 1939─1941 годах: люди, события, документы. – СПб., 2014. С. 156– 176.

2) Голанд Ю.М. Дискуссии об экономической политике в годы денежной реформы 1921-1924. – М., 2006.

3) Денежное обращение и кредитная система Союза ССР за 20 лет. – М., 1939.

4) Известия. 1924. 14 мая.

5) Кантор Ю.З. «Аплодировали только члены партии». Социально-экономическая советизация Прибалтики в 1940─1941 гг. //Петербургский исторический журнал. 2019. № 4. С. 239─252.

6) Карпенкина Я.В. Еврейское население и экономические преобразования в Западной Белоруссии, 1939─1940 гг. //Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 4. С 25─31.

7) Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919–1952. Каталог В 3 т.Т.1. – М., 2000.

8) Российский государственный архив социально-политической истории. Ф.17. Оп. 16. Д. 29.

9) Симонов Н.С. Советская финансовая политика в условиях нэпа (1921-1927 гг.) // История СССР. 1990. № 5. С. 42─59.

10) Финансовая газета. 1924. 8 апреля.

11) Экономические отношения России с будущими союзными республиками. 1917– 1922. – М., 1996.

12) Юровский Л.Н. Денежная политика Советской власти (1917-1927). Избранные статьи. – М., 2008.

УДК 93/94

ГОСУДАРСТВЕННАЯ КАПИТАЛИЗАЦИЯ ЛЕСНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ В КОНЦЕ 1920-Х – 1930-Е ГГ. [1]

Малахов Родион Александрович

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории, Вологодский государственный университет, Россия, Вологда

e-mail: malakhov74@mail.ru

Аннотация. Статья нацелена на изучение капитализации лесной промышленности Советской России. Выявлено, что для определения эффективности производства центральной властью стали применяться экономические критерии индустриального (капитализированного) характера. Сделан вывод о том, что в изучаемый период увеличились госбюджетные капиталовложения в лесную промышленность страны, система управления ею стала перестраиваться под новые задачи и условия. В целом, в России 1930-х гг. активизировался процесс государственно-капиталистической трансформации экономики.

Ключевые слова: государственный капитализм; капитализация; лесная промышленность; региональная власть

STATE CAPITALIZATION OF THE FOREST INDUSTRY OF THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA IN THE LATE 1920S – 1930S

MALAKHOV Rodion A.

candidate of historical Sciences, associate Professor of history,

Vologda State University, Russia, Vologda

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 20–09–00031 «Региональное чиновничество в процессе капиталистической трансформации Советского государства (конец 1920-х - 1960-е гг.)».

e-mail: malakhov74@mail.ru

Abstract. The article is aimed at studying the capitalization of the timber industry in Soviet Russia. It was revealed that to determine the efficiency of production, the central government began to apply economic criteria of an industrial (capitalized) nature. It is concluded that during the period under study, state budget investments in the country's forestry industry increased, and the system of its management began to be reorganized to meet new tasks and conditions. In general, in Russia in the 1930s. the process of state-capitalist transformation of the economy intensified.

Key words: state capitalism; capitalization; timber industry; regional authority

С конца 1920-х гг. в СССР расширялись и углублялись экономические принципы функционирования промышленных предприятий (например, рентабельность, доходность, прибыльность производства, себестоимость продукции). Товарно-денежные отношения в течение нескольких десятилетий в основном заменили натурально-продуктовые связи. Капитализация экономики становилась важнейшим направлением экономической политики Советского государства.

Еще в середине 1920-х гг. центральная власть сформулировала основные задачи индустриальной (капитализированной) трансформации страны. Так, в резолюции XV конференции ВКП(б) «О хозяйственном положении страны и задачах партии» от 3 ноября 1926 г. указывалось: «Все усилия партии и Советского государства должны быть, в первую очередь, направлены на обеспечение такого расширения основного капитала, которое обусловливало бы постепенную перестройку всего народного хозяйства на более высокой технической базе… Процесс расширенного воспроизводства промышленности должен быть обеспечен, прежде всего, вложением в индустрию новых масс прибавочного продукта, создаваемого внутри самой промышленности. Главнейшими условиями в деле увеличения размеров внутрипромышленного накопления являются: решительное сокращение накладных расходов, ускорение оборачиваемости капиталов, всемерная

рационализация промышленности, применение в ней новейших достижений техники, увеличение производительности труда и повышение трудовой дисциплины. Однако, как бы ни возрастало внутрипромышленное накопление … дальнейшее развертывание промышленности будет в значительной степени зависеть от тех дополнительных средств, которые будут направлены в промышленное строительство... В государственном бюджете Союза интересы индустриализации страны должны найти полное выражение…» [9, с. 775-777].

В последующие годы данная политика и контроль ее выполнения расширялись. Например, в июне 1930 г. XVI съезд ВКП(б) в резолюции по отчету Центральной ревизионной комиссии ЦК ВКП(б) констатировал, что «наиболее слабым участком работы промышленности является ход выполнения ею заданий по качественным показателям» и предложил «ЦКК-РКИ взять под контроль организацию борьбы за снижение себестоимости, за качество продукции» [8, с. 136].

Обратимся к процессу реализации политики государственной капитализации экономики в лесной отрасли. В июле 1929 г. Совет труда и обороны СССР принял решение о подчинении ВСНХ, Наркомату земледелия и Наркомату путей сообщения всех лесопромышленных предприятий страны. Это было сделано, в том числе, с целью «удешевления себестоимости продукции лесной промышленности и увеличения размеров дохода от лесного хозяйства» [10, с. 154].

Для определения эффективности производства центральной властью стали применяться экономические критерии индустриального (капитализированного) характера. Так, в 1929 г. на партийном собрании по итогам проверки Вологодской парторганизации комиссией ЦК ВКП(б) представитель ЦК партии сообщил: «Доминирующее значение (81,4%) в округе занимает промышленность, сырьем для которой является лес (деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная)… Имеется значительное несоответствие между производительностью труда и заработной платой;

средняя годовая выработка одного рабочего за 1928/29 год увеличилась на 11,1% при росте средней заработной платы на 7,5%. Особенно большое несоответствие на предприятиях Вологдолеса, где производительность снизилась на 6%, а зарплата поднялась на 10%. По фабрике «Сокол» зарплата увеличилась на 17%, производительность труда – на 7,1%. Решения партии о 7% снижении себестоимости промышленной продукции в 1928/29 г. не выполнено. Себестоимость по предприятиям Вологдолеса повысилась на 6,2%, по Свердловскому целлюлозному заводу осталась без изменений, по фабрике «Сокол» понизилась на 5,5%...» [2, л. 411-412]. Представитель центра настаивал на соблюдении важных принципов советской экономики (по сути, капитализированного производства): рост зарплаты наемных работников должен соответствовать показателям производительности труда, предприятию следует добиваться снижения себестоимости своей продукции.

В 1938 г. в Госплан СССР поступили сведения об итогах выполнения второго пятилетнего плана по лесной промышленности Коми АССР. В них отмечалось, что «во втором пятилетии в народное хозяйство Коми АССР вложено 380,3 млн рублей, тогда как в первом пятилетии всего было вложено 92,6 млн рублей, т.е. в 4 раза меньше средств. Основные капитальные вложения во втором пятилетии были направлены в промышленность и транспорт… Ведущую роль в экономике Коми АССР играет лесная промышленность. Объем лесозаготовок по республике вырос с 3,14 млн куб. в 1932 году до 4,4 млн куб. в 1937 году…» [10, с. 298-299].

В апреле 1940 г. в отчем докладе Карельского обкома ВКП(б) об итогах работы лесной промышленности Карелии за 1937-1939 гг. на Первом съезде Компартии Карело-Финской ССР отмечалось, что «капиталовложения в лесную промышленность только системы Наркомлеса составили в 1938 г. 18,4 млн руб., в 1939 г. – 21 млн руб.» [10, с. 359].

По мнению некоторых исследователей политика центра по увеличению капиталовложений в экономику страны имела ряд противоречий. Например, Пол Грегори отмечал, что данные об инвестициях в советскую экономику с

1928 по 1938 гг. «не показывают быстрый и стабильный рост как номинальных, так и реальных капитальных вложений, напротив, они показывают наличие инвестиционных циклов: за периодами быстрого роста инвестиций следовали периоды замедления или даже спада в объемах инвестиций. Были даже два года, когда снизились как номинальные, так и реальные инвестиции (1933 и 1937)… Судя по этим данным, непохоже, что Политбюро придерживалось политики инвестиций любой ценой, определяя потребление по остаточному принципу» [5, с. 121-122].

Для координации капиталовложений в региональных органах власти создавались профильные подразделения. Так, в декабре 1939 г. первый секретарь Вологодского обкома партии П.Т. Комаров направил в ЦК ВКП(б) докладную записку «Об организации лесного отдела обкома ВКП(б)», в которой указал: «Промышленная продукция лесозаготовительных организаций за 1938 год составила 73,5 миллиона рублей или 21 процент всей промышленной продукции Вологодской области… Организация лесного отдела при обкоме ВКП(б) поможет обкому … глубже вникнуть в вопросы себестоимости, предотвращать убытки, которые выражаются в больших суммах, более глубже изучить взаимоотношения леспромхозов с колхозами…» [4, л. 180, 182]. ЦК партии поддержал просьбу Вологодского обкома. Лесной отдел был создан, в 1940 г. он был преобразован в отдел лесной промышленности [1, с. 43]. Аналогичные процессы происходили в соседних регионах. Например, в декабре 1939 г. указом президиума Верховного Совета Коми АССР был образован наркомат лесной промышленности автономной республики [6, с. 215]. В 1941 г. в Коми обкоме партии был создан отдел лесной промышленности [7, с. 21].

Таким образом, в изучаемый период увеличились госбюджетные капиталовложения в лесную промышленность страны, система регионального управления ею стала перестраиваться под новые задачи и условия. В целом, в России 1930-х гг. активизировался процесс государственно-капиталистической трансформации экономики.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1) Вологодский областной архив новейшей политической истории. Путеводитель. - Москва: «Звенья», 2000 – 480 с.

2) Вологодский областной архив новейшей политической истории (далее – ВОАНПИ). Ф. 1855. Оп. 1. Д. 24.

3) ВОАНПИ. Ф. 1855. Оп. 1. Д. 356.

4) ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 2. Д. 68.

5) Грегори П. Политическая экономия сталинизма. – Москва: РОССПЭН, 2008. – 400 с.

6) Жеребцов И.Л., Таскаев М.В., Рогачев М.Б., Колегов Б.Р. Историческая хроника. Республика Коми с древнейших времен. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2002. – 344 с.

7) Коми республиканский государственный архив общественно-политических движений и формирований. Путеводитель. – Москва: «Звенья», 2000 – 288 с.

8) Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). 9-е изд. Т. 5. – Москва: Политиздат, 1984. – 446 с.

9) XV конференция Всесоюзной коммунистической партии (б) 26 октября – 3 ноября 1926 г. Стенографический отчет. – Москва-Ленинград: Государственное издательство, 1927. – 847 с.

10) Советская лесная экономика. Москва – Север. 1917-1941 гг.: Сборник документов и материалов. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2005. – 442 с.

УДК 94(47).084.6

КОЛХОЗНОЕ КРЕСТЬЯНСТВО ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ В ДОВОЕННОЕ ВРЕМЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ВОСПОМИНАНИЙ В.Т. УЛЬЯНОВСКОГО)[2]

Жукова Вероника Сергеевна

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», Вологда, Россия

e-mail: zhukova_veronika@list.ru

Аннотация. В статье представлен фрагмент воспоминаний жителя Тарногского района Вологодской области о довоенной жизни. Они включают в себя службу в рядах Красной Армии, военные сборы, военную и гражданскую курсовую подготовку.

Ключевые слова: воспоминания; колхозы; служба в армии; военные сборы; курсы.

COLLECTIVE FARM PEASANTRY OF THE VOLOGDA REGION IN THE PRE-WAR PERIOD (BASED ON THE MEMOIRS OF V.T. ULYANOVSK)

Zhukova Veronika S.

candidate of historical Sciences, associate Professor of National history of the Vologda State University, Vologda, Russia

Abstract. The article presents a fragment of memories of a resident of the Tarnogsky district of the Vologda region about pre-war life. They include service in the ranks of the Red Army, military training, military and civilian course training.

Key words: memories; collective farms; military service; military training; courses.

[2] Публикация подготовлена в рамках проекта «Сельское хозяйство в контексте модернизации Европейского Севера России в 1920 – 1930-е годы», осуществляемого при поддержке РФФИ (20-09-00238 а)

Великая Отечественная война является важнейшим событием в истории нашей страны. Она оставила заметный след в жизни каждой советской семьи, но немаловажным периодом нашей истории являются 1930-е годы. Во второй половине 1930-х гг. возникают локальные конфликты и в ходе третьей пятилетки начинается подготовка к войне. Важно рассмотреть, как рядовые советские граждане жили и трудились в этот период времени. Особую ценность представляют свидетельства очевидцев событий, которые зафиксированы в воспоминаниях и дневниках сельских жителей. К одному из таких источников я обращаюсь в данной публикации. Атрибуция источника «Краткое биографическое описание жизни В.Т. Ульяновского» была представлена ранее. Так же были опубликованы некоторые фрагменты, в частности описана жизнь доколхозной деревни [1, с. 225–230] и сельская вечеринка 1920 – 1930-х гг. [2, с. 38–42]. При подготовке публикации текста соблюдены правила издания исторических документов с соблюдением современной пунктуации, сохранена орфография автора за исключением слитного написания предлогов. В квадратных скобках курсивом даны примечания и пояснения В.С. Жуковой. В данной публикации представлены материалы рукописи, которые охватывают период с 1935 г. по 1941 г.

Краткое биографическое описание своей жизни Ульяновского Василия Тимофеевича 21 декабря 1913 года, члена КПСС 1/I 1940 года

[Л. 13.] С 5/X-1935 г. по 25/X-1937 г. служба в рядах Красной Армии в Ленинградском военном округе на Карельском перешейке, за Ленинградом местечко Левашово (Осинова-Роща), где проходил полковую школу и получил воинское звание командир отделения, дальше местечко Черная речка – Агалатово, все в укрепленном районе того периода.

На сборном пункте в октябре 1935 года нас призывников встретил командир взвода тов. Строкин уполномоченный из гарнизона «М» Ленинградского военного округа.

[Л. 14.] Который нас привез в город Ленинград из Ленинграда, в Левашово (Осинова-Роща), где вымыл в бане, переобмундировал и строем пешком по Выборгскому шоссе привел на Черную Речку – местечко Медный Завод – гарнизон «М», где нас распределили по взводам и отделениям и стали учить военному делу. Пройдя 20-дневный карантин, начали знакомить с несением внутренней службы: дневальный по роте, дежурный по роте и по гарнизону. Когда приняли воинскую присягу, нас допустили к несению службы по охране государственной границы с Финляндией. До января 1936 года ходили в наряд на границу.

В январе 1936 года начальник гарнизона «М» произвел отбор лучших дисциплинированных 18 человек, в том числе и меня, и откомандировали обратно в Левашово для прохождения полковой школы командиров на 6 месяцев.

В 1936 году мне удалось участвовать в первомайском военном параде в городе Ленинграде, который проходил на площади Урицкого (ныне Дворцовая). В колонне курсантов полковых школ т.к. в полковой школе был отличником боевой и политической подготовки.

После окончания полковой школы в Левашово и получения воинского звания командир отделения, был направлен для прохождения дальнейшей военной службы местечко Агалатово, гарнизон «О». Был назначен командиром 2-го отделения 1-го взвода полковой школы, где сам учился и учил солдат. Полком взвода был командир 1-го отделения тов. Соколов Никон Николаевич, который был и моим учителем общеобразовательной подготовки. Он научил читать, с ним учил простые, десятичные дроби. После данной учебы у меня образование считается 4 класса.

[Л. 15.] Фотография автора в военной форме.

[Л. 16.] За период военной службы в гарнизоне «О», Агалатово удалось сделать два выпуска командиров отделений. Я был помком взводом, командовал 1-м отделением 1-го взвода и демобилизовался в октябре 1937 года, воинское звание имел помкомвзвод.

После демобилизации из рядов Красной Армии снова прибыл на Тарногский льнозавод № 22 и снова стал работать сортировщиком льнотресты. С ноября 1937 г. по май 1938 года работал сортировщиком льнотресты. В мае 1938 г. директор завода тов. Генаев А.И. направил на курсы контролеров льнозаготовок, которые были организованы Обльнотрестом в городе Череповце, которые проходили при Череповецком Загот-Лен, на берегу реки Ягры от города Череповца. За рекой на квартире жил в деревне Борок.

Курсы контролеров льнозаготовок окончил с оценкой «отлично» и получил удостоверение в котором по всем дисциплинам были выставлены оценки «отлично», и общая оценка была дана «отлично». Работал контролером льнозаготовок на Тарногском льнозаводе до марта 1939 года.

[Л. 17.] Находясь на курсах контролеров льнозаготовок в городе Череповце 4 июня 1938 года, ходили всей группой курсантов и преподавателей в фотографию г. Череповца и сфотографировались.

В апреле 1938 года также был в городе Череповце на одномесячных курсах инструкторов П.В.О. района. Курсы проводились по линии облвоенкомата и облсовиахима. Слушатели были собраны с 27 районов Вологодской области. Направляли с предприятий и организаций на курсы инструкторов райвоенкомы.

Мною курсы инструкторов П.В.О. района были окончены с общей оценкой – «хорошо».

[Л. 18.] В марте 1939 на проходившей конференции членов уполномоченных потребкооперации Тарногского Райпотребсоюза, уполномоченным которой был и я. На этой конференции меня избрали членом правления Райпотребсоюза на должность директора Заготконторы. Приняв дела директора заготконторы Райпотребсоюза, правлением был направлен на курсы директоров з/контор в город Череповец, где в этот период была учебная база Облпотребсоюза Вологодской области.

[Л. 19.] Апрель – июнь 1939 года на трехмесячных курсах директоров заготконтор Райпотребсоюзов учился на курсовой учебной базе Облпотребсоюза при Череповецком Райпотребсоюзе на улице Ленина.

Курсы окончил с общей оценкой – «хорошо». Приехав с курсов, поработал месяц директором з/конторы РПС и в августе 1939 г. Райвоенкомом был призван на сбор командиров взводов запаса и был направлен в город Тотьму для прохождения сбора. Прибыв в Тотьму, Райвоенкомат последним был направлен местечко Изониха, что в 6 км от города Тотьма вверх по реке Сухоне, где учил рядовой состав запаса. Жили в палатках, лагерь располагался на берегу реки Сухона. Командовать пришлось ротой. Пищеблок был при лагере. Пройдя учебную программу в конце сентября 1939 г. 50% состава сбора были отправлены в расположение Облвоенкома. А из Вологды были отправлены в воинские части действующей армии на польской границе.

В октябре 1939 года прибыл в Тарногу и директором заготконторы Райпотребсоюза работал до 10/X-1940 г. Инструкторами заготконторы того времени были по кожевенному сырью и пушнине Ефремов Иван Константинович, хорошо знающий свое дело, дисциплинированный. По овощной и утилевой группе заготовок работал инструктором Шкалин Александр. Очень хорошие были помощники в проведении заготовок.

В начале октября 1940 года Райвоенком капитан Гошек вызвал меня в Райвоенкомат и приказал готовиться к выезду в город Грязовец на КУОП.

10 октября 1940 года один из Тарногского района выехал на автомашине на пристань Брусинец для следования в город Грязовец на КУОП.

[Л. 20.] Курсы усовершенствования офицеров пехоты (КУОП) проходившие в городе Грязовец Вологодской области, в военном городке. Курсы были всего Архангельского военного округа. Командующим округа в тот период был генерал-полковник Качалов. Начальником курсов КУОП был полковник тов. Ковалевский, начальником строевой части – майор Штритер.

Все занятия на КУОПе, кроме полит[ических] занятий, проводились в поле и только на лыжах. В выходные дни в январе и феврале 1941 г. проводились лыжные кроссы имени наркома обороны тов. Тимошенко.

В феврале 1941 года был проведен лыжный кросс на 20 км с полной боевой выкладкой. В кроссе принимали участие все слушатели КУОПа за исключением внутреннего наряда. Приняло участие в кроссе 460 чел. И начальник строевой части майор Штритер, который шел в форме спортсмена и занял 1-е место. Я занял 2-е место, дистанцию на 20 км прошел за 1 час 37 мин. и получил памятный подарок от командования КУОП – деревянную шкатулку. Учебу на КУОПе закончил в начале апреля 1941 года.

Курсы КУОП мною закончены с оценкой «отлично» и получил воинское звание лейтенанта. Из 480 чел. слушателей КУОПа воинское звание лейтенанта получили 5 человек. Все остальные слушатели были удостоены воинского звания младший лейтенант. После окончания КУОП все слушатели были направлены с мобилизационными предписаниями в распоряжение Райвоенкоматов. Прибыв в Тарногский Райвоенкомат, в апреле, и доложил военкому тов. Гошеву: «Прибыл в ваше распоряжение», и вручил ему свои документы, военком предложил: «Хочешь, иди, работай, хочешь, иди в отпуск». Я решил работать и работал директором Тарногской заготконторы Райпотребсоюза до 22 июня 1941 года, до вероломного нападения гитлеровской Германии на нашу Родину.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Жукова, В.С. Доколхозная деревня Тарногского района Вологодской губернии (по воспоминаниям В.Т. Ульяновского) // Проблемы российской и региональной истории XIX – XX веков. – Вологда, 2016. – С. 38 – 42.

2. Жукова, В.С. Сельские праздники в доколхозной деревне Европейского Севера России // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века. – М., 2021. – С. 225 – 230.

УДК 94(47).084.6

УХТПЕЧЛАГ – КОМИ АВТОНОМНАЯ ОБЛАСТЬ: ВЗАИМОТНОШЕНИЯ РУКОВОДЯЩИХ ОРГАНОВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-Х ГОДОВ

Юрченко Виталий Вячеславович

Старший преподаватель кафедры документоведения, истории и философии,

Ухтинский государственный технический университет, Россия, Ухта

e-mail: yurvit@bk.ru

Аннотация. В статье показаны взаимоотношения руководящих органов Ухто-Печорского лагеря НКВД СССР и Коми Автономной области в первой половине 1930-х гг.

Ключевые слова: Европейский северо-восток, ГУЛАГ, Коми Автономная Область, Ухтпечлаг, экономика принудительного труда.

UHTPECHLAG - KOMI AO: RELATIONSHIPS OF GOVERNING BODIES IN THE FIRST HALF OF THE 1930S

Yurchenko Vitaly V.

Senior lecturer of the Department of documentation, history and philosophy,

Ukhta State Technical University, Russia, Ukhta

e-mail: yurvit@bk.ru

Abstract. The article shows the relationship between the governing bodies of the Ukhta-Pechora camp of the NKVD of the USSR and the Komi Autonomous Region in the first half of the 1930s

Key words: European North-East, GULAG, Komi Autonomous Region, Ukhtpechlag, forced labor economy

Созданный в 1929 году Ухто-Печорский лагерь (на начальном этапе в виде так называемой Ухтинской экспедиции ОГПУ) с самого начала своего

существования, в силу территориального расположения, должен был строить взаимоотношения с властями Коми Автономной Области. Однако специфика экспедиции (позднее огромного лагерного комплекса) – использование подневольного труда – вскоре начала диктовать особые условия взаимодействий между двумя властными структурами.

Прямой контроль в 1929-31 гг. над работами Ухтинской экспедиции из Москвы привел в процессе дальнейшего расширения лагерной структуры не к соподчинению или распределению властных полномочий, а к фактическому созданию на территории Коми огромного лагерного анклава, своеобразного «государства в государстве».

Между тем, архивные документы показывают, что областное руководство было заинтересовано не только в принятии управленческих решений в лагере (в форме совместного участия или консультаций), но и в некой интеграции лагерных структур и хозяйственных отраслей Коми автономии [1, л. 15].

Необходимо отметить тот факт, что элементы «рассогласования» властных полномочий началось с самого начала работы в ухтинском районе осенью 1929 года. На областные и районные организации были возложены обязательства по оказанию помощи Ухтинской экспедиции по выполнению плана разведывательных работ [2, л. 37], что сразу поставило управляющие структуры Коми АО если не в подчинённое, то, по крайней мере, в зависимое положение. В дальнейшем эта тенденция продолжала сохраняться.

В процессе подготовки переформирования Ухтинской экспедиции в Ухто-Печорский лагерь в 1931 году (в свете решения ЦК ВКП(б) и правительства СССР о форсировании разведочных работ по углю и нефти на территории Коми области для снижения топливного дефицита в стране) Президиум Областного исполнительного комитета Коми АО подготовил постановление от 25 июня 1931 г., в котором сформулировал задачи региональных властей по отношению к новой структуре.

Согласно этому постановлению практически все управленческие структуры автономии – Облсовнархоз, Облснаб, Колхозсоюз, Облпотребсоюз, Трест Комилес, Печорское Госпароходство и другие органы - обязывались помочь обеспечить «успешное выполнение плана разведочных работ на нефть и уголь, принятого на 1931 год, оказывая повседневную и практическую помощь Ухтинской экспедиции, на которую возложены эти работы» [2, л. 37].

Обеспечение начала промышленной эксплуатации каменноугольных и нефтеносных месторождений в 1932 году в постановлении было объявлено ничем иным как «боевой задачей областных властей» [2, л. 37], а дальнейшая помощь лагерю подразделялась на несколько направлений, среди которых можно выделить следующие:

1. Разработка плана дальнейших практических мероприятий по оказанию помощи Ухтинской экспедиции;

2. Определение необходимых лесных площадей для специального обслуживания нефтяных и каменноугольных промыслов на Печоре (имея в виду их значительную потребность в строительных материалах);

3. Разработка порайонного плана грузооборота по реке Печоре (начиная от морской пристани), мобилизация внутренних ресурсов на Печорском водном транспорте, заброска на Печору дополнительного парового и непарового тоннажа.

4. Обеспечение грузооборота дополнительной рабочей силой (путём заброски);

5. Подготовка местных кадров по строительству барж;

6. Детальное обследование и изучение водного режима рек Печоры, Ижмы, Ухты, Усы и др. для определения их пригодности к судоходству в навигационный период;

7. Полное обследование устья Печоры для разработки планов капитального строительства, в том числе (совместно с руководством Ненецкого округа) устройства морской пристани и перевозочных пунктов.

8. Установление постоянного воздушного сообщения по линии Архангельск – Печора – Сыктывкар, строительство аэродромов;

9. Разработка конкретных мероприятий по промышленной колонизации Печоры (с учётом слабой заселённости Печорского бассейна и, особенно, будущих промыслов);

10. Разработка плана подготовки кадров «инженерно-технических сил и квалифицированной рабочей силы на будущих каменноугольных и нефтяных промыслах, командируя батраков, рабочих и колхозников в ВУЗы и ТУЗы» [2, л. 38-39].

Очевидно, что некоторые из приведённых пунктов носят явно пропагандистский характер, а последний из них показывает слабое представление областных властей о формах работ будущего лагерного комплекса.

В том же документе содержится явное намерение руководства Коми автономии поучаствовать в управлении «перспективным» начинанием. Одной из задач, в связи с созданием лагерной структуры ставилось «выдвижение ряда вопросов крупнейшего хозяйственного значения (энергетика, индустрия, транспорт, связь, развитие животноводства и рыбной ловли, оленеводства), обеспечивающих наиболее широкую эксплуатацию природных богатств области» [2, л. 39].

На вторую пятилетку Президиум Коми Облисполкома обязывал «каждое областное учреждение и организацию, работы которых будут соприкасаться и связываться с разрешением Печорской проблемы, выделить персонально ответственное лицо, возложив на него наблюдение и проведение необходимых мероприятий на Печоре» [2, л. 39].

Почти всем этим планам не суждено было сбыться, у центральных властей было слишком много причин не допускать близко региональные власти к управленческим решениям в рамках функционирования лагерных структур.

Летом 1931 года Ухтинская экспедиция было преобразована в Ухто-Печорский лагерь, его руководителем остался возглавлявший экспедицию Я.Мороз.

Постановлением Совета Труда и Обороны СССР №1423/423сс от 16 ноября 1932 г. лагерь был «закрыт» вывеской Ухто-Печорского треста, вся полнота руководства которого была возложена на ОГПУ [3, л. 43]. «Управляющим» Ухто-Печорского треста, согласно постановлению, был назначен всё тот же Яков Мороз [3, л. 43]. Местным властям, в рамках пункта о денежных ассигнованиях «для установления более живой связи с новым строительством и оказания конкретной помощи по всем видам потребностей треста» было предписано «выделить в руководящих органах края ответственных исполнителей по каждому виду работы» [3, л. 49].

В целом данное постановление окончательно определило параметры взаимоотношений между руководством Ухтпечлага и Коми АО на последующие годы. Традиционную практику этих взаимоотношений показывает отчёт о работе Ухтпечтреста на заседании Облисполкома Коми АО 13 ноября 1935 г. [1, л. 20] и соответствующее постановление Президиума Облисполкома от того же числа [1, л. 15].

Отчёт предельно краток, носит формалистический характер, не содержит никакой проблемной информации о работе лагеря, но, в тоже время, в нём наличествуют замечания почти директивного характера, например указание руководству автономии о необходимости «предоставить районы сбыта и тару» для реализации нефтепродуктов лагерного производства [1, л. 20].

Постановление Президиума Облисполкома «О работе Ухтпечтреста» также очень небольшого объёма и в основном содержит информацию о необходимых действиях местных властей по отношению к лагерю. Помимо хозяйственных планов в области перевозки грузов, обеспечения лагеря продовольствием и реализации нефтепродуктов, в нём фигурируют, например, предложения заведующему Коми издательством открыть к 1

января 1936 г. в Чибью книжный магазин, Обвнуторгу – к тому же сроку открыть в Чибью универмаг, увеличить для лагеря лимит центральных газет и периодических изданий [1, л. 15].

Неудовлетворённость руководства автономией создавшимся положением была высказана в двух последних пунктах постановления, где была отмечена «оторванность Ухто-Печорского треста от областного аппарата». Руководству треста было предложено «в будущем обеспечивать Облисполком и Обплан регулярной информацией о производящихся работах, а также перспективными материалами» [1, л. 15].

При всей простоте и обоснованности этих предложений было понятно, что их осуществление в тех условиях было практически невозможно.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1) ГУ РК «Национальный архив Республики Коми». Ф.Р-3. Оп.1. Д.467.
2) ГУ РК «Национальный архив Республики Коми». Ф.Р-3. Оп.1. Д.332.
3) Государственный архив Российской Федерации. Ф.Р-5456. Оп.15а. Д.165.

УДК 331.5.024.54

ИЗМЕНЕНИЯ ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В 1940 Г. В КОНТЕКСТЕ МИЛИТАРИЗАЦИИ СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКИ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Белоногов Юрий Геннадьевич
кандидат политических наук, доцент кафедры государственного управления и истории, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Россия, Пермь
e-mail: ugb78@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются причины изменения трудового законодательства в 1940 г. и основные направления в развитии трудовых отношений, которые были призваны обеспечить более эффективный перевод советской экономики на функционирование в условиях войны.
Ключевые слова: Указ 26 июня 1940 г.; трудовые преступления; интенсификация труда; текучесть рабочей силы.

CHANGES IN LABOR LEGISLATION IN 1940 IN THE CONTEXT OF THE MILITARIZATION OF THE SOVIET ECONOMY ON THE EVE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Belonogov Yury G.
Candidate of Political Sciences, Associate Professor of Public Administration and History, Perm National Research Polytechnic University**.** Russia, Perm
e-mail: ugb78@mail.ru

Abstract. The article considers the reasons for the change in labor legislation in 1940 and the main directions in the development of labor relations, which were designed to ensure a more effective transfer of the Soviet economy to functioning in war.

Key words: Decree of June 26, 1940; labour offences; intensification of labour; labour turnover.

Начатый до начала Второй мировой войны перевод экономики на военные рельсы предусматривал увеличение объемов государственных заказов на оборонные предприятия. Накануне Великой Отечественной войны темпы роста оборонного бюджета более чем вдвое обгоняли повышательную динамику суммарных бюджетных расходов по народному хозяйству: в сравнении с серединой 1930-х годов эти расходы в 1939 г. выросли в четыре раза, а в 1940 г. – более чем в шесть раз [1, с. 26]. Продукция оборонной промышленности увеличилась за 1937–1940 гг. годы в 2,8 раза, а среднегодовой прирост составлял 39% [5, с. 251]. При этом возросли объемы капитальных вложений в строительство новых предприятий, в реконструкцию и техническое перевооружение действующего производства.

Начало Второй мировой войны ухудшило ситуацию на рынке труда. Рост численности Вооруженных Сил СССР с 1433 тыс. (1937 г.) до 4207 тыс. человек (начало 1941 г.) обострил проблему дефицита рабочей силы.

1 сентября 1939 г. был принят закон о всеобщей воинской обязанности, который завершил переход на кадровую систему комплектования армии. Закон устанавливал более продолжительные сроки военной службы и более ранний призывной возраст. Одновременно определенная часть военнообязанных должна была проходить военные сборы с отрывом от производства на срок до трех месяцев. Поэтому ежегодный уход в действующую армию части квалифицированных работников создавал проблему «кадрового голода» даже на оборонных предприятиях.

В условиях роста военного производства и дефицита кадров верховная власть была вынуждена сделать акцент на чрезвычайные методы для повышения интенсивности труда, максимального административного ограничения незапланированного «перетока» рабочей силы, наказания за наиболее опасные для производства виды нарушений трудовой дисциплины. «Рубиконом» стало принятие Указа Президиума Верховного Совета СССР 26

июня 1940 г. [6]. В современной историографии исследователи в зависимости от занимаемых теоретико-методологических позиций по-разному объясняют причины изменений трудового законодательства. Автор данной статьи усматривает первопричину принятия этого Указа (и принятых для его реализации нормативно-правовых актов) в контексте внешнеполитических изменений. Решение о криминализации части трудовых правонарушений и существенном повышении интенсификации труда принимались на фоне быстрых военных успехов нацистской Германии, усилении ее геополитического влияния в Европе и повышении степени опасности ее нападения на СССР [10, с. 69]. В изменившихся внешнеполитических условиях советскому руководству было важно ускорить проведение комплекса мероприятий по большей милитаризации экономики. В пользу этой точки зрения свидетельствует важный факт: ряд наркомов военной промышленности еще зимой 1940 г. безрезультатно обратились к И.В. Сталину с жалобой на нехватку рабочих рук и недисциплинированность работников, однако тот только в июне 1940 г. (на фоне военного поражения союзников во Франции) согласился принять непопулярный среди трудящихся Указ [11, с. 88].

По каким направлениям изменения в трудовом законодательстве встраивались в процесс милитаризации советской экономики накануне Великой Отечественной войны?

Первое направление повышало степень эксплуатации труда. Реализация Указа от 26 июня 1940 г. увеличивала продолжительность рабочего времени в среднем на 33 часа в месяц за счет перехода на семидневную рабочую неделю с восьмичасовым рабочим днем и значительным сокращением выходных и праздничных дней. Так, была увеличена длительность рабочей смены с 7 до 8 часов – на предприятиях с 7-часовым рабочим днем; с 6 до 7 часов – на предприятиях с 6-часовым рабочим днем, за исключением профессий с вредными условиями труда; с 6 до 8 часов – для служащих учреждений и для лиц, достигших 16 лет.

Одновременно был уменьшен список производств, дающий право на сокращенный рабочий день. В соответствии с постановлением Правительства СССР от 27 июня 1940 г. устанавливались (помимо воскресных дней) всего лишь 6 нерабочих дней [7]. Было отменено сокращение рабочего дня накануне дня отдыха. Продолжительность еженедельного непрерывного отдыха была сокращена с 42 до 39 часов [3, с. 30]. По экспертным подсчетам, увеличение длительности рабочего времени в сфере промышленности за год было эквивалентно приращению работников на 1 млн. человек [4, с. 28].

26 июня 1940 г. было принято постановление Правительства СССР «О повышении норм выработки и снижении расценок в связи с переходом на 8-часовой рабочий день». Важным правовым обеспечением повышения эксплуатации труда стало постановление от 12 июля 1940 г. «О сверхурочных и ночных работах и о продолжительности отпусков для рабочих и служащих, достигших 16-летнего возраста». Было подтверждено право администрации привлекать трудящихся к обязательным для них сверхурочным работам, а отказ работников по неуважительным причинам от сверхурочных работ предполагал уже их уголовное преследование.

Второе направление предполагало снижение «несанкционированной» текучести рабочей силы в целях нормализации деятельности предприятий и строек для выполнения повышенных плановых заданий. Указом от 26 июня 1940 г. были сведены к минимуму возможности покинуть прежнее место работы, а обязательное с 1932 г. увольнение за прогул отменялось. Легальные методы, позволявшие покинуть прежнее место работы, были крайне ограничены [2, с. 85-86]. За самовольный уход (или устройство на новом месте работы) без согласия администрации об увольнении такому работнику отныне полагалось тюремное заключение от двух до четырех месяцев. Если же органы прокуратуры или суда обнаруживали противозаконное содействие желающему уволиться со стороны администрации, то и он, и работник администрации подлежали уголовному наказанию. Была конкретизирована уголовная ответственность

руководителей за прием работников, самовольно покинувших прежнее место работы.

Третье направление касалось снижения экономических издержек от нарушений трудовой дисциплины. Указ от 26 июня 1940 г. и принятые для его реализации нормативно-правовые акты вводили уголовную ответственность за некоторые трудовые правонарушения, перечень которых имел тенденцию к расширению. Так, для получения желаемого увольнения работники демонстративно совершали мелкую кражу или показательно хулиганили. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 августа 1940 г. [9] вводил уголовную ответственность (уголовное наказание до года лишения свободы) за данные правонарушения. Жесткие меры по укреплению трудовой дисциплины одновременно предполагали закрепление «осужденных» (кроме «рецидивистов») на прежнем месте работы при отбытии наказания с удержанием части их заработной платы.

Четвертое направление для повышения качества производимых изделий предполагало введение уголовной ответственности, прежде всего, для руководящего состава администрации предприятий, за выпуск бракованной и некомплектной продукции [10].

В целом, развитие трудового законодательства в рассматриваемом временном промежутке коррелировало с переводом экономики на военные рельсы. Внедрение в социальную практику принуждения к труду и криминализации части трудовых правонарушений представлялся для верховной власти адекватным управленческим решением в условиях экстенсивного роста промышленного производства, сокращения количества рабочей силы, высокой текучести кадров, преобладания на производстве мало- и полуквалифицированных работников.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1) Винслав Ю.Б. Советская оборонная промышленность: из предвоенной, военной и послевоенной истории организации и управления // Российский

экономический журнал. – 2017. – № 4. – С. 23–35.

2) Востриков П.П., Добровольский А.А., Сомов В.А. Развитие законодательства о дисциплине труда в Советской России и СССР (1917–1945 гг.): историко-правовое исследование: монография. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2019. – 128 с.

3) Киселев И. Я. Трудовое право в тоталитарном обществе (Из истории права XX века) / РАН ИНИОН. Отд. правоведения; Отв. ред. Клинова Е. В. – М., 2003. – 77 с.

4) Корзун Л.И. Укрепление обороноспособности советского государства в предвоенный период (1936-1941 гг.). – М.: Знание, 1985. – 64 с.

5) Митрофанова А.В. Индустриальное развитие СССР. 1938-1970 гг. (Предмет исследования. Важнейшие проблемы) // Рабочий класс и индустриальное развитие СССР. – М.: Наука, 1975. – С. 240–259.

6) О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений. Указ Президиума ВС СССР от 26 июня 1940 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://base.consultant.ru (дата обращения: 11.01.2021).

7) О порядке проведения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. Постановление СНК СССР от 27 июня 1940 г. N 1104 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU;n=4522;req=doc#K1Nk3xSMjkWdZCP8 (дата обращения 1.07.2021).

8) Об ответственности за выпуск недоброкачественной или некомплектной продукции и за несоблюдение обязательных стандартов промышленными предприятиями. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 июля 1940 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=8154#eqQOIzSaIGQuI5mF1 (дата обращения 6.03.2022).

9) Об уголовной ответственности за мелкие кражи на производстве и за хулиганство. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 августа 1940 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=15175#wudeKxSqlD5kBrlm (дата обращения 13.02.2022).
10) Романов Р.Е. Эволюция системы трудовых стимулов рабочих советской промышленности в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.) // Молодой ученый. – 2017. – № 35 (169). – С. 67–74.
11) Хлевнюк О.В. 26 июня 1940 г.: иллюзии и реальности администрирования // Коммунист. – 1989. – № 9. – С. 86–96.

УДК 622.32(571.1)

ОТ «ГЕНЕРАЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ» К «ВРЕМЕННОЙ СХЕМЕ»: НЕФТЯНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ЮГРЫ В 1960-е – 80-е ГОДЫ

Карпов Виктор Петрович

доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных наук и технологий, Тюменский индустриальный университет, Россия, Тюмень

e-mail: 7654321.58@mail.ru

Аннотация. Соотнесены планы и результаты создания нефтяной промышленности на Тюменском Севере. Основное внимание уделено Ханты-Мансийскому округу, который за два десятилетия превратился в главную нефтедобывающую базу страны. Показаны истоки проекта, его детализация в ходе освоения месторождений. Фактор времени и особенности советской экономической системы – мобилизация и фрагментарная модернизация – объясняют югорский феномен.

Ключевые слова: Тюменский север; нефть; промышленность; наука; план.

FROM "GENERAL PLAN" TO "TEMPORARY SCHEME": THE OIL INDUSTRY OF YUGRA IN THE 1960s - 80s

Karpov Viktor P.

doctor of historical sciences, professor of the department of humanities and technologies, Tyumen industrial university, Russia, Tyumen

e-mail: 7654321.58@mail.ru

Annotation. The plans and results of the creation of the oil industry in the Tyumen North are compared. The main attention is paid to the Khanty-Mansiysk okrug, which for two decades has become the main oil-producing base of the country. The origins of the project are shown, its detailing during the development of deposits. The time factor and the peculiarities of the Soviet economic system - mobilization and fragmented modernization - explain the Yugra phenomenon.

Key words: Tyumen north; oil; industry; the science; the plan.

Введение

К числу спорных и не до конца понятых относится, на наш взгляд, вопрос о стратегии создания крупнейшего нефтедобывающего района СССР в ХМАО-Югре. Что это было: продуманная кампания или кавалерийская атака? Свои ответы на него дают К.И. Зубков [4], Н.М. Пашков [6], М.В. Славкина [7] и другие исследователи, существенно расходясь в оценках. Возможно, различные точки зрения объясняются разным ракурсом изучения названной проблемы. Большинство западных историков, рассматривая советские принципы освоения Севера, связывают все трудности с советской системой, которая, по их мнению, была не способна рационально распорядиться открытыми природными богатствами, была затратной и неэффективной [1]. Однако такой вывод недостаточно аргументирован, поскольку долгое время многие источники зарубежным исследователям были недоступны. Специальных исследований по Западно-Сибирскому нефтегазовому комплексу (ЗСНГК) в зарубежной историографии нет.

Попробуем взглянуть на историю проекта «ЗСНГК» в широкой перспективе – от его истоков до реализации. Что помешало, несмотря на грандиозные планы, взять богатства Севера с помощью новых технологий и техники? Кто виноват: плановые органы, министерства, политическая и хозяйственная элита страны, тюменские нефтяники?

Истоки разработки проекта «ЗСНГК»

К началу 1960-х гг. в числе экономических приоритетов государства оказался поиск новых источников энергии, в том числе новых месторождений нефти и газа. Это в итоге обусловило сдвиг производительных сил страны на восток и в высокие широты. Эти перемены предварялись и сопровождались разработкой «Генеральной схемы размещения производительных сил, обеспечивающей наиболее эффективное использование природных и трудовых ресурсов, всестороннее развитие хозяйства и культуры союзных республик и экономических районов». Первый вариант «Генеральной схемы» или «Генеральной перспективы» был

подготовлен в 1960 г. Она стала исходным документом для подготовки пятилетних и более долгосрочных государственных планов развития народного хозяйства страны. Главным вектором социально-экономического развития СССР становится создание крупных территориально-производственных комплексов (ТПК). Планово-командная экономика, возможность концентрации всех ресурсов на стратегически важных направлениях позволяли успешно решать важнейшие проблемы послевоенного времени, о чем свидетельствуют атомный, космический и другие проекты. К числу таких проектов, безусловно, относится и создание ЗСНГК. Он стал национальным и по целям, и по масштабам.

После открытия первых нефтяных месторождений в Шаиме, Усть-Балыке и Мегионе (1960-1961 гг.) к новому перспективному району на Тюменском севере всё больше интереса и внимания проявлял Центр. Стратегия создания нового нефтегазодобывающего района предполагала определение цели, задач, выбор методов решения и соответствующее распределение ресурсов. Особую роль играл долгосрочный прогноз. Однако серьёзной проблемой было то, что плановые органы и проектные организации вынуждены были ждать, когда Государственный комитет по запасам (ГКЗ) утвердит запасы нефти в новом районе. А ГКЗ не мог утвердить запасы, пока не получал достаточно полной информации от геологов. В результате процесс оценки запасов затягивался на долгие годы. И получалось, что невозможно подготовить всю необходимую инфраструктуру, которая соответствовала бы планам разработки месторождений. Так было и на Самотлоре, и в Мамонтово, и в Салыме, практически везде на Тюменском Севере.

По «временной схеме»

Между открытием новой нефтегазоносной провинции и её освоением в обычных условиях существует огромная дистанция. А на Тюменском севере было всё иначе. Традиционная последовательность шагов – полная разведка месторождения – создание необходимой инфраструктуры – собственно

добыча углеводородов – отвергалась, так как важнейшим стал фактор времени: страна, по мнению её руководителей, не могла ждать, когда новый нефтедобывающий район будет полностью изучен и подготовлен к разработке открытых богатств. Всё происходило практически одновременно – и нефтедобыча, и создание инфраструктуры. Промышленная добыча нефти в 1964 г. началась «по временной схеме» и первый опыт показал, что можно достичь результата при минимуме подготовленных условий. Такая практика стала обычной в последующие годы.

Если нефтедобычу сравнить с фронтом (передней линией) нефтегазового освоения Севера, то вся сопутствующая инфраструктура, перечисленная в «Обязательном минимуме подготовительных работ, подлежащих выполнению до начала бурения на разведанной площади» (документ был подписан Председателем Госплана СССР) – дороги, энергоснабжение, средства связи, склады и ремонтно-механические базы, жильё и соцкульбыт для нефтяников – её тыл. Тюменский тыл отставал от передовой на 10-15 лет, не хватало жилья, дорог, необходимого транспорта, техники, электричества. Сиюминутными интересами руководства СССР и всё той же работой по так называемой «временной схеме» объясняется и нерешенность проблемы комплексной автоматизации нефтепромыслов. Если смотреть шире, то следует сказать об отсутствии конкурентной среды в советской экономике, о навязывании предприятиям автоматизации сверху, волевыми решениями «Центра». Поэтому при первом же ослаблении партийно-государственного контроля, вызванного политикой перестройки (1985-1991 гг.), министерства и ведомства, главки и отдельные предприятия стали терять интерес к автоматизации производства, процесс её разработки и внедрения заметно замедлился.

Кризис в нефтяной промышленности Югры

Отставание производственных тылов от передовой – нефтедобычи росло по мере увеличения масштабов освоения Севера, что сказалось на основном процессе – нефтедобыче прямым образом. В 1981 г. не справились

с планом по добыче нефти 3 нефтегазодобывающих управления (НГДУ) из 18-ти, в 1983 г. – 6, в 1984 г. – 12 НГДУ [3, л. 57, 58]. «Центру» следовало бы скорректировать планы добычи в сторону уменьшения, чтобы нефтяники могли подтянуть тылы, но Правительство, напротив, ставило всё более амбициозные задачи перед регионом. Новые планы уже мало учитывали реальное положение дел на промыслах.

Мобилизационные меры, принятые в 1986-1988 гг., позволили ненадолго увеличить добычу нефти: в 1988 г. был получен самый высокий за историю ЗСНГК результат – 405,7 млн. тонн, в том числе предприятиями ХМАО – 349,1 млн.т. (пик нефтедобычи в округе пришёлся на предыдущий, 1987 год – 354,8 млн т) [2, л. 6]. Несмотря на то, что отставание от плановых заданий нарастало, Югра до 1988 года включительно обеспечивала более 60% общесоюзной добычи нефти. Но в 1989 г. наметился новый, более глубокий спад: добыча нефти в Западной Сибири уменьшилась почти на 11 млн тонн, в 1990 г. – уже на 29 млн тонн [5, с. 297]. В ХМАО нефтедобыча упала на 17 млн тонн в 1989 г. (332,1 млн т) и на 30,7 млн тонн в 1990 г. (301,4 млн т) [2, л. 6]. Началось обвальное падение производства.

Выводы

Задача создания крупнейшего нефтедобывающего района в СССР была решена в короткие сроки. Но практика его создания напоминала кавалерийскую атаку, а не продуманную кампанию. Дефицит времени и ресурсов объясняют, почему задачи модернизации нефтегазового Тюменского севера были сужены и ограничены индустриализацией. Серьёзные издержки в освоении региона объясняются отступлением от принципов «Генеральной схемы», тем, что сиюминутные интересы заслонили перспективу развития Югры.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1) Armstrong T. Russian Settlement in the North. – Cambridge: University Press, 1965. – 224 p.; Josephson P. The Conquest of the Russian Arctic. – N.Y.: Harvard University Press, 2014. – 441 p.

2) Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 1726. Оп. 1. Д. 1340.

3) Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. 1112. Оп. 2. Д. 1292.

4) Зубков К.И., Карпов В.П. Развитие российской Арктики: советский опыт в контексте современных стратегий (на материалах Крайнего Севера Урала и Западной Сибири). – Москва: РОССПЭН, 2019. – 367 с.

5) Карпов В.П. История создания и развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2005. – 305 с.

6) Пашков Н.М. Деятельность партийных организаций Западной Сибири по созданию и развитию нефтегазового комплекса. 1964-1980 гг. – Томск: Изд-во ТГУ, 1988. – 240 с.

7) Славкина М.В. Великие победы и упущенные возможности: влияние нефтегазового комплекса на социально-экономическое развитие СССР в 1945-1991 гг. – Москва: Изд-во «Нефть и газ» РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина, 2007. – 384 с.

УДК 622.32(571.1)

МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СНАБЖЕНИЕ ПРОМЫШЛЕННОГО ОСВОЕНИЯ ЗАПАДНО-СИБИРСКОЙ НЕФТЕГАЗОНОСНОЙ ПРОВИНЦИИ В 1960-е гг.

Прищепа Александр Иванович.
доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Сургутского государственного университета ХМАО Югры
aiprishepa@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется процесс обеспечения оборудованием и механизмами строительных организаций Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Особое внимание уделяется изучению работы речного транспорта Обь-Иртышского пароходства по транспортировке грузов к пунктам обустройства нефтедобывающих объектов и строительства автодорог. Подчеркиваются трудности ее осуществления в связи с ведомственной разобщенностью предприятий Министерства промышленного строительства материалов и Министерства речного флота, а также слабой технической оснащенностью портового хозяйства и отсутствием оборудованных помещений для их хранения.

Ключевые слова: пароходство, навигация, ведомственность, портовый кран, строительные материалы, механизмы, оборудование, месторождение.

MATERIAL AND TECHNICAL SUPPLY OF INDUSTRIAL DEVELOPMENT OF THE WEST SIBERIAN OIL AND GAS PROVINCE IN THE 1960s.

Prishchepa Alexander I.
Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History of the Surgut State University of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug of Yugra
aiprishepa@yandex.ru

Annotation. The article analyzes the process of providing equipment and mechanisms to construction organizations of the West Siberian oil and gas complex. Special attention is paid to the study of the work of river transport of the Ob-Irtysh Shipping Company for the transportation of goods to the points of arrangement of oil-producing detours and the construction of highways. The difficulties of its implementation are emphasized due to the departmental separation of enterprises of the Ministry of Industrial Construction of Materials and the Ministry of River Fleet, as well as the weak technical equipment of the port economy and the lack of the equipped premises for their storage.

Keywords: shipping, navigation, departmental, port crane, construction materials, mezzanines, equipment, depos

Сенсационные открытия месторождений нефти и газа в Западной Сибири в 1960-е гг. актуализировали вопрос организации здесь масштабного промышленного и гражданского строительства.

Но сделать это в Тюменской области в то время было исключительно трудно. В первой половине 1960-х гг. она представляла собой огромный сельскохозяйственный район, а в Ханты-Мансийском национальном округе доминировали лесная промышленность и добыча рыбы.

В Тюменской области и его субъектах не было достаточной производственной базы ни в одной строительной организации, ни в совнархозе, ни в управлениях и трестах, подчинённых облисполкому. Большинство областных строительных организаций имели низкий технический уровень и являлись кустарными или полукустарными предприятиями.

Отсталость строительной индустрии в области характеризовалась основным показателем, определяющим уровень индустриального строительства и фиксирующим расход сборного железобетона на миллион рублей выполненных строительных работ. Если в целом по стране расход сборного железобетона в 1959 году на один миллион рублей строительно-монтажных работ составил 175 кубометров, то в Тюменской области производство сборного железобетона в 1959 году достигло всего лишь 59

кубометров на один миллион рублей стоимости строительно-монтажных работ [1, л. 15]. При этом строительные организации, подведомственные облисполкому, сборный железобетон почти не применяли [1, л. 15].

Для создания собственной индустрии строительства на севере Западной Сибири были мобилизованы все источники обеспечения техникой, материалами и конструкциями, имеющихся в распоряжении предприятий Министерства промышленного строительства и Министерства промышленного строительства материалов. На начальном этапе формирования Западно-Сибирского нефтегазового комплекса они выполняли ключевую задачу по созданию материально-технической базы беспрецедентного по масштабам промышленного и социального освоения новой крупнейшей в стране нефтегазоносной провинции.

Ставка делалась на внутренние поставки сырья, механизмов и оборудования из центральных областей страны. Совет Министров РСФСР 16 сентября 1964 г. в своем специальном постановлении «О мерах по оказанию помощи в освоении нефтяных месторождений в Тюменской области» настоятельно потребовал от совнархозов, министерств и ведомств РСФСР, крайисполкомов и облисполкомов «принять необходимые меры по оказанию помощи в обустройстве этих районов и усилению контроля за своевременной поставкой строительного сырья, материалов и оборудования, выделяемых для этой цели» [5, л. 106]. В соответствии с Постановлением Совета Министров РСФСР от 16 сентября 1964 г. Министерство строительства РСФСР планом на 1965 год предусматривало изготовление и поставку сборного железобетона и деталей крупного домостроения для обустройства нефтяных районов Тюменской области в объеме 60 тыс.$м^3$, в том числе: «Главзапсибстрой» – 20 тыс. $м^3$ (15 тыс. $м^2$ жилой площади), «Главкузбасстрой» – 20 тыс. $м^3$ (10 тыс. $м^2$ жилой площади), «Главсредуралстрой» – 20 тыс. $м^3$ (15 тыс. $м^2$жилой площади [3, л. 19]. Планом межтерриториальных поставок строительных материалов,

утвержденным Советом Министров РСФСР, предусматривалось в том числе ввести в 1968 году в Тюменскую область 100 млн. штук кирпича [2, л. 106].

Для решения этой задачи на реках Сибири, в городах Новосибирске, Томске, Омске, Тюмени, Тобольске и Лабытнангах сооружались базы материально-технического снабжения с подъездными железнодорожными путями, причальными сооружениями и автотранспортными участками.

Первоначально в условиях отсутствия сухопутных транспортных магистралей решающую роль играла ритмичная работа судоходных артерий и портовых хозяйств Обь-Иртышского речного бассейна. Стратегическое значение для поставок речным флотом имели созданные Главтюменнефтегазстроем перевалочные базы в речных портах городов Омска, Новосибирска, Томска и ряда других, менее крупных населенных пунктов, расположенных по маршруту следования грузовых караванов.

Обь-Иртышское речное пароходство весьма ответственно относилось к организации перевозок материалов и техники. Для успешной навигации судов с большим осадком на реке Обь и ее притоках производились работы по углублению фарватера. Кроме того, в 1964-1965 гг. на Тюменском судостроительном заводе Среднеуральского СНХ для Обь-Иртышского пароходства было начато строительство 30 нефтеналивных барж и 10 грузовых барж с большим осадком. На пристанях Сургута, Ханты-Мансийска, Тазовска, Сотника и Игрима осуществлен ввод в строй топливных хранилищ и заправочных станций [1, л. 15]. Однако из-за отсутствия должной согласованности Министерства речного флота РСФСР, Министерства путей сообщения и Министерства газовой промышленности в выполнении задач по организации и осуществлению поставок перевозками в период навигации возникали большие проблемы. Кроме того, ведомственная несогласованность на местах между руководителями опорных баз Главтюменнефтегазстроя и портовыми управлениями еще более усугубляла эти трудности в осуществлении погрузочно-разгрузочных работ. В результате этого нередко создавались большие скопления грузов в портах

перевалки, а после ввода в эксплуатацию железной дороги Тюмень-Сургут к задержке вагонов для отправки необходимых материалов, а порой и к запрету поставщиков производить их перевалку и отгрузку.

Доставка материалов водным транспортом проходила в не зависимых от людей неблагоприятных для транспортировки грузов климатических условиях. Она осуществлялась в основном в летнее время и ее сроки были весьма непродолжительными. Навигационный период начинался одновременно со вскрытием рек в мае и продолжался до покрытия их льдом в октябре. К этому следует добавить то, что и принимающие организации не всегда были готовы в достаточной мере к масштабным разгрузочным и такелажным работам. Вследствие этого нередко происходили внеплановые зимовки судов. Так, в 1965 году, когда зима в Сибири оказалась очень суровой, и Обь уже в начале октября оказалась скованной льдом, средства береговой механизации Сургута и Нефтеюганска не смогли принять значительные объемы материалов и оборудования, что привело к длительному простою барж с необходимым грузом [1, л. 15], в ходе которого протяженный караван судов попал в ледяной плен невдалеке от пунктов доставки. Весной же из-за отсутствия портового хозяйства и помещений для временного хранения строительных материалов и механизмов они были сложены навалом в грязь и оставались там в течение несколько месяцев [2, л. 106].

Немаловажным фактором, снижающим эффективность судоходных перевозок, являлось то, что субподрядные организациями, находящиеся в сфере влияния Обь-Иртышского речного пароходства не располагали необходимой портовой инфраструктурой для сохранности доставленного груза, а налагаемые на них штрафы были несоразмерны с затратами на добычу и производство поставляемых материалов. Так, например, штраф за потерянный кубометр древесины составлял всего 60 копеек, а его добыча обходилась в 18 рублей [1, л. 15]. Заказчики постоянно подавали рекламации за порчу грузов, однако частично или полностью сменить подрядчиков не

представлялось возможным, в виду того, что других пароходств в регионе не было.

Слабые возможности приема и хранения строительно-монтажных конструкций усугублялись несвоевременными поставками стройматериалов. Как правило, они прибывали с большими задержками. Так, первая баржа со строительными материалами и инструментами доставила необходимый для исторического Усть-Балыкского месторождения груз только 26 июля 1964 г., а по плану первые суда должны были пришвартоваться в Сургуте ещё в мае для отправки в Омск нефтеналивных танкеров. Основное же поступление материалов началось лишь в середине августа и сентябре того года. Такое резкое, незапланированное поступление строительных материалов и инструментов затрудняло организацию работ по их выгрузке и складированию. В результате этого они были не размещены, а фактически брошены на берегу реки Обь за 12 км от Сургута [4, л. 5].

Несвоевременно доставку грузов систематически осуществляла и форсированно принятая в эксплуатацию железная дорога Тюмень-Сургут. Ввиду отсутствия на железнодорожных станциях в поселке Харп и городе Лабытнанги грузоподъемных механизмов более 5 тонн и неисправности ряда участков железнодорожных путей, принадлежащих Предприятию нерудных материалов часто допускались простой вагонов. Аналогичная ситуация складывалась при разгрузке котлов грузоподъемностью 20 тонн. Отмечались случаи, когда из-за незнания инженерно-техническими работниками и обслуживающим персоналом правил безаварийной работы на подъемных механизмах случались крупные поломки и аварии, последствия которых на местах не возможно было устранить, а отправка в г. Тюмень была не реальной. Длительные ведомственные согласования вынуждали Главтюменнефтегазстрой брать на себя не свойственные ему функции, самостоятельно решать многие задачи, что приводило к задержке и удорожанию перевозок.

Неритмичная работа Западно-Сибирского речного флота и Свердловской железной дороги наряду с большими производственными простоями из-за отсутствия механизмов и оборудования погрузочно-разгрузочных работ в речных портах и на железнодорожных станциях являлись главной причиной торможения поставок строительных материалов, и конструкций для осуществления строительных работ на севере Западной Сибири.

Тем не менее, в результате напряженной работы Министерства промышленного строительства материалов и Министерства речного флота СССР к 1 января 1971 г. своевременно созданный в 1965 г. Главк «Главтюменнефтегазстрой» насчитывал 1370 единиц строительных машин, в том числе 162 экскаватора, 75 башенных кранов, 149 автомобильных кранов, 168 трубоукладчиков, 213 бульдозеров, 360 тракторов [6, л.19]. Кроме того, он имел в распоряжении 339 единиц флота, в том числе 102 мелкотоварных баржи, 62 единиц мелких самоходок, 129 буксирных катеров и 12 плавкранов [7, л. 17]. Это позволило нефтяным управлениям успешно выполнять правительственные задания по добыче нефти и газа.

Таким образом, в первой половине 1960-х гг. в Западной Сибири были открыты крупнейшие в стране месторождения нефти и газа. Для их обустройства потребовалось большое количество машин, оборудования и строительных материалов. На начальном этапе строительства в отсутствие автомобильных и железнодорожных коммуникаций их доставка из центральных районов страны осуществлялась речным транспортом Обь-Иртышского пароходства. Не смотря на значительные проблемы в ее осуществлении, ему в целом удалось успешно решить эти задачи.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1) Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 107. Оп. 1. Д. 2142.

2) ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 4065.

3) Государственный архив Тюменской области (ГАТО) Ф. 1861. Оп. 1. Д. 1.

4) ГАТО. Ф.1861. Оп. 1. Д. 6.

5) ГАТО. Ф. 1861. Оп. 1. Д. 129.

6) ГАТО. Ф.1861. Оп. 1. Д. 161.

7) ГАТО. Ф. 1861. Оп. 1. Д. 601

УДК 93/94

ТОЧКИ ЗРЕНИЯ О ПРИЧИНАХ КРИЗИСА В НЕФТЕГАЗОВОМ КОМПЛЕКСЕ СССР

Бодрова Елена Владимировна
доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории МИРЭА - Российский технологический университет, Россия, Москва,
e-mail: evbodrova@mail.ru

Калинов Вячеслав Викторович
доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, Россия, Москва,
e-mail: kafedra-i@yandex.ru

Анотация. Рассматриваются различные концептуальные подходы к исследованию проблемы развития кризиса, сложившегося в нефтегазовом комплексе СССР накануне распада страны. На основании анализа оценок экспертов и проведения собственных исследований формулируется вывод о том, что определяющими факторами стали: ошибочная инвестиционная политика советского руководства; недостаточное развитие инфраструктуры в нефтедобывающих регионах; невыполнение в течение многих лет принятых решений по техническому перевооружению отрасли; интенсивный отбор нефти в ущерб рациональной разработке нефтяных месторождений; отсутствие специальной государственной программы потребления нефти и нефтепродуктов на дальнюю перспективу; непродуманное и нерачительное использование валютных средств, вырученных от продажи нефти, что не способствовало решению основных задач модернизации страны.

Ключевые слова: нефтяная промышленность, газовая промышленность, реформы, перестройка, кризис.

POINTS OF VIEW ON THE CAUSES OF THE CRISIS IN THE OIL AND GAS COMPLEX OF THE USSR

Bodrova Elena V.
Doctor of historical Sciences, Professor, Department of history
MIREA – Russian technological University. Moscow, Russia
e-mail: evbodrova@mail.ru

Kalinov Vjacheslav V.
Doctor of historical Sciences, associate Professor, Department of history
Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University)
Moscow, Russia
e-mail: kafedra-i@yandex.ru

Annotation. Various conceptual approaches to the study of the problem of the development of the crisis that has developed in the oil and gas complex of the USSR on the eve of the collapse of the country are considered. Based on the analysis of experts' assessments and conducting their own research, the conclusion is formulated that the determining factors were: the erroneous investment policy of the Soviet leadership; insufficient development of infrastructure in oil-producing regions; failure to implement decisions on technical re-equipment of the industry for many years; intensive oil extraction to the detriment of rational development of oil fields; the absence of a special state program for the consumption of oil and petroleum products for the long term; the ill-considered and wasteful use of foreign currency funds obtained from the sale of oil, which did not contribute to solving the main tasks of the modernization of the country.
Keywords: oil industry, gas industry, reforms, perestroika, crisis

Причины кризиса в НГК СССР и его роль в усилении центробежных тенденций на рубеже 1980-1990-х гг. до сих пор является предметом острых дискуссий. Так, Р. Маганов, А. Галустов и Г. Вахитов полагают, что «планирование интенсивного наращивания добычи нефти было продиктовано не только необходимостью обеспечения страны топливом для удовлетворения энергетических нужд. В решении этой проблемы имели место волюнтаризм руководителей партии и государства и элементы стихийного подхода из-за отсутствия специальной государственной

программы потребления нефти и нефтепродуктов на дальнюю перспективу».

Перед распадом СССР более 95% добычи нефти осуществлялось за счет первичного заводнения, что привело к преждевременному, не обусловленному самой технологией заводнения, обводнению многих месторождений. Но партийно-государственное руководство поддерживало идею о возможности при минимуме вложений добывать максимум сырья [11]. Откладывалось обустройство месторождений, требующее значительных средств, и выделение достаточных ресурсов на разведку, ремонт. В результате работы приходилось проводить в экстремальных условиях, государственные средства расходовались неэффективно, что непременно сказывалось на уровне и устойчивости добычи нефти и нефтяного газа в будущем [10]. Одновременно, согласно данным В. Спандарьяна, 50% валютных средств, полученных от продажи нефти, в течение двух десятилетий уходило на покупку за границей продуктов питания и товаров ширпотреба [18].

Одновременно объемы экспорта нефти при падении мировых цен оставались примерно теми же: 1980 г. – 119 млн т, 1990 г. – 109 млн т, что давало стране в среднем ежегодно за это десятилетие 34,4 млрд долл. в год [13], но в модернизацию отрасли достаточных средств направлено не было [10], хотя объемы капиталовложений увеличились с 1981 г. по 1990 г. в 3 раза. По мнению значительной части экспертов, вышеперечисленные причины – в ряду основных, обусловивших распад союзного Министерства нефтяной промышленности в начале 1990-х гг. и создание нефтяных компаний в условиях развивающихся центробежных процессов, наблюдавшихся в СССР. О будто бы «стихийно» возникших частных нефтяных компаниях, по их мнению, не может быть и речи [11].

14 ноября 1991 г., согласно Постановлению Государственного Совета СССР № ГС-13 «Об упразднении министерств и других центральных органов

государственного управления СССР»[3], Министерство нефтяной и газовой промышленности (МНГП) СССР было ликвидировано. Соответствующий Приказ по Министерству за № 313 был подписан 28 ноября 1991 г. [17, л. 3]

Авторский коллектив монографического исследования «ТЭК и экономика России: вчера, сегодня, завтра (1990-2010-2030)» [21, с. 31-33] формулирует вывод о том, что развитие нефтегазового комплекса в советский период в целом обеспечило энергетическую независимость и энергетическую безопасность страны. Однако энергоэффективность экономики была низкой, Исследователи выделяют следующие особенности развития нефтегазовый сектора в советский период: организационное разделение стадий разведки, добычи, переработки и нефтегазопродуктообеспечения (отсутствие вертикальной интеграции и доминирование горизонтальных связей); наличие государственной монополии на торговлю газом и нефтепродуктами на внутреннем рынке и нефтью, нефтепродуктами и газом – на внешнем; ориентация, прежде всего, на достижение уровней плановых заданий в физическом выражении; полная интеграция финансовых ресурсов в систему государственных финансов. Эти особенности обусловили хроническую несбалансированность этапов единой технологической цепочки, нацеленность на постоянный расширяющийся рост за счет вовлечения все новых объектов и увеличение инвестиций, возможность привлечения которых неуклонно снижались [21, с. 31-33].

О том, что к началу – середине 1980-х гг. ни советские ученые-экономисты, ни крупные руководители, принимающие политические решения, не смогли адекватно оценить все последствия интегрированности СССР в мировую экономику, писал директор Научно-исследовательского центра международной нефтяной политики Китайского нефтяного университета Пан Чанвэй. Поэтому никто из них, полагает профессор, не

[3] *Постановление Госсовета СССР от 14.11.1991 № ГС-13 Об упразднении министерств и других центральных органов государственного управления СССР [Электронный ресурс] // URL: http://bestpravo.ru/sssr/gn-postanovlenija/x7w.htm (дата обращения: 19.01.2022).*

смог предсказать катастрофических последствий падения цен на нефть для советской внешней торговли, ее валютно-финансовой системы. Это явилось причиной того, что неожиданный распад СССР оценивался впоследствии либо как результат действия факторов субъективного характера, цепь стратегических и тактических просчетов советского руководства в политической сфере, либо как итог реализации специальной доктрины американского президента Рейгана от 1982 г., направленной на экономическое ослабление СССР. Пан Чанвэй формулирует весьма интересный и значимый вывод о том, что «именно непонимание новым политическим руководством СССР принципов функционирования мировой экономики, органической частью которой стала советская экономика, лежит в основе неверной оценки ситуации и ошибочных решений» [15, с. 17-26]. В качестве аргументов китайский исследователь называет ошибочными не только решения брежневского руководства о необязательности проведения экономических реформ в условиях колоссальных доходов от нефтегазового экспорта (на 1 вложенный рубль 30-40 рублей прибыли), о продолжении форсированной разработки месторождений, приведшей к быстрому истощению крупнейших месторождений, но и просчеты правительства М.С. Горбачева в условиях падения мировых цен на нефть более чем в два раза и одновременной невозможности поддерживать прежний уровень производства нефти, вкладывая сравнительно незначительные средства. Возможно было, с точки зрения исследователя, параллельно начать освоение новых нефтяных регионов, с более дешевой нефтью (на Каспии, в Восточной Сибири, Арктике). Эти просчеты стали, по мнению автора, результатом «склероза» советской административной системы, который достиг своего апогея – паралича власти, хотя в 1960-1970-е гг. эта система смогла осуществить масштабный разворот в сторону новых нефтяных регионов. В начале 1990-х гг. возник гигантский дисбаланс – объем импорта значительно превышал объем экспорта. Причем импортировалось в основном (более половины) зерно и продовольственные товары. Страна закупала не менее

40% потребляемого ею зерна [25]. К 1990 г. доля этих товаров составляла более половины всего импорта. Ситуация в нереформируемом сельском хозяйстве, самом слабом звене советской экономики, обусловленная еще сталинской форсированной индустриализацией, заставляла наращивать и экспорт, и импорт, расшатывала фундамент экономики, развалила потребительский рынок. Но принятие непопулярных, конфликтных решений постоянно откладывалось. А внешние государственные займы и коммерческие кредиты лишь отодвинули момент катастрофы. Пан Чанвэй резюмирует: «Сегодня ясно, что М.С. Горбачев не был в принципе готов к решительным антикризисным действиям – и по причине своей неконфликтной, конформистской психологии, и по причине отсутствия у него политической и экономической команды единомышленников, а также по причине воздействия на него влиятельных политических сил изнутри и вовне СССР… Стратегия балансирования между интересами противоположных властвующих элит – не могла быть успешной в условиях кризиса» [15, с. 17-26].

Ю.В. Яременко, директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, рассуждая о судьбах либеральных проектов в России, сформулировал вывод о том, что в нашей стране сложился совершенно особый тип общественного устройства, которому трудно подобрать какие-то исторические аналогии. Это была огромная производственная система, которая вырабатывала собственные способы самоконструирования, ее в каком-то смысле нельзя считать экономической. Ю.В. Яременко полагал, что технический прогресс обслуживал экстенсивное развитие. В результате качественные инвестиции, направленные на поддержание структурного равновесия, стали конкурировать с инвестициями, предназначенными для оборонной промышленности. Особенно это проявилось после того, как были исчерпаны обильные нефтяные, угольные и газовые месторождения. Возникла необходимость взять новый технологический барьер для того, чтобы освоить уже новые категории нефтяных месторождений. На этом этапе

новым явлением стали технологические барьеры, которые необходимо было преодолевать. Автор указывал на возникновение в этой связи дилеммы: или очень сильно наращивать растрату массовых ресурсов, при падающем коэффициенте компенсации или в той же степени повышать замещающие усилия. Поскольку технологические возможности замещающих воздействий были ограничены, а, с другой стороны, коэффициент компенсации резко падал, мы все больше и больше стали растрачивать массовые ресурсы. Например, вместо того, чтобы использовать новую технологию бурения (горизонтальную), наращивали бурение скважин старым способом, получая от каждой скважины все меньше и меньше нефти, то есть происходило снижение эффективности капитальных вложений. Отсюда шло снижение темпов экономического роста и благосостояния. Ю.В. Яременко резюмировал: «Мы попали в структурную ловушку, структурный тупик, который вел экономику к деградации... Необходимо было сначала менять всю структуру экономики и тогда уже создавать соответствующий хозяйственный механизм, другие институты, другие социальные отношения. А идея перестройки нашей хозяйственной структуры с помощью экономических реформ являлась очередным мифом…» [24].

Большая часть исследователей подтверждает вывод о том, что затратный характер советской экономики привел к гипертрофированному росту спроса на сырье и энергию, добыча которых наращивалась, прежде всего, на окраинах, сосредоточивших в своих недрах наиболее крупные месторождения угля, черных и цветных металлов, нефти и газа, а также других полезных ископаемых. Произошел сдвиг индустриального развития страны на восток, который стал обеспечивать экономику необходимыми сырьевыми и энергетическими ресурсами. Это одновременно компенсировало ее низкую эффективность: расширялось производство и занятость, обеспечивался относительный рост уровня потребления и накопления инвалютных резервов за счет экспорта дефицитных

энергетических ресурсов, отодвигалась кризисная ситуация до тех пор, пока экстенсивная экономика не исчерпала свои возможности [14, с. 126].

Роль так называемого «нефтегазового фактора» в модернизационных процессах и распаде СССР – проблема, которая требует, на наш взгляд, более глубокого рассмотрения. Сравнительно немного авторов в той или иной степени изучали этот вопрос. Член-корреспондент РАН Е.А. Телегина также подтверждает значимость нефтегазового фактора в глобализационных процессах и развитии национальных экономик. По мнению автора, мировая энергетика, играя значительную роль в функционировании и развитии мировой экономики, становится в XX в. «фактором не только технологического развития, но и важной геополитической составляющей системы международных отношений, определяя зачастую основной вектор развития мировой политики и регионального взаимодействия различных государственных интересов». Энергетический фактор «демонстрирует отнюдь не разумную и опирающуюся на ресурсную мощь прогнозируемую политику, а высокую нестабильность, рост политических рисков и политического противостояния вследствие все более частого использования его как средства политического давления…» [22, с. 6, 10, 38].

В настоящее время одним из самых дискуссионных является вопрос об оптимальном соотношении различных секторов экономики, о роли отрасли в модернизационных стратегиях. В этой связи представляет интерес предложенная М.В. Славкиной классификация теоретико-методологических подходов к исследуемой проблеме. Суть первого похода заключается в следующем: сырьевой сектор является составной частью тяжелой промышленности. На раннеиндустриальном и индустриальном этапах модернизации его развитие отражало объективные устремления руководства страны к осуществлению форсированной модернизации, независимости от других стран, техническому прогрессу [1, с. 57-60; 8, с. 164]. Сторонники второго подхода утверждают, что на позднеиндустриальной стадии нефтегазовый комплекс явился фактором стагнации. Обладая значительными

сырьевыми ресурсами, страна реализовывала индустриальную экстенсивную модель экономики [6, с. 159; 3, с. 335]. В настоящее время, полагает другая часть специалистов, нефтегазовый комплекс является препятствием на пути развития современной инновационной экономики [12, с. 11]. М.В. Славкина правомерно утверждает, что одной из основных особенностей отечественной модернизации является наличие значительных углеводородных ресурсов. Нефтяной экспорт на всех этапах был тесно взаимосвязан с приоритеными на тот или иной период для страны задачами, которые могли быть преимущественно экономическими (1920-е гг.), политическими (резкий рост поставок нефти Третьему Рейху в 1940 г.) или же идеологическими (поставки нефти странам-членам СЭВ) [19, с. 56-64].

Сочетание внутриэкономических и внешнеполитических обстоятельств вывело страну в число крупнейших экспортеров нефти, а НКГ не только обеспечивал энергетические потребности страны, но и превратился в источник значительных финансовых поступлений. Автор справедливо указывает: мощные нефтедолларовые поступления могли бы стать источником финансирования модернизационных процессов, но руководство страны распорядилось ими по-другому. Неэффективность экономики стала компенсироваться за счет нефтегазовых доходов. СССР продолжил развитие в рамках индустриальной парадигмы [20, с. 5-48]. В настоящее время исследователь развивает теорию ресурсно-инновационной экономики, разработанную академиком А.Н. Дмитриевским, убежденным, что именно нефтегазовый комплекс в силу объективных природно-геологических условий должен стать инициатором и важнейшим потребителем высоких технологий XXI в., обеспечить финансовые средства для дальнейшей модернизации [5]. А.Н. Дмитриевский не раз привлекал внимание к проблеме использования нефтедолларов: «Главная опасность состоит в том, что мы не вкладываем деньги в промышленность!» [4].

Часть исследователей настаивает на том, что технологическое отставание стало фактором распада СССР. Формула М. Кастельса, Э.

Киселевой: «*Не кризис брежневского застойного периода воспрепятствовал технологическому развитию. Скорее, неспособность советской системы фактически интегрировать желанную «научно-техническую революцию» внесла вклад в экономический застой*» [9, с. 26]. Советский Союз в течение 1970-80-х гг., в отличие от стран Запада, в которых технологическая инновация ускорилась, в своих ведущих промышленных секторах все больше полагался на импорт машин и перенос технологий, пользуясь экспортом сибирской нефти и газа. Но и западные технологии использовались неэффективно, ведомственность вела к несовместимости импортного оборудования, долгие периоды амортизации – к технологическому устареванию. Проявилась «неспособность советского этатизма обеспечить переход к новой информациональной парадигме, параллельный процессу, который имел место в остальном мире» [9, с. 6, 21].

С точки зрения экономиста Г.И. Ханина, весь послевоенный период был отмечен значительным экономическим ростом, увеличением национального богатства, интеллектуального уровня общества, быстрым развитием определяющих прогресс отраслей – электроэнергетики, машиностроения, черной и цветной металлургии, топливной промышленности. Крупнейшими достижениями явились обеспечение военного паритета, формирование НГК, повышение уровня жизни населения. По объему ВВП советская экономика занимала 2 или 3 место в мире [23, с. 400-401, 492]. Исследователь убежден, что *в середине 1980-х гг. страна имела реальные возможности преодолеть застой и надвигавшийся экономический кризис, положение было более благоприятное, чем в конце 1920-х гг. Требовалась адекватная программа и планомерная ее реализация, но система исключала возможность выдвижения Реформатора* [23, с. 12].

Доктор экономических наук Д.Б. Кувалин также полагает, что экономика позднего СССР имела шансы избежать крупномасштабного кризиса, обладая значительным запасом прочности. Ресурсы, которыми в эти годы располагали власти страны, были очень велики. При надлежащем их

использовании мог быть обеспечен переход экономики на более высокий уровень развития, более-менее плавная трансформация институтов [7, с. 87].

Мы склонны согласиться с известными экспертами, которые к числу факторов, обусловивших дальнейшее развитие кризиса нефтяной отрасли, относят: ошибочную инвестиционную политику советского руководства, которое наиболее значительные бюджетные инвестиции, начиная с середины 1980-х гг., направило на развитие крупнейшего Тенгизского месторождения в Казахстане, призванного прийти в качестве новой базы на смену Западной Сибири; неразрешенность социальных проблем; недостаточное развитие инфраструктуры в нефтедобывающих регионах; невыполнение в течение многих лет принятых решений по техническому перевооружению отрасли; подмену истинной науки конъюнктурными «политическими» соображениями, интенсивный отбор нефти в ущерб рациональной разработке нефтяных месторождений; удешевление нефтедобычи без адекватного обоснования инженерных проблем нефтедобычи, охраны недр, решения экологических проблем; отсутствие специальной государственной программы потребления нефти и нефтепродуктов на дальнюю перспективу; непродуманное и нерачительное использование валютных средств, вырученных от продажи нефти, что не способствовало решению основных задач модернизации [2, с. 491-560].

Нельзя сказать, что не предпринималось никаких попыток ускорить этот процесс. В утвержденных документах предусматривались меры по разработке, освоению и внедрению в производство высокопроизводительного бурового и нефтепромыслового оборудования, инструментов и материалов, средств и систем автоматизации и телемеханизации; повышению технического уровня, качества и надежности технических средств, а также значительное расширение номенклатуры и объемов их поставок. Однако стагнирующую экономику, привыкшую к значительным поступлениям извне, на фоне падения цен на нефть, раскручивающейся инфляции, попыток реализовать чересчур затратный и

неточный вариант модернизации, растущих внешних долгов, а в целом – в условиях кризиса государственного управления – спасти не удалось.

Представляется справедливым вывод о том, что кризис нефтяной промышленности СССР, наблюдавшийся на позднеиндустриальной стадии модернизации страны, являлся системным, в значительной степени определил катастрофические для страны события, был обусловлен очевидными просчетами ее руководства.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1) Вишневский А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. – М.: Изд. дом Гос. ун-та Высш. шк. экономики, 2010. – 429 с.

2) Вахитов Г.Г. Полвека отечественной нефтедобычи: от взлета к падению // Нефть страны Советов: проблемы истории нефтяной промышленности СССР (1917-1991 гг.) под общ. ред. В. Ю. Алекперова. – М.: Древлехранилище. С. 491-560.

3) Гайдар Е.Т. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. – М.: Дело, 2005. – 655 с.

4) Дмитриевский А.Н. О проблемах нефти, газа и России [Электронный ресурс] // URL: http://www.youtube.com/watch?v=d1GdPC7wjug (дата обращения: 13.06.2021 г.).

5) Дмитриевский А.Н. Ресурсно-инновационная экономика: история, проблемы, перспективы // Энергетическая политика. 2011. №2. С. 35-40.

6) Ильин В.В., Панарин А.С., Ахиезер А.С. Реформы и контрреформы в России. Циклы модернизационного процесса. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. –398 с.

7) Кувалин Д.Б. Анализ взаимосвязей экономической политики государства и поведения предприятий в условиях кризисов шокового типа: дис. … д-ра эконом. наук. – М., 2010. – 355 с.

8) Красильщиков В.А. Вдогонку за прошедшим веком. Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. – М.: РОССПЭН, 1998. – 263 с.

9) Кастельс М., Киселева Э. Кризис индустриального этатизма и коллапс Советского Союза // Мир России. 1999. С. 3-56.

10) Мальцев Н., Игревский В., Вадецкий Ю. Нефтяная промышленность России в послевоенные годы. –М.: ВНИИОЭНГ, 1996. – 307 с.

11) Маганов Р., Галустов А., Вахитов Г. Структурные преобразования в нефтяной промышленности СССР в начале 90-х годов: причины и следствия. Кто виноват? И что делать? [Электронный ресурс] // Нефть России. 1999. № 9. URL: http://www.oilru.com/nr/57/209/oilru.com (дата обращения: 11.01.2022).

12) Модернизация в России как условие ее успешного развития в XXI веке. – М., 2010.

13) Народное хозяйство СССР в 1990 г.: Стат. Ежегодник/ЦСУ СССР. М., 1991// [Электронный ресурс] URL: http:// https://istmat.org/node/465 (дата обращения: 04.03.2022). Подсчитано авторами по данным статистического ежегодника.

14) Опыт российских модернизаций XVIII – XX века. – М.: Наука, 2000. – 246 с.

15) Пан Чанвэй. Нефтяная политика и распад Советского Союза: взгляд из Китая // Вестник НГУЭУ. 2010. № 2. С.17-26.

16) Постановление Госсовета СССР от 14.11.1991 N ГС-13Об упразднении министерств и других центральных органов государственного управления СССР [Электронный ресурс] // URL: http://bestpravo.ru/sssr/gn-postanovlenija/x7w.htm (дата обращения: 19.01.2022).

17) Российский Государственный архив экономики. Ф. 70. Оп. 2. Т.10. Предисловие к сводной описи.

18) Спандарьян В. Куда уходит валюта? // Бюллетень ордена Ленина Всесоюзного общества «Знание». «Аргументы и факты». 1989. № 29 (458). 22-28 июля.

19) Славкина М.В. Четыре лика советского нефтяного экспорта: основные тенденции развития в 1922-1990-е годы // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 7 (261). История. Вып. 49. С. 56-64.
20) Славкина М.В. Влияние отечественного нефтегазового комплекса на модернизационные процессы в СССР – России: 1939-2008 гг. – М., 2012. С. 5-48.
21)ТЭК и экономика России: вчера, сегодня, завтра (1990-2010-2030) / Под ред. Ю.К. Шафраника. – М.: Ин-т энергетической стратегии, 2011. – 487 с.
22) Телегина Е.А. Углеводородная экономика. Т. 1. – М.: РГУ нефти и газа им. И. М. Губкина, 2012. – 441 с.
23) Ханин Г.И. Экономическая история России в новейшее время: монография. В 2-х т. – Новосибирск, 2010. Т. 2. Экономика СССР и РСФСР в 1988-1991 годах. –408 с.
24) Яременко Ю.В. Экономические беседы. [Электронный ресурс] URL: https://crystalbook.ru/wp-content/uploads/2021/05/Яременко-ЮВ-Экономические-беседы.pdf дата обращения: 22.01.2022).
25) Hanson P. The Rise and Fall of the Soviet Economy. – London. Longman.2003. – 279 p.

«НАШ ОТВЕТ ЧЕМБЕРЛЕНУ». СОВЕТСКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА – ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ИЛИ НОВИЗНА?

Код УДК 93/94

ОБРАЗОВАНИЕ СССР И ПРИНЦИПЫ НОВОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ.

Тетерин Павел Викторович.
Кандидат исторических наук, доцент Департамента гуманитарных наук Финансового университета при правительстве РФ, Москва, РФ;
доцент кафедры Всеобщей истории, археологии и методологии исторической науки, Московского государственного областного университета, г. Мытищи, Московская обл., РФ.
teterinpost@yandex.ru

Аннотация. В представленной статье исследуются вопросы образования СССР и новые принципы внешней политики. Рассматриваются факторы, которые привели к формированию новых международных отношений между Советским Союзом и капиталистическими странами. Изучаются основные условия, в которых приходилось решать руководству непростые проблемы внутренней и внешней политики при формировании СССР.
Ключевые слова: образование СССР, внешняя политика, война, государство, республика, принципы.

THE FORMATION OF THE USSR AND THE PRINCIPLES OF THE NEW FOR EIGN POLICY

Teterin Pavel Viktorovich.
Candidate of Historical Sciences, Associate, Associate Professor of the Department of Humanities of the Financial University under the Government of the Russian

Federation, Moscow, Russia; Associate Professor of the Department of General History, Archeology and Methodology of Historical Science, Moscow State Regional University, Mytishchi, Moscow Region, Russian Federation.
teterinpost@yandex.ru

Annotation. The article examines the issues of the formation of the USSR and the new principles of foreign policy. The factors that led to the formation of new international relations between the Soviet Union and capitalist countries are considered. The main conditions in which the leadership had to solve difficult problems of domestic and foreign policy during the formation of the USSR are studied.

Keywords: formation of the USSR, foreign policy, war, state, republic, principles.

Мировое значение образования СССР, заключалось в появлении принципиально нового государства, во главе которого стояли принципы управления нацеленной на достижение справедливости и равноправия его граждан. Образование государства было связано с возникновением совершенно новых, не имевших аналогов внешнеполитических доктринальных основ, которые базировались на революционных принципах международных отношений.

Столетие спустя, оценивая значение многих происшедших в мире событий, можно сказать, что 1922 г. стал судьбоносным для народов России, поскольку в этот год страна решительно порвала со своим прошлым. Произошли события, и были приняты решения, которые изменили мировую историю, провозгласив появление государства нового типа.

В здании Большого театра в Москве в торжественной обстановке 29 декабря 1922 г. был подписан Договор об образовании СССР. На следующий день – 30 декабря – на Первом Всесоюзном съезде Советов была утверждена Декларация об образовании Союза Советских Социалистических Республик в составе: Российской, Украинской, Белорусской и Закавказской Советскими Социалистическими республиками. Этот день считается днем образования СССР.

В этой декларации был заложен новый принцип международных отношений, а именно принцип самоопределения народов и каждая из союзных республик формально считалась суверенным государством, имеющим право выхода из него. В основу принципов объединения республик были положены идеи В.И. Ленина о таком союзном государстве, которое было бы образовано из равноправных республик, в которое в будущем могли войти и присоединяться любые государственные образования, возникающие в ходе будущей мировой революции. Тем более, что новое государство провозглашалось как «верный оплот против мирового капитализма и решительным шагом по пути объединения трудящихся всех стран» [8].

По мнению историков и политологов, образование СССР являлось логическим продолжением политики проведения, назревшей к этому времени «территориально-административной реформы». Образованию СССР предшествовали организационные и политические события, которые показали к декабрю 1922 года, что сложилась благоприятная обстановка, когда большевики могут приступить и «заново объединить самые большие и важные осколки империи в одно государство и вместе противостоять “враждебному капиталистическому окружению”» [2]. Именно в это время в качестве высшей центральной власти страны был определён Всесоюзный съезд Советов. Конституционная комиссия под председательством В. Молотова, выработала основы первой советской Конституции 1924 года [2]. В первой советской Конституции вновь образованное государство называлось “Союзом Советских Республик Европы и Азии”. В ней провозглашались новые принципы организации государства на основе равенства и равноправие всех республик, вступившим в союз с РСФСР “вместе и наравне с ними”. Эти основополагающие предложения В.И. Ленина были приняты большинством членов политбюро. В Договор об образовании СССР вошли также положения В. Ленина о доступности принятия в Союз республик, не только существующих, но могущих

возникнуть в будущем. Этим положением законодательно материализовался марксистский лозунг “пролетарии всех стран соединяйтесь!” т.е. указывался путь объединения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику. В последствии название государства “Союз Советских Республик Европы и Азии” был заменен Лениным из соображения географически не ограничивать союз в будущем, о чем свидетельствует герб СССР, символизирующий весь земной шар. Этот грандиозный, по большему счету образ мирового идеального общественного обустройства не был реализован, в условиях жестокого противодействия капиталистического мира, который диктовал свои условия организации общественного мироустройства. По этой же причине тезис о мировой революции вскоре был замещен строительством социализма в одном отдельно взятом государстве, которое было реализовано и показало высокий потенциал своего развития, по сравнению с кап странами, достигло потрясающих успехов за сравнительно кроткие сроки.

В последующем распад СССР был результатом колоссальных усилий капитализма, направленного на разложение правящей верхушки, в среде которой возобладали чуждые марксизму и большевизму принципы индивидуального обогащения в противовес коллективному общественному благосостоянию. Так в результате предательства не был завершен мировой опыт создания социального государства, идея возрождения которого все больше получает распространение в социальных прогнозах будущего. Этот мировой социальный опыт не выдержал испытания, после распада СССР (1991) в политике бывших советских республик стали преобладать национальная приверженность к частному обогащению и возобладала тяга к национальному обособлению.

Образование единого государства СССР было воспринято в мире господства капитализма без энтузиазма по ряду причин в том числе причин, выработанных в СССР принципами внешней политики. Как пишут Л.Н. Нежинский, И.А. Челышев «Вряд ли можно понять и объяснить сущность,

характер и основные направления внешней политики СССР, предварительно не уяснив, на каких доктринальных основах базировалась эта политика, что составляло её идейно-теоретический фундамент.<…> отчетливо сознавая, что <…> нет такого государства, руководители которого не стремились бы формировать и проводить его внешнюю политику, опираясь прежде всего на определенную систему теоретико-политических принципов или нормативных положений <…> “доктрин”» [7, 11]. Поскольку внешняя политика вновь образовавшегося государства была достаточно неоднозначной и даже противоречивой. Так, наряду с провозглашением принципов мирного сосуществования, СССР была приверженцем продвижения большевистских норм во внешней политике: классового подхода, материалистического понимания истории, марксистско-ленинской философии. Теоретическим посылом возникновения новых образцов международных отношений стали революционные доктрины нового государства, которые предрекали, например, неизбежную гибель капиталистического мироустройства, что не могло быть положительно принято и поэтому приводило к напряженному отношению к СССР со стороны стран капиталистического мира, которое выражалось экономическими санкциями, торговыми эмбарго, а после Второй мировой привело к холодной войне.

Прежде всего следует отметить доктрину, обосновывающую аспекты военно-стратегического направления и геополитические притязания формирующегося нового государственного и общественно-политического строя с точки зрения не только эволюции её практических, но и теоретических основ, что было продемонстрировано и доказано в годы гражданской войны и актов интервенции западно-американских войск в различных регионах, в которых они потерпели сокрушительное поражение. Именно военные победы, и безусловные дипломатические успехи советской дипломатии в процессе общения нового государства с Западом стали теми базовыми доктринальными принципами, с применением которых были

достигнуты первоначальные победы в период управления страной В.И. Лениным и сформированы, и переведены в последующем в практику межгосударственных отношений И.В. Сталиным [10, с. 176]. В своей основе советская дипломатия опиралась на следующие положения марксистско-ленинской теории. Во-первых, на историческую предопределенность «смены социально-экономических формаций, когда «на смену “загнивающему” капитализму должна прийти социалистическо-коммунистическая формация» [6]. Во-вторых, на единственно верную теорию социально-классовых отношений, на которых построен капиталистический мир, предполагающий классовую борьбу и которая приведет к победе “мировой революции”[5, с. 63]; В-третьих, на признание того, что главной «задачей коммунистических властей является внедрение в массовое сознание идеи об особой авангардно-революционной роли России в мировой истории и её особом, мессианском предназначении, обусловленном тем, что победившие в ней революционеры якобы лучше всех в мире знают, как устроить человеческое счастье на Земле и добиться всеобщего благополучия»[1, с. 696-709]; В-четвертых, признание единственно верным марксистско-ленинское учение о том, что до тех пор пока существует империализм (как высшая и определенная стадия капитализма) войны неизбежны, что является основанием необходимости уничтожения его, как условие предотвращения новых конфликтов. В-пятых, наиболее неприемлемым для капиталистического истеблишмента было зафиксированное в доктрине международных отношений нового государства марксистско-ленинское учение о войнах справедливых и несправедливых [9, с.140-148]. В соответствии с военной доктриной, разработанной И.В. Сталиным, в советской военной науке утвердился тезис о войнах справедливых, и несправедливых. Война считается справедливой, если она способствует формированию мирового революционного процесса (то есть направлена на освобождение трудящихся масс от гнета капитала или ведется во имя защиты революционных завоеваний, социалистического государства [10, с. 10]. При этом справедливые войны, способствуют реализации

политики передовых классов, являются кроме всего важнейшим фактором исторического прогресса [6].

С этих доктринальных внешнеполитических позиций рассматривались руководителями СССР все конфликты и войны, которые вело советское государство до Второй мировой войны. А таких событий было, по данным К. Ивановой, было немало: Война с Польшей (1920 г); Конфликт с Китаем (1929 г); Конфликт с Японией (1938 г); Конфликт с Японией (1939 г); Освобождение западных частей Украины и Белоруссии, которые были во владении Польши после войны 1920 г.; Война с Финляндией (1939-1940 гг.) [4].

Такие же критерии для оценки международной ситуации были актуальны и после окончания Второй мировой войны.

По мере развития советской государственности и международной обстановки, естественно, менялась и доктрина внутренней и внешней политики СССР. Так, содержание ленинской теории “перманентной мировой революции” И.В. Сталин интерпретировал в политику, постоянно направленную на расширение пролетарских революций, как можно большем числе государств за счет претворения в жизнь идеи интернационализма. Безусловно элиты ведущих государств Запада противостояли попыткам деятельности СССР в этом направлении, что с отчетливостью проявилось после окончания Второй мировой войны, в период наибольшего торжества коммунистических идей в странах Западной и Восточной Европы. И тем не менее образование стран социалистического лагеря показывает, что главные направления внешней политики советского государства, с самого его провозглашения в 1922 году и вплоть до окончания Второй мировой войны, определялись ранее принятыми внешнеполитическими установками. При этом следует учесть, что в необходимых условиях «внешнеполитические доктринальные установки, не исключали случаев маневрирования и корректировки тактики советской дипломатии, когда советское руководство считало это необходимым и выгодным» [7, 11]. Однако основные принципы

внешней политики в своей основе претерпели лишь незначительные изменения.

Основные характеристики советской доктрины в годы холодной войны оставались на позициях, пророчески высказанных И. Сталиным еще в «1927 году, когда он заявил, что “В ходе дальнейшего развития мировой революции появятся два центра мирового значения: социалистический центр, притягивающий к себе страны, которые стремятся к социализму, и капиталистический центр, притягивающий к себе страны, которые склоняются к капитализму. Битва между этими двумя центрами за контроль над мировой экономикой решит судьбу капитализма и коммунизма во всем мире”» [3]. Именно эти базовые доктринальные установки и определили политику советской дипломатии в годы холодной войны, которая разразилась после окончания Второй мировой и которые могли бы отчасти быть использованными в ходе теперешнего противостояния, инициированной США против, новой России, построенной на тех же принципах, что и весь капиталистический мир, которым РФ следует неукоснительно.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1) Foreign Relations, 1946. – Vol.VI. Eastern Euope, Soviet Union. – Wash., 1969. – P.696–709.
2) Беседа с RT историка А. Орлова. http://mpgu.su/novosti/istorik-a-a-orlov-vyistupil-s-dokladom-o-vliyanii-britanskih-idey-na-rossiyu-v-xix-v/
3) Выработка взглядов СССР и США на послевоенный мир. https://pandia.ru/text/79/016/69352.php
4) Иванова К. Яндекс. Кью https://yandex.ru/q/question/kakie_voiny_vela_nasha_strana_v_period_93ff6b6f/
5) История Коммунистической партии Советского Союза. – Т. 5. – Кн. 2. Ред. А. Д. Педосов (руководитель). – Москва, 1980. – 691 с.

6) Марксизм-ленинизм о войне и армии [Текст] / Под общ. ред. полк. Г. А. Федорова (глав. ред.) [и др.]. – 2-е изд., доп. и перераб. – Москва: Воениздат, 1961. - 394 с.

7) Нежинский Л.Н., Челышев И.А. Доктринальные основы советской внешней политики в годы «холодной войны» // Советская внешняя политика в годы “холодной войны” (1945- 1985 гг.). Новое прочтение / Отв. ред. Л.Н. Нежинский. – Москва: Международные отношения, 1995. – С. 9–46;

8) Оплот против мирового капитализма»: как был образован Союз Советских Социалистических Республик. 30 декабря 2017, 15:06 // https://russian.rt.com/science/article/466056-obrazovaniye-sssr.

9) Первые письма с «холодной войны» // Международная жизнь. – 1990. – №11. – С.140–148

10) Сталин И.В. Сочинения. Т. 12. – Москва: Государственное издательство политической литературы, 1949. – 176 с.

11) Фёдоров А. Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945 – 1985 гг.). Л. Н. Нежинский, И. А. Челышев, А. М. Филитов и др. // Москва: Международные отношения, 1995. – С. 9–46.

УДК 93/94

ГЕРМАНИЯ В ПЛАНАХ БРИТАНСКИХ КОНСЕРВАТОРОВ НАКАНУНЕ ЛОКАРНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ)

Арцыбашев Валерий Александрович
кандидат исторических наук, главный специалист
Российского государственного военного архива, Россия, Москва
e-mail: arcybashev_w@mail.ru

Аннотация: Статья освещает планы британских консерваторов по привлечению Германии к борьбе против СССР в 1920-е гг.

Ключевые слова: Германия, британские консерваторы, Локарнская конференция, советская военная разведка.

GERMANY IN THE PLANS OF THE BRITISH CONSERVATIVES ON THE EVE OF THE LOCARNO CONFERENCE (BASED ON THE MATERIALS OF SOVIET MILITARY INTELLIGENCE)

Arcybashev Valery A.
candidate of historical sciences, chief specialist
of the Russian State Military Archives, Russia, Moscow
e-mail: arcybashev_w@mail.ru

Abstract: the article covers the plans of the british conservatives to involve Germany in the fight against the USSR in the 1920s.

Keywords: Germany, british conservatives, Locarno Conference, soviet military intelligence

В октябре 1925 г. в швейцарском городе Локарно состоялась международная конференция, участниками которой стали представители семи европейских государств – Бельгии, Великобритании, Германии, Италии, Польши, Франции и Чехословакии. В ходе этой конференции был выработан и парафирован ряд важнейших документов. Главным из них являлся Рейнский гарантийный пакт, согласно которому Германия, Франция и Бельгия признавали неприкосновенность германо-французской и германо-бельгийской границ, а также обязались соблюдать положения статей Версальского договора 1919 г. относительно демилитаризации Рейнской зоны. Гарантами пакта выступили Великобритания и Италия. Кроме того, в Локарно был положительно решен вопрос о вхождении Германии в Лигу наций, в качестве постоянного члена в Совете этой международной организации.

Итоги Локарнской конференции, несмотря на отсутствие гарантий неприкосновенности германо-польской и германо-чехословацкой границ, умиротворяюще подействовали на европейскую общественность, которая восприняла локарнские соглашения как необходимый шаг к созданию нового ненасильственного миропорядка. «Творцы Локарно» – министры иностранных дел Великобритании Остин Чемберлен, Германии Густав Штреземан и Франции Аристид Бриан – получили Нобелевскую премию мира.

Вместе с тем Локарнская конференция и ее результаты вызвали серьезное беспокойство в Москве. Сама идея примирения европейских стран с побежденной в Первой мировой войне Германией расценивалась руководством СССР как очередная попытка создать в Европе единый антисоветский фронт с целью подготовки новой интервенции против первого в мире социалистического государства. В резолюции XIV съезда ВКП(б) прямо указывалось: «Относительная стабилизация и так наз[ываемое] “замирение” Европы, под гегемонией англо-американского капитала, привели к целой системе экономических и политических блоков, последним

из которых является конференция в Локарно и так наз[ываемые] “гарантийные договоры”, острием своим направленные против СССР. Эти блоки и договоры, прикрываемые якобы пацифистской Лигой наций и фальшивой шумихой II Интернационала о разоружении, означают по сути дела не что иное, как расстановку сил для новой войны» [7, с. 514].

Надо сказать, что подобные заявления основывались на глубоком анализе международной обстановки, которым занималось в том числе Разведывательное управление Штаба РККА. В 1925 г. в структуре Разведупра существовал информационно-статистический отдел, считавшийся и по составу, и по квалификации сотрудников наиболее подготовленным в профессиональном отношении подразделением центрального аппарата советской военной разведки. По сути, этот отдел являлся аналитическим центром Разведуправления, где систематизировалась, обобщалась и анализировалась вся поступавшая информация и давалась оценка событиям, происходящим в Европе и мире [5, с. 236]. Примечательно, что аналитики РУ Штаба РККА готовили не только секретные доклады о международной обстановке, предназначенные исключительно для партийно-политического руководства страны и командования Красной Армии. С разрешения руководства сотрудники советской военной разведки нередко публиковали аналитические статьи в открытой печати, причем под своими настоящими фамилиями.

Например, в 1925 г. в журнале «Война и революция» было опубликовано несколько статей помощника начальника информационно-статистического отдела РУ Штаба РККА Яна Матисовича Жигура, в которых анализировалась реальная политика иностранных государств на международной арене. Особое внимание в этих статьях уделялось истинным планам и намерениям правящих кругов Великобритании накануне Локарнской конференции, а также роли веймарской Германии в реализации этих планов.

Так, Жигур в статье «Перспективы создания антисоветского блока» отмечал, что с конца 1924 г. британское правительство консерваторов (кабинет Болдуина–Чемберлена) «взяло агрессивный курс по отношению к СССР и ведет подготовку для возможных вооруженных выступлений в удобный момент против последнего с целью ликвидации Советской России и превращения ее в фактическую колонию англо-американского капитала» [1, с. 144].

Основные причины враждебного отношения Великобритании к СССР были проанализированы Жигуром в статье «Англия и СССР», где он указывал, во-первых, на то, что мощь Великобритании основывается на ее колониях в Азии (особую ценность для англичан представляла Индия), поэтому Англия, ведя активную борьбу против национально-революционного движения в странах Востока, опасается, что Советский Союз, в случае своего экономического усиления, будет в состоянии оказать восточным народам не только моральную, но и материальную поддержку и тем самым поспособствовать разрушению Британской империи. Во-вторых, отмечал Жигур, «Красная Армия рассматривается английским правительством не как армия обороны своего национального отечества, но как армия, временно занимающая определенную территорию для подготовки к захвату других стран и уничтожению в них “капиталистического режима”». И, наконец, еще одной причиной враждебности Великобритании к СССР автор статьи считал «недовольство английских капиталистов теми ограниченными прибылями, которые они могут получить в России при советском режиме. Английский капитал, – подчеркивал Жигур, – привык хозяйничать в своих колониях и получать сверхприбыли. Монополия внешней торговли, наша концессионная политика и защита труда не позволяют ему получать тех высоких прибылей, которые он получал бы в буржуазной России» [3, с. 7–9].

Далее, касаясь британских планов борьбы против СССР, сотрудник советской военной разведки писал, что «правительство Болдуина–

Чемберлена поставило себе задачей создание целого ряда антисоветских блоков. Назначение их: а) отвлечь силы и внимание СССР от Азии и б) при благоприятной политической обстановке начать вооруженную борьбу против СССР с целью ликвидации советского режима» [3, с. 9].

Интересно отметить, что еще за несколько месяцев до начала работы Локарнской конференции аналитики РУ Штаба РККА в своих публикациях в журнале «Война и революция» обращали внимание читателей на то, что антисоветская политика британских консерваторов сводится не только к попыткам создать в Европе различные военно-политические блоки, направленные против СССР, но и вовлечь в противосоветские комбинации веймарскую Германию.

Так, в статье «Германия как “барьер” или “плацдарм” в борьбе против СССР» Жигур отмечал, что большая опасность «для западной “культуры” мерещится Англии в возможном союзе Германии с СССР. Поэтому Англия прилагает все усилия к тому, чтобы союзники сообща вовлекли Германию в орбиту своего политического влияния и этим окончательно уничтожили возможность создания русско-германского союза. С этой целью Англия настаивает на вхождении Германии в Лигу наций и на заключении гарантийного договора между Англией, Францией, Германией, Бельгией и Италией. Англия при каждом удобном и неудобном случае дает понять Германии, что интересы последней на стороне великих держав Запада, а не на стороне экономически слабого Советского Союза» [2, с. 135].

К октябрю 1925 г. анализ переговоров представителей европейских стран по подготовке к Локарнской конференции позволил советской военной разведке окончательно сделать вывод о том, что Великобритания намерена в будущем использовать в борьбе против СССР Германию.

Так, в частности, сотрудник информационно-статистического отдела РУ Штаба РККА Христофор Андреевич Пунга в статье «Гарантийный договор» указывал, что «кабинет Болдуина–Чемберлена, по примеру Керзона возобновивший враждебную политику по отношению к СССР, решил не

только помешать сотрудничеству между Германией и СССР, но и использовать Германию в целях борьбы против СССР, превратив ее из “барьера” в “плацдарм”. Это стремление привлечь Германию для борьбы с нами ясно видно из всего течения переговоров по поводу гарантийного пакта. Настойчивые требования о вступлении Германии в Лигу наций на общих основаниях, вопреки германским требованиям изменить те пункты статута Лиги наций, которые говорят о вооруженном выступлении и пропуске войск через свою территорию для действия против “непокорных” Лиге наций государств, свидетельствуют о том, как Англии нужна Германия для выступления против СССР. Намерений Англии использовать Германию для выступления против СССР не скрывает даже западноевропейская буржуазная пресса; так, например, агентство Сан-Филь печатает в своем бюллетене статью под заглавием: “То, о чем умалчивают официальные сообщения”, в которой указывает на скрытые замыслы Англии по отношению к СССР: “Англия усиленно стремится сокрушить СССР, а без содействия Германии эта затея обречена на верную неудачу”» [6, с. 188].

Итоги Локарнской конференции позволили аналитикам РУ Штаба РККА, в частности Жигуру, сделать вывод о том, что в Локарно Великобритания одержала крупную победу: англичанам удалось в значительной степени вовлечь Германию в орбиту своего влияния, ослабить гегемонию Франции на Европейском континенте (использовав Германию как противовес Франции), удержать за собой возможность сохранения равновесия в Западной Европе и этим развязать себе руки для активных действий в Азии. Рейнский гарантийный пакт расценивался советской военной разведкой как серьезная опасность для СССР, поскольку увеличивал возможность создания Великобританией единого антисоветского фронта для торговой и экономической блокады, а также для военного выступления [4, с. 28].

24 апреля 1926 г. в Берлине был подписан советско-германский договор о ненападении и нейтралитете. Это, с одной стороны, существенно

ослабило антисоветскую направленность локарнских соглашений, а с другой, укрепило международные позиции СССР.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1) Жигур Я.М. Перспективы создания антисоветского блока // Война и революция. 1925. Кн. 2.

2) Жигур Я.М. Германия как «барьер» или «плацдарм» в борьбе против СССР // Война и революция. 1925. Кн. 3.

3) Жигур Я.М. Англия и СССР // Война и революция. 1925. Кн. 4.

4) Жигур Я.М. Локарно (Процесс новых международных перегруппировок) // Война и революция. 1925. Кн. 6.

5) Колпакиди А., Север. А. ГРУ. Уникальная энциклопедия. – М., 2009.

6) Пунга Х.А. Гарантийный договор // Война и революция. 1925. Кн. 5.

7) XIV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. – М., 1926.

УДК 94(73)

ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ СОВЕТСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В 60-Е ГОДЫ XX ВЕКА

Вафин Харис Шамильевич
докторант, магистр гуманитарных наук
Национальный университет обороны имени Первого Президента Республики Казахстан – Елбасы, Республика Казахстан, г. Нур-Султан
e-mail: kharisvsh@bk.ru

Аннотация. В статье анализируется история становления и развития отношений между СССР и КНР в годы нарастания международной напряжённости (1949-1969 гг.). Рассматривается раскол в советско-китайских отношениях и факторы, влияющие на них.

Ключевые слова: Советский союз; Китайская народная республика; советско-китайские отношения; Корейская война; Вооруженные силы; национальные интересы; вооруженный конфликт.

INTERNAL AND EXTERNAL FACTORS SOVIET-CHINESE RELATIONS IN THE 60s OF THE XX CENTURY

Vafin Kharis S.
Doctoral student, Master of Humanities
National Defense University named after the First President Republic of Kazakhstan - Elbasy, Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan
e-mail: kharisvsh@bk.ru

Annotation. The article analyzes the history of the formation and development of relations between the USSR and the People's Republic of China during the years of increasing international tension (1949-1969). The split in Soviet-Chinese relations and the factors influencing them are considered.

Keywords: Soviet Union; People's Republic of China; Soviet-Chinese relations; Korean War; Armed forces; national interests; armed conflict.

В наши дни роль и перспективы стратегического партнерства Казахстана и Китая не утратили своей актуальности и носят стратегический характер. Добрососедские отношения двух стран оказывают позитивное влияние на геополитическую обстановку, как в Центрально азиатском регионе, так и во всём мире. Как отметил Первый Президент Республики Казахстан: «Китай и Казахстан – близкие соседи. Совместная граница в 1 700 километров является границей дружбы и сотрудничества» [1].

Активизация связей между Казахстаном и Китаем на современном этапе требует анализа и осмысления накопленного исторического опыта. При этом наибольший интерес для понимания целостности картины взаимоотношений представляет период 1949-1969-х гг., в течение которого, отношения между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой (далее – КНР) претерпели трансформацию от активного сотрудничества во многих сферах, вплоть до вооруженного конфликта. Данные обстоятельства имеют свои причины и обусловлены следующими внутренними и внешними факторами:

Первый. После присоединения СССР к Потсдамской декларации и вступлении в войну с Японией началось освобождение от Квантунской армии Северо-Восточного Китая (Маньчжурии) и Северной Кореи. Правительство СССР преследовало цели вернуть Советскому Союзу отторгнутые японцами в годы Русско-японской войны Южный Сахалин, открыть свободный выход для советских кораблей и судов в Тихий океан. По итогам второй мировой войны первым государством, признавшим Китайскую Народную Республику после её провозглашения, стал СССР. 1 октября 1949 г. советскому генеральному консулу в Пекине С.Л. Тихвинскому было направлено письмо от министра иностранных дел КНР Чжоу Эньлая с приложенной к нему Декларацией Центрального народного правительства Китая. В данном письме выражалось

желание КНР установить дипломатические отношения с другими мировыми державами [2].

Второй. Корейская война 1950-1953 гг. стала первым испытанием социалистического тандема – И.В. Сталин предоставил Северной Кореи современные образцы вооружения и военной техники, Мао Цзе Дун – личный состав в виде пограничных войск Северо-Восточного Китая которые были преобразованы в корпус китайских народных добровольцев. Однако КНР была неспособна в полной мере обеспечивать боевые действия собственных войск, что объясняется огромной финансовой напряженностью в стране. В этой связи, 14 февраля 1950 г. наряду с заключением нового союзного договора между СССР и КНР было подписано соглашение «О предоставлении кредита Китайской Народной Республике» [3].

Следовательно, необходимо отметить, что Китай получил необходимые для восстановления и дальнейшего развития китайского народного хозяйства: советских специалистов, инженеров, агрономов, а также оборудование и материалы для электростанций, заводов в области металлургии и машиностроения, угольных и железорудных шахт, железнодорожного и других видов транспорта.

Третий. После смерти Сталина в руководстве СССР развернулась отчаянная борьба за власть. В конце 1953 года Первым секретарем партии, а затем одновременно председателем Совета Министров СССР становится Н.С. Хрущев. Позже, первый секретарь КПСС Н.С. Хрущев 25 февраля 1956 г. в ходе XX съезда партии выступил с докладом «О культе личности и его последствиях», который послужил отправной точкой открытых идеологических столкновений и критики Китаем советского опыта строительства социализма. Официальный текст выступления советского лидера не был предоставлен Пекину, что вынудило компартию Китая формировать собственное отношение к указанному докладу, основываясь на неполных его записях, сделанных делегацией КНР с копии чернового варианта речи Н.С. Хрущева, а также на основе китайских переводов

сообщений «The New York Times» о прошедшем в СССР XX съезде КПСС [4].

Исходя из вышеизложенного, роль личности Сталина, а также личные взаимоотношения с «Вождями революций» социалистических стран занимали важное место в международных отношениях СССР, которые во многом подражали ему, как по политическим взглядам, так и по курсу строительства социализма в своих странах. В этой связи большинство первых руководителей социалистических стран восприняли критику Хрущева, как личное оскорбление и попытку дискредитировать их авторитет перед своим народом.

Четвертый. Мао Цзе Дун понимал, что нарастание напряженности на корейском полуострове позволяет попросить у Советского союза самый главный аргумент в борьбе с империализмом – ядерное оружие. В свою очередь Хрущев, не смотря на усиление противоречий в советско-китайских отношениях, 15 октября 1957 г. подписал соглашение по вопросам военно-технического сотрудничества, предусматривавшее передачу КНР образца ядерного боеприпаса, документации, необходимой для его серийного производства и соответствующих средств доставки – дальних реактивных бомбардировщиков, баллистических и крылатых ракет [5].

Таким образом, наличие ядерной бомбы и средств ее доставки, пусть не самые совершенные, но боеспособные открывали перед Мао Цзе Дун широкие возможности и доводы для определения собственной внешней политики.

Пятый. Венгерская революция 1956 года против власти Москвы была тяжелой политической проблемой для Мао, потому что это потребовало военной интервенции для подавления, и его появление отрицает политическую легитимность коммунистической партии, чтобы быть в правительстве. В ответ на это недовольство европейских членов Восточного блока КПК осудила десталинизацию СССР как марксистский ревизионизм и

подтвердила сталинскую идеологию, политику и практику правительства Мао как правильный курс для достижения социализма в Китае.

С точки зрения Мао, успех советской внешней политики мирного сосуществования с Западом приведет к геополитической изоляции КНР; тогда как венгерская революция указала на возможность антикоммунистического восстания в КНР и в сфере влияния Китая. Чтобы воспрепятствовать такому недовольству, Мао начал в 1956 году Кампанию политической либерализации «Сотня цветов» – свободу слова для публичной критики правительства, бюрократии и КПК.

Шестой. Для Мао события 1958–1959 годов показали, что Хрущев политически ненадежен как ортодоксальный марксист. В 1959 году премьер-министр Хрущев встретился с президентом США Дуайтом Эйзенхауэром, чтобы уменьшить американо-советскую геополитическую напряженность. С этой целью СССР: отказался от соглашения о технической помощи для разработки проекта 596 и встал на сторону Индии в китайско-индийской войне [6].

Нужно также заметить, что в это же время оформляется и теория «промежуточных зон», модифицированная и дополненная Мао Цзэ Дуном в 1963-1964 гг., причем к «промежуточным» лидер КНР отнес все государства, лежащие между социалистическими державами и США, а также объединяемые угрозой стать первоочередным объектом агрессии со стороны Соединенных Штатов [7].

Отсюда, нам видно, что Мао Цзе Дун ставил цель, опираясь на контакты с монополистической буржуазией, чем также обосновывал сотрудничество Китая с империалистическими странами в рассматриваемый период, используя противоречия в лагере капитализма, мобилизовать антиимпериалистический потенциал второй «промежуточной зоны». В результате указанная теория легла в основу внешнеполитической доктрины китайского руководства, которое выстраивало межгосударственные отношения КНР, опираясь именно на теорию «промежуточных зон».

Седьмой. Внутриполитическая ситуация в Китайской народной республике, экономический и социальный кризис после провального завершения кампании «Большого скачка» по восстановлению экономики Китая, избранный на пост второго председателя КПК в 1959 году Лю Шао Ци, а также другие лидеры партии стали сомневаться в правильности курса, которым вел страну Мао Цзэ Дун [8].

Однако, возложив всю вину за провал инициатив «Большого скачка» на Лю Шао Ци и внешних врагов, в том числе «ревизионистский» СССР во главе с Н.Хрущевым, Мао Цзэ Дун решил обе задачи: убрал конкурентов и дал выход народному недовольству путем проведения великой пролетарской культурной революции.

Восьмой. Вместе с тем необходимо отметить, что вплоть до 1960 г. никаких споров между двумя соседними государствами по поводу границы не возникало. Советско-китайская граница образовалась исторически, она была определена целым рядом договоров и различных соглашений, подписанных полномочными представителями обеих стран. Однако, с середины 60-х гг. провокационная деятельность китайской стороны на советской границе значительно активизировалась.

С конца марта 1965 г. участились попытки захватить отдельные участки советской территории. Китайские военнослужащие и гражданские лица стали демонстративно нарушать границу. Наиболее напряженный период на государственной границе пришелся на конец 1960-х гг. Претендуя на значительные площади советской территории, китайские власти в этот период устраивали на границе многочисленные провокации, стремились явочным порядком перенести линию государственной границы на новые рубежи. 2 и 15 марта 1969 г. китайцы развязали вооруженные провокации в районе острова Даманский на Дальнем Востоке. Затем с 2 по 18 мая в районе поселка Дулаты Алматинской области, 13 августа того же года у озера Жаланашколь на участке Восточного пограничного округа [9]. Советско-китайский раскол вступил в самую опасную стадию. В западной прессе

появились сообщения о том, что советские лидеры не исключают проведение превентивного ядерного удара по Китаю.

Вышеперечисленные факторы позволяют убедиться в том, что Мао Дзе Дун никогда, не был просоветским лидером и уже давно вынашивал идею выбраться из объятий «Старшего брата». Китай того времени был в большей степени аграрной страной с низким процентом промышленного производства, следовательно ставка Москвы на рабочих и лидеров партизанского движения КПК в Манчжурии была ошибочна и не оправдала себя.

Таким образом, можно сделать вывод, что с приходом к власти Н.С. Хрущева китайские власти в лице Мао Дзе Дуна начали планомерно отдаляться от некогда «Старшего брата», от союза с которым в послевоенный период получили все необходимое, чтобы ликвидировать техническое и военное отставание от мировых держав.

Кроме того, взвесив все риски, преступили к искусственному накаливанию обстановки в приграничных районах советско-китайской границы, разворачивая воинские части и многочисленные военные совхозы. Приграничные вооруженные конфликты, вдоль советско-китайской границы, были спровоцированы китайской стороной, в результате привели к серьезным противоречиям между двумя странами.

В итоге, с конца 60-х годов «холодная война» для СССР идёт на два фронта – против США и его союзников по НАТО, а также в условиях отдаляющегося в сторону Запада Китайской Народной Республикой.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1) Ежедневная газета «Жень минь жибао» http://russian.people.com.cn/n3/2019/0427/c31521-9573085 (10.04.21)

2) Советско-китайские отношения. 1917-1957: сб. документов. – М., 1959. № 145. С. 214.

3) Советско-китайские отношения. 1917-1957: сб. документов. М., 1959. № 153. С. 219–220.

4) Text of Speech on Stalin by Khrushchev as Released by the State Department // The New York Times. 1956. June 5.

5) Дроговоз И.Г. Необъявленные войны СССР//Харвест. – Минск, 2004. – 496 с.

6) Фридман, Джереми. «Советская политика в развивающемся мире и вызовы Китая в 1960-е годы». История холодной войны (2010) 10 № 2 с. 247–272.

7) Внешняя политика и международные отношения Китайской Народной Республики. – М., 1974. Т. 2. С. 11.

8) Постановление Центрального Комитета Коммунистической партии Китая о великой пролетарской культурной революции. //http://library.maoism.ru/kpk8aug.htm (10.04.2021)

9) Белан П.С., Балакаев Т.Б. Исторический опыт защитника Отечества. Военная история Казахстана: Учебное пособие для курсантов военных училищ и студентов гражданских учебных заведений//БОРКИ – Алматы, 1999. – 352 с.

«КРЕПКИ МЫ СПАЙКОЙ ТЕСНОЙ. СИЛЬНЫ МЫ ДРУЖБОЙ ЧЕСТНОЙ». НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО СОЮЗА ССР

УДК 141

ОСНОВАНИЕ СССР КАК ВЕХА В ИСТОРИИ МАРКСИЗМА

Шулико Георгий Андреевич
преподаватель кафедры философии и социально-политических технологий
Российский государственный университет нефти и газа (Национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина, Россия, Москва
gashulik@gmail.com

Аннотация. В статье говорится о символическом и теоретико-философском значении возникновения СССР для советского и западного марксизма в 1920-х годах.
Ключевые слова: революция, СССР, большевизм, советский марксизм, западный марксизм, неомарксизм.

FOUNDING OF THE USSR AS A MILESTONE IN THE HISTORY OF MARXISM

Shuliko Georgiy A.
lecturer at the Department of Philosophy and Socio-Political Technologies
Gubkin University. National University of oil and gas. Russia, Moscow
gashulik@gmail.com

Abstract. The article deals with the symbolic and theoretical-philosophical meaning of the emergence of the USSR for Soviet and Western Marxism at the 1920s.
Key words: revolution, USSR, Bolshevism, Soviet Marxism, Western Marxism, neo-Marxism.

Возникновение в 1922 году Союза Советских Социалистических Республик стало важной вехой для истории России и всего мира – прежде всего, как формальный символ завершения Великой русской революции 1917 года и последовавшей за ней Гражданской войны.

С одной стороны, Гражданская война завершилась безоговорочной победой «красных» – в той или иной форме большевики смогли удержать под своим контролем большую часть территории бывшей Российской империи, подавив всякое (как контрреволюционное, так и революционно-демократическое) сопротивление своей власти. С другой стороны, надежды лидеров большевиков на скорую европейскую социалистическую революцию не оправдались: после ряда неудачных восстаний в Германии, военного поражения Венгерской народной республики 1919 года и окончившегося безрезультатно для левых «Красного двухлетия» 1919 – 1920 годов в Италии, Советская Россия на долгие годы оставалась единственным (не считая Монголии) социалистическим государством в мире. Говоря о том, какое значение этот факт имел для отечественной и мировой марксистской мысли, необходимо отметить то специфическое концептуальное значение, которое имела революционная практика для многих марксистских теоретиков первой четверти XX века.

На протяжении нескольких десятилетий на рубеже XIX и XX веков перед марксистскими теоретиками – Карлом Каутским, Эдуардом Бернштейном, Георгием Плехановым и другими – стояла проблема защиты интеллектуальной монополии на или, по крайней мере, привилегированного положения среди прочих комментаторов классиков научного социализма – К. Маркса и Ф. Энгельса. Из каких символических источников лидеры II Интернационала черпали моральный авторитет для идейного и практического руководства над молодым социал-демократическим движением?

Отечественный исследователь западного марксизма С.Н. Земляной справедливо связывает создание «марксистского канона» с принятием в

кайзеровской Германии Исключительного закона против социалистов «и вынужденным перемещением руководящего ядра СДПГ, ее литераторов и теоретиков в Цюрих (Швейцария), ставший своего рода сборным пунктом левой интеллигенции всего мира. В этот период теоретики СДПГ во главе с Энгельсом, из Англии поддерживавшим с ними тесную связь, фактически монополизировали издание и истолкование трудов Маркса (К. Каутский, Э. Бернштейн, Ф. Меринг).» [5, с. 60-61].

Можно сказать, что основания идейного авторитета вождей II Интернационала носили довольно разнородный характер, однако прежде всего – основания философско-теоретические. Как справедливо замечает британско-американский историк, социолог и политолог П. Андерсон, теоретики II Интернационала «стремились различными путями систематизировать исторический материализм как всеобъемлющее учение о человеке и природе, способное заменить соперничающие буржуазные теории, и дать рабочему движению широкое и ясное представление о мире, которое сразу смогли бы усвоить наиболее активные его сторонники» [1, с. 16]. Тем единственным, что могло бы поколебать этот авторитет, как бы парадоксально это ни звучало, была революционная практика.

В своем политическом измерении марксизм всегда претендовал на статус живой революционной теории или, как описывал его Энгельс в своих «Принципах коммунизма», «учения об условиях освобождения пролетариата» [8, с. 322]. Длительное отсутствие успешного революционного опыта работало на укоренение марксистской традиции несколько неоднозначным образом. Ситуация коренным образом поменялась, когда монополию теоретиков II Интернационала – как на толкование работ классиков, так и в принципе на развитие марксизма – оспорили большевики во главе с Лениным.

Так, развернувшаяся после 1917 года на страницах российских и германских партийных изданий полемика большевистских теоретиков и Карла Каутского представляла собой, помимо прочего, борьбу большевиков с

Марксом – «почтенным резонером, склоняющимся перед святынями демократии, декламирующим о святости человеческой жизни… добропорядочным каутскианцем» [7]; с Марксом, превращенным Каутским в «дюжинного либерала» [6], за Маркса – коммуниста, сторонника революционной пролетарской диктатуры.

В это время в среде европейских интеллектуалов, готовых более или менее критически поддержать Ленина и большевиков, рождается на свет сложное и противоречивое явление, которое впоследствии стали называть западным марксизмом, или неомарксизмом. Победа социалистической революции в России и следующая из этого факта уникальность политического опыта большевиков — первооткрывателей нового мира – наделили последних крайне высоким моральным авторитетом в глазах европейских левых социалистов. В подобных условиях любая, даже самая марксистская, самая теоретически последовательная критика большевиков, не основанная на опыте успешной революционной альтернативы, с позиций революционного марксизма выглядела бы в лучшем случае начетничеством, попыткой, по словам выдающегося итальянского мыслителя А. Грамши, обратить букву «Капитала» против революционного духа марксизма [4].

Однако надежды на мировую революцию не оправдались. Европейская социалистическая революция 1917–1923 годов потерпела поражение, на смену «революционному» развитию теории пришел «постреволюционный» период её систематизации, которая берет свое начало на Родине революции XX века, принявшей в 1922 году форму Советского Союза. Символически именно с возникновения СССР начинается история советского марксизма не как первого среди равных идейного знамени мирового коммунизма (чья особенность состояла лишь в том, что царская Россия оказалась, согласно ленинской теории, самым слабым звеном в цепи империалистических стран и потому позволила большевикам совершить революцию ранее прочих), а в качестве теоретического выражения единственного верного пути – пути, успешной альтернативы которому, несмотря на всю свою

самоотверженность, не смогли предложить ни немцы, ни венгры, ни итальянцы.

Надо сказать, многие западные коммунисты были согласны с такой оценкой. Так, по словам отечественного историка А. Ватлина, «из преклонения перед опытом «старших русских братьев» вырастала идея самопожертвования, которую можно неоднократно встретить в письмах иностранных коммунистов: подобно тому, как большевики жертвуют собой ради мировой революции, так и мы должны жертвовать собой ради процветания новой России» [3, с. 131]. Здесь же вспоминается свидетельство Н. Бердяева: «Я слыхал, как на французском коммунистическом собрании один французский коммунист говорил: “Маркс сказал, что у рабочих нет отечества, это было верно, но сейчас уже не верно, они имеют отечество – это Россия, это Москва, и рабочие должны защищать свое отечество”. Это совершенно верно и должно было бы быть всеми сознано» [2, с. 118].

Поражение социалистической революции в Европе фактически обрекло международное коммунистическое движение на организационное и идейное господство советских коммунистов, которое в тех же исторических обстоятельствах, по мере развития фракционной борьбы в ВКП(б) постепенно начало принимать сталинистские формы. Таким образом, можно сказать, что отмечаемый многими исследователями (такими как Андерсон и Земляной) «академизм» не есть нечто изначально присущее ни западному, ни советскому марксизму; «академизация» европейского неомарксизма и идеологическое выхолащивание советской марксистской философии стала следствием поражения революционной волны 1917 – 1923 годов в странах восточной и центральной Европы, иначе говоря, формой интеллектуальной реакции на реакцию политическую: возникновение фашистского и нацистского режимов в Италии и Германии, и установление сталинского режима в СССР. С этой точки зрения, исключение революционного содержания из советского марксизма и европейского неомарксизма предстает целостным историко-философским процессом.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1) Андерсон П. Размышления о западном марксизме; на путях исторического материализма. – М.: Интер-Версо, 1991. – 272 с.

2) Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: Наука,1990.–224 с.

3) Ватлин А. Коминтерн: Идеи, решения, судьбы. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССНЭН), 2009. – 374 с.

4) Грамши А. Революция против «Капитала» // Альтернативы. 1998. № 3. URL: http://libelli.ru/magazine/98_3/index.htm

5) Земляной С. Неомарксизм // Новая Философская Энциклопедия в 4-х тт., 2- е изд., испр. и допол. – М.: Мысль, 2010. т. 3. С. 60 – 64.

6) Ленин В. Пролетарская революция и ренегат Каутский // Ленин В. И. Полн. собр. соч.: в 55-ти томах, М.: Издательство политической литературы, 1969. Т. 37. С. 235 – 338.

7) Троцкий Л. Терроризм и коммунизм. URL: www.marxists.org/russkij/trotsky/1920/terr.htm (дата обращения: 27.03.22).

8) Энгельс Ф. Принципы коммунизма // Маркс К. Энгельс Ф. Собр. соч.: в 50-ти тт. – М.: Государственное Издательство Политической Литературы, 1955. Т. 4. С. 322 – 339.

УДК 94 (47) (075,8)

СОВЕТСКИЙ ЭТНОНАЦИОНАЛИЗМ ПРОТИВ СОВЕТСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМА

Бакланов Вячеслав Иванович

кандидат исторических наук, доцент Департамента Гуманитарных наук

Финансовый университет при правительстве РФ

e-mail: slava.home2010@mail.ru

Аннотация: В статье исследуется этнотерриториальные принципы построения СССР, что неизбежно порождали национализм, а затем и стремление к обретению независимого государства. В тоже время подчеркивается, что национальный фактор не был главным в распаде СССР и крахе социализма. Он стал фактором вторичным и сыграл свою разрушительную роль в самом конце перестройки. Когда строительство социализма зашло в тупик, а коммунистическая идея оказалась дискредитированной.

Ключевые слова: этнонационализм, этнотерриториальный, коренизация, интернационализм, идентичность.

SOVIET ETHNONATIONALISM VERSUS SOVIET INTERNATIONALISM

Baklanov Vyacheslav I.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities Financial University under the Government of the Russian Federation

e-mail: slava.home2010@mail.ru

Resume: The article examines the ethno-territorial principles of the USSR, which inevitably gave rise to nationalism, and then the desire to gain an independent state. At the same time, it is emphasized that the national factor was not the main factor in the collapse of the USSR and the collapse of socialism. It became a secondary factor and played its destructive role at the very end

of perestroika. When the construction of socialism reached a dead end, and the communist idea was discredited.

Key words: ethnonationalism, ethno-territorial, korenization, internationalism, identity.

На протяжении всего советского периода существования многонационального СССР, его вожди, руководствуясь коммунистической марксистско-ленинской идеологией, и не отказываясь от сверхдальней идеи максимум - полного слияния народов и наций, пока же на ближайшую перспективу руководствовались более реалистичной идей минимум: ассимилировать все этнонациональное многообразие СССР в «новой исторической общности»- «советском народе». Но это задача казалась непосильной. Ведь слишком велики были стадиальные различия у многих народов (от родо-племенного строя до капиталистического). Велики были и цивилизационно-культурные (русские-православные vs прибалтов-протестантов или узбеков-мусульман и т.д.) и этнические различия между всеми народами, чтобы их переплавить в один «советский народ» с единообразной социалистической идентичностью. Вот почему большевики, с самого начала строительства СССР, вынуждены были пойти на серьезный компромисс с национальными окраинами.

Ярким примером такого компромисса было создание советской федерации по национально-территориальному принципу. Причем с неравноправным делением на автономные и союзные республики (ленинский проект). К этому следует добавить и политику «коренизации» (точнее национализации), где при подборе кадров на партийно-государственные и научно-образовательные должности приоритете отдавался «титульным» национальностям. На Украине украинцам, в Грузии грузинам, в Узбекистане узбекам и т.д. Вот только такие тактические отступления от главенствующей классово-интернациональной парадигмы руководства страны, обернулся, впоследствии, явным стратегическим просчетом.

На практике национально-территориальный принцип, положенный в основу советского федеративного устройства (по факту СССР представлял собой унитарное государство, в котором федеративные права республик лишь декларировались) и политика коренизации (рекрутирование во властные структуры представителей коренных этносов) на местах способствовали развитию этнической идентификации. И даже с биологизаторским подчеркиванием своей идентичности, по принципу крови: «я русский по крови», «я по крови татарин», «грузин» и т.д. Такая этнизация социальных общностей в СССР неизбежно вела и к росту национал-сепаратистских тенденций в многонациональном государстве. Таким образом, была заложена «этническая мина» под прочный и «нерушимый союз народов СССР», что раскалывало единую советскую общность, а значит и единство многонационального государства.

Впрочем, очевидный просчет советского руководства в начале 1920-х гг. сыграл свою негативную роль не сразу. Пока советский коммунистический проект был полон сил и развивался по восходящей линии-строительства социализма и вытеснение всех досоциалистических укладов, все шло хорошо. Союзный Центр неуклонно боролся со всеми так называемыми «пережитками прошлого» и «родимыми пятнами» досоветского исторического прошлого народов. Ассимилятивный интернационализм, по мере успехов советской страны на международной арене, экономике, социальной сфере делал свое дело. Успехи советской модернизации подкреплялись солидным багажом социально-экономических благ, для всех национальностей. И все- таки, переплавка национальностей в советском плавильном котле шла невероятно трудно. Но советское партийное руководство было убеждено в конечном успехе советского красного проекта, считая, что по мере приближения советского общества к коммунизму, этническая и национальная идентификация и самосознание постепенно будут отмирать, вытесняясь общесоветской идентичностью и коммунистическим интернационализмом.

К тому же при Сталине этнонационализм на местах, так мешавший унификации народов пресекался с особой жестокостью. Постоянно шли этноменклатурные чистки, а во время войны депортации целых народов (крымских татар, советских немцев, чеченцев, калмыков и т.д.). Фактически это была силовая политика ускоренного слияния народов в единую советскую общность. И безусловно, имела результат. Но бесконечно продолжаться не могла. И после смерти харизматичного вождя в 1953 г., новое руководство страны в условиях процессов десталинизации провозгласило курс, на новую, более либеральную национальную политику.

При этом советские руководители не оставили планов переплавки советских наций в единую общность. В сравнительно либеральную эпоху оттепели, Хрущев пришел к выводу, что наступило время подумать не только о конкретных сроках наступления коммунизма, но и о слиянии наций, как это предусматривает сама цель коммунизма. Обе эти сверхзадачи Хрущев поставил в Третьей Программе партии в 1961 г. Вместо сталинской формулы «расцвет национальных по форме и социалистических по содержанию культур», выдвинута новая формула: «расцвет и сближение наций». Предполагалось, что коммунистическое слияние всех наций произойдет на базе одного- русского языка и русскоязычной советской культуры.

Вот только этот курс по времени совпал, с все более и более явно проявляющейся тенденцией (с конца 1960-х гг.) – увеличивающего роста, казалось бы, полностью искорененных ранее потребительско-буржуазных отношений, которые как в воронку все более захватывали и верхи, и низы советского общества. Парадоксально, но именно в брежневский период, когда советско-коммунистический проект достиг своего геополитического максимума и идеологической бравурной накачки, повсеместно развивались (хотя и подпольно) частнособственнические отношения и в том числе буржуазный национализм. Отсутствие репрессивного сталинского «катка» уже не сдерживало национальные элиты союзных республик от стремления саботировать или сводить на нет все унификаторские проекты союзного

центра. В 1970-е годы, кризис коммунистической идеологии уже пагубно отозвался на судьбе конструктивистского проекта «советский народ». Общая советская идентичность в национальных республиках СССР, обратно стала сменяться этнонациональной идентичностью. Граждане национальных республик, не стесняясь, подчеркивали, что они не просто «советские», а «литовцы», «украинцы», «грузины», «казахи» т.д. Ярким свидетельством кризиса советской национальной политики явилось нарастание оппозиционных советскому партийно-государственному режиму национальных движение, почти во всех союзных республиках.

Наиболее сильными и массовыми эти движения (с явным стремлением к независимости) были в национальных республиках Балтии, но также в западной Украине. В других республиках в среде национально настроенной интеллигенции, большими акцентами были скорее добиться большей автономии от Москвы, с упором на национальную культуру и язык. Оппозиционные национальные движения не могли вплоть до середины 1980-х гг. серьезно поколебать жестко централизованную державу. Пока союзный Центр был силен, он мог не только не допустить национального взрыва, но и придавить национальную оппозицию в стране с помощью «точечных» (в смысле «сажали» их лидеров) репрессий в конце 1970-х – начале 1980-х гг. Но устранить полностью национал-сепаратистские и автономистские устремления, Центр тоже не мог. Угасал на глазах, тонувший в густом тумане бравурных речей вождей и армии пропагандистов советский коммунистический проект. Слишком далеко разошлись официальные постулаты пропагандисткой теории межнациональных отношений с реальной практикой национальной политики. Национализм и этнонациональная идентичность успешно вытесняли коммунистический интернационализм и советскую идентичность.

И все-таки трагический финал для многонационального СССР наступил лишь в годы разрушительной перестройки. И только тогда, когда общий кризис центральной партийно-государственной власти,

сопровождавшийся системным социально-экономическим кризисом, вызвал мощный всплеск национальных движений в СССР, что в итоге добил многонациональную державу.

Итак, при зарождении советского ассимиляционного проекта, из-за тактических соображений, в него были вмонтированы прямо противоположные ему этнонациональную и этнотерриториальную системы, неизбежно порождающие буржуазный этнонационализм, а затем и стремление к обретению собственного государства. Это, безусловно подрывало основы единого социалистического государства. Но пока социализм в стране развивался по восходящей линии, жестко пресекались националистические поползновения (при Сталине), советский плавильный тигель работал исправно, а советская идентичность брала вверх над этнонациональными идентичностями в республиках СССР. Но как только дальнейшее строительство социализма зашло в тупик, а коммунистическая идеология оказалась дискредитированной в глазах масс, то ее место сразу занял победивший национализм во всех республиках, включая и Россию. И все-таки национальный фактор не был генеральным в распаде многонациональной страны и крахе коммунистического проекта. Он стал фактором вторичным и сыграл свою разрушительную роль в самом конце перестройки.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1) Бакланов В.И. Национальные движения в СССР в 1953- 1985 гг. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.1999.

УДК 327.39

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ КАК ФАКТОР РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ВЕРОТЕРПИМОСТИ В СОВЕТСКУЮ ЭПОХУ

Жукова Евгения Михайловна

преподаватель кафедры философии и социально-политических технологий, Российский государственный университет нефти и газа (Национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина, Россия, Москва

e-mail: ev7zhukova@gmail.com

Аннотация. В статье ставится вопрос о роли идеи интернационализма в формировании политики веротерпимости в Советскую эпоху.

Ключевые слова: принцип веротерпимости; советская эпоха; интернационализм; дружба народов; планетарное мышление.

INTERNATIONALISM AS A FACTOR IN THE IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF RELIGIOUS TOLERANCE IN THE SOVIET ERA

Evgeniya M. Zhukova

lecturer of the Department of Philosophy and Socio-Political Technologies Gubkin University. National University of oil and gas. Russia, Moscow

e-mail: ev7zhukova@gmail.com

Annotation. The article raises the question of the role of the idea of internationalism in shaping the policy of religious tolerance in the Soviet era.

Keywords: the principle of religious tolerance; the Soviet era; internationalism; friendship of peoples; planetary thinking.

XX век для верующих и духовенства различных конфессий стал, пожалуй, наиболее сложным периодом в истории России/СССР.

Государственно-конфессиональные отношения в годы Советской власти, которая около 70 лет задавала вектор культурной и общественно-политической жизни страны, пережили целый ряд периодов, о каждом из которых необходимо вести отдельный разговор. Имевшие место «колебания» в этой области в известной мере были обусловлены военно-политическими факторами – противостоянием в Гражданской войне 1918–1922 гг., обороной страны от немецко-фашистских захватчиков в 1941–1945 гг., завоеванием определенных позиций на международной арене. Несмотря на всю сложность процессов, можно констатировать, что все основные дореволюционные российские конфессии в СССР сохранились. Более того, с началом Перестройки 1980-х гг. они довольно быстро набрали силу и стали заметными акторами общественной жизни в постсоветской России.

Говоря о межконфессиональных отношениях, затронем один, но, пожалуй, самый важный аспект. Проводимая на общесоюзном уровне идея солидаризации людей поверх условных различий (идеи интернационализма, дружбы народов, солидарности трудящихся и т.п.), без сомнения, оказала серьезное влияние на отношения между представителями различных народов СССР, которые традиционно были (и зачастую оставались в советские годы) носителями различных религиозных мировоззрений. Акцентуация советской пропаганды на условности границ и различий между странами и народами, полагаем, затронула самые глубокие слои сознания советского человека и, как следствие, отразилась на повседневно-бытовом уровне отношений между представителями различных конфессий. Этот аспект жизни советского общества в настоящий момент недостаточно хорошо изучен.

Специалист по философии религии Л.Н. Митрохин отмечает, что религия является одним из «наиболее устойчивых элементов национальной культуры; она обычно (а безрелигиозных народов история не знает) расценивается в качестве стержня, “ядра”, даже демиурга этнической идентификации» [4, с. 83]. Следовательно, межрелигиозные и межнациональные отношения в России применительно к еще совсем недавним временам

(во всяком случае, до начала XX в.) могут рассматриваться как практически синонимичные, взаимозаменяемые понятия. Опыт веротерпимости, накопленный в государственно-конфессиональной и межконфессиональной сфере к началу XX в., не мог не проявиться в дальнейшем. Более того, именно этот бесценный опыт стал фундаментом, на котором было возведено принципиально новое государственное образование – Союз советских социалистических республик. «Дружба народов» как братское сотрудничество и взаимопомощь между общностями (нациями, народностями), выбравшими социалистический путь развития [1, с. 177], стала основой для выстраивания отношений в социуме. На фоне главенствующей идеи интернационализма государство стремилось создать среду для культурного, экономического и политического «равновесия» в разных регионах страны. Как отмечает культуролог С.В. Лурье, исторически проект многонациональной общности, воплощенный в СССР, был первым проектом такого рода. В него вошел образ «советского человека» – носителя интернационализма [3, с. 148]. Таким образом, происходило два процесса: с одной стороны, пробуждение национального самосознания народов, сохранение их самобытности (особенно ярко в 1920-е – 1930-е гг., когда реализовывалась политика коренизации), а с другой – «кристаллизация» советского народа, который являлся совокупностью наций.

Заметим, что идея интернационализма, традиционно связываемая с социалистической системой, не ограничивалась географическими границами СССР. В.И. Ленин еще в 1905 г.: «Еврей и христианин, армянин и татарин, поляк и русский, финляндец и швед, латыш и немец – все, все идут вместе под одним общим знаменем социализма. Все рабочие – братья, и в их крепком союзе единственная порука за благо и счастье всего трудящегося и угнетенного человечества» [2, с. 81]. По мнению вождя, в этом мировом сотрудничестве у каждой страны все же есть и будет свой путь развития.

Современный российский философ А.И. Субетто пишет: «*“Россия… исторически была устремлена к правде, взаимопомощи, к любви и*

добротолюбию, к трудовому созиданию, к заботе о социально ущемленной части населения" (курсив А.И. Субетто. – *Е.Ж.*).

В этом ее качестве большая заслуга принадлежит русскому народу. ***Русский народ – не только государствообразующий народ, но и исторический строитель российской цивилизации*** [жирный курсив А.И. Субетто. – *Е.Ж.*], носитель культа правды, защиты Отечества, народ, постоянно жертвующий ради сохранения жизни и мира между народами и людьми на территории России» [5, с. 144]. Отсюда понятно, почему именно в России родился определенный тип социализма: сама природа России и сам характер русского народа как нельзя более органично соответствовали этому.

СССР возник на месте Российской империи. Уже в начале 1920-х гг. философы, публицисты, деятели революционного движения отмечали, что, несмотря на активное отмежевание на словах от «ненавистного царского режима», советское правительство и коммунистическая партия de facto воссоздавала на новом уровне империю, соответственно, некоторые важные черты в политике и жизнеустройстве нового государственного образования повторяли прежние. На наш взгляд, одной из таких важных особенностей было следование (увы, далеко не во всем и не всегда) принципу веротерпимости, который в различных формах так или иначе проявлялся на протяжении всей советской эпохи. Важной особенностью советской культурной и идеологической системы стал интернационализм – стремление к объединению представителей различных национальностей и религий в единую братскую семью по признаку отношения к труду, эксплуатации и др. Без сомнения, эти стремления нашли отклик у десятков миллионов граждан многонациональной страны благодаря менталитету, политической и культурной традиции прошлого и благодаря политике государства того времени.

Все всякого сомнения, обсуждаемые идеи оказали влияние и на мышление современного российского человека. Нельзя не отметить и существенно выросшую «мобильность» отдельных людей и человечества в

целом: с одной стороны, участились массовые исходы из стран, затронутых военно-политическими, социально-экономическими и техногенными кризисами; с другой стороны – получили широкое развитие коммуникативные технологии (интернет, соцсети и т.п.) Все это вызвало к жизни особый тип мировосприятия – планетарное мышление, в котором на первый план выходят сотрудничество и взаимопомощь в мировом масштабе.

Советский плакат «Скоро весь мир будет наш». Художник Л. В. Саянский. Уральское отделение РОСТА, 1920.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1.) Калтахчян С.Т. Дружба народов // Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л.Ф. Ильичёв, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалёв, В.Г. Панов. – М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 177–178.

2) Ленин В.И. Первое мая // ПСС. В 55 т. Т. 10. – М.: Политиздат, 1967. С. 81–84.

3) Лурье С.В. «Дружба народов» в СССР: национальный проект или пример спонтанной межэтнической самоорганизации? // Общественные науки и современность. 2011. № 4. С. 145–156.

4) Митрохин Л.Н. Судьбы цивилизации как предмет межрелигиозного диалога // Диалог цивилизаций. Повестка дня. – М.: ИФ РАН, 2005. С. 79–91.
5) Субетто А.И. Битва за Россию: 1991–2008 гг. СПб. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2009. 403 с.

«ЕСЛИ ЗАВТРА ВОЙНА, ЕСЛИ ЗАВТРА В ПОХОД – БУДЬ К ПОХОДУ СЕГОДНЯ ГОТОВ». СССР В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1939-1945 ГОДЫ)

УДК 94(47).084.8

РАЗВИТИЕ ГВАРДЕЙСКИХ МИНОМЁТНЫХ ЧАСТЕЙ РККА В 1941 ГОДУ И ИХ РОЛЬ В ОБОРОНЕ МОСКВЫ

Ащеулов Олег Евгеньевич

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и экономической теории Академии ГПС МЧС России. Россия, Москва

e-mail: olea80@mail.ru

Аннотация. В статье на основе рассекреченных постановлений Государственного комитета обороны СССР, а также материалов по вопросам формирования полевой реактивной артиллерии Красной Армии из «особой папки» Г.М. Маленкова рассматривается краткая история формирования гвардейских минометных частей в 1941 г. Автор также кратко анализирует роль гвардейских минометных частей в ходе оборонительного этапа битвы под Москвой. В заключение автор на основе имеющихся материалов делает выводы о стремительном количественном и качественном росте гвардейских минометных частей в 1941 г.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; гвардейские минометные части; «Катюша»; битва под Москвой.

Ashcheulov Oleg E.

candidate of historical Sciences, associate Professor of history Academy of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia. Russia Moscow

e-mail: olea80@mail.ru

Annotation. In the article, based on declassified resolutions of the USSR State Defense Committee, as well as materials on the formation of field rocket artillery of the Red Army from the "special folder" of G.M. Malenkov examines a brief history of the formation of the Guards mortar units in 1941. The author also briefly analyzes the role of the Guards mortar units during the defensive phase of the Battle of Moscow. In conclusion, the author, on the basis of the available materials, draws conclusions about the rapid quantitative and qualitative growth of the guards mortar units in 1941.
Key words: the Great Patriotic War; guards mortar units; "Katyusha"; battle of Moscow.

Принятые в 1941 г. на вооружение Красной Армии знаменитые боевые машины реактивной артиллерии БМ-13, за которыми в массовом сознании прочно закрепилось ласковое имя «катюша», стали основным вооружением образованных в том же году частей полевой реактивной артиллерии, которые в целях секретности получили название «гвардейские минометные части» Красной Армии. Основанием для принятия на вооружение Красной Армии реактивной установки БМ-13 и одновременно появления гвардейских минометных частей послужило постановление Центрального комитета ВКП(б) и Совнаркома СССР от 21 июня 1941 г. «О развертывании серийного производства снарядов М-13, пусковых установок М-13 и формировании частей реактивной артиллерии» [10, с. 97]

В итоге гвардейские минометные части Красной Армии стали одним из символов мощи советского оружия и Победы в Великой Отечественной войне. После окончания войны гвардейским минометным частям досталась известная доля славы: было установлено значительное количество памятников в виде реактивных установок БМ-13. «Катюши» упоминались в газетах, книгах и кино как мощное и эффективное оружие Советского Союза в ходе Второй мировой войны.

Вместе с тем процесс формирования гвардейских минометных частей в годы Великой Отечественной войны, особенно во второй половине 1941 г, оказался недостаточно исследованным – прежде всего из-за обстановки

повышенной секретности, в которой создавались гвардейские минометные части.

В связи с этим большой интерес представляют архивные материалы из фондов Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), касающиеся данной проблематики. Речь прежде всего идет о постановлениях Государственного комитета обороны СССР (ГКО), а также отдельные документах из фонда Г.М. Маленкова.

Сведения о боевом применении гвардейских минометных частей в ходе оборонительного этапа битвы под Москвой также содержатся в документах из фондов Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (ЦА МО РФ).

Кратко рассмотрим историю формирования частей полевой реактивной артиллерии во второй половине 1941 г.

Директивой командующего войсками Московского военного округа (МВО) № 10864 от 28 июня 1941 г. начат процесс формирования первой экспериментальной батареи реактивных установок РС-132. Командиром батареи был назначен участник советско-финской войны капитан Иван Андреевич Флеров, а его заместителем стал лейтенант К.К. Сериков. На вооружении данной батареи по штату состояло 7 установок РС-132 и одна 122-мм гаубица для пристрелки. Батарея была сформирована в очень короткие сроки и 1 июля отправлена своим ходом в Смоленскую область для дальнейшего участия в боевых действиях.

Результаты боевого применения реактивных установок были признаны удачными и доложены высшему командованию РККА.

И уже 19 июля 1941 г. за подписью В.М. Молотова было выпущено постановление ГКО № 206-сс «О производстве РОФСов». Для обеспечения Красной Армии ракетными установками типа РС-132 ГКО постановил:

«1. Обязать Наркомобщмаш (тов. Паршина) изготовить на Ленинградском заводе им. Карла Маркса в кооперации с другими заводами г.

Ленинграда и поставить ГАУ Красной Армии 100 установок РС-132, из них: в июле 30 штук и в августе 70 штук.

2. Обязать Наркомат боеприпасов (т. Горемыкина) организовать на заводе № 4 сборку деталей РОФС-132 до 1 августа 1941 года в количестве 10 000 штук. Установление кооперации по производству деталей РОФСов поручить Ленинградскому горкому ВКП(б)» [2, л. 160].

29 июля 1941 г. Наркоматом обороны СССР за подписью И.В. Сталина был издан приказ № 0061, согласно которому в составе Главного артиллерийского управления Красной Армии создавался Отдел специального артиллерийского вооружения. На данный отдел возлагались следующие обязанности: формирование, боевая подготовка и инспектирование частей, вооруженных установками БМ-8 и БМ-13; обеспечение частей материальной частью и боеприпасами, а также организация валового производства и военной приемки нового вооружения. [7, л. 240–241.]

Отдел явился, по сути, первым органом управления новыми частями реактивной артиллерии. По штату он имел 27 человек.

Советское военное руководство по достоинству оценило все перспективы нового оружия. Уже 8 сентября 1941 г. вышло постановление ГКО № 642, которое стало важной вехой в истории советской полевой реактивной артиллерии [4, л. 188–189]. Согласно данному постановлению, гвардейские минометные части были выделены из состава Главного артиллерийского управления. Одновременно с этим вводилась должность командующего гвардейскими минометными частями, который должен был подчиняться непосредственно Ставке Верховного Главнокомандования. Первым командующим гвардейскими минометными частями (ГМЧ) стал военинженер 1-го ранга В.В. Аборенков, бывший до этого заместителем начальника Главного артиллерийского управления. При командующем ГМЧ были сформированы штаб, главное управление вооружений минометных частей БМ-8 и БМ-13, а также оперативные группы на основных направлениях.

Успешные действия батарей реактивной артиллерии способствовали бурному развитию этого молодого вида оружия. Происходили изменения и в организационном плане. С августа 1941 г. начался процесс перехода от батарейной к дивизионной и полковой организации гвардейских дивизионных частей. Так, 4 августа 1941 г. выходит постановление ГКО № 392 «О сформировании одного минометного полка М-13» [3, л.194-198]. 8 августа 1941 г. по приказу Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина началось формирование первых восьми полков реактивной артиллерии, которое было закончено к 12 сентября того же года. Дополнительно к этим полкам до конца сентября был создан девятый по счету полк.

Таким образом, основной тактической единицей гвардейских минометных частей стал гвардейский минометный полк. Согласно утвержденному приказом Наркомата обороны СССР от 8 августа 1941 г. штату № 08/61 организационно полк состоял из трех дивизионов реактивных установок БМ-8 или БМ-13, зенитного дивизиона, а также подразделений обслуживания. Всего в полку числилось 1414 человек, 36 боевых машин, 12 37-миллиметровых зенитных пушек, 9 зенитных пулеметов ДШК и 18 ручных пулеметов. Однако тяжелое положение на фронтах и снижение выпуска зенитных артиллерийских орудий привело к тому, что в 1941 г. некоторые части реактивной артиллерии в реальности не имели зенитного артиллерийского дивизиона. Переход к штатной организации на базе полка обеспечило повышение плотности огня по сравнению со структурой на базе отдельных батарей или дивизионов. Залп одного полка реактивных установок М-13 состоял из 576, а полка реактивных установок М-8 из 1296 реактивных снарядов [3, л. 195–198].

Следует отметить, что первые пять полков М-13 оснащались по временному штату четырьмя дивизионами трехбатарейного состава.

Постановлением ГКО от 11 сентября 1941 г. № 658-сс все пять полков БМ-13, сформированные по временному штату, переводились на штат № 08/61, а освободившиеся после организационных мероприятий четвертые

дивизионы обращались на формирование к 20 сентября 1941 г. двух новых гвардейских минометных полков БМ-13. [5, л. 47].

Элитность и значимость батарей, дивизионов и полков реактивной артиллерии Красной Армии подчеркивались тем обстоятельством, что сразу при формировании им присваивалось почетное наименование гвардейских. По данной причине, а также в целях соблюдения секретности советская реактивная артиллерия и получила свое официальное название – «гвардейские минометные части».

Вскоре на основных направлениях были созданы оперативные группы минометных частей. Так, постановлением ГКО от 9 сентября 1941 г. № 648 была создана северо-западная оперативная группа минометных частей БМ-8 и БМ-13 в районе города Торжок. Возглавил данную группу подполковник П.Н. Кулешов. [5, л.1-2]. Уже 11 сентября 1941 г. вышло постановление ГКО № 659-сс о создании на Брянском фронте оперативной группы минометных частей. Данная группа формировалась в районе Курска и ее командиром стал полковник Т.Н. Скугаревский. [5, л. 48-49]. 14 сентября 1941 г. было издано постановление ГКО № 672-сс, в котором поручалось создать к 16 сентября 1941 г. в районе Харькова юго-западную оперативную группу минометных частей. Начальником этой группы стал бывший командир 8-го гвардейского минометного полка М-8 полковник А.Д. Зубанов. [5, л. 103–104.]

Следует отметить, что все оперативные группы минометных частей в организационном плане создавались по штату, аналогичному штату северо-западной оперативной группы минометных частей. В общей сложности в составе оперативной группы было: командно-начальствующего состава – 65 человек, младшего начсостава – 43 человека и рядового состава – 264 человека. Оперативная группа имела в своем распоряжении 74 грузовые автомашины, 5 легковых автомобилей и 5 специальных машин. В качестве средств самообороны от пехоты и авиации противника в оперативной группе имелось 6 пулеметов ДП и 4 спаренные установки пулемета «Максим» [5, л. 3-7].

Очередным шагом в формировании частей полевой реактивной артиллерии Красной Армии послужило постановление ГКО № 889 от 11 ноября 1941 г. В нем предписывалось сформировать для стрелковых дивизий 80 отдельных гвардейских минометных дивизионов М-8 и М-13 двухбатарейного состава. Сроки окончания формирования указанных 80 отдельных гвардейских минометных дивизионов БМ-8 и БМ-13 были четко регламентированы: 25 дивизионов должны были быть сформированы к 15 декабря 1941 г., 30 дивизионов – к 1 января 1942 г. и 25 дивизионов – к 15 февраля 1942 г. Кроме того, согласно данному постановлению в срок до 1 марта 1942 г. для стрелковых бригад формировались 75 отдельных гвардейских минометных батарей БМ-8 и БМ-13 [6, л. 54].

Важную роль сыграли молодые гвардейские минометные части в обороне Москвы. К осени 1941 г. основная часть реактивной артиллерии была сосредоточена в войсках Западного фронта и Московской зоны обороны. Под Москвой находились 33 дивизиона из 59, числившихся на тот период в Красной Армии. Для сравнения: Ленинградский фронт имел 5 дивизионов, Юго-Западный – 9, Южный – 6, а остальные – по 1–2 дивизиона. В битве под Москвой все армии усиливались 3-4 дивизионами, и только 16-я армия располагала 7 дивизионами [10, с. 117].

Советское руководство придавало большое значение применению «катюш» в битве под Москвой. В вышедшей 1 октября 1941 г. директиве Ставки ВГК «Командующим войсками фронтов и армиями о порядке использования реактивной артиллерии», в частности, отмечалось: «Части действующей Красной Армии за последнее время получили новое мощное оружие в виде боевых машин М-8 и М-13, являющихся лучшим средством уничтожения (подавления) живой силы противника, его танков, моточастей и огневых средств. Внезапный, массированный и хорошо подготовленный огонь дивизионов М-8 и М-13 обеспечивает исключительно хорошее поражение противника и одновременно оказывает сильнейшее моральное потрясение его живой силы, приводящее к потере боеспособности. Это

особенно верно в данный момент, когда пехота противника имеет гораздо больше танков, чем мы, когда наша пехота более всего нуждается в мощной поддержке со стороны М-8 и М-13, могущих быть с успехом противопоставленными против танков противника» [9, л. 88–90].

Об эффективности применения реактивных установок Красной Армии в битве под Москвой свидетельствует ряд фактов. Например, яркий след в обороне Москвы оставил дивизион реактивной артиллерии под командованием капитана К.Д. Карсанова. 11 ноября 1941 г. этот дивизион поддерживал атаку своей пехоты на населенный пункт Скирманово. После залпов дивизиона данный населенный пункт был взят почти без сопротивления. При осмотре района, куда были даны залпы, оказалось 17 подбитых танков, более 20 минометов и несколько орудий, брошенных противником в панике. В течение 22 и 23 ноября 1941 г. этот же дивизион, не имея пехотного прикрытия, отражал многократные атаки противника. Несмотря на огонь автоматчиков, дивизион капитана К.Д. Карсанова не отошел назад до тех пор, пока не выполнил боевую задачу. [10, с. 119].

Приведем также выдержку из сводки штаба оперативной группы минометных частей Западного фронта от 27 октября 1941 г.: «За 27.10.1941 г. 1/3 гмп в течение дня произвел пять батарейных залпов, и 4-й отдельный дивизион М-13 – три батарейных залпа в полосе 60-й сд, 194-й сд по скоплению пехоты в районах Троицкое, Потенино, Юратино. В результате огня уничтожена колонна пехоты противника до 70 человек и несколько кавалеристов. В Потехино уничтожено до батальона пехоты, остальная часть рассеяна. В Волховское уничтожено до двух рот пехоты, в роще юго-западнее Потенино подавлена гаубичная батарея и группа минометов до 8-ми пушек штук. В Юратино батарейным залпом накрыта колонна пехоты и кавалерии…» [8, л. 196].

Однако эффективность этого мощного и новейшего на тот момент оружия снижалась за счет недостаточного количества снарядов для реактивных установок БМ-8 и БМ-13. В частности, командующий Западным

фронтом генерал армии Г.К. Жуков в ходе переговоров с начальником Генерального штаба РККА маршалом Б.М. Шапошниковым заявил следующее: «Залпов для РС (реактивных снарядов – *прим. авт*.) требуется не менее 20, чтобы хватило на два дня боя, а сейчас даем ничтожно мало. Если бы было их побольше, я ручаюсь, что можно было бы одними РСами расстрелять противника» [1, л. 7].

Такая переоценка реактивной артиллерии наблюдалась и у ряда других высокопоставленных начальников Красной Армии. Вместе с тем реактивная артиллерия могла эффективно использоваться только при решении конкретных, свойственных ей задач, и имела некоторые недостатки. Об одном из них указывалось в письме члену ГКО Г.М. Маленкову: «Серьезным боевым недостатком машин М-8 является большое мертвое пространство, не позволяющее вести огонь на дистанции ближе трех километров» [1, л. 29]. Особенно ярко этот недостаток выявился в период отступления наших войск, когда из-за угрозы захвата этой новейшей секретной техники экипажи «катюш» вынуждены были взрывать свои реактивные установки.

В ноябрьских боях 1941 г. каждый гвардейский минометный дивизион последовательно передавался нескольким стрелковым дивизиям. В качестве примера можно привести 16-ю армию, где в период с 22 по 27 ноября из одной дивизии в другую перебрасывались 5 гвардейских минометных дивизионов. Имелись также случаи, когда для отражения атак противника одну стрелковую дивизию поддерживали своим огнем сразу несколько гвардейских минометных дивизионов [10, с. 119].

Подведем краткие итоги. Для второй половины 1941 г. характерными чертами стало быстрое развитие организационных форм и стремительный количественный рост частей полевой реактивной артиллерии Красной Армии. Об этом свидетельствуют следующие статистические данные. К 4 июля 1941 г. была сформирована первая экспериментальная батарея из 7 реактивных установок, получившая впоследствии название «батарея Флерова». В августе 1941 г. началось формирование первого гвардейского

минометного полка, а с сентября на основных направлениях были созданы оперативные группы минометных частей. На 1 января 1942 г. на фронтах и в резерве Ставки Верховного Главнокомандования имелось уже 87 дивизионов реактивной артиллерии [10, с. 118], которые действовали как отдельно, так и в составе полков реактивной артиллерии М-8 и М-13.

В ходе оборонительных боев под Москвой войсками Западного фронта широко использовались маневренность и огневые возможности гвардейских минометных дивизионов. Попав под огонь реактивных установок БМ-8 и БМ-13, противник нес большие потери и часто вынужден был прекращать атаки. Важная роль гвардейских минометных частей в битве под Москвой неоднократно отмечалась в документах. Например, в донесении от 7 февраля 1942 г. № 07/0242 Народному комиссару обороны командующий артиллерией Красной Армии Н.Н. Воронов отмечал: «Минометная артиллерия «РС» сыграла почетную боевую роль в составе артиллерии Красной Армии. Особо важное значение артиллерия «РС» имела в боях на подступах к Москве, где только в составе 16-й армии действовало до десяти отдельных гвардейских минометных дивизионов» [10, с. 120].

Таким образом, гвардейские минометные части внесли существенный вклад в победу советских войск в битве под Москвой, нанося противнику большие потери в живой силе и технике. Однако, кроме материального ущерба, огонь реактивных установок оказывал также на врага сильное морально-психологическое воздействие. Вера в техническое превосходство немецкого оружия стремительно таяла под огнем советских гвардейских минометных частей. Все это также способствовало поражению вермахта под Москвой.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1) Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 83. Оп. 1. Д. 26.

2) РГАСПИ. Ф. 644. Оп.1. Д. 3.

3) РГАСПИ. Ф. 644. Оп.1. Д. 5.

4) РГАСПИ. Ф. 644. Оп.1. Д. 8.

5) РГАСПИ. Ф. 644. Оп.1. Д. 9.

6) РГАСПИ. Ф. 644. Оп.1. Д. 14.

7) Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 4. Оп. 11. Д. 62.

8) Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 59. Оп. 12196. Д. 20.

9) ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 90.

10) Уткин Б.П. Дивизион к бою: воспоминания и размышления командира дивизиона «катюш». – М., 2005.

УДК 355.48

НАКАНУНЕ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ

Лавренов Сергей Яковлевич
доктор политических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра фундаментальных военно-исторических проблем
Военного университета МО РФ, Москва
e-mail: lavrs2009@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности оперативно-стратегической обстановки на советско-германском фронте накануне Сталинградской битвы, анализируются причины критической ситуации, сложившейся для Красной армии к лету 1942 г., роль и значение надвигающейся Сталинградской битвы в создавшихся условиях
Ключевые слова: контрнаступление Красной армии под Москвой, «Демянский котел», Ржевско-Вяземская операция, Харьковская катастрофа, начало Сталинградской битвы

ON THE EVE OF THE BATTLE OF STALINGRAD

Lavrenov Sergey Y.
Doctor of Political Sciences, Professor, Leading Researcher at the Center for Fundamental Military-Historical Problems Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow
e-mail: lavrs2009@yandex.ru

Abstract. The article examines the features of the operational and strategic situation on the Soviet-German front on the eve of the Battle of Stalingrad, analyzes the causes of the critical situation that had developed for the Red Army by the summer of 1942, the role and significance of the impending Battle of Stalingrad in the conditions created
Keywords: Red Army counteroffensive near Moscow, «Demyansky cauldron», Rzhev-Vyazma operation, Kharkov catastrophe, the beginning of the Battle of Stalingrad

Успех контрнаступления под Москвой (декабрь 1941 – январь1942) создавал, казалось, предпосылки для возможности перехватить стратегическую инициативу у противника. К этому времени существенно возросла мощь Красной армии и Военно-морского флота. К весне 1942 г. в её составе насчитывалось более 400 дивизий, около 11 млн человек, 83 тыс. орудий и минометов, свыше 10 тыс. танков, 11,3 тыс. самолетов [8, с. 356–357]. Было сформировано 11 танковых корпусов, началось формирование танковых и воздушных армий, увеличилось количество артиллерийских частей. Перебазированная на Восток отечественная промышленность наращивала производство военной продукции. К марту 1942 г. выпуск военной продукции в восточных регионах страны достиг уровня производства, который был к началу Великой Отечественной войны на всей территории СССР [3, с. 43].

Однако расчет на близость коренного перелома в войне оказался преждевременным. Основная масса вооруженных сил фашистского блока весной 1942 г. находилась на советско-германском фронте. Здесь были сосредоточены 206 дивизий (в том числе 176 немецких) и 26 бригад – 80% сухопутных сил Германии и её союзников, а также четыре воздушных флота из шести. На Германию работала практически вся европейская промышленность [6, с. 25].

Провал «блицкрига», неожиданная крупная неудача вермахта под Москвой заставили руководство Третьего рейха в спешном порядке корректировать стратегию ведения войны. Это предполагало изменение методов руководства войсками, совершенствование системы обеспечения армии с расчетом на длительность вооруженной борьбы, наращивание выпуска военной продукции, создание новых видов вооружения и боевой техники и др. В значительной степени, произошла смена высшего командования, Гитлер стал лично вникать во многие вопросы оперативного и даже тактического уровня. Перед перспективой длительной борьбы, наряду с организацией наступательных действий, особое внимание стало уделяться

удержанию оборонительного фронта. На передний план выдвинулась проблема обеспечения вермахта горючим – Германия остро нуждалась в нефти. Это предопределило выбор направление главного удара в военной кампании 1942 г., который по выражению германского историка Б. Шойрига, проходил. для Германии «под знаком упорства» [7, с. 326].

Говоря о цели летнего наступления на Нюрнбергском процессе 17 июня 1945 г., начальник штаба главного командования сухопутных войск фельдмаршала В. Кейтель заявил: «Предполагалось полностью выключить Донбасс из военно-экономического баланса России, отрезать подвоз нефти по Волге и захватить главные базы нефтяного снабжения, которые, по нашей оценке, находились в Майкопе и Грозном.

Выход на Волгу не планировался сразу на широком участке, предполагалось выйти в одном из мест, чтобы потом захватить стратегически важный центр – Сталинград.

Вся операция на южном участке должна была закончиться крупным окружением всей юго-западной и южной групп Красной армии» [1, с.225].

В директиве ОКВ № 41, подписанной Гитлером 5 апреля 1942 г. – операция «Блау», главная цель, поставленная перед вермахтом на лето, заключалась в том, чтобы окончательно уничтожить оставшиеся еще в распоряжении Советов силы и лишить их по мере возможности важнейших военно-экономических центров.

Все имеющиеся силы сосредоточивались для проведения главной операции на южном участке советских войск западнее Дона, захвата нефтеносных районов Кавказа и перехода через его хребет [2, с. 321–322.]. Таким образом, Гитлер стремился не только разгромить весь южный фланг советских войск, но и захватить богатые нефтеносные и хлебородные районы.

Обновленная концепция ведения войны Германией советским командованием была оценена не сразу, также как и достоверность многих поступающих разведсообщений. Разведка, начиная с января 1942 г.,

своевременно обеспечивала Генеральный штаб информацией о приоритетности южного направления для предстоящего наступления вермахта.

В частности, резидент советской военной разведки в Турции 5 марта 1942 г. добыл копию донесения болгарского военного атташе в Анкаре, отправленного в Софию, в котором сообщалось о том, что новое наступление германских войск на восточном фронте «не будет иметь характер молниеносного, а будет проводиться медленно с целью достижения успеха» [1, с. 223].

Из донесений резидентур военной разведки «Дора» в Женеве, «Брион» и «Эдуард» в Лондоне, «Омега» в Вашингтоне следовало, что германское командование планирует перейти в решительное наступление на южном фланге советско-германского фронта, захватить Ростовскую область, Краснодарский и Ставропольские края, а также Крым, Кавказ и другие районы, которые являлись основными поставщиками продуктов питания и нефтепродуктов для войск Красной армии. Военная разведка докладывала о том, что Германия – и это придавало особую остроту моменту – рассчитывает, в случае успешного наступления втянуть в войну против СССР Болгарию, Турцию и Японию. Гитлер, в частности, был уверен, что как только начнется германское наступление, турки начнут перегруппировку сил, концентрируя их на Кавказе и на Черном море» [5, с. 7].

Тем не менее в Ставке ВГК возобладала точка зрения, что в военной кампании 1942 г. Германия возобновит наступление на Москву. В пользу этого говорило то, что весной 1942 г. наиболее мощная группировка противника, по-прежнему, находилась на центральном направлении. Кроме того, Берлину, удалось провести умелую дезинформационную операцию под кодовым названием «Кремль» с тем, чтобы убедить советское командование, что направлением главного удара будет Москва [4, с. 312].

Оценивая вероятный характер действий противника, Генеральный штаб пришел к выводу, что наибольшего эффекта немцы могут добиться при

нанесении удара на участке Брянск – Курск в направлении на Ряжск с последующими действиями в сторону Владимира [1, с. 224]. В случае успеха на этом направлении противник мог рассечь фронт на две части и охватить Москву с юга и юго-востока. При этом не исключалась возможность нанесения неприятелем и удара на Северо-Кавказском направлении с целью отсечения центра от Бакинской нефти [2, с. 324–325]. С такой оценкой обстановки согласился И.В. Сталин. На западное направление для защиты Москвы, в ущерб Южному и Юго-Западным фронтам, была сосредоточена крупная группировка войск.

На отдельных направлениях планировалось проведение частных наступательных операций с целью улучшения оперативной конфигурации войск или упреждения вражеских ударов. В ходе весенне-летней кампании 1942 г. планировалось провести наступательные операции под Ленинградом, в районе Демянска, на смоленском и льговско-курском направлениях, а также в районе Харькова и в Крыму.

Однако ход этих операций складывался неудачно. Несмотря на то, что январе-феврале 1942 г. советские войска удалось перейти в наступление и окружить основные силы 2-го армейского корпуса 16-й немецкой армии группы армий «Север», образовав так называемый «демянский котел», окружение было прорвано, немецкие войска удержали Демянск.

В мае 1942 г. произошел разгром советских войск на Керченском полуострове. Крымский фронт в составе трех советских армий (47, 51 и 44-й) фактически перестал существовать. Затем последовала Харьковская катастрофа. В случае успеха Харьковская операция советских войск (12-28 мая 1942 г.) могла стать попыткой стратегического наступления, однако, в силу ряда факторов, она завершилось окружением и практически полным уничтожением наступавших сил. Катастрофа под Харьковом способствовала стремительному наступлению немцев на южном участке фронта на Воронеж и Ростов-на-Дону с последующим выходом к Волге и продвижением на Кавказ. Острие главного удара немецко-фашистских войск нацелилось на

Сталинград. Этот город имел не только важное символическое, но и стратегическое значение, что предопределило ожесточенность боев за него. Со второй половины июля 1942 г. не только страна, но и весь мир напряженно следили за продвижением немцев к Сталинграду. Наступал кульминационный момент войны.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1) Великая Отечественная война в 12 томах. Т. 3. Битвы и сражения, изменившие ход войны. – М.: Кучково поле, 2012. – 861 с.

2) Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. В 4-х кн. Кн. 1. Суровые испытания. – М.: Наука, 1998. – 544 с.

3) Вознесенский Н.А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. – М., 1948. – 192 с.

4) Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки, документы и материалы. В 2-х т. Т. 2. Агрессия против СССР. Падение «Третьей Империи». 1941-1945 гг. –М.: Наука, 1973. – 664 с.

5) Ибрагимбейли Х.М. Крах «Эдельвейса» и Ближний Восток. – М.: Наука, 1977. – 320 с.

6) История Второй мировой войны 1939–1945 гг. В 12-ти т. Т. 5. Провал агрессивных планов фашистского блока. – М.: Воениздат, 1975. – 512 с.

7) Проэктор Д.М. Агрессия и катастрофа. Высшее военное руководство фашистской Германии во Второй мировой войне 1939–1945 гг. – М: Наука, 1972. – 767 с.

8) Стратегический очерк Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. – М.: Воениздат, 1961. – 982 с.

УДК 335.41

ОРГАНИЗАЦИЯ ТЫЛОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОЙСК В ВИСЛО-ОДЕРСКОЙ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ (12.01–03.02.1945)

Ворсин Владимир Федотович

кандидат военных наук, старший научный сотрудник,
старший научный сотрудник, Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, Россия, Москва
e-mail: vorsin_vf@mail.ru

Снегова Юлия Викторовна

научный сотрудник, Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, Россия, Москва
e-mail: Snegova_Ulia@mail.ru

Аннотация. Статья раскрывает вопросы материально-технического обеспечения войск в Висло-Одерской стратегической наступательной операции.

Ключевые слова: Висло-Одерская стратегическая наступательная операция; тыл 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов; материальное обеспечение; транспортное обеспечение; медицинское обеспечение; запасы материальных средств.

LOGISTIC SUPPORT FOR THE ARMY IN VISLO-ODERSKAYA STRATEGIC OFFENSIVE OPERATION (12.01–03.02.1945)

Vorsin Vladimir F.

senior scientific fellow at the Research Institute of Military History of the RF Armed Forces General Staff Military Academy, Ph.D (Military Sciences),

Senior Researcher, Russia, Moscow
e-mail: vorsin_vf@mail.ru

Snegova Yuliya V.
scientist of Researcher at the Research Institute of Military History of the RF
Armed Forces General Staff Military Academy, Russia, Moscow
e-mail: Snegova_Ulia@mail.ru

Summary. The paper covers the issues of material and technical support of troops in the Vistula-Oder strategic offensive operation.

Keywords. Vistula-Oder strategic offensive operation; rear of the 1st Belorussian and 1st Ukrainian fronts; material support; transport support; medical support; stocks of material resources.

Висло-Одерская операция является одной из крупнейших стратегических наступательных операций завершающего периода Великой Отечественной войны. Она осуществлялась войсками 1-го Белорусского (командующий – Маршал Советского Союза Г.К. Жуков, начальник тыла – генерал-лейтенант Н.А. Антипенко) и 1-го Украинского (командующий – Маршал Советского Союза И.С. Конев, начальник тыла – генерал-лейтенант Н.П. Анисимов) фронтов.

Для подготовки Висло-Одерской операции органы тыла имели значительно больше времени, чем при подготовке многих других операций, так как войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов вышли на Вислу еще в первой половине августа 1944 г. Однако непосредственная подготовка операции в самое ответственное время была сокращена на 8 суток вследствие переноса начала наступления с 20 на 12 января 1945 г. вызванного тяжелым положением англо-американских войск после прорыва гитлеровцами их фронта в Арденнах [1,. с. 539]. Сокращение срока пришлось

на период самой интенсивной работы, когда органы тыла сосредотачивали материальные средства в исходных районах.

Особенностью данной операции явилось максимальное приближение тыловых частей и учреждений к войскам. К началу операции глубина тыловых районов фронтов составляла 200–250 км, армейских, включая районы войскового тыла – 85–130 км [2, с. 124]. Особая трудность была в организации войскового тыла на плацдармах, где на малой площади сосредоточивались большие массы войск, техники и материальных средств.

К началу наступления во фронтах были созданы значительные запасы материальных средств в размерах: боеприпасы – от 1,4 до 9,9 боекомплекта; ГСМ – от 3,3 до 11,7 заправок; продовольствие – от 7,8 до 65,3 суточных дач [3, с. 466], что вполне обеспечивало потребности войск. [4, с. 230].

В ходе операции расход боеприпасов был небольшим. Фронты расходовали в сутки по 0,01–0,03 боекомплекта. Особенно мало расходовали боеприпасов танковые армии, что являлось характерным для операций, проводимых высокими темпами наступления [5, с. 48]. Незначительный расход боеприпасов войсками после прорыва обороны противника не вызывал затруднений с их подвозом в первые дни. Но по мере развития наступления и растяжки грунтовых путей автотранспорт был в состоянии лишь частично восстанавливать израсходованные боеприпасы, что снижало темпы наступления войск. Во время боев на подступах к Одеру и за плацдармы на его западном берегу расходование боеприпасов значительно увеличилось. В ходе операции фронтами было израсходовано 5382 вагона боеприпасов. [6, с. 171].

Перед началом Висло-Одерской операции службой снабжения горючим было уделено большое внимание накоплению запасов, их размещению и организации обеспечения войск в ходе операции.

Для размещения запасов на фронтах восстанавливались ёмкости стационарных складов, нефтебаз и резервуары промышленности, демонтировались резервуары складов вне территории фронтового тылового

района, использовались ёмкости тыловых складов и баз, переданных фронтам центральными органами управления тылом Красной армии.

Учитывая недостаток специальных средств подвоза горючего, службой много внимания уделялось накоплению запасов в 200-литровых бочках. Так, на 1-м Белорусском фронте перед началом операции были залиты наиболее ходовым горючим свыше 7300 бочек [5, с. 57]. С целью подготовки к перевозке по воздуху горючее заливалось в парашютно-десантные бензобаки.

Обеспечение войск горючим, особенно автомобильным бензином в ходе Висло-Одерской операции было наиболее сложной задачей, так как увеличился расход горючего, в связи с тем, что войска оторвались от баз снабжения на 400 км и весь подвоз осуществлялся только автомобильным транспортом. Поэтому командующий 1-м Белорусским фронтом просил Верховного Главнокомандующего дополнительно подать фронту 39 400 т автомобильного бензина [6, с. 185].

Продовольственное обеспечение войск представляло одну из важнейших задач в работе тыла фронтов. Войска обеспечивались централизовано, главным образом такими продуктами, как сахар, чай, соль, табак, частично жиры, консервы. Что касается хлеба, овощей, круп, сена, зернофуража, мяса, молочных продуктов, то заготовка их производилась на месте, в тыловых районах фронтов и армий, или в близлежащих к границам фронтов областях. Заготовка продовольствия и фуража осуществлялась в тесном контакте тыла фронтов с местными государственными и партийными органами, опираясь на их большую поддержку. Успешное проведение заготовок продовольствия и фуража на месте резко сокращало объем централизованных железнодорожных перевозок и позволяло использовать пропускную способность железных дорог и подвижный состав для подачи фронтам большого количества оперативных эшелонов с войсками и военной техникой и снабженческих поездов с боеприпасами и горючим.

На 14 января 1945 г. 1-й Белорусский фронт имел следующие запасы продуктов (в суточных дачах): хлебопродуктов – 30, круп и концентратов –

28, мясопродуктов –13, жиров – 31, сахара – 65, соли – 30, табачных изделий – 22, свежих овощей – 47, зернофуража – 45 и сена – 18. В войсках 1-го Украинского фронта к началу операции были созданы запасы продуктов на 20–30 суток [7, с. 295].

Стремительное наступление наших войск не давало возможности противнику вывезти или уничтожить запасы продуктов питания, имеющихся на его армейских складах. Многие из этих запасов целиком попадали в распоряжение войск Красной армии. Имея большие запасы трофейного продовольствия и не израсходовав своих подвижных запасов, накопленных к началу операции, войска фронтов отказывались от подвоза продовольствия с головных отделений армейских продовольственных складов.

На продовольственную службу была возложена дополнительная задача по оказанию помощи продовольствием населению многих городов Европы. Так, сразу же после освобождения столицы Польши – Варшавы ее жителям в качестве безвозмездного братского дара от советского народа было передано 60 тыс. т хлеба, большое количество жиров, сахара, овощей, сухих фруктов [8, с. 343]. Значительная помощь продовольствием была оказана и другим городам Польши. Это дало возможность ее народу избежать голода и приступить к восстановлению экономики своей страны разрушенной нацистской Германией.

В подготовительный период, проведя большую работу, службы вещевого снабжения армий обеспечили личный состав зимней формой одежды на 100 проц. [9, с. 35]. Вещевое имущество личный состав получал в основном с фронтовых складов и частично из войсковых и армейских ремонтных мастерских. Учитывая опыт предыдущих операций, штабы тыла армий стали выделять из состава полевых армейских складов вещевые летучки, которые размещались при управлении тыла. В ходе операции летучки, выезжая в войска, обеспечивали их недостающим вещевым имуществом. Для быстрой замены его в частях был создан оборотный фонд мастерских. Так, например, в 4-й танковой армии он составил 1750 пар

обуви. На армейском складе в оборотном фонде имелось 2000 комплектов белья и 3000 пар обуви [10, л. 61]. Ремонтные мастерские, значительно отстав от войск в ходе стремительного наступления, ремонт, как правило, не производили. В подобной обстановке войска использовали обычно оборотный фонд вещевого имущества.

При подготовке к операции железнодорожными войсками и спецформированиями НКПС была проделана большая работа по усилению пропускной способности восстанавливаемых железных дорог, мостов, развитию станций снабжения. Фронты имели по два железнодорожных направления с пропускной способностью от 18 до 24 пар поездов в сутки [11, с. 366].

Железные дороги 1-го Белорусского фронта за время подготовки операции перевезли 68 461 вагон с грузами, а 1-го Украинского фронта – 64 525 вагонов. За это время в тыл страны было отправлено 16 690 вагонов с трофейным имуществом, металлоломом и другими грузами. Ежедневно на железных дорогах 1-го Белорусского фронта разгружалось в среднем 1300 вагонов (около 20 тыс. т различных грузов), а на 1-м Украинском фронте – 1216 [3, с. 466].

Большой размах предстоящей операции требовал широкого использования железных дорог, в том числе на территории Польши и Германии, где железные дороги имели западноевропейскую колею.

Несмотря на сравнительно быстрый темп восстановления железных дорог, восстановители не успевали продвигаться за стремительно наступавшими частями Красной армии. Образовавшийся разрыв с трудом восполнялся работой автотранспорта, созданные перегрузочные районы не обеспечивали переработку необходимого для фронтов объема грузов. Снабжение наступавших войск стало ухудшаться. В силу создавшегося положения ГКО 28 января 1945 г. разрешил фронтам перешить на союзную колею за Вислой по одному железнодорожному направлению [12, с. 285].

Общий объем железнодорожных перевозок, выполненных в ходе операции, был значительным: по 1-му Белорусскому фронту он составил 1331 поезд, а по 1-му Украинскому –1453 [2, с. 133].

Железнодорожные войска и спецформирования НКПС фронтов получили огромный опыт ведения восстановительных работ на западноевропейской территории. Этот опыт был успешно ими использован в обеспечении последующих операций по разгрому нацистской Германии.

При подготовке и в ходе Висло-Одерской операции важную роль в подвозе материальных средств играл автомобильный транспорт. К началу операции в 1-м Белорусском фронте в составе фронтового и армейского транспорта имелось 7627 автомобилей, общая грузоподъемность которых составляла 13 386 т. В 1-м Украинском фронте – 4399 автомобилей, общая грузоподъемность которых составляла 8923 т [13, с. 169].

В ходе операции отличились многие водители автотранспортных частей, часто выполняя задания под огнем противника. Так, например, колонна автомашин старшины Шибиченко из 573-го автотранспортного батальона при перевозке боеприпасов была атакована немецкой кавалерийской частью. Шоферы не растерялись, заняли круговую оборону и вместе с подоспевшей помощью отбросили врага. Колонна своевременно доставила груз войскам [14, л. 22]. Такие эпизоды были характерны для работы автомобилистов. За успешное обеспечение Висло-Одерской операции ряд автомобильных полков приказом Ставки ВГК были удостоены почетного наименования «Лодзинских» и награждены орденами.

За период операции фронтовым и армейским транспортом было перевезено на 1-м Белорусском фронте более 722 тыс. тонн, а на 1-м Украинском фронте около 491 тыс. тонн различных грузов [2, с. 135].

К началу операции на 1-м Белорусском фронте были оборудованы две, а на 1-м Украинском фронте три фронтовые военно-автомобильные дороги (далее – ВАД). Общая протяженность ВАД фронта достигала 1000 км. Каждая армия фронтов имела по 2–3 ВАД протяженностью по 25–40 км.

Дорожные войска сыграли большую роль в закреплении плацдармов, захваченных на Висле, и подготовке их в дорожном отношении для развертывания последующих наступательных операций.

За период Висло-Одерской операции дорожными войсками двух фронтов был выполнен значительный объем работ: построено и восстановлено 450 мостов протяженностью 19 961 пог. м, усилено и отремонтировано 299 мостов длиной 12 632 пог. м, выполнено 179 192 куб. м земляных работ, обезврежена 7931 мина [15, с. 240].

В период подготовки операции медико-санитарные учреждения всех звеньев были максимально освобождены от больных и раненых, в результате на 1-м Белорусском фронте к началу операции имелось 85 258 свободных коек, а на 1-м Украинском фронте – 103 700 [3, с. 468]. На этих фронтах были созданы резервы медицинских учреждений для осуществления манёвра в ходе операции.

Для эвакуации раненых во фронтах имелось значительное количество различных санитарных эвакуационных средств. Основными средствами медицинской эвакуации были санитарный автомобильный, конно-санитарный и санитарный авиационный транспорт, железнодорожные санитарные летучки и временные военно-санитарные поезда [16, с. 65–66].

Санитарные потери в операции 1-го Белорусского фронта составили 58 189 ранеными и 5044 больными, 1-го Украинского фронта – 81 933 ранеными и 9497 больными. Фактически санитарные потери оказались на 1-м Белорусском фронте в 2,2 раза, на 1-м Украинском фронте в 1,5 раза меньше ожидаемых [17, с. 199]. Свыше 50 проц. раненых эвакуировались с поля боя санитарами-носильщиками. Санитарные работники оказывали помощь раненым даже под огнём противника, проявляя мужество и героизм.

Так, санитарный инструктор гвардии старший сержант М.С. Шкарлетова, рискуя своей жизнью, вынесла с поля боя и эвакуировала на другой берег Вислы 100 раненых с их оружием, за что была удостоена высокого звания Героя Советского Союза [3, с. 473]. Особенно большую

известность заслужила 20-летняя девушка Актрисия Башина, которая спасла жизнь более 100 тяжелораненым и лично участвовала во многих боях. В одном из них она пала смертью храбрых и посмертно была представлена к званию Героя Советского Союза [16, с. 139].

К началу Висло-Одерской операции в войсках фронтов имелось большое количество лошадей. Только в войсках 1-го Белорусского фронта находилось свыше 145 тыс. лошадей [16, с. 66] Профилактические и противоэпизоотические мероприятия, проведенные ветеринарной службой в войсках фронтов обеспечили работоспособность конного состава и эпизоотическое благополучие войск при подготовке и в ходе операции. Решающее значение имел ветеринарно-санитарный контроль за довольствием личного состава войск продуктами животного происхождения, так как снабжение войск мясопродуктами стало осуществляться в основном за счёт местных заготовок и трофейных животных.

Управление тылом в операции характеризовалось непрерывностью. В распоряжении начальников тыла фронтов имелись мощные узлы связи, использовалась проводная радиосвязь, в том числе «ВЧ», а также самолеты, автомобили и мотоциклы. Штабы тыла всегда были осведомлены об оперативной обстановке и состоянии материального обеспечения войск, что позволяло принимать правильные и обоснованные решения.

При действиях Красной армии на зарубежной территории по-новому встали вопросы организации охраны и обороны тыловых объектов, так как коммуникации проходили по территориям, где действовали банды или остатки разбитых вражеских войск. В связи с этим по постановлению Государственного Комитета Обороны № 7163 от 18 декабря 1944 г. было сформировано шесть дивизий охраны тыла по 5 тыс. чел., одна из которых приступила к выполнению своих задач в ходе Висло-Одерской операции [6, с. 148].

К исходу 3 февраля Висло-Одерская операция завершилась. За 23 дня советские войска продвинулись на глубину более 500 км и в плотную

подошли к столице Германии. *«В первые дни февраля – считал Гудериан, – наше положение как на восточном, так и на западном фронте стало роковым».* А германский военный историк Ф. Меллентин высказался ещё более категорично: *«Невозможно описать всего, что произошло между Вислой и Одером в первые месяцы 1945 г. Европа не знала ничего подобного со времени гибели Римской империи»* [1, с. 544].

Таким образом, Висло-Одерская стратегическая наступательная операция вошла в историю, как одна из самых стремительных операций, характеризовавшаяся большим размахом, сложными условиями размещения войск на плацдармах и тем, что велась за пределами Советского Союза. Одним из наиболее значимых факторов, обусловивших успешный ход и исход операции, являлось надёжное функционирование системы тылового обеспечения Красной армии, основанном на положительном опыте, полученном в ходе предшествующих операций Великой Отечественной войны.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1) Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т.1 Основные события войны. – М.: Воениздат, 2011. – 848 с.

2) Материально-техническое обеспечение Вооруженных Сил СССР в важнейших стратегических операциях Второй мировой войны. Т. 3. – СПб.: ВА МТО, 2020. – 276 с.

3) История Тыла Российских Вооруженных Сил (XVIII – XXвв.). Кн. 3. Тыл Красной Армии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – СПб.: 2000. – 550 с.

4) Вес одного боекомплекта 1-го Белорусского фронта в этот период был равен 42 тыс. т, одной заправки всех видов горючего – 9000 т, одной суточной дачи продовольствия и фуража – 5800 т. (см. Тыл Советской Армии. – М.: Воениздат, 1968. С. 230).

5) Тыл Советской Армии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Часть IV. Тыл Советской Армии в третий период войны. – Л.: ВАТТ, 1963. – 332 с.
6) Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. – М.: Воениздат, 1977. – 559 с.
7. Вещиков П.И., Огуречников А.А., Шанин А.В. Продовольственная служба Вооруженных Сил России: Краткая история. – М.: ТЕРРА, 1999. – 399 с.
8) Куманев Г.А., Серазетдинов Б.У. Военная экономика СССР – важнейший фактор Великой Победы (1941–1945 гг.). – М.: Вече, 2015. – 512 с.
9) Полухин Н.Ф., Патыченко Ю.Д. Материальное обеспечение подвижных групп фронтов в Висло-Одерской операции // Военно-исторический журнал. 1987. № 1. С. 35.
10) Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ) Ф. 324. Оп. 4756. Д. 144. Л. 61.
11) Ковалев И.В. Транспорт в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). – М.: Наука, 1981. – 479 с.
12) Железнодорожные войска в Великой Отечественной войне Советского Союза. – М.: Воениздат, 1963. – 336 с.
13) Автомобильный транспорт в Великой Отечественной войне, перспективы его развития и использования в современной войне. – Л.: ВАТТ, 1960.– 322 с.
14) ЦАМО РФ. Ф. 67. Оп. 267214. Д. 58. Л. 22.
15) Основные показатели работы Тыла Советских Вооруженных Сил в операциях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – М.: Воениздат, 1970. – 404 с.
16) Антипенко Н.А. Организация и работа тыла 1-го Белорусского фронта в Висло-Одерской наступательной операции. М.: Воениздат, 1957. – 226 с.
17) Медицинское обеспечение Советской Армии в операциях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. – М.: Воениздат, 1993. – 416 с.

УДК 94(47).084.8

ПРИСВОЕНИЕ ВОИНСКИХ ЗВАНИЙ ОФИЦЕРСКИМ КАДРАМ КРАСНОЙ АРМИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941-1945 гг.)

Шуняков Дмитрий Викторович

кандидат исторических наук, доцент военного учебного центра, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Россия, Екатеринбург

e-mail: konigsberg039@mail.ru

Аннотация. Анализируется опыт совершенствования системы воинских званий Красной армии в годы Великой Отечественной войны. Показано, что усовершенствование чинопроизводства офицерских кадров привело к росту их профессионального мастерства через личную заинтересованность в результатах боевой деятельности, что явилось одним из факторов победы в войне.

Ключевые слова: СССР; Великая Отечественная война; Красная армия; воинское звание; чинопроизводство.

ASSIGNMENT OF MILITARY RANKS TO OFFICER CADRES OF THE RED ARMY DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941-1945)

Dmitry V. Shunyakov

candidate of historical Sciences, associate Professor of history Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin.

Russia, Yekaterinburg

e-mail: konigsberg039@mail.ru

Abstract. The experience of improving the system of military ranks of the Red Army during the Great Patriotic War is analyzed. It is shown that the improvement of the rank production of

officer cadres led to an increase in their professional skills through personal interest in the results of combat activities, which was one of the factors of disaster in the war.
Key words: USSR; Great Patriotic War; Red Army; military rank; chinoproduction.

Воинскими званиями являются установленные законом, персонально присваиваемые военнослужащим звания, в соответствии с их служебным положением, подготовкой, выслугой лет, заслугами, а также принадлежностью к соответствующим видам (родам) войск или службе. Они являются необходимыми условиями для подбора и расстановки военных кадров, прохождения военнослужащими службы, их служебно-правового положения. Воинские звания оказывают влияние на отношение подчиненности и старшинства между военнослужащими и на укрепление и поддержание воинской дисциплины [1, т.3, с. 261].

По состоянию на 22 июня 1941 г. военнослужащие РККА делились на командный состав (имеющие командное военное звание), начальствующий состав (к которому относились военнослужащие различных служб: военно-политической, военно-технической, военно-хозяйственной и административной, военно-медицинской и военно-ветеринарной, военно-юридической), младший командный и младший начальствующий составы, а также рядовой состав. В свою очередь, командный (начальствующий) состав подразделялся на высшую, старшую, среднюю и младшую группы. Сроки выслуги в званиях для среднего командного состава составляли от двух до трех лет, старшего – от четырех до восьми, для высшего – не устанавливалось. Допускалось, в отдельных случаях, досрочное присвоение званий. Звания от младшего лейтенанта до полковника и им соответствующим присваивались приказом НКО. Назначение на должности производилось: до командира роты – приказами командующих войсками округов, на все остальные должности – приказами НКО [10; 11. с. 195-196].

Воинские звания в Красной армии обозначались знаками различия в виде покрытых красной эмалью различных по количеству геометрических

фигур (треугольники, квадраты, прямоугольники, ромбы и звезды) на петлицах цвета рода войск, нашитых на воротнике обмундирования. Командный состав дублировал звание шевронами на рукавах. Дополнительно, род войск обозначался соответствующей эмблемой на петлице [10].

В целом система была громоздкой и труднозапоминаемой, насчитывавшая 63 различных звания. Начало Великой Отечественной войны показало, что она не соответствует потребностям военного времени. Резкое увеличение численности Красной Армии и, как следствие, большая потребность в командном и начальствующем составе, привело к чрезмерной перегрузке кадровых органов, что приводило к затягиванию присвоения первичных и очередных званий. Было очевидно, что система воинских званий, порядок присвоения званий нуждается в серьезном упрощении. В ходе Великой Отечественной войны для усовершенствования системы воинских званий было осуществлено следующее: введены новые воинские звания; унифицированы с командными звания начальствующего состава; введено новое деление военнослужащих по категориям; предоставлены права присвоения воинских званий командно-начальствующему составу; изменен порядок присвоения (аттестации) воинских званий.

С началом войны из-за резкого увеличения численности Красной армии, потерь среди командного и начальствующего состава стало очевидным несоответствие довоенных сроков выслуги в званиях (от трех до восьми лет) реальному росту должностного положения командиров и начальников. Также возникла необходимость законно предоставить преимущества на очередные звания командирам и начальникам действующей армии над лицами, служащих в тыловых частях и учреждениях. Постановлениями Государственного комитета обороны №№ 929 от 20 ноября 1941 г. и 1251с от 7 февраля 1942 г. устанавливались сокращенные сроки выслуги в званиях. В строевых частях Красной армии (до корпуса включительно) срок выслуги для командного и политического состава

устанавливался от двух до пяти месяцев, командно-начальствующему составу штабов и тыловых служб – вдвое больше (от четырех до десяти месяцев). В ВВС Красной армии сокращенные сроки выслуги были установлены только для летного состава авиаполков, регулярно выполняющему боевые задания (аналогично строевым частям Красной армии), а также техническому составу, обслуживающему технику этих авиаполков – вдвое больше. Вдвое уменьшались обозначенные сроки раненым в бою или награжденным за подвиги орденами [7. с. 68].

Неудачной практикой в начальный период войны оказался введенный 16 июля 1941 г. в РККА институт военных комиссаров. Военные комиссары, наравне с командиром несли полную ответственность за выполнение войсковой частью боевой задачи, подписывали совместно с ним все приказы по полку, дивизии, управлению, учреждению [3, т. 10, с. 716-719]. Наличие, фактически, двух командиров, себя не оправдало. «Нужно поднять авторитет командиров, – писал летом 1942 г. в ЦК партии главный маршал артиллерии Н.Н. Воронов, – Без этого не создать условий для роста командира, воспитания у него силы воли, решительности, смелости и т.д. … С введением единоначалия, я убежден, будем успешнее воевать» [2, с. 254].

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 октября 1942 г. в Красной Армии было установлено единоначалие с возложением на командиров полной ответственности за все стороны боевой и политической жизни части. Институт военных комиссаров был упразднен и введены заместители командира по политической части. Одновременно для политического состава были установлены единые с командирами воинские звания и знаки различия [11, с. 200–201]. В соответствии с указами нарком обороны приказом № 307 от 9 октября 1942 г. обязал Военные советы фронтов и армий в месячный срок присвоить политработникам командирские звания. Наиболее способных к командной работе политработников для подготовки отправить для обучения на двух-трехмесячные курсы [4, с. 326–327].

Масштабные боевые действия на фронтах Великой Отечественной войны велись крупными оперативными войсковыми формирования (корпусами, армиями, фронтами). Довоенная система воинских званий для высшего командного состава не в полной мере соответствовала моменту. Указами Президиума Верховного Совета СССР от 6 и 9 января 1943 г. были установлены дополнительные воинские звания Главный маршал и маршал авиации, артиллерии, бронетанковых войск, войск связи и инженерных войск. 21 мая 1942 г. для военнослужащих гвардейских частей Красной армии указом Президиума Верховного Совета СССР были введены гвардейские звания. В Красной Армии перед воинским званием добавлялось слово «гвардии», например: гвардии красноармеец, гвардии майор и т.д. [11, с. 196–200].

Как уже отмечалось, воинские звания начальствующего состава насчитывали множество позиций, резко отличались от званий командного состава, были неодинаковы для различных служб. Начальный период войны убедительно показал, что без организованной работы тыловых служб проведение войсковых операций невозможно. В целях укрепления тыла, поднятия авторитета начальствующего состава тыловых служб, ГКО были установлены единые воинские звания: постановлениями № 1180сс от 22 января 1942 г. для инженерно-технического состава ВВС РККА; № 1381 от 3 марта 1942 г. для инженерно-технического состава артиллерии Красной армии; № 1408 от 7 марта 1942 г. для инженерно-технического состава автобронетанковых войск Красной Армии; № 1494 от 26 марта 1942 г. для среднего и старшего начсостава интендантской службы Красной армии; № 2303 от 13 сентября 1942 г. для начсостава артиллерии Красной Армии, имеющему среднее техническое образование (в дополнение к постановлению № 1381 от 3 марта 1942 г.); № 2685 от 2 января 1943 г. для военно-медицинского и военно-ветеринарного состава Красной Армии; № 2822 от 4 февраля 1943 г. для инженерно-технического состава войск связи, инженерных, химических, железнодорожных, топографических войск,

юридического и вновь введенного административного состава Красной Армии. В соответствии с этими постановлениями, вводились единые воинские звания с добавлением после звания наименования службы, или приставкой «инженер» перед званием, например: инженер-майор; генерал-лейтенант инженерно-артиллерийской службы; подполковник ветеринарной службы и т.д. [6, с. 405–407].

Несмотря на значительное упрощение системы воинских званий начальствующего состава Красной армии следует отметить, что для этого потребовалось два года и восемь постановлений ГКО. Звания вводились не одновременно, а для каждого вида и рода войск в отдельности, что вносило определенные сложности.

Вслед за унификацией воинских званий, указами Президиума Верховного Совета СССР от 24 июля и 10 августа 1943 г. было введено новое деление военнослужащих в Красной армии на рядовой, сержантский, офицерский состав и генералов [11, с. 201–202].

В 1943 году изменились знаки различия – были введены погоны для военнослужащих Красной армии указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 января 1943 г. Воинское звание, принадлежность к роду войск (службе) на поле погон (полевых и повседневных) обозначались знаками различия (звездочки, просветы, нашивки) и эмблемами родов войск. Дополнительно принадлежность к определенному роду войск или службе обозначалась цветом канта и просвета на поле погона [11, с. 205–212]. Начальник Главного управления тыла Красной армии, генерал армии А.В. Хрулев был уверен, что введение погон сразу поднимет авторитет начальствующего состава, укрепит дисциплину и единоначалие, увеличит ответственность у командиров [12].

Большие изменения перетерпел порядок присвоения воинских званий, который до начала Великой Отечественной войны замыкался на НКО. Для большей оперативности указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 августа 1941 г. было предоставлено право присваивать звания до майора и

ему равных включительно военным советам фронтов, а военным советам армий – до старшего лейтенанта. Приказом НКО № 0356 от 20 сентября 1941 г. дополнительно было предоставлялось право начальникам главных управлений соответствующих родов войск присваивать звания до майора включительно (за Главным управлением кадров НКО были оставлены только кадры пехоты и кавалерии). Звание подполковник присваивали заместители наркома обороны, полковник – нарком обороны, а генеральские звания – постановлениями Правительства [4, с. 64–65, 90].

В течении 1942–1943 гг. произошла унификация званий командного и начальствующего состава, установлены новые категории военнослужащих, о чем было сказано ранее. Соответственно, указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 июля 1943 г. изменился порядок присвоения воинских званий. С восстановлением понятия «офицер» как военной квалификации, первичное офицерское звание присваивалось только военнослужащим, получившим соответствующее военное образование и как исключение допускалось присвоение военнослужащим без образования за проявленное ими умение командовать в бою. Право присваивать звания предоставлялось: до старшего лейтенанта – командующим армиями; до майора – командующим фронтами; до подполковника – начальнику Главного управления кадров (применительно к пехоте и кавалерии), командующим (начальникам) родов войск, начальнику Главного политического управления и начальнику тыла; до полковника – наркому обороны; генералам – постановлениями правительства и маршалов родов войск и главным маршалам – указами Президиума Верховного Совета СССР [11, с. 201–202].

Основным документом, служившим основанием для присвоения воинских званий, являлся аттестационный лист, составлявшийся непосредственным начальником и отправлявшийся по команде. Старшие начальники на листе делали заключение; в армиях, фронтах и военных округах заключение делали военные советы [6, с. 418].

В действующей армии звания до старшего лейтенанта производилось по спискам, утверждаемые командирами дивизий (корпусов). Присвоение званий капитан и майор производилось по аттестационным листам (в двух экземплярах). Аттестационные материалы отправлялись через отдел кадров армии (где ставилась резолюция) в кадровые органы фронта и представлялись на рассмотрение военным советам фронтов. Присвоение звания подполковника и выше производилось в ГУК НКО или в управлениях (отделах) кадров видов, родов войск и служб по принадлежности, куда отправлялся первый экземпляр аттестационного листа, второй и третий экземпляр оставался в кадрах фронта и армии соответственно [6, с. 418].

Аттестационные материалы на присвоение звания полковник и выше управлениями (отделами) кадров представлялись на рассмотрение командующему роду войск, а затем отправлялись в 1-й отдел ГУК, который готовил проект приказа наркома обороны на присвоение званий полковника и предложения и проекты постановлений правительства на присвоение генеральских и маршальских званий [6, с. 420].

Первичные офицерские звания присваивались следующим порядком. На закончивших курсы младших лейтенантов составлялся акт выпускной комиссии и списка выпускников с указанием ФИО, оценки и краткой характеристикой. На выпускников военных училищ, кроме акта выпускной комиссии, прилагались листки по учету кадров и листы оценок на каждого. Весь материал с заключением военного совета округа и проекта приказа наркома обороны (в четырех экземплярах) через начальника Управления военно-учебных заведений представлялся в Главное управление кадров НКО. На представляемых из числа рядовых и младших командиров составлялись аттестационные листы с указанием: где, когда и каким подразделением проявил умение командовать, а также листки по учету кадров [6, с. 418–419].

Условия войны потребовали обеспечить командный состав действующей армии правами в присвоении воинских званий, что приводило к злоупотреблениям и различным нарушениям. В приказах № 0554 от 14

июля 1942 г. и № 0276 от 17 апреля 1943 г. нарком обороны критиковал кадровые органа за многочисленные случаи безосновательных задержек в присвоении воинских званий от двух и более месяцев, особенно в специальных войсках связи, инженерных, ветеринарных и безобразное ведение учетных документов [4, с. 268–271; 5, с. 119–120]. Главное управление кадров НКО не замкнуло на себя всю работу по присвоению генеральских званий и звания полковник, как следствие 40% генеральских званий и около 20% званий полковник было присвоены децентрализованным порядком [6, с. 420]. Это привело к резкому росту числа генералов, особенно в тыловых службах, о чем в своем докладе от 18 мая 1944 г. на имя И.В. Сталина говорил начальник ГУК генерал-полковник Ф.И. Голиков. Если в начале войны в Красной армии было 994 генерала, то на 15 мая 1944 г. – уже 2952, из них 1569 человек (или 57,5 %) находятся в органах управления и только 1256 генералов (42,5 %) служат в войсках (включая военные училища, академии, научно-исследовательские институты). Чтобы обуздать рост численности генералов Ф.И. Голиков предлагал установить для данной категории ориентировочную численность и, исходя из нее, перераспределить генералов по родам войск и службам, повысить требования к образованию генеральского состава (142 генерала (4,8 % к общем количеству) не имели вообще военного образования, а 1212 (41,1%) – лишь в объеме военных училищ или курсов), централизовать присвоение генеральных званий только через ГУК [8, с. 142–148]. После доклада Ф.И. Голикова темпы присвоения генеральских званий снизились, однако до конца войны численность генералов выросла еще на тысячу человек [9, с. 102].

Всего за годы войны генералитет вырос в пять раз. Красная Армия вступила войну, насчитывая в своем составе 994 генерала, по состоянию на 3 мая 1945 г. – 3970. В первые месяцы войны погибли, пропали без вести или оказались в плену 102 генерала. Для замещения выбывших, а также в связи с формированием большого количества войсковых формирований до конца 1941 г. было присвоено 183 генеральских звания (6,6 % от общего количества

за вся войну). В дальнейшем темп присвоения генеральских званий все возрастал: в 1942 г. стали генералами 712 человек (25,7%); в 1943 г. – 1219 (44%); в 1944 г. – 114 (4,1%) и в первой половине 1945 г. – 541 (19,5%); всего за годы войны было присвоено 2769 генеральских звания [9, с. 100]. Анализируя данные о присвоении званий по годам войны свидетельствуют, что наибольший процент приходится на 1942 и 1943 гг. Это можно объяснить количественным ростом войсковых частей и соединений, массовым переаттестованием военнослужащих в связи с введением единых персональных званий, сокращенными сроками выслуги в действующей армии.

За годы войны было присвоено 3915423 офицерских званий, из них 3812535 (97,4%) в Сухопутных войсках и 102888 (2,6%) в Военно-воздушных силах РККА. Званий полковник было присвоено 10358 раз (удельный вес 0,26%); подполковник – 40945 (1%); майор – 114533 (2,9%); капитан – 358544 (9%); старший лейтенант – 640521 (16,3%); лейтенант – 1416442 (36,2%) и младший лейтенант – 1334080 (34%). Наибольший процент присвоенных званий приходится на первичное звание младший лейтенант-лейтенант – 70,2%. Почти все офицерские звания (98,4%) были присвоены приказами военного командования (командующими фронтами, армиями, округами) [6, с. 417].

Таким образом, система воинских званий Красной армии было достаточной и успешной применительно к условиям мирного времени. Начало Великой Отечественной войны показало неэффективность довоенного чинопроизводства. Руководству страны благодаря предпринятым мерам удалось усовершенствовать, а фактически создать заново систему воинских званий для нужд действующей армии. С помощью чинопроизводства стимулировалось повышение уровня полководческого искусства офицерского состава, что в конечном счете предопределило победу.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1) Военная энциклопедия: в 8 т. – М.: Воениздат, 1994–2004.
2) Воронов Н.Н. На службе военной. – М.: Воениздат, 1963. – 440 с.
3) Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. / гл. ред. комис.: ген. армии С.К. Шойгу – пред. [и др.]. М.: Кучково поле, 2015.
4) Великая Отечественная война: Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 – 1942 гг. / под общ. ред. В.А. Золотарёва. – М.: Терра, 1997. Т. 13 (2–2). – 448 с.
5) Великая Отечественная война: Приказы народного комиссара обороны СССР 1943–1945 гг. / под общ. ред. В.А. Золотарёва. – М.: Терра, 1997. Т. 13 (2–3). – 456 с.
6) Военные кадры Советского государства в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. / под. общ. ред. генерала армии А.П. Белобородова. – М.: Воениздат, 1963. – 624 с.
7) Ганичев П.П. Воинские звания. – М.: ДОСААФ СССР, 1989. – 144 с.
8) О генералитете Красной Армии: записка начальника Главного управления кадров НКО СССР генерал-полковника Голикова // Вестник Архива Президента РФ. – 1996. – № 2. – С. 139–150.
9) Печенкин А.А. Советский генералитет в 1941–1945 гг.: количественные и качественные характеристики // Известия ВГПУ. Сер. «Гуманитарные науки. – 2017. – №3 (276). – С. 100–103.
10) Положение о прохождении службы командным и начальствующим составом РККА / постановление ЦИК СССР № 19, СНК СССР № 2135 от 22 сентября 1935 г. // КонсультантПлюс: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=32483#049855267285551474 (дата обращения: 04.10.2021).
11) Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР : 1938 г. – июль 1956 г. / под ред. к. ю. н. Ю. И. Мандельштама – М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1956. – 500 с.

12) Хрулев А.В. Записки интенданта. Неопубликованная рукопись [Электронный ресурс]: [Генерал армии А.В. Хрулев: официальный сайт семьи] / А.В. Хрулев. – URL: https://general-khrulev.com/notes-intendant/ (дата обращения: 08.09.2021).

УДК 94(47).084.8

ПОДГОТОВКА КАДРОВ ДЛЯ АВИАЦИИ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА СССР НА ТЕРРИТОРИИ КУЙБЫШЕВСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 гг.

Полуэктов Иван Борисович
заведующий архивом,
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Самарский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБОУ ВО СамГМУ Минздрава России), Россия, Самара
e-mail: ivan.poluektov@yandex.ru

Аннотация. В статье отражены организационные и практические мероприятия по подготовке лётно-подъёмного состава для военно-морской авиации на территории Куйбышевской области в годы Великой Отечественной войны. Показана деятельность командования военно-морских авиационных училищ, передислоцированных в 1941–1942 гг. в Приволжский военный округ, по организации учебного процесса, боевой и партийно-политической работы среди курсантов в нелёгких условиях эвакуации.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Приволжский военный округ; Куйбышевская область; авиация ВМФ; военные училища; Военно-Морское Авиационное Училище имени Леваневского; Военно-Морское Авиационное Училище имени Сталина.

TRAINING OF PERSONNEL FOR AVIATION OF THE USSR NAVY ON THE TERRITORY OF THE KUIBYSHEV REGION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941-1945

Ivan B. Poluektov

the head of the archive, Federal state budgetary educational institution of higher education «Samara state medical University» Ministry of health of the Russian Federation (Samara state medical University of the Ministry of health of Russia).
Russia, Samara
e-mail: ivan.poluektov@yandex.ru

Abstract. The article reflects the organizational and practical measures for the preparation of the flight crew for naval aviation in the Kuibyshev region during the Great Patriotic War. The activities of the command of the naval aviation schools, relocated in 1941–1942 to the Volga Military District, to organize the educational process, combat and party-political work among cadets in difficult conditions of evacuation are shown.

Key words: The Great Patriotic War; Volga Military District; Kuibyshev region; naval aviation; military schools; Naval Aviation School named after Levanevsky; Naval Aviation School named after Stalin.

Стремительное наступление войск нацистской Германии в первые недели Великой Отечественной войны обусловило необходимость эвакуации с территорий, подпадавших под временную оккупацию врагом, а также из прифронтовой зоны в тыловые районы страны не только материальных запасов и культурных ценностей, крупных оборонных производств, учреждений культуры и высшей школы, но и военно-учебных заведений.

В этой связи в начале июля 1941 г. Генеральным Штабом Красной Армии было принято решение о перемещении во внутренние округа военных училищ, школ и курсов, дислоцировавшихся в западных приграничных округах. До конца года вглубь СССР были переведены более сотни училищ, в том числе: авиационных (вместе со школами) – 54, пехотных – 35, артиллерийских – 20, бронетанковых и механизированных войск – 14 [3, с. 501].

Наличие в тыловом Приволжском военном округе (ПриВО) крупной водной артерии – реки Волга, а также сравнительная удалённость входившей в состав ПриВО Куйбышевской области от театра боевых действий

обусловили, в том числе, перемещение на территорию региона в 1941–1942 гг. двух училищ Военно-Морского Флота СССР, предназначенных для подготовки лётно-подъёмного состава для авиации ВМФ: Военно-Морского Авиационного Училища имени Леваневского и Военно-Морского Авиационного Училища имени Сталина (до начала войны дислоцировалось в г. Ейске, затем было переведено в г. Моздок).

В августе 1941 г. в Безенчукский район Куйбышевской области из г. Николаева Украинской ССР было эвакуировано Военно-Морское Авиационное Училище имени Леваневского. В состав командования училища входили: начальник училища – генерал-майор авиации Миронов; комиссар училища – полковой комиссар Шебаршин; начальник политотдела училища – батальонный комиссар Сарафонов [2, л. 78].

Штаб Военно-Морского авиационного училища, авиабаза, батальон первоначального обучения курсантов, мастерские и другие подразделения находились на станции Безенчук, две эскадрильи – на станции Мыльная, остальные – в посёлках Башкирская, Песочная и селе Екатериновка [2, л. 78].

Училище имело в своем составе 6 эскадрилий, авиабазу со всеми подсобными подразделениями и предназначалось для подготовки экипажей пикирующих бомбардировщиков на самолётах марки Пе-2 (пилот, стрелок-бомбардир и стрелок-радист). Каждая эскадрилья состояла из 200-250 курсантов и краснофлотцев из числа молодёжи 1922–1923 годов рождения, с образованием не ниже 10 классов средней школы, преимущественно уроженцев Украинской ССР и областей Юга РСФСР. В целом, в училище насчитывалось 3100 чел., в том числе начальствующего состава – 440 чел. [2, л. 78].

Срок обучения в училище определялся восемью месяцами и проходил по следующему алгоритму: вначале курсанты проходили общевойсковую подготовку в батальоне первоначального обучения, затем передавались в учебные эскадрильи по направлениям подготовки: 1-ю и 2-ю – для подготовки пилотов, 4-ю и 5-ю – стрелков-бомбардиров; окончательное же

слаживание экипажей проходило в 3-й эскадрилье – боевого применения. 6-я эскадрилья являлась резервом для новых формирований. При этом следует отметить, что, вплоть до июля 1942 г. временные рамки обучения не выдерживались, и курсанты находились в училище, как правило, более года. Данное обстоятельство обуславливалось недостаточным количеством самолётов, предназначенных для учёбы (по состоянию на июль 1942 г. в учебном заведении насчитывалось лишь 5 бомбардировщиков Пе-2). Только в августе 1942 г. число учебных самолётов возросло до 20 штук, что позволило ускорить подготовку экипажей [2, л. 78-78об].

Основное внимание в боевой подготовке курсантов уделялось полётам. Авиаторы использовали лётную погоду практически с рассвета до позднего вечера, буквально дневали и ночевали на аэродромах. Наряду с этим командный и политический состав училища делал всё, чтобы на фронт направлялся не только хорошо подготовленный воздушный боец, но и политически зрелый защитник социалистического Отечества. Вот, например, какие темы изучали курсанты на занятиях по политической подготовке:

1) «Товарищ Сталин – организатор наших побед над германским фашизмом» (3 часа);

2) «До последнего дыхания быть преданным Родине, свято выполнять военную присягу» (2 часа);

3) «Источник и сила советского патриотизма» (3 часа);

4) «Герои и гвардейцы, лётчики Военно-Морского Флота в Отечественной войне с немецкими оккупантами» (3 часа) [2, л. 78-78об].

Большая работа проводилась агитаторами, был организован учёт лучших лётчиков-выпускников училища, проявивших героизм на фронтах Великой Отечественной войны, таких как Герои Советского Союза Белогуров и Челноков, орденоносцы Андреев, Курзенков, Лобанов, Маркевич, Орлов и много других, отличившихся при защите Советской Родины [2, л. 79].

В 1941–1943 гг., за период нахождения на территории Куйбышевской области, училище имени Леваневского подготовило сотни кадровых лётчиков и направило на различные участки советско-германского фронта несколько вновь сформированных полков и эскадрилий. Так, только за восемь месяцев 1942 г. на фронты Великой Отечественной войны убыли: 22 лётчика для ночных бомбардировщиков У-2 – на Ленинградский фронт; два полка (28-й и 29-й бомбардировочные авиационные полки ВВС ВМФ) на пикирующих бомбардировщиках Пе-2 – на Северный флот и одну эскадрилью на Пе-2 – на Южный фронт [2, л. 80].

Через год после эвакуации морских лётчиков из Николаева на землю Среднего Поволжья состоялся приказ Народного комиссара ВМФ СССР № 00262 от 28 июля 1942 г., который предписывал Военно-Морское Авиационное Училище (ВМАУ) имени Сталина и Курсы усовершенствования начсостава при ВМАУ им. Сталина до 1 сентября 1942 г. передислоцировать из г. Моздок в с. Борское Куйбышевской области.

Заниматься с курсантами инструкторы начали уже на второй день после приземления в новом пункте постоянной дислокации. Вначале обучение проводилось на четырёх аэродромах, а когда прибыли основные силы училища – на одиннадцати [4, л. 102].

В с. Борском личный состав ожидали трудности, которые ему не приходилось встречать раньше: трескучие морозы и глинистый грунт со скудной растительностью. Жили в землянках, зимой техники построили себе домики из снега, спрессованного морозами [4, л. 103].

В начале 1943 г. училище получило самолёты Ла-5 и Як-7, и подготовка морских лётчиков на новых машинах не прекращалась ни на день.

За время пребывания в с. Борском (до октября 1943 г.) ВМАУ им. Сталина выпустило 9912 курсантов. Позднее многие лётчики были награждены правительственными наградами, а пятеро удостоены звания дважды Героев Советского Союза [5].

Само же Военно-Морское Авиационное Училище имени Сталина Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 июля 1943 г.[4] «<…> за выдающиеся успехи в подготовке кадров командного состава для Военно-Воздушных сил Военно-Морского Флота и боевые заслуги перед Родиной <…>» было награждено орденом Ленина [1, с. 1].

Таким образом, можно обоснованно утверждать, что, несмотря на огромные потери в начале войны, вся система подготовки кадров для ВВС Красной Армии и авиации ВМФ в короткие сроки была переведена на военные рельсы и приступила к созданию многочисленных и мощных авиационных формирований, позволивших в конечном итоге завоевать господство в воздухе и нанести поражение гитлеровским военно-воздушным силам на советско-германском фронте.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1) Известия. 1943. 25 июля. № 174 (8167).

2) Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 656. Оп. 33. Д. 11.

3) Феськов В. И., Калашников К. А., Голиков В. И. Красная Армия в победах и поражениях 1941–1945 гг. – Томск, 2003.

4) Школа штурмующих небо. – Краснодар, 1978.

5) Югов Р. Ейскому ордена Ленина – 60 лет // Красная Звезда. 1978. 25 июля.

[4] Объявлен приказом Народного комиссара ВМФ СССР № 272 от 31 июля 1943 г.

«Я – СЫН ТРУДОВОГО НАРОДА». СТРОИТЕЛЬСТВО ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СТРАНЫ СОВЕТОВ (1918 – 1991 ГОДЫ)

УДК 94(47).084.3+5

РОЛЬ Ф.Э. ДЕРЖИНСКОГО В УКРЕПЛЕНИИ ОБОРОНОСПОСОБНОСТИ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Плеханов Андрей Александрович
кандидат исторически наук, старший научный сотрудник
Научно-исследовательского центра (фундаментальных военно-исторических проблем) Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, Россия, Москва
e-mail: yanus60@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается вклад председателя ОГПУ и ВСНХ Ф.Э. Дзержинского в восстановление и развитие металлопромышленности, машино- и судостроения, его забота о развитии советской авиации и флота.

Ключевые слова: Ф.Э. Дзержинский; обороноспособность; оборонная промышленность; Высший совет народного хозяйства.

THE ROLE OF F.E. DERZHINSKY IN STRENGTHENING THE DEFENSE CAPABILITY OF THE SOVIET REPUBLIC

Plekhanov Andrey A.
Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher Research Center (fundamental military-historical problems)
Prince Alexander Nevsky Military University
Ministry of Defense of the Russian Federation, Russia, Moscow
e-mail: yanus60@mail.ru

Annotation. The article examines the contribution of the Chairman of the OGPU and the Supreme Economic Council F.E. Dzerzhinsky to the restoration and development of the metal industry, machine and shipbuilding, his concern for the development of Soviet aviation and fleet.
Keywords: F.E. Dzerzhinsky; defense capability; defense industry; Supreme Council of the National Economy.

На постах председателя ВЧК-ОГПУ и Высшего совета народного хозяйства Ф.Э. Дзержинский внес большой вклад в повышение обороноспособности молодой Советской республики. По словам М.Н. Тухачевского, его работа в мирное время была «тесно связана с вопросами обороны нашего Союза. Он предметно руководил укреплением и упорядочением транспорта и развитием промышленности, т.е. теми элементами, на которых в значительной степени базируется обороноспособность страны. Сделав многое для прошлых побед Красной армии, тов. Дзержинский сделал многое и для ее будущих побед» [5].

Феликс Эдмундович считал, что нельзя обеспечить обороноспособность страны без подъема народного хозяйства, прежде всего развития металлургической и машиностроительной промышленности. «Моя точка зрения, – писал он И.В. Косиору, – такова, что мы должны всю нашу национализированную промышленность… особенно основную: топливную, металлургическую и всю тяжелую, а также и транспорт – рассматривать с точки зрения рабочего государства – как единую, органически связанную интересами своего развития...» [2, с. 406]. Он не раз подчеркивал, что от положения в промышленности «зависит и оборона страны». При этом первостепенное значение имели темпы ее восстановления и развития, ибо в этом «вся будущность Советского государства, его обороноспособность, его внутренняя сила и мощь; и внутренний мир, и его вес во всем мире в международном масштабе зависят главным образом в настоящее время от того, сумеем ли мы и каким темпом восстановить нашу промышленность…» [11, с. 102].

Выступая на XIV партийной конференции в апреле 1925 г., он говорил: «Рабоче-крестьянская Россия – разве она может быть другой, как не металлургической, как именно такой базой, которая могла бы защитить наше государство и крепко держать октябрьские завоевания? Только с металлом, как со своей базой, она может это выполнить…» [4, с. 185]. Вопрос о металлопромышленности был в центре внимания январского (1925) пленума ЦК РКП(б). Став председателем ВСНХ СССР, он проводил экономическую политику партии с учетом двух основных задач: вырвать страну из нищеты и разрухи и укрепить ее оборонную мощь.

В центре внимание председателя ВСНХ и ОГПУ была постоянная забота о повышении эффективности работы военной промышленности, оснащении ее новейшим оборудованием, обеспечении материалами и сырьем, о своевременном выполнении заказов армии и флота. В служебной записке члену Политбюро ЦК Г.Е. Зиновьеву 8 марта 1925 г. он писал: «... по ВСНХ работы непочатый край: военная промышленность, электропромышленность и электрификация, горное дело, металлопромышленность, вся торговля и финансовая политика и т.д. Для того чтобы выправить линию, поставить людей и упорядочить, мне надо еще не менее двух лет» [7, л. 8 – 9].

С именем Дзержинского связано техническое оснащение Красной Армии и Красного Флота, создание современных для того времени видов вооружений. В.И. Межлаук отмечал: «Писать о работе Ф.Э. Дзержинского в области народного хозяйства – это значит писать историю народного хозяйства с момента введения новой экономической политики. Не найдется ни одной проблемы, которая была бы поставлена развитием народного хозяйства перед партией и правительством с весны 1921 г., в которой не принимал бы самое непосредственное участие Ф.Э. Дзержинский» [6, с. 5].

Находясь на посту председателя ВСНХ СССР, Дзержинский провел организационное укрепление управления военной промышленностью путем создания трестов и объединений. Кроме того, он многое сделал для

согласованных действий ВСНХ, ОГПУ и Главного управления военной промышленности, личных связей руководителей.

14 мая 1926 г. по поручению Дзержинского член президиума ВСНХ, руководитель Главного управление военной промышленности В.А. Аванесов представил доклад «О современном состоянии заводов военной промышленности». После ознакомления с докладом Дзержинский направил его членам Комиссии обороны при Политбюро ЦК ВКП(б). 20 мая 1926 г. основные положения доклада «О современном состоянии заводов военной промышленности» были одобрены. Комиссия поручила Ф.Э. Дзержинскому и В.А. Аванесову более обстоятельно рассмотреть этот вопрос на Президиуме, ВСНХ и принять необходимые меры [10, с. 419].

По инициативе Дзержинского были приняты меры к тому, чтобы периодическая печать не была источником информации для противника. 26 апреля 1923 г. И.С. Уншлихт обратил внимание органов ГПУ на появление в ряде журналов и газет статей о военной промышленности с указанием адресов заводов, числа рабочих, производственных программ и других сведений, представлявших военную тайну. ГПУ довело до губотделов список 69 предприятий военной промышленности, и чекистам было вменено в обязанность не пропускать о них сведения в печать [12, л. 58].

Большое значение в укреплении обороны страны Ф.Э. Дзержинский придавал развитию авиации. Россия в 1913 г. имела лишь девять авиамоторных и самолетостроительных заводов. Несмотря на трудности Гражданской войны, советское правительство уделяло большое внимание развитию Военно-воздушных сил. Уже в первой половине 1920-х годов были не только восстановлены, но и реконструированы старые заводы, заложены основы авиационной промышленности. Количество действовавших самолетов в течение всей Гражданской войны составляло 300–350 единиц [1, с. 293]. К середине 1921 г. в стране уже имелось 14 предприятий авиационной промышленности, но этого было недостаточно для удовлетворения потребностей ВВС страны. Главное управление военной

промышленности разработало трехлетнюю программу восстановления и развития авиационной промышленности. Она была утверждена СТО в декабре 1922 г.

Под непосредственным руководством Ф.Э. Дзержинского авиапромышленность сделала новый шаг вперед: в 1923–1924 гг. уже было выпущено более 200 самолетов [11, с. 241]. В докладе М.В. Фрунзе на III Всесоюзном съезде Советов (май 1925 г.) делегатам было сообщено, что с 1925 г. потребности Советских Вооруженных Сил в самолетах полностью обеспечиваются отечественной авиапромышленностью [9, с. 511].

Много внимания Ф.Э. Дзержинский уделял возрождению и развитию морского флота. Он писал, что «водный транспорт, особенно морской, приобретет все большее значение».

Накануне революции в России насчитывалось на морях 974 парохода и 105 теплоходов. За годы войны было уничтожено около 60 морских судов и угнано белогвардейцами и интервентами за границу 362 судна [8, с. 249].

Феликс Эдмундович всесторонне изучил вопрос о состоянии судостроения в интересах обороны страны и изложил свое мнение на заседаниях Высшей правительственной комиссии о металлопромышленности 19 июня и 30 июля 1924 г., настаивая, в частности, на оказании финансовой помощи со стороны Наркомфина. Комиссия признала необходимым сохранить судостроительные заводы Ленинграда, Николаева и Севастополя и улучшить их работу [11, с. 129].

Летом 1922 г. начали вступать в строй возрожденные корабли на Балтийском, Белом, Каспийском и Черном морях. Правительством приняты меры для возвращения угнанных белогвардейцами судов. 10 марта 1923 г. на заседании межведомственного совещания, созванного СНК, отмечалось, что возвращенные суда необходимы «для обороны побережья и наших промыслов», это «имеет существенное значение как в политическом и экономическом смысле» [2, л. 8]. 3 апреля 1923 г. советское правительство выделило РВС Республики 2 тыс. американских долларов для перевода их

адвокату Ч. Рехту на ведение дела о возвращении Советской России угнанных судов [2, л. 1].

Анализируя международное положение Советского Союза в последнем выступлении на июльском (1926) пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), Дзержинский еще раз подчеркнул, что, несмотря на большие расходы и материальные затраты, всегда важен учет состояния безопасности страны: «Армию сокращать нельзя, а армию и расходы на армию надо сейчас увеличивать» [4, с. 510]. Таким образом, Ф.Э. Дзержинский в первые года мирного строительств, находясь на руководящих народнохозяйственных постах, внес свой весомый вклад в возрождение и развитие оборонной промышленности Советской республики, укрепление обороноспособности страны.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1) В.И. Ленин и Советские Вооруженные Силы. – М., 1980. С. 293.

2) Государственный архив Российской Федерации. Ф. 130. Оп. 1. Д. 235.

3) Дзержинская С.С. В годы великих боев. – М., 1975.

4) Дзержинский Ф.Э. Избранные произведения: В 2 т. Т. 2: 1924–1926. 3-е изд., перераб. и доп. – М., 1977.

5) Красная звезда. 1926. 22 июль.

6) Межлаук В. Ф.Э. Дзержинский в народном хозяйстве // Экономическое обозрение. 1926. Август.

7) Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 76. Оп. 2. Д. 51.

8) Рябчиков П.А. Морские суда. История развития и современные типы судов. 2-е изд. – М., 1959.

9)Третий съезд Советов СССР: Стеногр. отчет. – М., 1925.

10) Хацкевич А.Ф. Солдат великих боев. – Мн., 1970.

11) Хромов С.С. Ф.Э. Дзержинский на хозяйственном фронте. 1921–1926 гг. – М., 1977.

12) Центральный архив ФСБ России. Ф. 6. Оп. 1. Д. 126.

УДК 94(47).084.8

ОБРАЗОВАНИЕ ГЛАВНОГО ОРГАНА СЛУЖБЫ СВЯЗИ КРАСНОЙ АРМИИ: ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Хохлов Владимиров Сергеевич
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, академический советник Российской академии ракетных и артиллерийских наук, полковник в отставке, Россия, Москва
e-mail: 13.mac1984@mail.ru

Аннотация. В статье раскрывается процесс зарождения главного органа управления связи Красной Армии.

Ключевые слова: войска связи; НКПиТ; радиотелеграф; Управление связи Красной Армии.

FORMATION OF THE MAIN BODY OF THE COMMUNICATION SERVICE THE RED ARMY: HISTORICAL DIMENSION

Khokhlov Vladimirov Sergeevich
Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher
Research Institute (Military History) Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, Academic Adviser to the Russian Academy of Rocket and Artillery Sciences, Retired Colonel, Russia, Moscow
e-mail: 13.mac1984@mail.ru

Annotation. The article reveals the process of the origin of the main communications control body of the Red Army.

Keywords: communications troops; NKPiT; Radiotelegraph; USKA.

Создание Вооружённых сил нового государства, образование соответствующих органов военного управления ими, формирование стрелковых, кавалерийских и иных частей и соединений, их объединение в армии и фронты, ведение боевых действий на полях Гражданской войны востребовали установление четкого управления этими процессами. Это можно было осуществить только при широком использовании всей сети государственной связи и при наличии специальных подразделений и частей связи и органов управления связи. «Там, где нет связи, не может быть и управления войсками. Связь в войсках осуществляется особыми органами и учреждениями при каждом штабе и отдельной части или особо назначенными чинами при начальниках, не имеющих штаба. Специальная служба органов и чинов составляет службу связи» [1, с. 34].

Однако если при формировании общевойсковых частей и соединений Красной Армии могла использоваться организационная структура и опыт ее применения в Русской императорской армии, то в отношении войск связи такого опыта не имелось. Ранее они входили в состав инженерных войск и подчинялись своим общевойсковым и инженерным командирам при отсутствии единого ими руководства.

Первые попытки централизации службы связи и выделения частей связи в самостоятельный специальный род войск были предприняты перед окончанием Первой мировой войны. Этот вопрос обсуждался на IV секции технического совещания по государственной обороне в сентябре–октябре 1917 г., а также в телеграфно-телефонной комиссии Главного военно-технического управления (ГВТУ) [2, л. 7]. Однако вскоре начавшаяся в России революция отнесла решение этого вопроса на последующее время.

С первых месяцев Гражданской войны создаваемые части и подразделения связи включались не в состав инженерных войск, а непосредственно в штаты стрелковых и кавалерийских соединений (частей), что подчеркивало их особую роль в обеспечении управления войсками. При этом отсутствовало единое руководство ими. Использование в военных целях

средств гражданской связи и необходимость тесной увязки работы гражданских учреждений с военными органами требовали централизации руководства связью в стране. Декретом СНК «Об организации управления почтово-телеграфным делом» 16 апреля 1918 г. упразднили должности начальника почтово-телеграфного округа, почт-директора, начальников управления телеграфов и отделов перевозки почт по железной дороге, их помощников и главных механиков. В почтово-телеграфном ведомстве ввели коллегиальное начало управления. Во главе Коллегии по управлению почтово-телеграфным округом становился комиссар, утверждаемый Наркомате почт и телеграфов (НКПиТ) из числа кандидатов, представленных областным или губернским органом Советской власти [3, с. 463-464].

Этот декрет усилил централистские начала в управлении связью. Вместе с тем, работа коллегий, во многом, зависела от губернских властей, которые получили широкие права по борьбе с саботажем (вплоть до расстрела связистов, обвиненных в контрреволюции). Переход к коллегиальному управлению на местах произошел быстро, но комиссары не смогли прекратить войну за право пользования телеграфами между различными советскими учреждениями, так как, по мнению, одного из первых наркомов связи В.Н. Подбельского: «временами почтово-телеграфное ведомство являло картину наиболее дезорганизованной отрасли всего хозяйственно-административного аппарата Советской республики» [4, с. 64].

В мае 1918 г. в НКПиТ был создан специальный отдел военной и военно-морской связи и информации «Связьинформ» [5, с. 37-38]. Он должен был обеспечивать телеграфную связь Главного командования со штабами фронтов, штабов фронтов со штабами армий и последних с дивизиями. Однако, находясь в Москве, этот отдел мог в лучшем случае обеспечивать связь штаба Высшего Военного Совета со штабами завес (фронтов) и отдельными группами войск. Фронтам, армиям и отдельным соединениям Красной Армии отдел, не зная обстановки, ничем помочь не мог. Вместе с

тем, его создание было началом централизации руководства военной связью в стратегическом и частично оперативно-стратегическом звеньях управления.

С учреждением в сентябре 1918 г. должности Главнокомандующего вооруженными силами Республики была введена и должность Чрезвычайного комиссара почт и телеграфов, на которого возлагалось объединение сил и средств связи, как гражданских, так и военных, и общее руководство военной связью. Одновременно создавались почтово-телеграфные отделы НКПиТ при штабах фронтов [6, с. 47]. Однако, не имея в своем распоряжении сил и средств связи, чрезвычайный комиссар почт и телеграфов, почтово-телеграфные отделы при штабах фронтов не могли решать все вопросы обеспечения связи в действующей армии. С целью дальнейшего совершенствования вопросов связи приказом РВСР № 212 от 13 ноября 1918 г. было введено в действие «Положение по управлению военными почтово-телеграфными связями» [7, л. 110об-111об]. Согласно этому положению, руководство военной телеграфной и почтовой связью возлагалось на Центральное управление военных сообщений при штабе Реввоенсовета Республик (РВСР). Его исполнительными органами во фронтах и армиях являлись начальники военных сообщений с состоявшими при них телеграфно-почтовыми отделениями. Снабжение имуществом связи осуществлялось Главным военно-инженерным управлением (ГВИУ). Для выполнения требований, предъявляемых военными властями к почтово-телеграфному ведомству на театре военных действий, назначались при штабе Главнокомандующего всеми Вооруженными силами Республики и при штабах фронтов и армий уполномоченные Наркомата почт и телеграфов.

26 ноября 1918 г. Совет Труда и Обороны особым постановлением учредил межведомственный орган – Верховную комиссию телеграфной связи Республики (Верхкомтель) с задачей регулирования отношений по вопросам связи между наркоматами: военным, путей сообщения, почт и телеграфов. Она также занималась обеспечением имуществом связи и личным составом армии за счет НКПиТ и Наркомата путей сообщения с

таким расчетом, чтобы использование гражданских связей для военных нужд не лишало советские органы управления телефонно-телеграфной связи. Комиссия имела на фронтах и армиях своих уполномоченных, являющихся и начальниками военных почтово-телеграфных отделов фронтов и армий и осуществляли руководство организацией и обеспечением телеграфно-телефонной связи от штаба фронта до штабов дивизий [3, с. 1212-1213].

27 января 1918 г. был учрежден Совет военного радиотелеграфа (СВР) в составе 18 человек, избранных Всероссийским съездом радиотелеграфистов, и двух представителей от Наркомата по военно-морским делам. В круг деятельности СВР входило: руководство демобилизацией и реорганизацией радиотелеграфа и перевод на мирное положение всего радиотелеграфного дела. Во главе Совета стоял главный начальник Военного Радиотелеграфа с состоящим при нем Управлением [3, с. 318-319].

30 марта 1918 г. приказом РВСР № 238 было объявлено положение о Главном начальнике военного радиотелеграфа и подчинении его начальнику Центрального военно-технического управления (ЦВТУ) [7, л. 18-18об].

В октябре 1918 г. СВР упразднили, а Управление главного начальника военного радиотелеграфа переформировали в радиоотдел ГВИУ, с присвоением ему чисто снабженческих функций [8, л. 146].

Для руководства радиосвязью в Действующей армии приказом РВСР № 50 от 7 октября 1918 г. в штабе РВСР учредили должность инспектора радиотелеграфа Действующих армий с подчинением в оперативном отношении начальнику Оперативного управления штаба РВСР, а в техническом – начальнику ГВИУ, а во фронтах – инспектора радиотелеграфа фронта, а в армиях – заведующего радиотелеграфом армии. Последний одновременно являлся командиром радиодивизиона армии и подчинялся в оперативном отношении начальнику штаба армии, а в техническом – инспектору радиотелеграфа фронта [9, л. 47-50].

Рассредоточение руководства военной связью между органами военных сообщений, НКПТ, ГВИУ и инспекцией радиотелеграфа не обеспечивало правильного решения вопросов управления войсками и являлось следствием слабого взаимодействия военных и гражданских организаций связи.

И только издание приказа РВСР № 1736/362 от 20 октября 1919 г. «Об образовании Управления связи Красной армии» (УСКА) во главе с начальником связи и сформировании управлений связи фронтов (армий), отделов связи дивизий, отделений связи бригад и введении в штат штабов фронтов и армий должностей начальников связи [10, л. 76-76об] стало началом централизации руководства службы военной связи.

12 ноября 1919 г. приказом РВСР № 1885/396 было утверждено «Положение об Управлении связи Красной Армии» и его штат. Оно являлось высшим органом по заведыванию и управлению всеми средствами связи, приданными войскам, штабам, управлениям, учреждениям, как действующей армии, так и Наркомата по военным и морским делам [11, л. 211-216].

С созданием УСКА ликвидировалась децентрализованное руководство военной службой связи, параллелизм в работе по организации и обеспечению связи и были созданы условия для ее коренной перестройки. С этого времени служба связи Красной Армии получила единое руководство, а войска связи самостоятельность как специальный род войск.

При этом особо следует подчеркнуть, приказом РВСР было образовано УСКА, а не войска связи. Они, как уже отмечалось, в составе Красной Армии уже имелись, как и ранее в Русской императорской армии. Так, фельдъегерско-почтовая связь, являющаяся одним из видов военной связи, входила в ее состав с 30 марта (10 апреля) 1716 г. В этот день император Петр I утвердил Устав воинский, в котором в XXXV главе (О чине полевой почты)» и XXXVI главе (О полевом почтмейстере), определены назначение и задачи военно-полевой почты, обязанности почтмейстера. [12, с. 218].

7 октября 1778 г. сформирована первая специальная часть связи – Ямской казачий полк в 1000 человек из ямщиков Тверской, Московской, Новгородской, Псковской, Смоленской, Ярославской, Вологодской и Костромской губерний [13, с. 75].

6 августа 1851 г. утверждено «Положение об управлении Санкт-Петербурго-Московской железной дороги», согласно которому для охраны дороги и ее эксплуатации было сформировано 14 отдельных военно-рабочих, две кондукторские и «телеграфическая» роты. Последняя обеспечивала бесперебойную работу телеграфа по всей дороге. [14, с. 18, 245] и является первым военно-техническим подразделением связи русской армии и флота.

В связи с этим войска связи свою родословную ведут не с 20 октября 1919 г., а имеют гораздо более глубокую историю.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1) Милош Я. Совместные действия всех родов войск. Вып. 1. Управление и связь. – М.: ВЦИК, Воен. отдел, 1919. – 48 с.

2) Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВ и ВС). Ф. 52р. Оп. 1. Д. 10.

3) Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. – М., 1942. – 1352 с.

4) Почтово-телеграфный журнал. 1918. № 5–8.

5) Деятельность Коммунистической партии по развитию войск связи. – Л.: ВАС, 1989. – 424 с.

6) История военной связи в 3т. Т. 2. – М.: Воениздат, 1984. – 368 с.

7) Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 6. Оп. 6. Д. 428.

8) РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 48.

9) Реввоенсовет Республики. Протоколы 1918–1919. – М.: Русский мир, 1997. 640 с.

10) РГВА. Ф. 25. Оп. 1. Д. 373.

11) РГВА. Ф. 4. Оп. 15а. Д. 21.

12) Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Т. V. 1715–1719. – СПб, 1830. – 780 с.

13) Железнодорожные войска России. В 4 кн. Кн. 1. На службе Российской империи: 1851–1917. – М.: «Евросервис-СВ», 2001. – 272 с.

14) Галушко Ю.А. Казачьи войска России: Краткий историко-хронологический справочник казачьих войск до 1914 г. – М., 1993. – 236 с.

УДК 355:94

СОВЕТСКО-КИТАЙСКИЙ ВООРУЖЕННЫЙ КОНФЛИКТ КАК ФАКТОР ВОССОЗДАНИЯ СРЕДНЕАЗИАТСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА

Вафин Харис Шамильевич
докторант, магистр гуманитарных наук
Национальный университет обороны имени Первого Президента Республики Казахстан – Елбасы, Республика Казахстан, г.Нур-Султан
e-mail: kharisvsh@bk.ru

Рыскулбеков Айдын Истаевич
доктор PhD, доцент кафедры военной истории и права факультета военно-гуманитарных наук, Национальный университет обороны имени Первого Президента Республики Казахстан – Елбасы
e-mail: ryskulbekov.a73@mail.ru

Бурнаев Зуфар Русланович
кандидат педагогических наук, главный научный сотрудник научно-исследовательского института военного искусства военного научно-исследовательского центра, Национальный университет обороны имени Первого Президента Республики Казахстан – Елбасы
e-mail: zyfarbyr@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается опыт по созданию и развитию Среднеазиатского военного округа в 1969 г. Данный метод представляет собой общую концепцию изучения исторического объекта. Периодизация позволяет распределить исторические события на определенные этапы и провести научный анализ в их взаимосвязи.

Ключевые слова: Вооруженные Силы СССР; Китайская Народная Республика; Среднеазиатский военный округ; военно-политическая обстановка; оперативно-стратегическая группировка войск.

THE SOVIET-CHINESE ARMED CONFLICT AS A FACTOR IN THE CREATION OF THE CENTRAL ASIAN MILITARY DISTRICT

Vafin Kharis S.
Doctoral student, Master of Humanities
National Defense University named after the First President
Republic of Kazakhstan - Elbasy, Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan
e-mail: kharisvsh@bk.ru

Ryskulbekov Aydin I.
PhD, Associate Professor of the Department of Military History and Law of the Faculty of Military Humanities
e-mail: ryskulbekov.a73@mail.ru

Burnaev Zufar R.
Candidate of Pedagogical Sciences, Chief Researcher of the Research Institute of Military Art of the Military Research Center,
e-mail: zyfarbyr@mail.ru

Annotation. The article discusses the experience of the creation and development of the Central Asian Military District in 1969. This method is a general concept of studying a historical object. Periodization allows you to distribute historical events into certain stages and conduct a scientific analysis of their relationship.

Keywords: Armed Forces of the USSR; People's Republic of China; Central Asian Military District; military-political situation; operational-strategic grouping of troops.

В конце 60-х годов XX в. военно-политическая обстановка резко осложнилась. В эти годы началось резкое обострение международных отношений Советского Союза с Китайской Народной Республикой.

В 1960 г. в Пекине в центральных печатных органах была опубликована официальная статья «Да здравствует ленинизм!». В ней содержались подробные обвинения в адрес внешнеполитического курса Советского Союза и отход от идеи ленинизма. Критика в адрес СССР и КПСС становилась все более массированной и резкой со стороны руководства Китая [1, с. 341]. К концу 1966 года китайские руководители открыто заявили о разрыве с КПСС и Советским Союзом [2, с. 46].

КНР приступил к наращиванию военной группировки на границе с Советским Союзом. Так, в 1968 году на военные нужды Пекин тратил 7 млрд. долл., в 1969 году – 7,25 млрд. долл. [3, с. 58] К 1967 году численность китайских войск в приграничных с СССР и МНР районах возросла на 264 тыс. человек – на 22 дивизии – за счет переброски войск из глубины КНР и достигла 400 тыс. человек. В Маньчжурии создавалась мощная военная инфраструктура: строились инженерные заграждения, подземные убежища, дороги и аэродромы [4, с. 407].

К 1968 году Советская Армия сосредоточила вдоль 4380 – километровой границы с КНР, особенно на границе с Синьцзян, на северо-западе Китая, где Москва могла склонить на свою сторону тюркские народы, компактно проживающие в регионе.

К 1968 году ВС СССР сосредоточили в Монгольской Народной Республике 6 мотострелковых дивизий, 1200 самолетов, 120 ракет средней дальности против 47 легких дивизий НОАК.

Таким образом, формированию войск Среднеазиатского военного округа (далее САВО) в 1969 предшествовали этапы советско-китайского вооруженного конфликта и нагнетания военно-политической обстановки. Для полной оценки окончательной фазы создания округа следует рассматривать период непосредственно перед началом горячей фазы

вооружённого конфликта на острове Даманский, у поселка Дулаты и озера Жаланашколь, поскольку именно после них было принято окончательное решение о создании САВО.

На основе проведенного анализа стадий вооруженного конфликта от информационного противоборства до вооруженного конфликта разработана периодизация с 1959 г. по 1969 г., что дает возможность оценивать особенности формирования вооруженного конфликта на разных этапах его развития (таблица 1).

Таблица 1 – Периодизация формирования вооруженного конфликта между СССР и КНР с 1959 по 1969 гг.

Этапы	**Годы деятельности**	**Характерные черты (признаки)**
I	1959-1960гг.	Расхождение взглядов по основным направлениям строительства и вектора развития марксизма-ленинизма. Идеологическое расхождение.
II	1960-1966 гг.	Нарастание внутриполитической напряженности в КНР и провал «Большого скачка», послужил началом «культурной революции», а также формирования в массах образа врага в лице СССР.
III	1966-1968 гг.	Наращивание военного потенциала вдоль советско-китайской границы. Рост пограничных столкновений, вооруженных инцидентов и военных акций вдоль 4380 – километровой границы с КНР.
IV	1969-1970 гг.	Проведение специальной войсковой операции силами НОАК под кодовым название «Возмездие». С целью проведения серии вооруженных конфликтов на территории СССР, тем самым разорвать все военно-политические связи между двумя странами.

В те годы в КНР, помимо регулярных войск, численность которых превышала 3 млн. человек, осуществляется принцип, провозглашенный Мао, – «весь народ –солдаты». На основе этого принципа повсеместно создавалось так называемое народное ополчение, численность которого достигает многих миллионов и которое, как и регулярные войска, объединено в батальоны, полки, а в некоторых случаях и в дивизии, вооруженные легким стрелковым оружием [5, с. 70]. Началась военизация всей общественной и культурной жизни страны и перестройка по военному образцу партийных, государственных и хозяйственных органов.

Обстановка достигла критического состояния к марту 1969 года, вылившаяся в вооруженный конфликт на острове Даманский в Приморском крае РСФСР. Возникли боевые действия между советскими пограничниками и подразделениями Народно-освободительной армии Китая. Анализ событий, произошедших на заставе «Жаланашколь», у посёлка Дулаты и на других участках госграницы Казахской ССР, подтолкнуло советское руководство к решению об укреплении юго-восточных рубежей страны и созданию оперативно-стратегического территориального военного объединения, именованного, как Среднеазиатский военный округ.

Военно-политические отношения Советского Союза с Китайской Народной Республикой во второй половине XX-века оставались напряженными и государства находились на грани войны. Во всех китайских статьях и выступлениях в тот период, войну рассматривали, как «единственно возможная и действенная форма классовой борьбы в современных условиях». Так, на XI съезде КПК указывалось, что «факторы войны заметно нарастают», «война неизбежна», «китайский народ должен быть постоянно готовым к войне». Руководители Китая усиленно подчеркивают необходимость практического претворения в жизнь одного из главных заветов Мао Цзэ Дуна – «усилить подготовку к войне» [6, с. 60].

В ответ, на данные выступления и провокации со стороны Китая, Советский союз был вынужден принять действенные меры по укреплению обороноспособности страны, и ее результатом явились сосредоточение и усиление дальневосточных группировок войск и погранзастав.

Таким образом, в короткие сроки, был сформирован и получил свое развитие Среднеазиатский военный округ, как мощная, территориальная оперативно-стратегическая группировка войск ВС СССР на одном из главных стратегических направлений против реального обозначившегося потенциального противника. Сам факт создания САВО, в основном на территории Казахской ССР, поставленные перед ним оперативные задачи с самого начала носили оборонительный характер и были направлены на

сдерживание обозначившегося, стратегического противника КНР на юго-восточных рубежах СССР. При создании комплекта войск округа всегда выдерживались принципы равенства и достаточности. Уже к концу 70-х годов XX в., этап становления округа был, в основном, завершен. К этому времени войска были обустроены. Они получили современную технику и вооружение, была налажена и развернута оперативная, боевая и мобилизационная подготовка.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1) Лавренов С.Я., Попов И.М. Советский Союз в локальных войнах и конфликтах // Военно-истор. библиот. – М.: «АСТ» - «Астрель», 2003 – 341 с.

2) Смирнов В.А. Обострение советско-китайских отношений // Военная мысль. - № 4. – М.: «Красная звезда», 1967 – с. 46.

3) The Military Ballance, 1969-1970. – L., 1969.

4) Окороков А. Секретные войны СССР. Самая полная энциклопедия. – М.: «Яуза» - «Эксмо», 2014 – с. 407-408.

5) Ковровцев И.Р. Народное ополчение КНР // Военная мысль. – № 2. – М.: «Красная звезда», 1972 – с.70.

6) Бублик Л. А. Военно-патриотическое воспитание Советской молодежи: теория, система, опыт. – М.: ВПА, 1978 – с.291.

УДК 94

ПИОНЕРСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВО ВЛАДИМИРСКОМ КРАЕ В 1922-1924 ГГ.

Маркова Татьяна Владимировна,
магистр кафедры истории, археологии и краеведения
Гуманитарного института ВлГУ,
e-mail: marckova.t2011@yandex.ru
Тихонов Андрей Константинович,
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории, археологии и краеведения
Гуманитарного института ВлГУ,
e-mail: rostikhonov@mail.ru

Аннотация: В предложенной статье рассматривается становление и развитие пионерского движения во Владимирском крае в межвоенный период. Показаны основные направления в работе пионерских организаций в школах и загородных лагерях региона. Дано сравнение и эволюция работы с подрастающим поколение на протяжении означенного периода. Особое внимание уделено пионерской работе и ее изменениям в преддверии начала Великой Отечественной войны. Также указываются и недостатки работы с пионерами в период 20-30-х гг. XX в.

Ключевые слова: пионерская организация, клубная работа, интернациональное воспитание, кружки, политико-просветительская работа, детский дом, беспризорники.

PIONEER ORGANIZATION IN THE VLADIMIR REGION IN 1922-1924

Tatiana V. Markova,
Master of the Department of History, Archeology and Local History of the Humanitarian Institute of VlSU,
e-mail: marckova.t2011@yandex.ru
Andrei K. Tikhonov,
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Head of the Department of History, Archeology and Local History of the Humanitarian Institute of VlSU,
e-mail: rostikhonov@mail.ru

Abstract: The proposed article deals with the formation and development of the pioneer movement in the Vladimir region in the interwar period. The main directions in the work of pioneer organizations in schools and country camps of the region are shown. A comparison and evolution of work with the younger generation during the specified period is given. Particular attention is paid to pioneer work and its changes on the eve of the beginning of the Great Patriotic War. The shortcomings of working with pioneers in the period of the 20-30s of the twentieth century are also indicated.

Key words: pioneer organization, club work, international education, circles, political and educational work, orphanage, street children.

В этом году исполняется 100 лет со дня создания пионерской организации тогда еще в советской России – 19 мая 1922 года. К сожалению, исследовательских работ по развитие пионерского движения в СССР очень мало. А ведь это была организация, которая должна была воспитывать новое поколение людей на совершенно новых принципах для строительства нового социалистического мира.

После исторического решения Второй Всероссийской конференции РКСМ о создании пионерской организации по всей стране, в том числе и во Владимирской губернии, при школах и промышленных предприятиях стали организовываться пионерские ячейки. Одними из первых пионерские отряды появились в городе Коврове.

В 1923 году в Коврове возникло сразу три пионерских отряда. Первый из них был образован в июле того года при уездной ячейке РКСМ и ещё два – при промышленных предприятиях: фабрике им. Абельмана и фабрике им. Свердлова. История сохранила имена их первых вожатых, которыми были - Ф. Вершинин, А. Иванова-Дубкова и В. Ландышев.

Уже через пару месяцев после появления в Коврове первых пионеров в городе прошла «Неделя пионера», в программе которой были: вечера, спектакли, концерты, мероприятия, на которых пионеры агитировали за вступление в свою организацию других детей, разучивали с ними революционные песни. А уже осенью того же 1923года на уездном съезде РКСМ впервые отчитывались о работе пионерской организации. Меньше, чем через год состоялся и Первый уездный слёт пионеров, собравший 320 юных спартаковцев (до смерти В.И. Ленина в январе 1924 года пионерская организация в СССР носила имя Спартака – предводителя восстания гладиаторов и рабов в древнем Риме).

В отчёте ковровского Укома комсомола за второе полугодие 1924 года приведены итоги деятельности ячейки РКСМ в цифровом исчислении. Так, что касается работы с пионерами, то в конце 1924 года с ковровскими юными уже ленинцами работало уже 17 комсомольцев. На отчётный период в Ковровском уезде насчитывался уже 31 пионерский отряд: 18 – на производствах, 7 – городских и 6 – деревенских. Численность ковровской пионерии превысила 1200 человек. По социальному положению эти дети были из семей рабочих (700 чел.), крестьян (337 чел.), служащих (131 чел.), детдомовцев (77 чел.) [1, с. 6].

Тогда же одиннадцать комсомольцев прошли семидневные курсы и отправились работать в деревню для создания там новых пионерских отрядов и «октябрьских зёрнышек».

Работа поддерживаемой РКСМ пионерской организации была достаточно обширной и многоплановой. Вот лишь некоторые из направлений пионерской работы:

- клубная работа;
- интернациональное воспитание;
- работа в деревне;
- работа в школе;
- работа в детдомах;
- работа среди неорганизованных детей;
- работа среди беспризорников;
- связь с Красной Армией;
- общественная работа;
- работа среди «октябрьских зёрнышек»;
- антирелигиозное воспитание;
- пропаганда детского движения.

Всё же центром пионерского движения в те годы стал город Владимир. Там, в декабре 1924 года был открыт первый Центральный Дом юных пионеров. Инициаторами его создания были ведущие комсомольцы края, побывавшие с рабочей поездкой в Москве, где посетили столичный Дом пионеров. Пример московской работы с детьми побудил владимирских комсомольских работников к созданию подобного детского учреждения в губернском центре. При поддержке Губкома, Губдеткомиссии и других организаций для работы Дома пионеров было выделено здание детского дома «Коммуна» по улице Большая Московская. На ремонт и оборудование было потрачено свыше трёх тысяч рублей.

В феврале 1925 года газета «Призыв», – являвшаяся тогда главным рупором социалистического строительства, – в губернии подробно описывала целевое назначение нового детского учреждения: «Дом должен являться опытно-показательным учреждением коммунистического воспитания юных пионеров, где бы изучался, обобщался опыт работы на местах, изыскивались и проверялись новые формы работы и давались методические указания на месте. Все помещения дома распределены точно. Каждая комната имеет своё назначение. Всего пионеров при доме – 123

человека, из них детдомовцев – 30 человек. Распределены они по трём отрядам, посещаемость дома – 100 процентов. Занятия проводятся четыре раза в неделю» [2, с. 2].

Далее даётся список кружков, работавших в первый год функционирования ЦДЮП:

- кружок юннатов – 11 чел.;

- кружок радиолюбителей – 15 чел.;

- драматический кружок – 13 чел.;

- шахматно-шашечный кружок – 11 чел.;

- кружок пикоров (пионерских корреспондентов – прим. автора), руководившийся сотрудником газеты «Призыв», издававший стенгазету «Ракета».

В работе кружком фиксировались и некоторые недостатки. В частности, отмечалось отсутствие определённой программы работы, отсутствие связи со школьной программой и даже отсутствие в некоторых кружках постоянных руководителей. Это тормозило практически все воспитательные процессы, поэтому, например, основным звеном политико-воспитательной работы была на тот момент библиотека Дома пионеров, в которой тогда насчитывалось уже свыше 600 книг, и было записано 110 пионеров. Библиотечный фонд регулярно пополнялся периодической литературой: «Молодой ленинец», «Призыв», «Пионер», «Барабан», «Искорки», «Юные строители», «Смена», «Мурзилка», а для вожатых и воспитателей - газета «Правда» и журнал «Вожатый».

Другой формой политического воспитания тогда были лишь оформленные самими ребятами «Уголок Ильича» и «Уголок Красной Армии и флота», где проходила беседы с отрядами и звеньями.

Трудовое воспитание в Доме пионеров с самых первых дней его существования было поставлено на высокий уровень. С этой целью функционировали обеспеченные инструментом и материалами кружки:

- переплётная мастерская – 12 чел.;

- художественная мастерская – 11 чел.;

- картонажная мастерская – 12 чел.;

- вышивальная – 14 чел.;

- в процессе организации находилась столярная мастерская.

Для работы по физическому воспитанию в штате Дома пионеров числился физинструктор и медицинская сестра – для пропаганды личной гигиены и медконтроля за воспитательным процессом.

В основе своей деятельности Дома пионеров было положено самоуправление, когда главным управляющим органом был совет, состоявший из трёх пионеров, вожатых отрядов, заведующего и представителя Губбюро (Губернское бюро детских коммунистических групп). Первым директором его стал комсомолец, ответственный секретарь Губбюро Борис Бадов.

Весной и летом 1925 года газета «Призыв» довольно много писала о деятельности Дома пионеров. В частности, в одном из майских номеров была информация об оборудовании при Доме пионеров огорода, трёх спортивных площадок и солярия (при участии детского диспансера). А в июле с восторгом писали об открытии первой пионерской площадки, на открытии которой дети продемонстрировали то, чему успели научиться.

Однако почти 10 лет развитие движения в нашем крае сильно буксовало, о чём свидетельствуют некоторые архивные документы. Так, в плане работы отделов Губисполкома за 1924 год для отдела народного образования числится:

- укрепление сети школ (снабжение учебниками и учебными пособиями, повышение квалификации и политической сознательности педагогического состава);

- укрепление и развитие сети культурно-просветительских учреждений;

- проведение мероприятий по ликвидации безграмотности;

- усиление политико-просветительской работы в деревне;

- открытие политико-просветительских отделений при педтехникумах. Привлечение педтехникумов к участию в переподготовке школьных работников школ I ступени.

Следовательно, первостепенной задачей в первые годы существования пионерии в губернии была подготовка соответствующих кадров для работы с детьми. Тем не менее, хотя и по остаточному принципу, развитием пионерского движения в нашем крае всё же занимались. Например, в том же 1924 году на развитие пионерского движения в Кольчугине было решено внести в смету расходов ряд пионерских мероприятий и «взять на содержание двоих работников по пионерскому движению» [3, л. 77].

В следующем 1925 году в регионе прошло массовое обследование состояния образовательных школ и пионерского движения, которое установило не просто плохое, а катастрофическое состояние, как первого, так и второго. В частности, в докладе инспектора УОНО «Об обследовании школ Судогодской волости» отмечены следующие вопиющие факты:

- тесные помещения, из-за чего дети учатся в две смены, причём, во второй смене уроки сокращены в зимний период, чтобы дети могли засветло попасть домой;

- многие школы плохо или совсем не отапливаются, большинство из них требуют ремонта;

- недостаточное снабжение школ: где-то не хватает элементарного инвентаря, такого, как чугунные котлы для подогрева воды, из-за чего, например в Камневской школе «пол не мылся в течение трёх недель»; где-то, например, в Ликинской, Загорской и Ушаковской школах не хватает учебников: 4-5 экземпляров каждого автора, нет ни одной географии, недостаточно книг для чтения;

- нехватка письменных принадлежностей, которыми учеников должны были обеспечивать родители;

- нехватка кадров и обучающей литературы;

- отсутствие авторитета у учителей среди учащихся, плохая дисциплина, которую автор доклада связывает с тем, что «предметы преподаются по-старинке»;

- слабая работа школьного самоуправления, инертность пионерского актива [4, л. 31].

Однако необходимо отметить, что не во всех уездах было отмечено такое плачевное состояние образования в целом и пионерского движения – в частности. Так, в том же 1925 году в Юрьев-Польском уезде наблюдался значительный рост пионерского движения – с 300 чел. в 1924 году до 1170 чел. – в 1925 году [4, л. 8]. Во многом это была заслуга хорошо организованной политико-воспитательной работы, которую в школах и на предприятиях уезда проводили представители комсомольской ячейки. Отмечалось, что каждый отряд имел стенгазету, а в 15-ти селениях уезда на тот момент проводились подготовительные работы по организации новых пионерских отрядов.

Единственным недостатком, тормозящим данную положительную динамику, было плохо развитое трудовое воспитание (в большинстве уездов), причиной чему явилась недостаточная материальная база (отсутствие материалов и инвентаря). В такой ситуации работа технических кружков была практически невозможна.

Тем не менее, решение вопросов трудового воспитания было найдено практически сразу - на XVII Губернском Съезде Советов, решением которого было рекомендовано всем Уездным земуправлениям (УЗУ) вовлекать пионеров в сельскохозяйственные работы. Во многом, это решение для нашего региона историческое, поскольку, начиная с него, сельское хозяйство становится главным центром приложения пионерских сил на весь период существования пионерской организации.

Главной задачей становится воспитание «культурно-коллективных крестьян», для чего было решено вовлекать в работу с пионерами профессиональных аграриев. К каждому пионерскому отряду в качестве

руководителей сельскохозяйственных кружков были прикреплены агрономы. «В зимний период пионерская организация будет вести работу по выполнению отдельных задач сельскохозяйственной работы, поставленные Губземуправлением, как-то: куроводство, животноводство и охрана полезных птиц» [5, л. 17], – сказано в Циркуляре Губернского отдела сельского хозяйства, принятого по рекомендации Съезда.

Однако далеко не везде циркуляры и постановления, исходящие из губернского центра, неукоснительно исполнялись. Свидетельство тому находим в архивных документах за 1927-1928 годы. Так, из доклада инспектора УОНО т. Доронкина, проводившего плановое обследование ряда районных школ, следует, что: «райшкола не выполнила своего назначения. … Отсутствуют триместровые планы, учёт работы не стоит на должной высоте, доминирующим методом работы является беседный… Самоуправление не работает. Влияния пионеров на неорганизованную массу ребят нет. Школьный совет и родительские собрания не созывались. Посещаемость в религиозные праздники в части школ плохая» [6, л. 2]. Таким образом, констатировалось, что в ряде школ до сих пор отсутствовал достаточный уровень общего образования и всех видов воспитательной работы в рамках коммунистического воспитания.

В другом отчёте отмечалась слабость комсомольской и пионерской работы в школах и слабость их влияния на учащуюся молодёжь, а также ряд «болезненных явлений среди учащихся»: упадок настроения, религиозность, извращения в быту [*что под этим подразумевалось не расшифровывается* – прим. авт.].

Подведение итогов инспекторских проверок произошло на Общегубернской конференции учащихся школ, прошедшей в марте 1927 года, на которую было вынесено всего два вопроса:

- как приблизить учащихся к общественно-политической работе и работе в школьном самоуправлении;

- работа школьных форпостов.

В результате, например, Гусь-Хрустальному УНО было рекомендовано организовать детские летние площадки, а также: «совместно с УКомом ВЛКСМ обратить серьёзное внимание на работу форпостов как со стороны инструктажа вожатых отрядов, так и со стороны содержания работы». Подобные же рекомендации были получены и другими уездными комсомольскими ячейками, коим настоятельно советовали более тесно работать с отделами народного образования. В свою очередь УНО обращали внимание на необходимость повышения квалификации педагогического состава школ [7, л. 51].

Как реакция на резолюцию конференции в апреле 1927 года последовало решение Владимирского Губкома ВЛКСМ о детальном исследовании состояния пионерских форпостов, в котором были намечены следующие направления:

- выяснение количества школьных пионерских отрядов;

- определение организационного построения форпостов (кто является организатором; как часто проводятся собрания форпоста);

- выявление роли педагогического состава в работе форпостов и участие пионервожатых в школьных советах;

- выявление участия неорганизованных школьников в собрании форпоста;

- определение наличия других школьных объединений;

- вычисление процентного участия пионеров в школьном самоуправлении;

- определение роли пионеров в работе школьного самоуправления;

- анализ отчётности форпостов;

- определение роли ячеек ВЛКСМ и Бюро юных пионеров в руководстве форпостами;

- анализ личностных качеств вожатых форпостов (уровень социально-политического образования, возраст, комсомольский и пионерский стаж, время, уделяемое работе форпоста);

- изучение форм работы форпоста;

- определение роли форпоста в росте школьной успеваемости;

- выяснение условий учёбы детей (есть ли школьные завтраки) и авторов проводимых в жизнь инициатив;

- изучение деятельности форпоста по линии клубной работы (наличие кружков и стенгазет);

- выявление роли пионеров в политических кампаниях;

- изучение деятельности форпоста по линии общественно-полезной работы;

- определение уровня дисциплины среди пионеров и неорганизованных школьников;

- изучение досуговой жизни пионеров;

- выявление роли пионерского форпоста на общешкольную работу;

- определение связи между форпостом и пионерским отрядом.

В результате проведённого исследования была выявлена плохая организация в работе форпостов, их малая связь с педагогическим процессом, отсутствие общественно-полезной работы, слабая политическая подготовка, как педагогов, так и пионеров и их родителей. Но, главное, что дети пионерского возраста не стремились вступать в пионерские организации, предпочитая оставаться в ранге «неорганизованных». Во многом именно эти результаты, полученные в большинстве уездов, стали основой переустройства пионерской организации на подконтрольной школе основе.

Изменения в структуре и деятельности пионерской организации, которые стали очевидными в начале 1930-х годов, уже в конце 1920-х сказывались на некоторых аспектах пионерской жизни. Например, в 1928 году Центральный Дом пионеров города Владимира был реорганизован в Губернскую техническую и сельскохозяйственную станцию, в которой занимались 200 пионеров в швейном, модельном, техническом и фото-

кружках. Чуть позже именно на базе этой организации был создан ОСОАВИАХИМ.

Об особой остроте вопроса детского движения во Владимирском регионе в конце 20-х годов XX столетия говорят и некоторые курьёзные, граничащие с беззаконием случаи. Один из таких случаев запечатлён в Протоколе заседания Президиума Владимирского Горсовета в 1928 году. Из сообщения заведующей воспитательной частью пионерского санатория (скорее всего, речь о Владимирской лесной школе-санатории, где лечение проходили дети, больные туберкулёзом) т. Смирновой узнаём о недостатках в работе этого учреждения, как, то:

- слабое проведение на местах медицинских осмотров, в результате чего, в санаторий попадают здоровые дети. Особенно часто такие дети приезжают в санаторий из Переславского, Александровского и Муромского уездов;
- слабый подбор воспитателей;
- не пионерский возраст большинства обучающихся (16 и более лет);
- недостаток средств на питание (17 руб. на человека в месяц);
- увоз мебели Переславским УЗУ.

Последнее особенно возмутительно, поскольку по форме очень схоже с обыкновенным мародёрством, в чём легко убедиться, прочитав ответ Переславского УЗУ за подписью секретаря УИК Нефедьева: «Имущество пионерсанатория, которое было изъято УЗУ возвращено и сдано по акту зав. санаторием. Что же касается невозвращённого имущества, то последнее всё реализовано на общую сумму в 137 руб., и данная сумма УЗЦУ израсходована на наём сторожа по охране имущества…, т.к. УЗУ средств на наём сторожа совершенно не имело» [8, л. 33]. Подобные формулировки дают ясное представление о том, насколько несерьёзно и безответственно подходили некоторые организации и органы управления на местах к пионерскому движению, даже несмотря на то, что эта задача была поставлена на самом высоком уровне. Естественно, что при таком отношении к

пионерии у ряда волостных и уездных ответственных лиц, нельзя говорить ни о качестве работы с детьми, ни об успехе всего пионерского движения в регионе. Тем не менее, Городской Совет ответственно отнёсся к решению озвученных проблем и постановил:

- отпустить 2000 руб. на ремонт санатория;

- подыскать постоянный персонал;

- Губбюро юных пионеров срочно подыскать воспитателей для санатория;

- установить строгий контроль за отчётностью уездов, касаемой возраста и состояния здоровья обучающихся в санатории детей (дети должны быть не старше 14 лет, т.к. разнообразие в возрасте сильно отражается на воспитательной работе);

- возвратить мебель;

- просить ОГПУ о снабжении работников санатория оружием, в связи с имевшими место в окрестностях грабежами и убийствами;

- увеличить нормы питания до 25 руб. в месяц на человека;

- увеличить месячную пропускаемость в зимний период с 25 до 30 человек [8, л. 47].

В 1929 году во Владимирском крае, как и по всей стране остро встал вопрос о роли школы в пионерском движении. Яркий пример остроты этого вопроса олицетворяют жёсткие дискуссии, возникшие между ячейкой РКСМ и отделом народного образования в Ковровском уезде. Уком комсомола считал, что организовывать отряды по такому принципу политически не верно, поскольку ослабляет политический контроль над детским движением [1, с. 8].

Но, как известно, победу одержала иная точка зрения и уже с 1931 года все пионерские отряды во всех уездах Владимирской земли создавались исключительно при школах.

По-прежнему, образцово-показательной оставалась пионерская организация города Владимира. Там уже в конце 1920-х годов пионеры, в

прямом смысле, вышли на международный уровень, достигнув уровня политической подготовки, недоступный ни одной уездной организации.

Именно об этом декабре 1929 года писала губернская газета «Призыв», сообщавшая, что Владимирское окружное бюро детских коммунистических организаций в рамках интернациональной работы заключила договор с пионерской организацией города Вена (Австрия). Примечательно, что в пунктах этого договора со стороны владимирских пионеров были обязательства по политико-социальному и трудовому воспитанию: «продвинуть все решения Слёта по социалистическому соревнованию в массы детей, для чего необходимо чаще собирать актив для обсуждения этих вопросов»; тогда, как с австрийской стороны речь шла лишь о первичных этапах организации пионерского движения:

- организация пионерского актива и стенгазеты;
- прикрепление каждого пионерского отряда к комсомольской и партийной ячейке;
- увеличение числа членов пионерской организации до 300 чел.;
- увеличение числа отрядов в Вене до 5-ти и в провинции – до 5-ти [9, с. 2].

Таким образом, к началу 1930-х годов работа пионерской организации во Владимирском крае была довольно ограниченной и сводилась лишь к небольшой активности в части политико-воспитательной, в особенности религиозной, и трудовой деятельности. Но, уже в 1930-м году картина разительно переменилась. Причина тому – реализация планов первой пятилетки, которые, как видно из сохранившихся документов, сильно тормозились; во-первых, преступной халатностью и медлительностью на местах [10, л. 17], а, во-вторых, случаями «террора, самочинства, оскорбления представителей соввласти со стороны кулацких элементов» [11, л. 128]. В последнем случае антисоветские настроения местами доходили до массового террора, как например, в Гусевском районе, поэтому Окружным исполнительным комитетом, прокуратуре и суду была дана рекомендация

«обеспечить быстрое рассмотрение этих дел, организуя общественно-показательные суды» [11, л. 129].

Положение дел было настолько катастрофическим, что посевная кампания 1930-го года оказалась под угрозой срыва. Потому-то в решении Облисполкома впервые такое большое внимание уделяется детским и молодёжным организациям, на которые делалась основная ставка в деле массовой пропаганды, наравне с областными и окружными средствами массовой информации. Как один из способов широкой пропаганды сельскохозяйственных новшеств (коллективизации и новых методов ведения сельского хозяйства) предлагалось «школам, имеющим земельные участки, в предстоящую весеннюю посевную кампанию добиться максимальных показателей значения эксплуатируемых участков» [10, л. 134].

В плане работ по проведению весенней посевной 1930 года для Ковровского педтехникума в части организационно-политической работы значилось: выезд бригад на село с целью разъяснения политики коллективизации; проведения курсов по организации культурно-бытовой работы (кружки, красные уголки, стенгазеты, ликбез), а также «организация школьников и пионеров вокруг вопросов посевной кампании и сборов утильсырья». Кроме того, было поручено содействовать организации новых пионерских отрядов и «поставить эту задачу в основу работы каждой бригады, каждого работника, выезжающего в колхозы».

В 1930 году в Коврове, по примеру Владимира, открывается Дом юных пионеров, на базе которого в декабре того же года проходит Первый районная конференция вожатых, которая принимает решение ещё более активно включаться в работу по коммунистическому воспитанию подрастающего поколения.

Помимо того, центр воспитательной работы с пионерами заметно смещается в школу. Наиболее полно об этом свидетельствует отчёт директора одной из школ Собинского района (при фабрике «Коммунистический Авангард»), в котором указано описание того, что

школьный пионерский отряд уже сделал: «В прошедший 1928-1929 год работа школы выражалась в культурном обслуживании района из трёх деревень на расстоянии 12 километров от школы. Школа сделала несколько вылазок, были проведены: осенние и весенние посевные кампании, заключающаяся в помощи сортирования и притравливания семян. Были сделаны доклады, постановки, проведён праздник первой борозды и т.п.» [10, л. 140], эффект от которых, по заключению автора доклада был слабый из-за отсутствия конкретно поставленных целей. Гораздо более масштабна та часть отчёта, в которой речь идёт о намеченных планах: «В этом году мы имеем более конкретные цели». Расшифровывая эти планы, докладчик особо подчёркивает факт заключения школой договора о социалистическом соревновании с Вязниковской школой им. Герцена, в котором есть пункт работы с колхозами.

Подобный же договор был заключён и с колхозом, по которому пионеры обязуются выполнить свой план на 100% и потребовать от колхозников выполнения плана, составленного совместно. Вот пункты этого плана:

- укрепить экономическую мощь колхоза;
- добиться качественного и количественного улучшения, путём вовлечения новых членов и лучшей обработки земли;
- перейти с товарищеского устава на артельный;
- вести через колхоз агропропаганду и политико-просветительскую работу среди населения;
- расширить посевную площадь за счёт распашки неудобицы;
- выкорчевать пни и распахать эту землю;
- приобрести более сложные машины;
- поднять урожайность;
- развить показательное молочное животноводство;
- ввести корнеплоды в сельское хозяйство;
- добиться обобществления всех средств производства;

- построить общие конюшни и скотный двор;

- отремонтировать помещение под красный уголок.

Помимо этого, планировалось «вместе с крестьянством перестраивать их работу по культурному, приобщать их к знаниям, к культуре и политике».

Комсомольская школьная ячейка, совместно с пионерским отрядом, поставила своей задачей организацию комсомольской ячейки и пионерского отряда в деревне. На свои средства от постановки специального вечера, школа выписала для колхоза и красного уголка несколько крестьянских газет и журналов, организовала передвижную библиотеку. Более того, с Обществом помощи коллективизации пионеры договорились о ремонте машин, чтобы своевременно подготовиться к весенней посевной. Наконец, на своём школьном участке пионеры обязывались проводить опыты, которые потом намерены переносить в подшефный колхоз. «Сейчас ближайшая и неотложная задача – добыча формалину для протравливания семян» [10, л. 153], – этими словами заканчивается доклад директора школы, для которого столь масштабные планы, судя по всему, не были непосильными.

«Школа должна стать лучшим помощником партийной организации в деле борьбы с кулацко-капиталистическими элементами и агентурой – попами и подкулачниками, ведущими ожесточённую борьбу за срыв социалистического соревнования» [10, л.159], – сказано в плане посевной кампании Вязниковской школы им. Герцена. К практическим мероприятиям в этом плане относилось:

- сплошная коллективизация Станковского района;

- выработка лозунгов к посевной;

- общеобразовательная работа на курсах.

В отличии от предыдущего этот план примечателен своей образовательной частью, в которой преподавание каждого предмета в школе имело прочную сцепку с задачами коллективизации и индустриализации страны. Из него отчётливо следует, каким образом советское правительство

собиралось реализовывать программу воспитания человека нового типа. Так, предмет «Обществоведение» предполагал раскрытие таких вопросов, как:

- политика партии и Советской власти по социалистическому переустройству деревни;
- что дала Октябрьская революция крестьянам;
- сельское хозяйство в период Гражданской войны;
- сельское хозяйство в период НЭПа;
- сельское хозяйство в пятилетке;
- итоги первого года пятилетки и контрольные цифры на второй год;
- борьба с правым уклоном;
- ликвидация кулачества как класса;
- виды колхозов;
- трудности на пути коллективизации.

«Естествознание» и «География» раскрывали, помимо прочего, и такие вопросы, как:

- приёмы обработки земли их значение;
- значение парования и лучшие виды пара;
- сортировка семян и протравливание их;
- определение всхожести и засоренности семян;
- заделка семян;
- уборка урожая;
- значение машинизации сельского хозяйства;
- экстенсивные и интенсивные системы земледелия;
- сельское хозяйство в нашей области;
- сельское хозяйство по отдельным областям СССР.

В курсе «Экономической географии» предусматривался урок по теме «Области Госплана». В «Физике» подробно изучались темы: «Тепловые машины в сельском хозяйстве», «Электродвигатели в сельском хозяйстве», «Движение и силы», «Связь индустриализации страны с развитием техники». В «Астрономии» изучались: зависимость степени урожая от погоды,

необходимость использования сведений метеостанций, возникновение и развитие религиозных праздников в связи с полевыми работами. Курс «Русского языка» предполагал:

- написание статей в «Комсомольскую правду» и «Пионерскую правду» по ходе коллективизации и индустриализации в подшефных колхозах и предприятиях;

- изучение статьи И.В. Сталина «Год великого перелома»;

- изучение брошюры В.М. Молотова о коллективизации;

- изучение Резолюции Ноябрьского Пленума ЦК ВКП(б);

При изучении немецкого языка пионерам давали читать статьи в немецкой прессе на тему индустриализации и коллективизации в СССР. На уроках «Химии» проходили значение этой науки для сельского хозяйства, её влияние на урожайность. На «Математике» апеллировали цифрами пятилетнего плана, а также цифрами, характеризовавшими ход коллективизации (количество колхозов, относительное число населения, объединённого коллективизацией, площади пахотной и луговой земли и т.п.). На «Рисовании» занимались, в том числе, написанием лозунгов и плакатов, рисованием сельскохозяйственных машин и орудий, быта колхозников, оформлением стенгазет. На уроке «Музыкальной грамоты» дети разучивали песни про коллективизацию и индустриализацию. И, наконец, на уроке «Физкультуры» обращалось внимание на проработку таких физических упражнений, последствием которых явилось бы воспитание характера и воли, развитие терпения, настойчивости и самообладания, усиливая, при этом, упражнения группового характера, которые «ограничивают произвол, воспитывают чувство ответственности перед коллективом и приучают к совместной работе» [10, л. 170].

Таким образом, осуществлялась программа комплексной педагогики, которая подразумевала изучение одного явления с разных сторон разными учебными предметами. К тому же, пионеры получали массу знаний, верифицированных с учётом их возраста, по актуальным вопросам

внутренней и внешней политике страны, вовлекаясь в жизнь как деятельные частники, привыкая думать в государственных масштабах.

Последним пунктом в плане Вязниковской школы им. Герцена была «Самоорганизация», предусматривавшая проведение следующих мероприятий:

- беседы с населением по теме посевной кампании и коллективизации;
- освещение посевной кампании в стенгазетах;
- написание лозунгов;
- организация работ на пришкольном участке;
- проведение работ в детских яслях, организация там сануголка;
- проведение лекции «Борьба с клопами и тараканами»;
- подготовка пьесы, отражающей нужды и ход посевной кампании;
- подготовка частушек и декламаций для активизации посевной кампании;
- устроить тематический вечер;
- нарисовать карикатуры на злобу дня;
- художественно оформить красный уголок [10, л. 171].

Итак, как видим из приведённых планов работы с пионерами, уже в 1930-м году, в отличие от прошлых лет, внимание к пионерскому движению резко возросло, а вместе с ним, увеличилась и роль самих пионеров в жизни общества. Естественно, что такая быстрая трансформация не была возможна без непосредственного включения в дело развития пионерии в регионе органов советской власти, которые исполнили роль идейного вдохновителя. Яркий тому пример выпущенная в 1930 году во Владимире брошюра «Всем пионерам и школьникам о весенней посевной кампании», где в разделе «За боевую пропаганду!» было написано: «Пионеры и школьники! Мобилизуйте всех неорганизованных ребят и вместе с ними возьмитесь за агитационно-пропагандистскую работу по весенней посевной кампании! Доведём до сведения каждого села, каждого колхоза решения правительства о посевной кампании, новые декреты о налоге, о распределении семян, о снабжении

инвентарём, о формах кредитования и т.п. … Организуйте детские митинги, демонстрации, выпускайте стенгазеты, проводите карнавалы, вечера, спектакли, агросуды … Вскрывайте контрреволюционные проделки кулаков и подкулачников. Выявляйте промахи и срывы в работе. Пропагандируйте достижения колхозов и совхозов!» [10, л. 176].

Помимо призывов в ней давались темы для пионерского творчества - «Библиотека детского опыта», в результате чего ими были составлены многочисленные брошюры:

- Как мы организовывали детский колхоз;
- Как мы помогали работать совхозу, МТС и кооперации;
- Как мы работаем в коммуне;
- Как мы работали на колхозном огороде;
- Как мы помогали заготовкам;
- Как мы коллективно собирали для кооперации грибы, лекарственные травы, ягоды и семена деревьев;
- Как наш пионерский отряд работал по птицеводству;
- Как мы коллективно построили курятник и др. [10, л. 176].

Эта брошюра распространялась по всем школам и Домам пионеров и высоко мотивировала ребят на посильный, но активный труд и творчество на благо родного края. В течение нескольких лет было издано ещё несколько подобных брошюр, которые задавали пионерскому движению необходимый общественно-политический вектор.

К тому же, и педагоги выступили единым фронтом в поддержку тезисов, изложенных в брошюре. Так, в резолюции Окружной конференции учителей было акцентировано внимание на усиление темпов культурной революции на селе, чтобы «через школу воспитать стойких коллективистов» [10, л. 327]; борьбе с второгодничеством, антирелигиозной борьбе и изучение экономики своего района. Именно в этом направлении и в таком темпе шло развитие владимирской пионерии в течение 30-х годов XX в.

Пример тому, упомянутый уже Центральный Дом пионеров города Владимира, который в 1933 году вновь постигла реорганизация, в результате которой он превратился в Клуб пионеров. В это время центр пионерской жизни поменял адрес нахождения и здание, в котором он расположился, нуждалось в переустройстве. Свидетельство чему находим в Протоколе заседания Президиума Горсовета за 1934 год: «Поручить т. Зуеву – Горфо выделить пионерскому клубу 1500 руб. для оборудования клуба. … Поручить Горфо включить в бюджет 35-го года полное содержание пионерского клуба и тех. станции за счёт городского бюджета. Поручить Группком союза строителей № 46 организовать субботник помощи по устройству сцены пионерского клуба. Жилфонду отпустить стройматериал» [12, л. 3]. Из этого документа и из суммы, которую собирались потратить на обустройство пионерской жизни видно, какое большое значение городские власти стали уделять пионерскому движению.

В 1936 году Дом пионеров вновь вернул себе первоначальное имя. В новом Доме пионеров, помимо уже названных кружков был организован ещё и авиамодельный. К концу 1930-х годов в Доме пионеров занимались свыше 600 ребят, а на его базе организовывались выставки детского творчества. Основными темами творческого самовыражения пионеров были революция и её деятели, технические достижения и другие прорывные события текущей истории. Так, наиболее выдающимися детскими произведениями того времени были: картина «Маёвка», панно в виде портрета В.И. Ленина и героев-папанинцев – покорителей Северного полюса. В 1939 году 70 пионеров создали при Доме пионеров ансамбль песни и пляски.

Накануне Великой Отечественной войны в Доме пионеров самым популярным становится туристский кружок. Пионеры совершали короткие и длительные походы, участвуют в слётах юных туристов. Помимо этого, появляются исторический, топографический и пулемётный кружки, проводятся боевые игры и беседы. Таким образом, проходила всесторонняя подготовка детей к предстоящей войне. В 1940-1941 гг. в Доме пионеров

работали уже 24 кружка, в которых занималось около 1000 пионеров, причём наиболее массовыми были кружки авиа- и судомоделирования, а также снайперский кружок.

Как только началась война работа Дома пионеров была перестроена на военный лад. Уже в конце июня 1941 года в нём появляются звенья самозащиты: юные химики, связисты, санитары, пожарники. Они отвечали за охрану зданий, соблюдение порядка, светомаскировку, было введено круглосуточное дежурство. «Перед Домом пионеров ежедневно проходят занятия по оборонной подготовке комсомольцев из различных городских первичных организаций ВЛКСМ. Их сейчас посещают около 30 девушек. С огромной активностью девушки изучают теорию военно-химического, стрелкового и санитарного дела» [13, с. 1], – писала газета «Призыв» 1 июля 1941 г., констатируя высокую степень энтузиазма юных владимирцев с самых первых дней войны.

Нечто подобное происходило и в других пионерских ячейках по всему Владимирскому краю. При школах и Домах пионеров создавались военно-технические кружки, дети сдавали нормы БГТО, проводились военные игры: «На штурм», «Разведчики» и т.п. Пионеры старшего возраста заменяли взрослых на заводах и в колхозах, заканчивали курсы и становились токарями, плотниками и трактористами; младшие - выполняли другую посильную работу.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1) Куприянов В.Н. Ковровский комсомол (к 100-летию комсомола). – Ковров, 2018.

2) Открыт Центральный показательный Дом юных пионеров // Призыв. № 45. 1925.

3) Государственный архив Владимирской области (далее – ГАВО). Ф. Р-24. Оп.1 Д. 534.

4) ГАВО. Ф. Р-33. Оп.1 Д. 147.

5) ГАВО. Ф. Р-968. Оп.1. Д. 1465.

6) ГАВО. Ф. Р-1045. Оп.1. Д.1024.

7) ГАВО. Ф. Р-1045. Оп.1 Д. 1016.

8) ГАВО. Ф. Р-24 Оп.1. Д. 1539.

9) Австрия-Владимир // Призыв.№ 283. 1929.

10) ГАВО. Ф. Р-36. Оп.3. Д. 29.

11) ГАВО. Ф. Р-36. Оп.3. Д. 2.

12) ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 861.

13) Занятия по оборонной подготовке // Призыв. № 125. 1941.

УДК 159.9.(035.3)

«И ВНОВЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ БОЙ». ПАТРИОТИЗМ, КАК НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ И ФАКТОР БЕЗОПАСНОСТИ СССР

Кусаинов Кайдар Кайсарович
ведущий научный сотрудник управления
исследования военной истории, обучения и воспитания
ВНИЦ НУО имени Первого Президента РК-Елбасы.
e-mail: kazangapova@бк.ru

УсеновСырымАлимханович
доцент кафедры ракетных войск
и артиллерии общевойскового факультета
ВНИЦ НУО имени Первого Президента РК-Елбасы.
e-mail: kazangapova@бк.ru

Аннотация: В статье проводится сравнительный анализ формирования патриотизма на современном этапе в сравнении с советским прошлым. Идеология советского общества, была ориентирована на психологиюгуманизма, и пронизывала все социальные институты, начиная с детских лет до зрелости. В основе которой находился принцип все для общества. На данном этапе развития современное общество переформатировано на поведенческую психологию, в основе лежит которой,принцип стимул – реакция – результат все для личности (индивидуама). И представлен краткий анализ заимствования советского опыта в воспитании патриотизма общества,на примере КНР(Китаиской Народной Республике) в умелом сочетаниисоветской психологией гуманизма и элементами поведенческой психологиеи капитализма под контролем государства.

Ключевые слова: патриотизм, родина, жертвенность, история, Советский Союз, гуманистическая психология, поведенческая психология, человечность, самосознание нации, преемственность поколений, духовные ценности.

«AND THE BATTLE CONTINUES AGAIN». PATRIOTISM AS A NATIONAL IDEA AND A SECURITY FACTOR OF THE USSR

Kusainov Kaidar Kaisarovich,
Doctor of Philosophy (PhD), Leading researcher of the Department of Research of Military History and Pedagogy of the Research Institute of Military Art of the Military Research Center National Defense University named after the First President of the Republic of Kazakhstan – Elbasy
e-mail: kazangapova@бк.ru.

Usenov Surum Alihanylu,
Doctor of Philosophy (PhD), National Defense University named after the First President of the Republic of Kazakhstan – Elbasy
e-mail: kazangapova@бк.ru.

Annotation:The article conducts a comparative analysis of the formation Patriotism at the present stage, taking into account the Soviet past. Based on which societies Humanistic directional, Soviet soldiers Army. And there fore presents modern by the social behavioral physiology of the West. A brief borrowing analysis has been held Soviet experience on the example of KNR in the formation of patriarchies with elements psychology Soviet EE capitalism under the control of the state.

Keywords :patriotism, homeland, Soviet Union, humanistic psychology, behavioral psychology, humanity, self-awareness of nation, spiritual values.

Актуальность данной темы всегда вызывает особую озабоченность всех поколений. Именно патриотизм как нить преемственности во все времена была значимой, переходящей ценностью любого общества, начиная с животного мира. Об этом написано много, начиная с древних философов до современников.

Данная проблема существует и у нынешних руководителей современных государств. Поскольку именно патриотизм как составная часть

мировоззрения общества стимулирует понимание традиции предков, их заветов и безопасности с целью сохранения народа и государств.

Патриотизм – прежде всего любовь к своему народу, самосознание, идентификация его с историей своего народа, культурой, гордостью за свою страну и преданность своей родине. Уважение символов государственности как: герб, флаг, гимн и все это мы находим у прежних поколений, будучи еще на родо-племенном уровне развития.

Все это атрибуты как:

- герб – отражение фамильного знака династии, княжеств,

- флаг – символ намерения, история рода племени, сообщества, орнамент в котором заложен быт племени; территориальную причастность того или иного города государства или княжества, эмирата;

- гимн- вдохновение, психологический настрои сообщества, культура, отражающие самоидентичность сообщества.

Так в, работе известного ученого Шадрикова В.Д. «Происхождение человечности» отмечены вопросы, как предпосылки основ патриотизма человека это, готовность к самопожертвованию, ради спасения потомства - детей, своих близких, ради чего возможно совершение героического поступка. По мнению Шадрикова В.Д., героизм уже отражает формирование психологической подготовленности человека, способность противостоять внешним угрозам ради рода и племени, жертвовать собой. Тем самым на уровне развития первобытного человека проявляются признаки психологической готовности к самопожертвованию индивидуума высшей ценностью, которого является жизнь. И это, прежде всего, духовность, которая проявляется в мотивации поведения, как жертвенности и в последующем сопоставляется с героизмом «каждый человек имеет понимание нравственности как перед самим собой, так перед своим обществом, племенем, народом, поскольку он социализирован. Поскольку нравственность формируется в обществе и передается из поколения в поколение» [1].

Соответственно, нравственность проявляется в таких качествах человека, как воинственность, доблесть, самоотверженность, отвага, мужество, способность к выживанию в различных условиях, бесстрашие в ожидании смертного часа, способность к правильному рассуждению в минуты опасности, стойкость в исполнении долга и закона, решительность в поступках, неустрашимость перед лицом наступающего зла.

Природа закладывает в человеке предпосылки духовности. Они лежат в доминировании инстинкта сохранения вида, из которого проистекает жертвенность, а вместе с ней эмпатия и альтруизм. Человеку присуща жертвенность во имя племени, продолжения рода. С появлением сознания жертвенность стала поощряться, племенем героизироваться, служить основой мифов и преданий [1, с. 91].

Именно жертвенность во имя своего потомства, рода и племени формирует духовность, мораль формируется на духовности, следовательно, духовность порождает героизм, а героизм – патриотизм.

Следовательно, с позиции психологии это готовность к таким понятиям как опасность, страх, ужас, стойкость, решительность, устойчивость, выживание в различных условиях, бесстрашие в убийстве противника. В конечном итоге, все эти качества отражают суть психологической готовности воина к самоотверженной защите Родины, своего народа и государства.

И это мы видим в преемственности поколении, обращения к героям отцам и дедам, так из истории Древней Греции как пример в к/ф «Александр», обращение А. Македонского перед строем к воинам поименно, вспоминая героические подвиги их отцов. Аристотель – учитель Александра Македонского заставлял его читать «Илиаду» Гомера, повествующую о подвигах Ахилла и других античных героев, о событиях легендарной Троянской войны. Тем самым прививая стремление к свершениям ради своего величия, как самого себя, так и своей страны [2, с. 94].

Также можно привести примеры из Великой Отечественной войны, обращение к воинам примерами заслуг перед Отечеством А. Невского, А.В.

Суворова в прославлении отваги и мужества «За нашу Советскую Родину». Здесь же можно привести и примеры прославления памяти героев в Великой Отечественной войне в конференциях, посвященных 80-летию «Битвы под Москвой» проведённых в странах СНГ. Именно в битве под Москвой, некогда единой столицей такого могучего государства как СССР, их патриотизм, где, не взирая ни на национальности, ни вероисповедания, единым народом защищали нашу Родину. Учитывая и такой фактор, как населения испытавшие страдания, сожжённых городов и сел Украины, Белоруссии, Молдавии их психическое состояние, их гнев и воины прибывших на защиту, с окраин СССР, но не пострадавших от произвола фашистских оккупантов, но с яростью воевавших за общую родину. И их семьи, приютившие и согревшие эвакуированных теплом души и поделившимся последним куском хлеба, невзирая на национальность и политические взгляды депортированных взрослых и детей.

В чем был заложен фундамент патриотизма в СССР? Ответ носит исторический аспект. Воспитание патриотизма прививали, с детских лет начиная, со звездочки октябренка, галстука пионера, знака комсомольца и партбилета коммуниста. Все эти ступени формировали и внушали преемственность поколений – вот чем был силен советский патриотизм. Именно на каждой ступени становления через социальные институты были определены свои принципы, которыми старались руководствоваться граждане советского общества.

Рис. № 1 – Системный подход воспитания советского патриотизма со своими структурными элементами

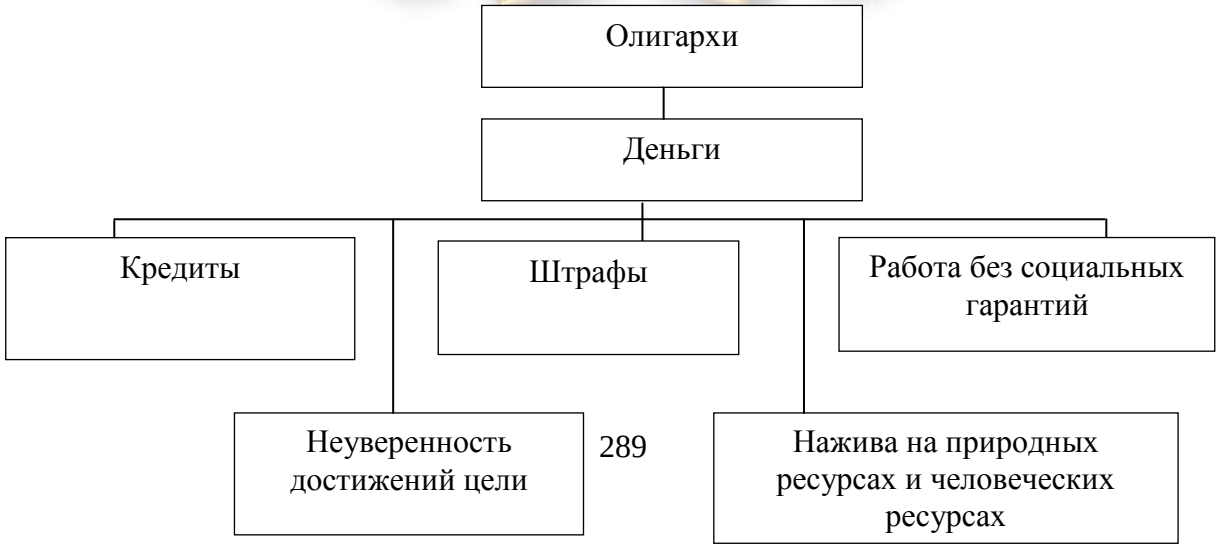
Когда все болели за советский спорт, хоккей, фигурное катание, футбол, где гордились спортивными достижениями советского спорта, науки, космоса и при тех тяготах бытия, жили верой в будущее с уверенностью.

Именно с детских лет воспитание патриотизма в советском обществе формировалось с идеологии патриотических кинофильмов, где многие артисты, юноши мечтали сыграть в образе героев в фильмах Великой Отечественной войны, и не желание играть роли отрицательных образов, как в военных, так и в обычных криминальных фильмах. Идеология патриотизма была на устах советской интеллигенции и рабочего класса и имеет характеризующие качества. Такие как: верный, стойкий, человек долга, неизменный в своих чувствах, отношениях, проникнутый любовью к родине, гуманный, бескорыстный, жертвенный, миролюбивый, сострадательный, нравственный, справедливый, перечисленные качества прививались в советском прошлом [1, с. 192].

Тем самым идеология патриотизма пронизывала весь образ жизни советского человека, чего не хватает сейчас в современном обществе.

Некогда гуманистическая психология советского народа, ориентированная на человеколюбие, была переформатирована нынешними руководителями на поведенческую психологию запада, по принципу стимул-реакция, ощущаются эти результаты социально-экономическими, этно-религиозными катаклизмами, а самое главное – отсутствием патриотизма и жаждой наживы у молодежи, культивируемой в современном обществе.

Рис. № 2. Устройство современного общества системным подходом государственных институтов власти



В связи с чем предоставляем сравнительную таблицу отношения граждан бывшего Советского Союза и сувереногогосударства к государству, обществу, личности к понятию патриотизм.

Критерии	**СССР**	**Суверенное государство**
Самопожертвования ради людей и общества	+	–
Готовность защищать Отечество	+	–
Любовь к родной стране и его историческому наследию	+	–
Идеология	+	+
Гуманность	+	–
Бескорыстность	+	–
Замена религиозными догмами	–	+
Мораль	+	–
Национальные традиции	–	+
Ответственность перед обществом	+	–
Менталитет	–	+
Самосознание	–	+
Благородство	+	–
Справедливость	+	–
Ответственность	+	–
Порядочность	+	–
Отзывчивость	+	–
Коллективизм	+	–
Дальновидность	+	–
Независимость	–	+
Итого:	**15**	**6**

Вывод по таблице показывает, что даже по философским критериям отношения граждан бывшего Советского Союза и граждан суверенного государств ныне, в отношении к государству, обществу, личности, патриотизму, показывает, что количество низменных качеств человека увеличилось, а в отношении безопасности государства снизилось.

И в противовес можно привести пример, умелого заимствования советского опыта в воспитании патриотизма у общества, на примере КНР в умелом сочетании советской психологией гуманизма и элементами поведенческой психологиеи капитализма под контролем государства.

Это поддержание творческих инициатив личности, общества, прежде всего на благо государства, сформированном на принципе советского общества «от каждого по способностям, каждому по труду» и нынешнее

поколение восточного соседа показывает, как можно жить с советской психологией в условиях рыночных отношении, формируя патриотизм у миллиардного населения!

Взяв все лучшие примеры из бывшего СССР и все то, что способствует росту процветания Запада, Китай, на патриотизме общества смог воспитать патриотов родины, достигших, как экономических, так и социально-политических высот с учетом инновационных технологии. Где идеологическая составляющая, некогда ведущая в Советском Союзе, игравшая объединяющую роль и потерявшая свои позиции на современном этапе развития, в сопредельном государстве остается на высоком уровне. Именно идеологи ответственные за патриотическое воспитание молодого поколения перед народом, в условиях рыночных отношении смогли достичь больших успехов, невзирая на различные обстоятельства, совершили стремительный рывок, преодолев нищету и бедность.

Также хочется привести пример патриотического воспитания советских воинов в Афганистане, воспитанных на советском патриотизме, на примере известного командира участника Афганской войны полковника Керимбаева Б.Т бывшего командира 177 ОО СпН., прозванного моджахедами «Кара – майором».Так он в своей книге «Капчагайский батальон» отмечает, что «*…в батальоне подобрались серьезные люди, на которых можно было положиться в любых вопросах. В немалой степени этому способствовали заложенные в душе у каждого дух патриотизма, ответственности – все то, что отличало советского командира от любого другого*» [3].

Историю идеологической работы Советского Союза необходимо помнить, как это делают в сопредельном государстве. По источникам СМИ, в Китае, изучается на государственном уровне история бывшего Советского Союза.

Таким образом, в современном обществе можно изменить систему ценностей и взглядов в сочетании советской психологией гуманизма и

элементами поведенческой психологиеи с учетом инновационных технологии под контролем государства. В завершении хочется добавить перефразированное некогда известное изречение «Ведь было племя (советское), да еще какое, способное страну из разрухи возродить и космос покорить и страну накормить, не то, что нынешнее племя, не способное былое сохранить и страну возродить».

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1) Шадрикова В.Д. «Происхождение человечности». Учебное пособие для высших учебных заведении.Изд.2-е.переаб. и доп. – М.: логос, 2001. – 296 с.

2) Ковалевский Н.Ф. Всемирная военная история в поучительных и занимательных примерах. – М.: КРОН ПРЕСС, 2000. – 528 с.

3) Керимбаев Б.Т. Капчагайский батальон. – Алматы: «Ди-Пи-Эс», 2011. – 163 с.

УДК 94 (574)(092)

БАУРДЖАН МОМЫШ-УЛЫ: ПРИМЕР ВОИНСКОЙ ЧЕСТИ И ГРАЖДАНСКОЙ СОВЕСТИ

Койшигарина Гульмира Муратовна
кандидат исторических наук, ассоциированный профессор,
доцент кафедры военного и государственного управления,
Национальный университет обороны имени Первого Президента Республики Казахстан – Елбасы, г. Нур-Султан, Казахстан
e-mail: gulmira_1972_72@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы военно-патриотического воспитания казахстанского офицера на примере воинской доблести Героя Советского Союза, полковника Баурджана Момыш-улы.
Ключевые слова: народ; традиции; патриотизм; командир; честь; воинский долг.

BAURDZHAN MOMYSH-ULI: THE EXAMPLE OF MILITARY HONOR AND CIVIC CONSCIENCE

Koishigarina Gulmira Muratovna
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Military and Public Administration,
National Defense University named after the First President of the Republic of Kazakhstan – Elbasy, Nur-Sultan, Kazakhstan
e-mail:gulmira_1972_72@mail.ru

Abstract. The issues of military-patriotic education of a Kazakh officer are considered on the example of the military prowess of the Hero of the Soviet Union, Colonel Baurdzhan Momysh-uly.

Key words: people; traditions; patriotism; commander; honour; military duty.

На современном этапе, тема патриотического и воинского воспитания молодежи и профессиональных военнослужащих на боевых примерах и именах героев Великой Отечественной войны представляется весьма актуальной. В этой связи, колоссальное значение для воспитательной работы имеют военные подвиги, командирские наказы, а также философские размышления писателя, полковника Героя Советского Союза Баурджана Момыш-улы.

В ряды Красной Армии Б. Момыш-улы был призван в 1932 году, в годы войны участвовал в походах на Карпаты и присоединении Бессарабии к СССР. Первое боевое крещение получил на Дальнем Востоке. Удерживая три дня наступление фашистов на Волоколамском шоссе у деревни Матренино, и, руководствуясь панфиловским принципом, что «солдат идет в бой побеждать, а не умирать», старший лейтенант Момыш-улы сумел вывести боеспособный батальон из окружения. В феврале-марте 1945 года в Латвии, в результате наступления дивизии Б. Момыш-улы, было освобождено 15 населенных пунктов.

Боевой путь отмечен блеском двух орденов Красного Знамени, орденами Трудового Красного Знамени, Дружбы народов, Отечественной войны 1-й степени, Красной звезды, «Знак почета», медалями «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За победу над Германией» [1, с. 102-103].

Известно, что по итогам встреч с Министром обороны Кубы Раулем Кастро, полковник Б. Момыш-улы был удостоен звания почетного командира 51-го полка Революционных Вооруженных Сил Кубы.

За проявленные мужество и героизм в битве под Москвой капитан Б. Момыш-улы в 1942 году был представлен к званию Героя Советского Союза, однако был удостоен лишь посмертно, 11 декабря 1990 г.

Б. Момыш-улы вошел в историю военной науки как автор теории тактических маневров и стратегий. Военный опыт Б. Момыш-улы изучался в

военных учебных заведениях США, Кубы, Израиля, Никарагуа. Книга Александра Бека «Волоколамское шоссе» стало обязательной для офицеров Армии Обороны Израиля.

Момыш-улы прошел жизненный путь, утвержденный гражданской совестью, мужской гордостью и честью офицера, по которому он следовал без компромиссов, в памяти народа запомнился как человек принципиальный и нестандартный в своих поступках.

В данном контексте уместны мысли Б. Момыш-улы о том, каким должен быть человек: «Учение формирует личность, возвышая ее. Воспитание развивает характер. Ум приводит оба достояния к гармонии… Ум без гордыни, память без раскаяния, скромность внутренняя, правдивость без злонамеренности, благородство без самовлюбленности, скрытность в щедрости, услужливость без унижения, старание без зависти, знание без обмана, дыхание света и природное чувство великой порядочности, а это сейчас редкость, – вот, наверное, признаки, по которым можно узнать порядочного человека» [2, с.12-13].

Полагаю, что сейчас и далее по тексту будет правильным приводить цитаты высказываний Б. Момыш-улы без интерпретаций автора статьи; это даст читателям возможность за строками прямых цитат увидеть свою истину, понять логику мыслей самого героя.

Он самокритичен и достаточно принципиально характеризует свое предназначение как военного: «Я грешник, но крупного масштаба. Я – убийца по профессии, но убивал не ради денег, не ради благ, не ради наград и не ради удовольствия, а ради родины, свободы, народа. Однако я проливал кровь и не жду прощения от Неба и не прошу для себя никакой милости. Я сделал – Я отвечу» [2, с. 19].

«Командирское счастье» Б. Момыш-улы состояло в том, что он сразу «попал в руки» генерала И.В. Панфилова, продолжателя чапаевских традиций. И генерал-наставник формировал в молодом старшем лейтенанте Б. Момыш-улы психологию победителя. И потому, однозначно искренними

являются слова: «Панфилов – мой военный отец. С ним, с мертвым, я и сейчас советуюсь перед боем, думаю о том, как бы он поступил на моем месте» [3, с. 252].

В рамках современных реалий, его слова, мысли, наказы все еще имеют актуальность и вполне могут быть включены в квинтэссенцию военно-патриотического воспитания в Республике Казахстан.

Б. Момыш-улы признавал существенную значимость процесса воспитания на всех его стадиях – «от пеленок до штыковой атаки», и социализации военнослужащих, и особенно, командного состава армий.

По его мнению, родительское, школьное, «общественно-молодежное воспитание» – являются самыми важными этапами в формировании благородных качеств человека, гражданина. Герой так выражал свое отношение: «Сын, уважающий родителей, и в учебе будет преуспевать, и вырастет дисциплинированным, трудолюбивым, честным. А это самые необходимые качества» [4, с. 302]. При этом самым действенным методом воспитания считал убеждение, в результате которого, по мнению Б. Момыш-улы, солдат «будет действовать не только сознательно, но и творчески».

Б. Момыш-улы систематизировал мысль о том, что в воспитании боевых качеств бойца колоссальное значение имеют военное прошлое национальные традиции его народа.

Эти идеи отражены в рукописи «Благородные традиции казахского народа, воспитывающие боевые качества в джигите» [2, с. 27-28]. По его мнению, традиции и обычаи предков способствуют развитию национального духа, укрепляют «чувство сына нации», что, в конечном итоге, должно сформировать, в современном Казахстане, норму гражданской культуры – так называемый «казахстанский намыс» [2, с. 23].

Критическому осмыслению героем подверглись такие слагаемые качества солдата, как мужество и гордость. По этому поводу Б. Момыш-улы писал, что основой мужества является гордость.

Опрятность, чистота тела и души порождают личную гордость и самодисциплину, требовательность к себе и окружающим. И гордость, в свою очередь, порождает отвагу. «Негордый отважным быть не может» [2, с. 39-40]. В данном контексте Б. Момыш-улы, как истинный патриот своего народа, высказался однозначно: «Я скромен, когда дело касается лично меня, но я становлюсь буйным, когда речь идет о достоинстве народа» [2, с. 17].

Особую ценность, на этапе формирования образа офицера армии суверенного Казахстана, большой интерес представляют и командирские наказы полковника Б. Момыш-улы.

Командир Б. Момыш-улы, за плечами которого был опыт более 100 сражений, таким представлял себе образ настоящего командира: убедительного организатора, принципиального воспитателя, («Командир должен быть всесторонне развитым и грамотным, строгим и справедливым, честным и непреклонным, уверенным в правоте своего решения. В этом состоит суть офицерского достоинства, чести и гордости… Командир – это творческий человек…»), ответственным выразителем воли народа и государства перед своими солдатами.

Особое мнение нашим героем было высказано относительно рядового солдата: «Командир должен владеть ключом от сердца солдата. Солдатский сейф имеет 3 ключа: ум, воля, чувство... Отсюда требование – знать подчиненного, уметь его обучать, уметь воспитывать, уметь командовать» [1]. Уровень взаимоотношений, который складывался между Б. Момыш-улы и его командирами, между Б. Момыш-улы и его подчиненными, должен стать примером и для военнослужащих современной казахстанской армии. Известно, что через многие годы герой пронес уважение к своему наставнику генералу И.В. Панфилову, влияние которого отчетливо проявлялось и в бою, и в мирной жизни.

Б. Момыш-улы известен и как талантливый писатель. Его произведения были надиктованы прозой жизни, с которой он столкнулся.

Отеческой любовью к простым солдатам, преданностью Родине Панфиловской дивизии пронизана его книга «За нами Москва» (1958); автор сборников рассказов: «Дневник офицера» (1952), «История одной ночи» (1954), «Фронтовые встречи» (1962). В 1963 году им написана биографическая повесть о генерале И.В. Панфилове «Наш генерал», а за книгу повестей и рассказов «Наша семья» в 1976 году он был удостоен Государственной Премии Казахской ССР [3, с.32].

Таким образом, анализ жизнедеятельности позволяет сделать выводы о том, что исполнение воинского и гражданского долга полковником Баурджаном Момыш-улы состояло из следующих принципов:

1. Убежденного патриотизма, основанного на военном прошлом народов и национальных традициях;

2. Большое значение в воспитании солдата и гражданина принадлежит его семье и традициям его народа;

3. Продолжении военных традиций своего наставника;

4. Непреклонном авторитете командира и творческом подходе в выполнении боевого задания, в предубеждении того, что солдат идет в бой не умирать, а побеждать.

Победителем по жизни герой Баурджан Момыш-улы остался и в памяти народа.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1) Б.Момыш-улы. Дневник командира. – Алматы. «САУАП», 2010 – 192 с.

2) Биримжанова Б.Б. Взгляд Бауыржана Момышулы на мир, звезды и человека… Психологические рекомендации. К 95-летию Бауыржана Момышулы – Кокшетау, 2005, – 52 с.

3) Легендарный батыр. – М.: «Леном», 2010. – 416 с.

4) Серикбаев К. Благословение батыра. – Алматы: Дәуір, 2005.– 304 с.

УДК 355.23

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ В СРЕДНЕАЗИАТСКОМ ВОЕННОМ ОКРУГЕ (1969–1989 гг.)

Тыныбаев Сандыбек Кыстаубекович

научный сотрудник Военного научно-исследовательского центра, Национальный университет обороны имени Первого Президента РК – Елбасы, г. Нур-Султан, Республика Казахстан

e-mail: Asker.kz@mail.ru

Аннотация. В данной статье автор рассматривает систему военно-патриотического воспитания военнослужащих и гражданской молодежи, существовавшее в советском государстве в 70-80-х гг. XX века. Автор проводит анализ организации военно-патриотической работы и ее содержание в Среднеазиатском военном округе. Статья предназначена для широкого круга научных исследователей советского периода.

Ключевые слова: Военно-патриотическая работа; Среднеазиатский военный округ; Вооруженные Силы СССР; военнослужащий; гражданская молодежь.

FEATURES OF THE ORGANIZATION OF MILITARY-PATRIOTIC WORK IN THE CENTRAL ASIAN MILITARY DISTRICT (1969–1989)

Sandybek K. Tynybaev

Researcher at the Military Research Center, National Defense University named after the First President of the Republic of Kazakhstan – Elbasy, Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan.

e-mail: Asker.kz@mail.ru

Abstract. In this article, the author examines the system of military-patriotic education of military personnel and civilian youth that existed in the Soviet state in the 70-80s of the XX

century. The author analyzes the organization of military-patriotic work and its content in the Central Asian Military District. The article is intended for a wide range of scientific researchers of the Soviet period.
Key words: Military-patriotic work; Central Asian Military District; Armed Forces of the USSR; serviceman; civilian youth.

Военно-патриотическое воспитание молодежи и подготовка его к воинской службе играли важное значение в деле укрепления обороноспособности советского государства.

Главные задачи военно-патриотического воспитания молодежи состояли в том, чтобы «воспитывать их… в духе верности революционным, трудовым и боевым традициям, уважения к воинскому труду, формировать постоянную готовность умело и мужественно с оружием в руках защищать свое Отечество. Военно-патриотическое воспитание было призвано развивать у молодежи интерес к военному делу, к овладению военными специальностями, содействовать ее подготовке к службе в Вооруженных Силах СССР» [3, с. 114].

В Вооруженных Силах СССР военно-патриотическое воспитание проводилось не изолированно, не в отрыве от других общественных явлений, а в общей системе общественно-политических мероприятий, проводимых в армии и флоте, в том числе в Среднеазиатском военном округе (САВО), на основе комплексного подхода к постановке всего дела воспитания.

В советском государстве система военно-патриотического воспитания была многогранна по содержанию, организации, формам, методам и средствам работы, которыми руководствовались политические органы САВО в своей деятельности с допризывной и призывной молодежью.

По содержанию военно-патриотическое воспитание разделялось на три группы элементов:

а) формирование морально-политических и психологических качеств;

б) формирование боевых качеств;

в) физическое воспитание.

Главная задача формирования морально-политических и психологических качеств состояла в том, чтобы воспитывать молодежь в духе бдительности, формировать и закалять характеры будущих защитников социалистического Отечества, готовых стойко переносить все тяготы воинской службы, достойно выполнять воинский долг в самых трудных условиях.

Основная роль в организации военно-патриотического воспитания молодежи принадлежала командирам и политическим органам САВО, общественным организациям ДОСААФ, военным комиссариатам и органам гражданской обороны Казахской ССР.

Таковы важнейшие социально-политические, идеологические и военно-технические факторы, которые в 70-х – 80-х гг. XX в. обусловливали необходимость усиления военно-патриотического воспитания.

На содержание, формы и методы военно-патриотической работы в Среднеазиатском военном округе большое влияние оказывали изменения в технической оснащенности соединений и частей, в их организационном штате, комплексу обучения и воспитания личного состава.

ЦК Компартии Казахстана проверил деятельность Алма-Атинской партийной организации по работе с молодежью и подготовки их к службе в СА и ВМФ. Было выявлено, что воспитательные возможности семьи используются не в полной мере, так как многие учащиеся не знали, за что были награждены в годы Великой Отечественной войны их отцы, мало использовался в воспитании школьников местный материал, многие мероприятия проводились без должной подготовки и анализа их эффективности [1, л. 15].

Однако, наряду с негативными фактами, отмечалась работа тех партийных организаций, где военно-патриотическому воспитанию уделялось серьезное внимание и где зримо проявлялась результативность работы.

Подобные положительные факты нашли отражение в постановлениях обкомов партии и комсомола Казахской ССР за период 70-х – 80-х годов.

В связи с этим, большое место в деятельности командиров и в том числе, политические органы воинских частей Среднеазиатского военного округа занимались оказанием помощи местным властям в проведении военно-патриотической работы среди обучающейся молодежи и рабочих различных отраслей народного хозяйства.

Чтобы провести военно-патриотическую работу среди молодежи у САВО были большие возможности: обученный военный персонал, хорошая учебная база и материалы, боевая техника и оружие, которые без ущерба для поддержания постоянной готовности войск, могли быть переданы образовательным учреждениям, предприятиям и учреждениям.

Командование и политические органы Военного совета Среднеазиатского военного округа проводили мероприятия по улучшению военно-патриотической работы за счет повышения начальной военной подготовки, повышения качества подготовки молодых людей к службе в Вооруженных Силах. Эти вопросы регулярно обсуждались в политических органах и на заседаниях политического совета САВО, в работе которых участвовали секретари ЦК Коммунистической партии Казахстана, областных, городских и районных комитетов партии, руководящие работники местных комсомольских и оборонных организаций и органов народного образования.

Личный состав воинских частей округа принимали активное участие в разъяснении молодежи идей защиты Родины, героической истории советских Вооруженных сил, революционных и боевых традиций советского народа.

Для гражданской молодежи были прочитаны лекции и доклады на военно-патриотические темы, организовывались тематические вечера, кинофестивали, читательские конференции, экскурсии школьников, студентов, молодых рабочих и колхозников в воинские части, в комнаты и музеи боевой славы. Молодежь встречалась с ветеранами гражданской войны

и Великой Отечественной войны, Героями Советского Союза и известными полководцами. Такие встречи проходили в Домах офицеров и в клубах частей с выполнением военных ритуалов и поднятием боевых знамен.

Значение во всей системе военно-патриотической работы имели встречи с ветеранами революции, Гражданской и Великой Отечественной войн, встречи с офицерами и курсантами военных училищ – выпускниками общеобразовательных школ. Прочно вошли в жизнь общеобразовательных школ организация почетного караула, шествий и возложение венков к памятникам героев Великой Отечественной войны.

Офицеры Среднеазиатского военного округа принимали активное участие в подготовке и проведении военно-спортивных игр «Зарница» и «Орленок», лагерных сборов и технических кружков, как эффективных форм подготовки молодежи к воинской службе в армии [2, л. 59].

В военно-патриотической работе с допризывной и призывной молодежью широко опирались на профсоюзы Казахстана. Профессиональные союзы работали над подготовкой молодежи к службе в Вооруженных Силах, помогали ей в освоении технических специальностей и занимались военными видами спорта. Они участвовали в создании учебных пунктов, в закупке необходимого оборудования, учебных пособий и оборудования. В составе профсоюзов была большая сеть клубов, домов культуры, библиотек, спортивных сооружений, туристических баз и оздоровительных лагерей, которые широко использовались для проведения военно-патриотических, спортивных и оборонно-массовых мероприятий среди молодежи.

Большая роль в военно-патриотическом воспитании молодежи и подготовке ее к военной службе отводилась оборонно-массовой и спортивной работе, которую проводил САВО через школы и кружки ДОСААФ.

Военно-патриотическое воспитание неразрывно была связана с мобилизацией армейской молодежи на достижение новых рубежей в боевой

и политической подготовке, на овладение современной боевой техникой и оружием, повышением полевой и воздушной выучки. При этом главное внимание обращалось на необходимость качественного выполнения задач боевой и политической подготовки.

Таким образом, все это составляло содержание основных форм, методов и средств работы командиров, политических органов САВО и общественных организаций по патриотическому воспитанию молодежи. Военно-патриотическая работа охватывала вопросы идейно-политической закалки допризывной, призывной и армейской молодежи, их морально-политической и психологической подготовки, пропаганды революционных, трудовых и боевых традиций, воспитания личного состава в духе постоянной готовности к обороне страны. Для воспитания молодежи в духе постоянной готовности к обороне страны широко использовались разнообразные формы, методы и средства военно-патриотической работы.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1) Архив Президента Республики Казахстан (АП РК). Ф. 708. Оп. 56. Д. 126, л. 89.

2) АП РК. Ф. 708. Оп. 127. Д. 562. л. 89.

3) Бублик Л.А. Военно-патриотическое воспитание Советской молодежи: теория, система, опыт. – М.: ВПА, 1978 – с.291.

УДК 356

ОСОБЕННОСТИ ВНУТРИПАРТИЙНОЙ БОРЬБЫ В СССР (1924-1934 гг.)

Завражин Анатолий Владимирович,
доктор исторических наук, профессор кафедры истории
РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, Россия, Москва
e-mail: zavan51@mail.ru

Шубина Ирина Владимировна
кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики
Московский социально-педагогический институт, Россия, Москва
e-mail: shubina73@bk.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности внутрипартийной борьбы в РКП (б) после смерти В.И. Ленина и роль И.В. Сталина в проведении генеральной линии партии в СССР.

Ключевые слова: внутрипартийная борьба, «новая оппозиция», сторонники линии Сталина.

FEATURES OF THE INTERNAL PARTY STRUGGLE IN THE USSR (1924-1934)

Zavrazhin Anatoly V.
doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History

Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University,
Russia, Moscow
e-mail: zavan51@mail.ru

Shubina Irina V.
candidate of Pedagogical Sciences, associate Professor of the Department of Pedagogy Moscow Socio-Pedagogical Institute, Russia, Moscow
e-mail: shubina73@bk.ru

Annotation. The article examines the features of the internal party struggle in the RCP (b) after the death of V.I. Lenin and the role of I.V. Stalin in carrying out the general line of the party in the USSR.
Key words: internal party struggle, «new opposition», supporters of the Stalin line.

С 1924 г., сразу после смерти В.И. Ленина, в советском государстве резко изменилась политическая ситуация, обострилась внутрипартийная борьба. Этот период связан с именем И.В. Сталина, который возглавил руководство партией и государством. Необходимо сразу отметить, что это его восхождение на высшие должности в партии и стране не было случайным, а явилось вполне закономерным явлением, которому предшествовала вся его значительная политическая и государственная деятельность.

В настоящее время до сих пор сохраняется неоднозначная оценка места и роли Сталина не только в истории нашей страны, но и в мировой истории. Для правильной и объективной оценки его как политической личности, на наш взгляд, важно проанализировать и дать справедливую оценку конкретным фактам и документам рассматриваемого периода, соответствующим реальному, конкретному положению вещей (включающим как положительные, так и негативные стороны). Рассмотрим, какое

наследство оставил В.И. Ленин Генеральному секретарю партии И.В. Сталину.

Начиная с 1922 года, в связи с болезнью, Ленин отошел от активной политической жизни, но все же пытался разобраться в тех крупных недостатках, которые сложились в государстве за годы, прошедшие с революции 1917 года. Еще в марте 1921 года, на X съезде партии, В.И. Ленин указывал на брожение и недовольство среди беспартийных рабочих [1, с. 3].

На XI партийной конференции в 1922 году Ленин потребовал строгого определения условий приема в партию, в связи с тем, что политическая власть неизбежно привлекает карьеристов [2, с. 285]. Он стал жестче и более критично высказывать свои замечания в адрес деятельности подчиненных. Наиболее конкретно это было раскрыто в подготовленном в конце 1922 года «Письме к съезду», которое называют его политическим завещанием. В этом документе он ясно дал понять, что, по его мнению, И.В. Сталин был наиболее способным руководителем ЦК партии после Л.Д. Троцкого. При этом, если Ленин критиковал Троцкого за чрезмерную самоуверенность и склонность чересчур увлекаться чисто административной стороной дела, то Сталина критиковал за то, что сделавшись генсеком, он сосредоточил в своих руках необъятную власть. Ленин не был уверен в том, что сумеет ли Сталин всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью [3, с. 345].

Ленинская критика Л.Д. Троцкого в «завещании» выглядит более серьезной, особенно в том, что касается политики и потенциальных возможностей Троцкого, в котором В.И. Ленин видел скорее администратора – исполнителя, чем будущего вождя страны.

Еще задолго до того, как Сталин возглавил Секретариат ЦК, этот партийный орган стал серьезной, мощной, а впоследствии единственной силой внутри партии. И соответственно, тот, кто выиграет фракционную борьбу внутри узкого круга партийного руководства, тот и будет управлять Россией. Кандидатов на это место, помимо И.В. Сталина, было достаточно много: Л.Д. Троцкий, Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, Н.И. Бухарин, А.И. Рыков

и М.П. Томский. А пока В.И. Ленин отошел от дел и был не в состоянии оправиться от последнего приступа болезни, в Политбюро уже начались самые решительные схватки.

Наиболее вероятным и опасным соперником И.В. Сталина на этот пост был Л.Д. Троцкий. Поэтому вся невероятная мощь политической ярости Сталина была сосредоточена на нем. Хотя внутри самой партии Троцкий был недостаточно силен. Многие из старых большевиков считали его чужаком, надменным и самонадеянным человеком. Но, тем не менее, он пользовался частичной поддержкой В.И. Ленина и сам считал себя вторым человеком в государстве. Однако в последующем Ленин возражал против его политической линии, особенно это было связано с введением в стране НЭПа. Эти и некоторые другие взгляды Троцкого, уже в то время расходившиеся с ленинскими, были официально осуждены. В январе 1925 г. на Пленуме ЦК партии он был снят с поста наркома по военным делам. На пост председателя Революционного военного совета СССР и народного комиссара обороны был назначен М.В. Фрунзе.

Действия Сталина стали более эффективными за упрочение своей власти и он активизировал работу против своих бывших соратников Г.Е Зиновьева и Л.Б. Каменева. Состоявшийся в декабре 1925 г. XIV съезд ВКП(б), взявший курс на социалистическую индустриализацию, определил, что главная роль в ней принадлежит тяжелой индустрии и, прежде всего, машиностроению. Съезд определил, что именно тяжелая промышленность позволит превратить Советский Союз из отсталой аграрной страны в могучую индустриальную державу.

Выступившая на съезде против этой генеральной линии партии «новая оппозиция» во главе с Зиновьевым и Каменевым, не получив поддержки в партии, пыталась завоевать на свою сторону Ленинградскую партийную организацию, комсомол и противопоставить их линии партии. Особое место в платформе «новой оппозиции» было отведено положению о внутрипартийной демократии, в соответствии с которой они требовали

реорганизации партийных органов и замены И.В. Сталина на посту Генерального секретаря ЦК другим коммунистом. Выдвинули также тезис о невозможности построения социализма в СССР. Эти и другие взгляды оппозиции не получили поддержки со стороны делегатов. Тем более, что вопрос о смещении И.В. Сталина с поста Генерального секретаря партии также не нашел понимания у делегатов съезда. Было принято решение приступить к организационному разгрому «новой оппозиции». Уже в период работы XIV съезд ВКП (б), был созван экстренный Пленум ЦК, на котором было одобрено предложение Политбюро о назначении редактором «Ленинградской правды» И.И. Скворцова-Степанова. Серьезным ударом для «новой оппозиции» явилось то, что многие оппозиционеры не были избраны в состав ЦК партии. Не был избран в состав Политбюро Каменев. Вскоре он был снят с постов председателя Совета Труда и Обороны, заместителя Председателя Совнаркома и председателя Московского совета. В июле 1926г. из Политбюро был исключен Зиновьев, а затем Троцкий и Каменев. Оппозиция сдалась. Зиновьев, Каменев, Троцкий, Пятаков, Сокольников и Евдокимов «признали свои ошибки». Началась серия саморазоблачений оппозиционеров, продолжавшаяся длительное время [4, с. 196].

Решительная борьба с оппозицией, ее разгром способствовала продвижению И.В. Сталиным в 1925- 1926 гг. новых преданных делу партии административных работников из состава старых, проверенных большевиков. Среди них следует выделить таких талантливых деятелей как В.М. Молотов, Я. Рудзутак, Г.И. Петровский. Состав Политбюро был усилен также сторонниками И.В. Сталина: С. Орджоникидзе, С.М. Кировым, Л.М. Кагановичем, А.И. Микояном. Все они заняли высокие должности в партии и государстве.

Среди других сторонников И.В. Сталина можно отметить и представителей младшего поколения: А.А. Жданова, Г.М. Маленкова, Л.П. Берию, Н.С. Хрущева, которые в конце 1920-х – начале 1930-х годов

успешно сочетая свои политические способности с беспощадностью к противникам, сумели высоко подняться по государственной лестнице.

После поражения Зиновьева и Каменева, высылки из страны в 1929 г. Троцкого, И.В. Сталин повернул против своих «правых» союзников, среди которых наиболее влиятельными были Н.И. Бухарин и его ближайший помощник А.И. Рыков. Рядом с ними стоит необычная фигура руководителя профсоюзов М.П. Томского – единственного представителя рабочих в Политбюро. К концу 1928 г. все они подали в отставку, но Сталин решил, что принимать отставку рано и в последующем безропотно использовал их в решении всех выдвигаемых им задач.

Завершение внутрипартийной борьбы позволило И.В. Сталину перейти к осуществлению новой политики партии, направленной на коллективизацию страны. Уже в 1928 г. в ускоренном темпе началось создание колхозов. С ноября 1928 г. для помощи колхозам начали создаваться так называемые государственные машинно-тракторные станции (МТС). 1929 г. вошел в историю как год «сплошной коллективизации». В ноябре 1929 г. И.В. Сталин опубликовал статью под названием «Год великого перелома», в которой он рассматривал изменение настроения крестьян, описывал, как они добровольно пошли в колхозы. 5 января 1930 г. ЦК ВКП (б) принял постановление «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству». Этот документ устанавливал сроки коллективизации по всем районам страны; определял форму колхозного строительства – сельскохозяйственная артель (колхоз); провозглашал «ликвидацию кулачества как класса». В феврале 1930 г. был принят новый закон, согласно которому наемный труд и аренда земли запрещались. Кулачество стали классифицировать по трем категориям: первая – контрреволюционная: ее надлежало немедленно уничтожить; вторая: ее следовало переселить в необжитые северные районы страны; третья: ее расселяли в пределах района, в котором проводилась коллективизация, на

новых, специально отведенных «кулакам» землях, расположенных за пределами колхозов.

2 марта 1930 г. в газете «Правда» была опубликована новая статья И. В. Сталина под названием «Головокружение от успехов», в которой он всю вину за «перегибы» в процессе коллективизации лидер СССР переложил на местное руководство. 14 марта 1930 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении».

Данное постановление позволило распускать колхозы, организованные не на добровольной основе. В нем отмечалось, что применение насильственных методов по отношению к крестьянству было проявлением левого уклона, который мог только усилить правоуклонистские элементы партии. В соответствии с этим Сталин предложил осуществить планы коллективизации в более длительные сроки, с лучшей подготовкой. Повсюду на местах партия вела перегруппировку и готовилась к дальнейшим решительным шагам.

В качестве вывода необходимо отметить, что за десятилетие, прошедшее после кончины В.И. Ленина, Советское государство добилось существенных успехов. Состоявшийся XVII ВКП (б) (26 января по 10 февраля 1934 г., получил название «Съезд победителей») подвел итоги многогранной деятельности и борьбы за создание основ социалистического народного хозяйства. Результаты были впечатляющие. Но съезд проходил уже в обстановке более или менее сложившегося культа личности И.В. Сталина. С его именем начали связывать все успехи социалистического строительства.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1) Ленин В.И. Речь при открытии съезда. Полн. собр. соч. Т. 43.

2) Ленин В.И. Замечания на проект резолюции XI конференции РКП(б) О чистке партии. Полн. собр. соч. Т. 44.

3) Ленин В.И. Письмо к съезду. Полн. собр. соч. Т. 45.

4) Иванов В.М. Из истории борьбы партии против «левого» оппортунизма. Ленинградская партийная организация в борьбе против троцкистско-зиновьевской оппозиции в 1925-1927 гг. – Л.,1965.

УДК 32.019.51

СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИСОФСКОГО ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО АНАЛИЗА

Большаков Владимир Ильич

доктор философских наук, профессор кафедры философии и социально-политических технологий, РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, Россия, Москва

e-mail: bolshakov-51@mail.ru

Аннотация. Демократические реформы 1906 года – это была еще одна попытка пересадить на русскую почву чуждую и разрушительную для Русской государственности, модель западной парламентской демократии. «Революция алых лент», только проведена она была с поистине русским размахом и, следовательно, с неисчислимыми жертвами и с непредсказуемыми последствиями. Революционеры-интернационалисты были впоследствии почти поголовно уничтожены национал-большевиками во главе со Сталиным, и именно национал-большевизм создал советскую систему, которая вновь вызвала ненависть «коллективного Запада» и которую с такой ностальгией вспоминают люди старшего поколения, не отдавая себе отчета в том, что строители Советского Союза - не наследники революционеров, а их непримиримые противники.

Ключевые слова: «Революция алых лент»; русская государственность; западная парламентская демократия.

SOVIET PERIOD IN THE CONTEXT OF HISTORISOPHIC CIVILIZATION ANALYSIS

Bolshakov Vladimir I.

Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Socio-Political Technologies, Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University, Russia, Moscow

e-mail: bolshakov-51@mail.ru

Abstract. The democratic reforms of 1906 were yet another attempt to transplant onto Russian soil a model of Western parliamentary democracy that was alien and destructive to Russian statehood. The «revolution of scarlet ribbons», only it was carried out on a truly Russian scale and, consequently, with innumerable victims and with unpredictable consequences. The revolutionary internationalists were subsequently almost completely destroyed by the National Bolsheviks led by Stalin, and it was National Bolshevism that created the Soviet system, which again aroused the hatred of the «collective West» and which people of the older generation remember with such nostalgia, without realizing that that the builders of the Soviet Union are not the heirs of the revolutionaries, but their irreconcilable opponents.

Keywords: «Revolution of scarlet ribbons»; Russian statehood; Western parliamentary democracy.

Великая Октябрьская социалистическая революция, как показали современные исследования, – это обычная «цветная революция», которую уместно назвать «Революция алых лент», только проведена она была с поистине русским размахом и, следовательно, с неисчислимыми жертвами и с непредсказуемыми последствиями. Основной штаб по подготовке революции был не Смольный институт, как нас все время уверяли, а английское посольство. Именно там принимались решения, а в Смольном они лишь приводились в исполнение. Тогда для борьбы против Российской империи смогли соединить свои силы наши противники – Германия, союзники - Англия, не остались в стороне и «нейтральные» США.

Сегодня, увы, немало тех, кто так и не понял, что, так называемую, революцию «алых лент» в 1917 году совершили люди, для которых была неприемлема историческая Россия, пользующиеся поддержкой «коллективного» Запада, а народ по простоте своей душевной и наивной доверчивости поверил заезжим агитаторам и большинством столичного пролетариата и беднейшего крестьянства поддержал этот разгром могучей империи. Революционеры-интернационалисты были впоследствии почти

поголовно уничтожены национал-большевиками во главе со Сталиным, и именно национал-большевизм создал советскую систему, которая вновь вызвала ненависть «коллективного Запада» и которую с такой ностальгией вспоминают люди старшего поколения, не отдавая себе отчета в том, что строители Советского Союза – не наследники революционеров, а их непримиримые противники.

Сталин, как вождь и глава Советской России и как человек, обладавший значительной полнотой власти, действительно несет ответственность за трагическое начало Великой Отечественной войны и за другие преступления советского времени. В то же время, когда на Сталина пытаются свалить вину за все преступления ленинской гвардии, это не может не вызвать протеста. Хотя власть Сталина держалась на страхе и штыках, он в течение более чем 30 лет, как глава государства, должен быть по справедливости оценен не только за преступления, совершенные в те «окаянные дни», но и за великие свершения и победы народов России, достигнутые под его верховным главнокомандованием, за те организаторские способности, который он смог проявить, за ту ответственность, которую взял на себя.

Как это ни дико и парадоксально звучит, но только благодаря Великой Отечественной войне из среды простого русского народа выдвинулась плеяда блистательных полководцев, гениальных конструкторов, выдающихся руководителей промышленности. С солдатами и офицерами, прошедшими войну, произошло в буквальном смысле Преображение. Война вернула армии ее древние святыни, ордена, погоны, знаки отличия и все ее лучшие традиции. В 1943 году были восстановлены мундиры и погоны дореволюционной армии; учреждаются военные учебные заведения по типу старых кадетских корпусов – Суворовское и Нахимовское училища. Во время войны были открыты многие храмы, духовные семинарии, академии, вернулась жизнь в Свято-Троице Сергиеву и Киево-Печерскую лавры, во многие монастыри; были вновь загнаны в глубокое подполье униаты и

прочие еретики; много священников освобождено из тюрем, но еще больше пришло к алтарю бывших воинов, ставших неоднократными свидетелями Божией помощи русскому воинству.

Война во многом изменила и внутриполитическое положение в СССР и роль Советского Союза на международной арене, но это был еще не конец Смутного времени. Россия должна была пережить изуверские реформы Хрущева и поднятую им новую волну гонения на Православную церковь, когда оказались разрушены многие храмы, даже пережившие войну. Русское крестьянство, сумевшее не только пережить коллективизацию, культурную революцию в деревне и тяготы Великой войны и сохранить, и даже укрепить соборную основу русской крестьянской жизни, во времена Хрущева должно было быть изгнанным из своих «неперспективных» деревень. До сего дня эти брошенные деревни – живые свидетели разгрома русского крестьянства – стоят со всей утварью, будто бы хозяева оставили их в такой спешке, как при нашествии Мамая.

Русская история полна примеров, когда народная инициатива проявляла себя во всех сферах человеческой жизни. И такой пример был бы возможен на рубеже XIX-XX веков. Однако беспристрастный историософский анализ «думского» периода российской истории показывает, что возможности, таящиеся в основе русской цивилизации, тогда не были использованы, и главные последствия этого времени пока не осознаны.

Демократические реформы 1906 года – это была еще одна попытка пересадить на русскую почву чуждую и разрушительную для Русской государственности, модель западной парламентской демократии.

Если сегодня познакомиться с трудами славянофилов, то нетрудно разобраться, в чем уникальность Русской цивилизации и чем она отличается от цивилизации Западной. Западная цивилизация уже обречена на гибель, вот почему «коллективный Запад» так старательно навязывает нам свои смертельные «болячки».

В.В. Розанов говорил: «В русской печи все переплавится». Действительно, в течение XX века русские люди смогли переварить даже столь откровенно богоборческое учение, как марксизм-ленинизм, извлечь из него позитивные начала и направить в разумное русло. Отличительная особенность русской души – самопожертвование и готовность отдать все ради спасения человечества – была использована лицедеями XX века, чтобы осуществить величайший подлог. Главную цель человеческой жизни на земле – обретение душой Царствия Божия – удалось заменить программой построения безбожного «рая». Советская империя была мертвым телом, новой Вавилонской башней. И сегодня исстрадавшаяся, превратившаяся в осколки русская держава ждет живой воды – Святого Православия, чтобы оживить русский дух, расправить свои богатырские плечи и стряхнуть со своей шеи паразитов всех мастей.

В перестроечное время, когда средствами массовой информации всякая ложь воспринималась с восторгом, появилась тенденция ставить все с ног на голову и в истории Великой Отечественной войны: объявить принесенные жертвы бессмысленными и ненужными, облить ушатами гнусной клеветы нашу армию и осквернить память Священной войны. Но, несмотря на всю эту вакханалию, мы вновь и вновь будем возвращаться к теме Отечественной войны потому, что слишком велики были потери, слишком дорогой ценой досталась нам победа над коричневой чумой XX века, чтобы считать перевернутой эту страницу истории.

Сегодня по всем человеческим меркам, по всем земным законам и расчетам Россия должна была бы пылать в огне непрекращающейся гражданской войны, гибнуть во мраке и гладе хозяйственной разрухи, безвластия, беззакония и хаоса; на месте России должна была бы быть духовная пустыня. Вместо этого медленно, но неуклонно происходит пробуждение цивилизационного самосознания, особенно в мироощущении элитарных групп народа, которые в значительной мере и определяют нравственное состояние общества. Если, по словам И.С. Аксакова,

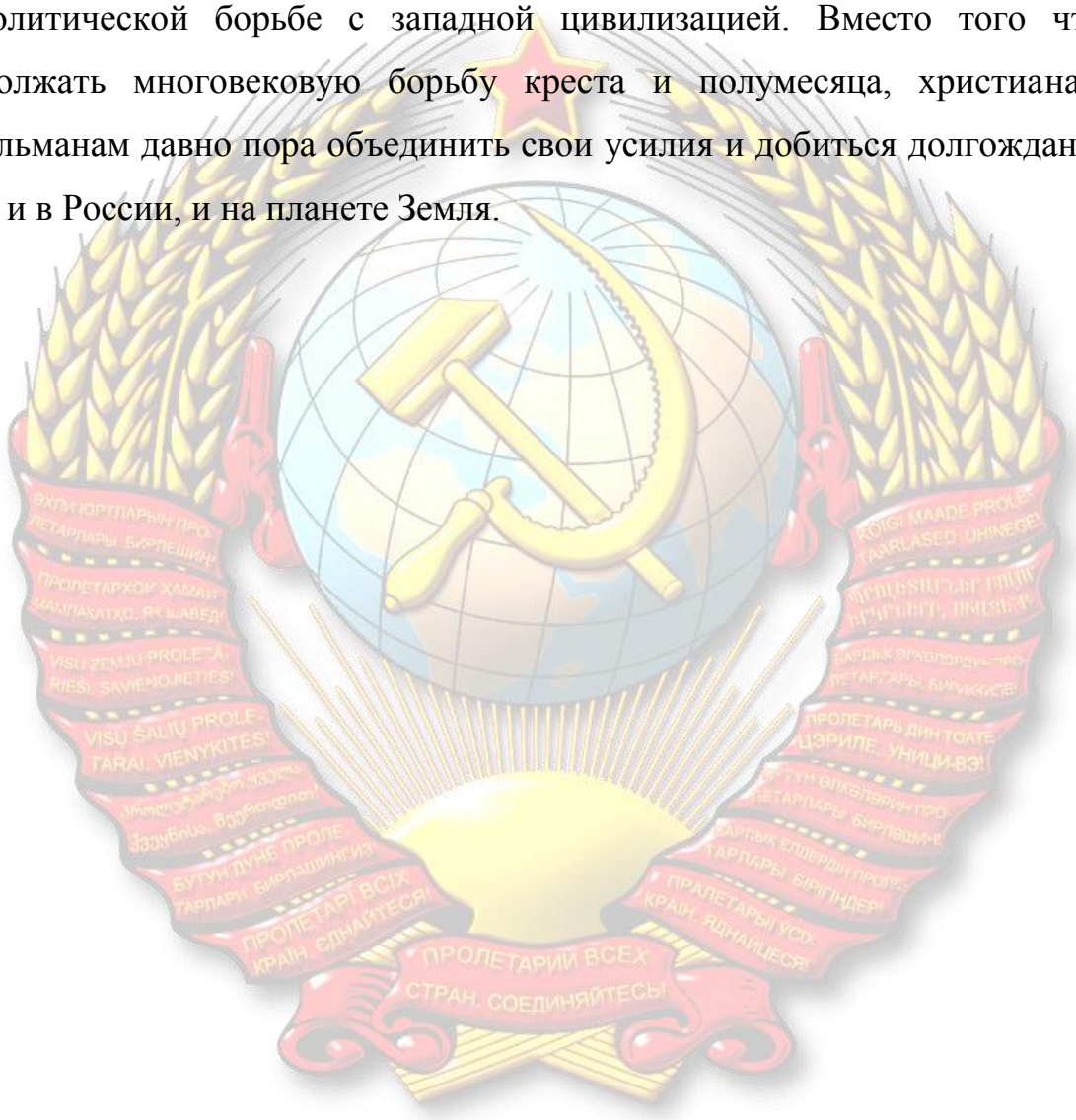
Российская империя была «обществом христианским, но отрекшимся от Христа», то нынешняя атеистическая Россия мучительно ищет свой путь возвращения к Богу.

Сможем ли мы сегодня избавиться от «ярлыковой болезни», сбросить с себя наросты социально-революционной схоластики, всевозможные «измы» и осознать, что прежде всего мы русские люди – великороссы, малороссы и белорусы, триединый народ, единственные защитники и хранители Святого Православия – неповрежденного вероучения, призванного спасти человечество от безудержной скачки по гибельному пути массового потребительства.

Пора нам, всем забыть свои надуманные, исторически чуждые нам разногласия и не строить между собой баррикады, а объединяться, потому что рассеянное войско не страшно никакому врагу. Только соборное единство может спасти русский народ и все народы России от окончательного порабощения и вымирания. Пора нам проснуться и понять, что всякое политиканство, партийное раздробление и парламентаризм служат лишь разъединению и закрепощению души, являются ширмой для тайной финансовой и криминальной власти, которая, прикрываясь лозунгами «просвещенности», «цивилизованности» и «общечеловеческих ценностей», стремится уничтожить последний оплот христианского благочестия на Русской земле.

Всякая эпоха в истории России имеет свой смысл и значение. Сегодня нам следует не стыдиться, а гордиться нашим советским прошлым. Ценой неимоверных усилий, преодолевая лишения, проливая кровь, наши отцы из глада и разрухи Гражданской войны вывели Советскую державу на передовые мировые рубежи, избавили человечество от коричневой чумы. И сегодня после преодоления тяжкого испытания лихих 1990-х годов мы стоим на пути подлинного Возрождения традиционной российской государственности.

Россия никогда не сможет стать страной западной демократии и либерализма, где вольготно чувствуют себя лишь волки в овечьих шкурах. Россия и не должна стать разменной монетой «цивилизованного» Запада в его борьбе с исламским миром; не должна служить очередной преградой, сдерживающей Европу от натиска новых орд степных кочевников. Точно так же она не может полностью стать на сторону евразийцев в их духовной и геополитической борьбе с западной цивилизацией. Вместо того чтобы продолжать многовековую борьбу креста и полумесяца, христианам и мусульманам давно пора объединить свои усилия и добиться долгожданного мира и в России, и на планете Земля.



УДК 93/94

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ МЕРЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Огурцова Альбина Юрьевна
аспирант кафедры конституционного права,
Юго-Западный государственный университет, Россия, Курск
e-mail: ogurtsova_96_96@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены государственные меры совершенствования СМИ в послевоенный период на примере постановлений: ЦК ВКП(б) о мерах по улучшению областных газет «Молот», «Волжская коммуна», «Курская правда».
Ключевые слова: Средства массовых информаций; СМИ; газеты; радио; постановление ЦК ВКП (б); центральное радиовещание; печатные СМИ.

STATE MEASURES TO IMPROVE THE REGIONAL MEDIA IN THE POST-WAR PERIOD

Ogurtsova Albina Y.
postgraduate Student, Department of Constitutional Law,
Southwest State University, Kursk, Russia
e-mail: ogurtsova_96_96@mail.ru

Abstract. The article considers state measures to improve the media in the post-war period on the example of decisions: the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks on measures to improve the regional newspapers «Molot», «Volzhskaya Kommuna», «Kurskaya Pravda».
Key words: Mass media; MEDIA; newspapers; radio; resolution of the Central Committee of the CPSU (b); central broadcasting; print mass-media.

Термин средства массовой информации уже прочно укрепился в массовом сознании населения России. Тем не менее, на данный период проблема понимания содержания самого понятия «СМИ» является трансформирующимся. Мы в своем исследовании придерживаемся следующего определения: СМИ – это совокупность таких субъектов массовой коммуникации, как периодическое печатное издание (газета, журнал, альманах, бюллетень, иное издание, имеющее постоянное название, текущий номер и выходящее в свет не реже одного раза в год), радио-/теле-/видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации [1)]. К видам же СМИ относится: пресса, радио, телевидение, а сейчас еще и Интернет [3), 3) с.102].

В своей работе мы коснемся непосредственно изучению постановлений Центрального Комитета ВКП(б) по улучшению работы СМИ в послевоенный период.

Советская история – это яркий пример важности СМИ как для власти, так и для самого общества в целом. Средства массовой информации представляли большую значимость в послевоенные годы, в том числе устанавливая свою политику [2), с. 71].

Послевоенный период – это один из основных периодов в формировании советского общества. Победоносное окончание военных действий привнесли сильные перемены в содержание работы СМИ [7), с. 5]. Ушел ряд функций средств массовой информации, свойственных для периода Великой Отечественной войны, произошли кардинальные перемены в политике властей по отношению к СМИ, трансформации в работе и структуре средств массовой информации, это также в первую очередь коснулось печатных СМИ. В связи с этим в 1945 году ЦК ВКП(б) издал постановление «Об улучшении качества и увеличении объема республиканских, краевых и областных газет» [9)]. Основные идеи, которые были включены в данное положение, установили не только миссию советской журналистики, но также стали фундаментом для развития СМИ.

В мобилизации масс на успешное возобновление, а также формирование общенародного хозяйства, в коммунистическом воспитании общества существенная роль принадлежала партийной прессе. Стремясь повысить значимость печатных СМИ как коллективного пропагандиста, агитатора и организатора, ЦК ВКП (б) принял распоряжение, которое содержало обзор работы редакции 3-х районных газет, что имело огромное значение для улучшения всей местной прессы страны, повышая уровень руководства ею со стороны партийных комитетов [8), с. 34].

Центральная власть тщательно контролировала деятельность СМИ в регионах. В частности, в постановлении «О мерах по улучшению областных газет «Молот», «Волжская коммуна» и «Курская правда» содержится критика отдельных изданий. Например, в отношении печатного издания Ростовской области «Молот» центральный комитет партии отмечает бессистемное и поверхностное освещение задач и вопросов жизни партии, партийно-политическая работа не находит своего отражения в газете, также отсутствие высокого качества публикуемой информации, нет привлечения партийных организаций к работе. Газета не издает специализированных публикаций, заметок, ответов на вопросы читателей и консультаций [8), с. 31]. Печатное издание «Молот» не ведет пропаганду «пятилетки» Закона о развитии народного хозяйства СССР, недостаточно освещают опыт рабочих-передовиков в различных сферах деятельности, значительно ослабла связь газеты с обществом.

Другая общественно-политическая газета также подверглась критики ЦК ВКП (б). «Волжская коммуна» весьма слабо распространяет информацию о экономики региона, промышленности, в частности новой отрасли – нефтяной, статьи пишутся неосновательно, не изучая подробно информации. Также идет очень слабое освещение марксистско-ленинской теории – за год разметили на страницах газеты всего лишь 3 публикации [8), с. 31].

Газета «Курская правда» низко пропагандирует борьбу за возобновление культуры, сельского хозяйства и экономики региона, которая

пострадала от фашистской оккупации, не ведется деятельность по мобилизации работников на преодоление проблем в решении данных вопросов [6)].

Региональная газета хаотично и поверхностно отражает важнейшие вопросы, слабо информационные материалы: не рассматривает возможности развития сельскохозяйственной продукции, промышленности Курской области, редко освещает процесс эффективного возобновления деревень и городов области. «Курская правда» как и редакция газеты «Молот» также плохо распространяет информацию о пятилетнем плане недостаточно объясняет определенные проблемы рабочих в борьбе за экономическое развитие региона. Редакция слабо оповещает о работе крупных передовых предприятий, нет жесткой оценки существенных недостатков [9), с. 35].

Центральная власть отмечает серьезный недостаток газеты – это плохое освещение жизни партии. Общественно-политическая газета «Курская правда» недостаточно печатает сведения о воспитании молодых партийцев, о эффективной работе организаций [8), с. 34]. Еще одним минусом в работе редакции является то, что она не привлекает к участию в газете партийный, хозяйственный и советский актив, а наполняет страницы собственными публикациями – за год опубликовано лишь 17% писем. Редакция плохо справляется с организационными вопросами в коллективе, не руководит персоналом и не запрашивает от них ежедневной работы по привлечению в коллектив новых сотрудников.

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод, что областные комитеты ВКП (б) преуменьшают значения газет как наиважнейшего способа совершенствования идейно-политической работы в общество, достаточно низко используют их для усиления руководства партийной, хозяйственной жизнью [7)].

В связи с этим, основными рекомендациями по совершенствованию печатных СМИ со стороны комитета были: улучшение работы отделов партийной жизни в региональных газетах и создать условия для

систематического освещения важнейших вопросов общественно-политической работы, улучшение работы партийных организаций, в особенности сельские поселения, следует освещать права и обязанности членов партии, к работе в газете привлечь руководящий областной, городской, районный партийный актив, опираясь на партийный актив, а также усиливая связи с партийными организациями, печатным СМИ необходимо показывать, как партийные органы реализовывают функции общественно-политического управления и контроля, регулярное опубликование материалов о деятельности и передовом опыте региональных Советов, помогая последующему усовершенствованию работы советского аппарата, укрепление государственной дисциплины во всех его звеньях, постоянное опубликование ответов на актуальные вопросы читателей, консультации, лучшие лекции, кроме того привлечение специализированных пропагандистов в для укрепления отделов редакции [8), с. 36].

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1) Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 01.07.2021) «О средствах массовой информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2021)

2) Касаткин С.С. Особенности работы Сми в советский и постсоветский периоды // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение», 2013. С. 68-73.

3) Кузнецов И.В. История отечественной журналистики (1917-2000). – М.: Флинта: Наука, 2002. – 638 с.

4) Минаева О.Д. История отечественной журналистики. 1917-1945. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2018. – 256 с.

5) Овсепян Р.П. История новейшей отечественной журналистики (февраль 1917 – начало 90-х годов). – М.: Издательство Московского университета, 1996. – 208 с.

6) Асташкин Д.Ю. Идеологические функции советской печати в 1945-1953 гг. (на примере газеты «Новгородская правда»//Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2008. С. 1-3.

7) Кочетова Е.В. Средства массовой информации и цензура в послевоенные годы: 1945-1953: на материалах Пензенской области: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Пенза, 2006. – 45 с.

8) КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1988) / КПСС; Ин-т Марксизма-Ленинизма при ЦК КПСС; Под общ. ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова. – 9-е изд., доп и испр. – М., 1946-1990. - 16 т. – В надзаг.: Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Т. 8: 1946-1955. – 1985. – 542 с.

9) О мерах по улучшению областных газет «Молот» (г. Ростов-на-Дону), «Волжская коммуна» (г. Куйбышев) и «Курская правда»: постановление ЦК ВКП(б) // КПСС о средствах массовой информации и пропаганды. – М., 1987. – С.290-298.

УДК 93/94

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ КПСС В ГОДЫ ПЕРЕСТРОЙКИ

Мусаева Зарема Абдулмагомедовна

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории,

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина», г. Москва, Россия

e-mail: z.a.musaeva@mail.ru

Аннотация. В статье отражены основные направления совершенствования работы по подбору, расстановке и воспитанию партийных кадров.

Ключевые слова: КПСС; кадры; перестройка.

SOME ISSUES OF PERSONNEL POLICY OF THE CPSU IN THE YEARS OF PERESTROIKA

Zarema A. Musaeva

Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor of History

National University of Oil and Gas «Gubkin University», Russia, Moscow

e-mail: z.a.musaeva@mail.ru

Abstract. The article reflects the main directions for improving the work on the selection, placement and education of party cadres.

Key words: CPSU, personnel, perestroika.

Основным условием реализации принятого курса является эффективная кадровая политика. Поэтому вопросам кадровой политики в

советской историографии уделялось существенное внимание, предпринимались серьёзные попытки осмыслить происходившие процессы, выявить проблемы, предложить пути решения.

Эти вопросы анализировались в рамках научного направления «Партийное строительство». Учёные опирались на труды В.И. Ленина, документы КПСС, в которых был отражен исторический опыт работы с кадрами, на обширный фактический материал, но, как представляется, в меньшей степени использовали исследования социологов, юристов, психологов, специалистов в области управления. Между тем, более широкое использование наработок в этих сферах позволило бы историкам ещё глубже вникать в проблемы, давать, быть может, более убедительные практические рекомендации. Справедливости ради следует отметить, что, во-первых, комплексные исследования и в наше время встречаются нечасто. Во-вторых, сделанные в те годы исследователями выводы и предложения практически оставались без внимания.

Как известно, решения январского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС придали обновлению кадровой работы некоторый импульс, выдвинули проблему в центр внимания партийных организаций, общественности. «Вывод. Серьезно обновить кадровую политику. Подход политический, по Ленину, — подбор «по новым меркам», компетентность, профессионализм, организованность и дисциплина, высокая нравственность» [1, с. 95].

Вопросы кадровой политики КПСС, совершенствования стиля деятельности партийных кадров стали разносторонне освещаться в периодической печати, в партийных и научных журналах. По характеру это была, в основном, информация о событиях в местных парторганизациях, выступления партийных работников, представляющие несомненный интерес, так как в них нередко содержались обобщение новейшего опыта, новые факты.

Изменение роли и места КПСС, отказ от монополии на власть и утверждение плюрализма, зарождение многопартийности создали новую

общественно-политическую ситуацию, требовавшую от партийных кадров адекватного реагирования. Теперь Коммунистической партии, её кадрам приходилось в условиях конкуренции бороться за влияние на массы и завоевывать, подтверждать повседневными делами провозглашённую авангардную роль. Изменившиеся условия предъявляли новые, более высокие требования к партийному лидеру.

Это потребовало в корне пересмотреть вопросы кадровой политики и, прежде всего, вопрос об источниках и методах формирования руководящих органов партийных организаций. Широко использовались альтернативность, конкурсность при подборе руководителей, право первичных партийных организаций выдвигать кандидатов в выборные партийные органы и др. Альтернативность дошла и до высших эшелонов партийных кадров: на XXVIII съезде КПСС Генеральный секретарь избирался из двух кандидатов. Новая практика была закреплена в Уставе партии, принятом на этом съезде. В нём, в частности, говорилось: "Руководящие, исполнительные и контрольные органы в партии выборные. Они избираются тайным голосованием. В список для голосования включается любое число кандидатур» [5].

Важнейшим элементом кадровой политики является подбор и расстановка кадров. В предшествовавшие перестройке годы одной из проблем была фактически несменяемость кадров. Только за три года после апрельского /1985 г./ Пленума ЦК КПСС сменилось 61% первых секретарей обкомов и председателей облисполкомов, 63% первых секретарей горкомов и райкомов партии. Этот процесс затронул высшее руководство партии: после апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС Политбюро ЦК обновилось на 90%, Секретариат ЦК - на 91,6%; после XXVIII съезде КПСС Политбюро обновилось на 91,6%, Секретариат ЦК КПСС - на 58,3%. Аналогичные процессы происходили и в Компартиях союзных республик [4]. Замена кадров приобрела такие масштабы, что нередко её называют не только «кадровой революцией», но и «кадровой чисткой» М.С. Горбачёва.

Однако главная проблема заключалась в том, что по образу мыслей и действий некоторые из них существенно не отличались от своих предшественников. Были и те, кто отличался не в лучшую сторону, конъюнктурщики, карьеристы. Определенная часть людей пришла на партийную работу в порядке партийной дисциплины: одних избрали, других пригласили в аппарат [3, с. 34-35]. Таким образом, радикальная смена привела, во-первых, к нарушению преемственности. Во-вторых, нередко избавлялись от опытных, добросовестных профессионалов.

В то же время для укрепления позиций КПСС нужны были не исполнители, а подлинные лидеры, активные личности, для которых партийная работа не столько долг, сколько призвание.

Немаловажную роль играло, на наш взгляд, и то обстоятельство, что среди вновь избранных руководящих работников по-прежнему было мало гуманитариев. В определенной мере это было обусловлено их пассивностью, к тому же и сейчас бытует мнение, что лучший партийный руководитель - это знающий специфику производства, хорошо разбирающийся в хозяйственных вопросах человек. Между тем, от партийных кадров как никогда требовались политические, идеологические, организаторские знания, умения, способность общения с людьми и влияния на них.

Но, конечно же, дело не только в людях, но и в самих структурах выборных органов, аппарата. Люди демократических воззрений, придя в аппарат, не смогут привнести, даже если и владеют ими, новых методов, если сами структуры аппарата не будут готовы воспринять новации. Старая структура аппарата соответствовала прежней системе, когда партия фактически осуществляла и государственные, и хозяйственные функции, и эта структура была эффективна. Отраслевой принцип его построения являлся отражением командно-административных методов руководства. Чтобы устранить допущенные перекосы, в соответствии с решением XIX Всесоюзной конференции КПСС о реформе политической системы июльский (1988 г.) Пленум ЦК КПСС принял постановление "Об основных

направлениях перестройки партийного аппарата". Пленум высказался за отказ от отраслевого принципа построения аппарата, за укрепление подразделений, занимающихся основными вопросами внутрипартийной жизни, идеологической работы, внутренней и внешней политики, и одновременно уменьшить его численность. Были ликвидированы отраслевые отделы и секторы в партийных комитетах всех уровней. Упразднено свыше восьми тысяч отраслевых отделов в горкомах и райкомах партии. В них теперь имелись, как правило, только организационный и идеологический отделы. Параллельно сокращалась численность работников аппарата. Уже после XVIII съезда на заседании Секретариата ЦК КПСС было признано необходимым существенно сократить аппарат ЦК и значительно обновить его [7].

Принимались меры для того, чтобы поставить аппарат под контроль выборных партийных органов. По Уставу исполнительные партийные органы являлись выборными, и их структура определялась партийными комитетами с учётом мнения местных парторганизаций [5].

Новое в работе с кадрами состояло и в том, что в некоторых партийных организациях уже использовалась конкурсная система замещения вакантных должностей в аппарате.

Но всё это, если можно так выразиться, "материальная" "организационная" предпосылка формирования нового типа партийного работника. Основной проблемой всё же оставалось обучение и воспитание обновленных кадров, у значительной части которых не было ещё опыта, отсутствовала или была низка профессиональная подготовка. А для партийных работников профессионализм состоял, прежде всего, в умении быть политическим лидером, вести диалог, «прислушиваться к голосу масс».

Как определённый шаг в выработке новой концепции развития профессиональной подготовки партийных кадров было расценено в Постановление ЦК КПСС от 26 июня 1986 года "О совершенствовании

партийно-политического образования руководящих кадров в свете решений XXVII съезда КПСС".

Были сделаны определённые шаги по перестройке подготовки и переподготовки кадров. Менялся подход к обучению и воспитанию работников, направленных в Академию общественных наук при ЦК КПСС, высшие партийные школы [2, с.15-16].

Важнейшей проблемой воспитания партийных работников являлось повышение их ответственности за порученное дело. Основными компонентами складывавшейся системы становились собеседования, отчёты, аттестация. Это не были новые формы в работе партийных комитетов, но с руководителями партийных органов они стали применяться лишь в годы перестройки. На XXVIII съезде КПСС впервые были заслушаны отчёты членов и кандидатов в члены Политбюро ЦК партии, секретарей ЦК КПСС. Заслушивание отчетов получает повсеместное распространение. Но и здесь были проблемы: отчитывались, как правило, формально. И, как правило, то, кто не справлялся с работой. Звучали предложения о заслушивании отчётов партийных работников всех уровней в первичных организациях, где они состояли бы на учёте и др. [8].

Таким образом, предпринимались попытки совершенствования кадровой работы партии, что рассматривалось как средство решения социально-экономических и политических проблем развития общества.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Воротников В. И. Хроника абсурда. Отделение России от СССР. М.: Алгоритм, 2011. 320 с.
2. О порядке перевода на очный цикл обучения слушателей Академии общественных наук при ЦК КПСС. 5 мая 1989 г. Записка Отдела партийного строительства и кадровой работы, Идеологического отдела, Управления делами ЦК КПСС // Известия ЦК КПСС. М.,1989. № 6. С. 14-16.
3. Партийная жизнь. М.,1989. № 11. С. 34-35.

4. Правда. 1988. 11 мая.
5. Правда. 1990. 18 июля.
6. Правда. 1990. 31 июля.
7. Правда. 1990. - 9 августа.
8. Сеелев И.В. Кризис КПСС в период политики перестройки 1985-1991 гг. на примере Куйбышевской партийной организации. // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2015. № 2. С. 213-220.

УДК 94(47).084.3

НАЧАЛО БОРЬБЫ С ВРЕДИТЕЛЬСТВОМ НА ОБЪЕКТАХ ВОЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР

Мозохин Олег Борисович

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра экономической истории Института российской истории РАН. г. Москва.

7077707@bk.ru

Аннотация: в статье рассматриваются основные направления деятельности органов государственной безопасности по борьбе с вредительством в военной промышленности СССР в конце 1920-х начале 1930-х годов.
Ключевые слова: вредительство; военная промышленность; ОГПУ; Политбюро ЦК ВКП(б); репрессии.

THE BEGINNING OF THE FIGHT AGAINST SABOTAGE AT THE FACILITIES OF THE MILITARY INDUSTRY OF THE USSR

Oleg Borisovich Mozokhin

Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher at the Center for Economic History of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow.

7077707@bk.ru

Abstract: the article discusses the main activities of state security agencies to combat sabotage in the USSR military industry in the late 1920s and early 1930s.
Keywords: sabotage; military industry; OGPU; Politburo of the Central Committee of the VKP(b); repression.

В связи с резко обострившейся международной обстановкой в конце 1920-х годов политическое руководство страны особое внимание стало уделять военной промышленности, не без основания считая, что молодое советское государство находится в предверии надвигающейся войны. В это

время приходит осознание о неготовности СССР к военному конфликту. В связи с этим, возникла необходимость ускоренными темпами провести индустриализацию и на ее основе крепить обороноспособность государства.

Первоначально, на партийные органы была возложена задача по ведению идеологической работы для формирования общественного мнения о необходимости подготовке страны к военным действиям. Однако на одних только лозунгах переломить ситуацию не удалось, массы эти призывы не воспринимали. Для наведения порядка и дисциплины в промышленности страны необходимо было предпринять более решительные и жесткие меры. Такие меры нашлись. Было принято решение о применении репрессий. При этом вскрытие «контрреволюционного умысла» для формирования общественного мнения стало широко освящать в средствах массовой информации.

Факты бесхозяйственности, нарушений техники безопасности, преступной халатности и другие подобные явления стали квалифицироваться как вредительство, диверсии или саботаж. 4 апреля 1927 г. Постановление Президиума ЦИК СССР приравняло небрежность, допущенную как должностными, так и другими лицами, в результате которой имелись разрушения, взрывы, пожары и другие вредительские акты на предприятиях государственной промышленности, к государственным преступлениям.

С этого времени причины хозяйственных неудач в экономике партийное руководство стало сваливать на вредителей. Как только возникали проблемы, появлялись вредители. Любого инженера с дореволюционным стажем можно было сажать в тюрьму по обвинению во вредительстве. В тезисах о методах работы Экономического управления ГПУ указывалось, что продолжающаяся острая классовая борьба, за период НЭПа сложилась не в пользу Союза. Необходимо было привлечь на свою сторону специалистов «или в крайнем случае хотя бы нейтрализовать, обезвредить их» [1, л. 6-7]

Сразу появились планы о проведении показательных процессов, чтобы встряхнуть рабочий класс, нацелить его на выполнение производственных

заданий. Первый такой процесс прошел в каменноугольной промышленности, дело об «экономической контрреволюции» в Донбассе получило название «шахтинского». Именно с этого дела началась кампания по борьбе с вредительством во многих отраслях промышленности СССР.

12 мая 1928 г. И.В. Сталин, обращаясь к членам и кандидатам в Политбюро ЦК, в своем письме просил обратить серьезное внимание на записку Г.Г. Ягоды от 9 мая 1928 г. о деятельности группы специалистов по военной промышленности. «Дело очень серьезное и сложное, и придется, должно быть, рассмотреть его на ближайшем заседании Политбюро» [2, л. 40]. 14 мая 1928 г. Политбюро рассматривая вопрос о военной промышленности, принимает решение поручить контролировать это дело С. Орджоникидзе.

В связи с тем, что вредительство в военной промышленности считалось наиболее опасным преступлением для государства, было проведено исследование его состояния. После проведения проверок, НК РКИ и ОГПУ выявили там серьезные недостатки. В связи с этим было запланировано проведение ряда мероприятий по нормализации ситуации – это привлечение к ответственности виновных во вредительстве, проведения «чистки» личного состава и обновление руководящего состава предприятий.

В циркуляре ОГПУ, от августа 1928 г. указывалось, что основным методом диверсии является техническое вредительство при помощи контрреволюционных организаций, состоящих из наиболее крупных инженеров. «Эти инженеры, образуя техническую головку предприятия и будучи связаны с заграницей, как с организациями своих старых хозяев, так и генеральными штабами иностранных держав, прежде всего Франции и Польши, планомерно ведут работу по подрыву обороноспособности страны…» [3, л. 30].

В марте 1929 г. ОГПУ сообщает в Политбюро о раскрытии контрреволюционной организации в военной промышленности СССР.

Основным фигурантом по этому делу проходил бывший генерал царской армии В.С. Михайлов крупный специалист в области артиллерии.

15 июля 1929 г Политбюро ЦК ВКП(б) принимает постановление где в частности говорилось, что «условия ведения войны ставят перед промышленностью уже в мирное время задачу подготовиться к тому, чтобы с объявлением войны быстро развернуть военные производства для максимального удовлетворения потребностей обороны» [4, л. 113]. Обсуждая обвинительное заключение по делу о военпроме Политбюро принимает решение о его рассылке членам ЦК, ЦИК и хозяйственникам. На заседании был предрешен расстрел руководителей контрреволюционной организации вредителей, однако его исполнение откладывалось до нового решения Политбюро о времени расстрела. ОГПУ было предложено представить список лиц, к которым могла быть применена высшая мера наказания.

21 октября 1929 г. такой список был представлен. Политбюро принимает проект сообщения для печати, в котором сообщалось, что органами ОГПУ раскрыта и ликвидирована контрреволюционная вредительская и шпионская организация в военной промышленности СССР, которая ставила перед собой задачу путем вредительства и шпионажа ослабление обороноспособности страны, содействия иностранным интервентам.

Личный состав ее состоял в подавляющем большинстве из бывших высших чинов царской армии — бывших генералов и полковников.

В связи с этим Коллегией ОГПУ приговорены к расстрелу:

Михайлов В. С. — бывший генерал, дворянин;

Высочанский Н. Г. — бывший генерал, дворянин;

Дымман В. О. — бывший генерал, дворянин;

Дежанов В. Н. — бывший генерал, дворянин;

Шульга Н. В. — бывший генерал, порученец при бывшем великом князе Сергее Михайловиче

Все остальные по указанному делу лица были приговорены на разные сроки заключения в концентрационные лагеря.

Таким образом «виновные» были найдены и наказаны. Преследовалась цель через страх отмобилизовать усилия остальных для более эффективной трудовой деятельности. Справедливости ради необходимо отметить, что отчасти эти меры способствовали наведению порядка в наркомате. Естественно о виновности или невиновности осужденных речь не идет.

При проведении кампании по борьбе с вредительством наблюдались случаи активного и пассивного сопротивления директоров заводов отдельным мероприятиям ОГПУ. В связи с чем, для наведения порядка, при трестах создавались комиссии из хозяйственников и представителей ОГПУ [5, л. 262].

Во второй половине сентября 1930 г. правительством планировалось заслушивание доклада ВСНХ СССР и ведомственных содокладов о ходе ликвидации последствий вредительства на предприятиях военной промышленности. В связи с этим циркуляр ЭКУ ОГПУ от 17 августа 1930 г. предложил выслать в адрес Экономического управления ОГПУ не позднее 15 сентября докладные записки о проделанной работе, которые должны были подытожить работу с момента организации комиссии. В них предлагалось отразить практические результаты работы по ликвидации вредительства. Особо необходимо было отметить практические результаты, достигнутые путем использования осужденных специалистов [6, л.422-423].

В данном случае необходимо пояснить, что во время борьбы с вредительством пересажали большое количество специалистов. Опомнились тогда, когда выяснилось, что некому выполнять квалифицированную работу. Срочно были разосланы циркуляры, запрещающие арест «спецов» без разрешения наркоматов, но было уже поздно. То количество специалистов, которое осталось на свободе, не в состоянии было решать поставленные задачи. В этой ситуации многие наркомы стали писать ходатайства с просьбой отпустить под поручительство того или другого заключенного и

как правило, по ним принимались положительные решения. Затем в ОГПУ стали направлять списки лиц, которых необходимо было освободить.

Чтобы исключить такой поток ходатайств нашли другой выход. В это время были созданы особые конструкторских бюро, в которых в условиях тюремного режима можно было заставить специалистов работать на благо государства. Таким образом, можно было в зависимости от ситуации или освобождать «спецов» под поручительство или заставлять работать их в «шарашках».

Меры против вредителей, в том числе и в военной промышленности постепенно ужесточались. 14 марта 1933 г. ЦИК сообщил о выявлении фактов участия в контрреволюционной вредительской деятельности некоторых государственных служащих. В связи, с чем было сделано напоминание, что предоставленное ОГПУ право рассмотрения на судебных заседаниях Коллегии ОГПУ дел по диверсиям, поджогам, взрывам и др., касается и служащих государственных учреждений и предприятий [7].

В июле 1934 г. ЦК ВКП(б) выпустил обращение о необходимости повышения бдительности на военных заводах, усиления на них режима охраны. Необходимо отметить, что элементы вредительства в это время стали более тщательно исследоваться. Наряду с допросами подозреваемых, стали проводиться необходимые экспертизы, к которым привлекались ведущие специалисты в той или иной области знаний.

Предпринятые меры способствовали повышению дисциплины и ответственности работников военной промышленности. Органы ОГПУ смогли улучшить состояние охраны предприятий военной промышленности путем удаления из них политически и социально неблагонадежных лиц. Плотный контроль за объектами военной промышленности, способствовал повышению эффективности контрразведывательной работы на этих объектах.

Вместе с тем, необходимо отметить, что масштабы вредительства и диверсий были незначительны. Как правило, на нее сваливали небрежность,

халатность, недостаточно квалифицированную работу в управлении военной промышленностью. Кампания, организованная ЦК ВКП(б) по борьбе с вредителями привела к тому, что многие специалисты были безосновательно привлечены к уголовной ответственности.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Центральный архив ФСБ России (ЦА ФСБ России). Ф. 2. Оп. 1. Д. 55.
2. Архив президента РФ (АП РФ). Ф. 45. Оп. 1. Д. 170.
3. ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1-Т. Д. 35.
4. Российской государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 162. Д. 7.
5. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 340.
6. ЦА ФСБ России. Ф.66. Оп. 1. Д. 208.
7. Правда. 1933.15. 03. № 73.

УДК 93/94

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО ВРЕМЕНИ (К РАСПАДУ СССР)

Стрелков Александр Васильевич
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории,
РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, Россия, Москва
e-mail: Strelkovaleks@bk.ru

Аннотация. В статье отражены проблемы поиска новых путей развития России в свете новых глобальных проблем человечества и исторического опыта СССР.
Ключевые слова: Геополитика, экономический кризис, новые пути развития.

IN SEARCH OF LOST TIME
(TOWARDS THE COLLAPSE OF THE USSR)

Strelkov Aleksandr W.
candidate of historical Sciences, associate Professor of history
National University of Oil and Gas «Gubkin University», Russia, Moscow
e-mail: Strelkovaleks@bk.ru

Abstract. The article reflects the problems of finding new ways of Russia's development in the light of new global problems of humanity and the historical experience of the USSR.
Key words: Geopolitics, economic crisis, new ways of development

Современная геополитическая обстановка и состояние мировой экономики свидетельствуют о тектонических переменах, связанных с исчерпанием прежних возможностей обеспечения общественного прогресса в рамках прежних трендов. Поиск новых путей на данном этапе мировой истории требует решения возникших проблем, в том числе на основе более глубокого

изучения прежнего опыта развития России с учетом достижений СССР как уникальной социально-ориентированной системы.

К актуальным проблемам современного этапа социально-экономического развития можно отнести крах прежней модели функционирования капиталистической системы; цифровая революция, несущая свои возможности и риски; пандемия COVID-19, усугубившая финансово-экономический кризис; проблемы глобального потепления; энергетический кризис; геополитический кризис, как следствие расширения блока НАТО и необходимость отстаивания Россией своего права на национальную безопасность и суверенитет.

Следует отметить, что крах современной модели капитализма зафиксирован как научным сообществом, так и мировым финансово-промышленным и политическим истэблишментом, включая российский.

В октябре 2021 г об этом заявил президент РФ В.В. Путин: «Современная модель капитализма исчерпала себя как экономическая система. В ее рамках нет больше выхода из клубка все более запутанных противоречий, очевидно, что «дикий капитализм» не работает. Человечество должно переосмыслить принципы, по которым живет на Земле, переосмыслить, как организована наша жизнь. Каковы приоритеты хозяйственного развития целых государств» [4].

Годом раньше президент Давосского экономического форума К. Шваб предупреждал: «Неолиберализм изжил себя. Сам по себе рынок не решает проблем. Если правительства не решат проблему растущего разрыва между богатыми и бедными, мир охватят новые революции» [2].

Предрекал этот крах и мозговой центр западного мира – Римский клуб, констатировавший: «2020 год – год фактической смерти Старой Системы. Отныне Мир должен принять Новый Путь. Иначе – смерть всей цивилизации» и призвал срочно принять правила «новой планетарной гармоничной цивилизации, основанной на природо-социальном, духовном мировоззрении, включая переход от моно-структурной капиталистической

системы – к универсальной природо-социальной конструкции с учетом интересов всех групп общественного взаимодействия; создание альтернативной экономики, новые финансовые правила; переформатирование ООН и ЮНЕСКО из функционально-государственных в общественные; переход к пониманию законов взаимодействия людей и духовных принципов развития всего мироздания» [5].

Исторический экскурс свидетельствует о том, что капитализм, ставший на начальном промышленном этапе своего развития драйвером научно-технического прогресса, несмотря на «войну всех против всех» в рамках погони за прибылью, благодаря «невидимой руке рынка», почти четыре века оставался наиболее прогрессивной общественно-экономической моделью. В рамках потребительского общества, вопреки своей антигуманной сущности («человек человеку – волк»), он в своей либерально-демократической модели обеспечивал удовлетворение человеческих потребностей.

Однако, начиная с 80-х годов прошлого века, в условиях накачивания мировой экономики «токсичными» финансовыми инструментами капитализм освободился от необходимости удовлетворения потребительских запросов общества. Следствием такой политики стало завышение реального мирового ВВП в несколько раз и необходимость найти способ устранить сложившийся дисбаланс, в том числе одним из привычных для капитализма выходов – путем развязывания войн.

После распада СССР новая правящая в России элита выбрала путь радикальных реформ на основе идей монетаризма М. Фридмана, полагавшего, что рыночная экономика способна к полному саморегулированию. Главный рычаг воздействия – финансы. Рыночные отношения сами по себе обеспечивают стабильность экономики. Вмешательство государства подавляет свободу личности и увеличивает вероятность ошибок в проведении экономической политики.

Реализация этой теории в Чили привела к сокращению численности населения (там 8 лет не платили пенсий). Позднее советами Фридмана

пользовались М. Тэтчер в Англии и Р. Рейган в США. В то же время в отличие от «монетаризма», эффективность «кейнсианства» подтверждалась успехами экономического развития в послевоенные годы ряда стран Запада, Японии и Южной Кореи.

После прихода к власти в марте 1985 г. М.С. Горбачева, СССР жил в ожидании радикальных экономических реформ. Цель состояла в том, чтобы реформировать экономику в интересах правящей номенклатуры, сделать ее рыночной при сочетании различных форм собственности, конкуренции, личном интересе, предприимчивости и состязательности. Обусловлено это было значительным отставанием от развитых стран в техническом и технологическом отношениях, неспособностью использовать достижения современной НТР, низкими показателями жизненного уровня населения.

Но кризис плановой экономики можно было преодолеть путем трансформации (пример Китая, НЭПа в СССР) в ее же рамках. Задачу облегчали: относительная простота структуры хозяйства и сравнительно небольшие масштабы общественного производства, позволяющие обеспечить своевременность команд центра; экстенсивный тип роста, методы командно-административной системы; кредит доверия общества.

Высокая эффективность плановой экономики ранее гарантировалась концентрацией ресурсов на определенных участках, жесткой трудовой дисциплиной и т.д. Так, за период 1928-1955 гг. среднегодовые темпы прироста валового национального продукта составили в СССР 14,6%, а темп прироста потребления населения – 4,8% (1885-1913 гг. – 3,2%). Как показала история, плановая система могла обеспечить более быстрое развитие в пределах достаточно кратковременного периода.

Сложности возникали при попытках изменения системы – перехода от преимущественно административных к экономическим методам управления. Эти изменения не охватывали весь комплекс проблем. Отсюда их непоследовательность и неэффективность. После каждой неудачи кризисные явления нарастали, приобретали более широкий и глубинный характер,

требовали масштабных мер для своего преодоления. Показателем нарастающих проблем служило снижение среднегодовых темпов прироста валового национального продукта СССР. Если в 1950-1970 гг. он составлял 5,0%, то в 1970-1989 гг. – уже 2,0%.

Начало восьмидесятых годов ознаменовалось рядом попыток кардинального реформирования действующего хозяйственного механизма, также не приведших к позитивным результатам, что свидетельствовало о кризисе существующей системы и невозможности его преодоления в собственных рамках.

Так, если принять за базу 1985 г., валовой национальный продукт СССР снизился в 1990 г. на 3%, а в 1991 г. – на 17%. В октябре 1991 г. на V Съезде Народных Депутатов Б. Ельцин объявил о проведении в стране радикальных экономических реформ. В январе 1992 г. были отпущены цены на товары и услуги, ликвидирована централизованная система распределения ресурсов. Устранение контроля цен при всеобщей монополизации производства привело к их росту в 1992 г. в 100-150 раз при росте средней заработной платы в 10-15 раз.

12 декабря 1993 г. в России прошли выборы в Государственную Думу, был сформирован Совет Федерации, одновременно принята Конституция, которая ознаменовала коренные изменения в социально-политическом устройстве страны. Было покончено с коммунистической перспективой.

Для пришедших к власти в 1991 г. радикально-демократических сил путь постепенных преобразований был неприемлем по политическим соображениям. Их социальную опору составляли средние слои, в своей массе ничего от политического переворота не получившие. Они ждали экономического прогресса. Стремление не потерять сторонников среди городской интеллигенции, служащих, части рабочих высокой квалификации, потребность в укреплении социальной опоры за счет создания широкого слоя предпринимателей – всё это толкало правительство реформаторов Е.Т. Гайдара на решительные действия. Был и фактор влияния экономических

интересов транснациональных корпораций, международного валютного фонда (МВФ), геополитических, экономических и военных интересов США, Евросоюза, НАТО и т.д.

Российские реформаторы стремились радикально разрушить советскую плановую экономику, как можно быстрее направить страну по пути рыночных преобразований. Однако подавляющая часть общества не понимала, что происходит, что этот процесс является сломом социалистической системы хозяйствования. 30 декабря 1991 г., президент РФ Б.Н. Ельцин заявил: «Нам будет трудно, но этот период не будет длинным. Речь идет о 6-8 месяцах. В это время нужна выдержка» утверждал, что к концу 1992 г. «начнется постепенное улучшение жизни людей» при этом ничего не говорил об отказе от социалистической перспективы развития, и это внушало надежду.

В результате рыночных реформ конца XX – начала XXI вв. и некоторых новых тенденций мирового развития российская экономика претерпела революционные изменения. Однако реформы происходили крайне противоречиво: прогресс институциональной трансформации совпал с глубочайшим экономическим кризисом, структурным крахом экономики, обнищанием основной массы населения страны. В международное разделение труда страна включилась только добывающими отраслями экономики, ориентированными на экспорт углеводородов, минерального сырья и иных природных ресурсов и полезных ископаемых.

Власть провозгласила стремление создать «не сотни миллионеров, а миллионы собственников», но первая приватизация доступная народу была проведена лишь в 2006 г., когда населению было предложено вложить в акции «Роснефти» не менее 20 000 рублей (750 долл.).

Среди основных причин кризисного состояния экономики того периода можно выделить: неразвитость финансовой системы страны, рост дефицита бюджета, высокие темпы инфляции; разрушение единого экономического и финансового пространства страны, разрыв хозяйственно-экономических и

технологических связей между отраслями, предприятиями и регионами, экономическое обособление союзных республик вследствие распада СССР; сокращение объемов и изменение структуры внешнеторгового оборота, снижение экспортных возможностей и свободных валютных средств, рост государственного внешнего долга и расходов по его обслуживанию; сокращение объемов производства в добывающих отраслях промышленности, а также сельскохозяйственного производства не компенсированное улучшением использования сырья, топлива и материалов.

Проведенные реформы привели в конечном итоге к падению реального производства, безработице, снижению жизненного уровня населения. При этом и ранее в истории России некоторые переходные процессы демонстрировали существенное замедление развития. Так, заметно снижались среднегодовые темпы роста национального продукта – до 1,7% в 1861-1885 гг. (1861-1913 гг. – 2,65%). Аналогичные процессы наблюдались в 1918-1928 гг. Масштабы этих явлений зависели от умелости руководства, сроков и методов осуществления преобразований, особенностей сложившихся условий.

Так, по оценке американского экономиста профессора М. Голдмана, руководителя ФРС А. Гринспена, возглавлявшего ее 30 лет, и Д. Стиглица – руководителя Мирового банка, лауреата Нобелевской премии по экономике В. Леонтьева, академика РАН Л. Абалкина и др. приватизация в России потерпела провал.

Очевидно, что любые программы приватизации должны были проводиться в условиях, когда никакая группа не должна иметь незаконного преимущества, а общество и государство должны активно контролировать этот процесс; результатами приватизации должны быть возросшая эффективность производства, новый менеджмент, реструктуризация и закрытие неэффективных предприятий.

Но на деле одномоментно произошла крупнейшая геополитическая катастрофа. Социалистическая система хозяйствования была уничтожена.

После развала Советского Союза более 25 миллионов русских людей оказались за границей. Были разрушены система здравоохранения и система социальной защиты, остановлены целые отрасли экономики, в плачевном состоянии находилась армия, миллионы людей оказались за чертой бедности. Страна утратила 40% территории, примерно столько же производственных мощностей и населения. Поэтому современные социологические опросы российских граждан свидетельствуют о росте ностальгии по советским временам пожилого поколения и интересу к этой истории новых поколений. Так, по опросу «Левада-центра»[5] 2019 г., роль И. Сталина в истории СССР положительно оценивали 70% россиян, о позитивном отношении к нему заявил 51%. Это рекорд за все время опросов; в 2006–2009 гг. данный показатель был на уровне 39–49%. Всего 19% россиян оценивают его роль в жизни страны отрицательно (14% – скорее отрицательно, 5% – целиком отрицательно) [3].

Спустя 30 лет у России есть реальная перспектива идти своим путём, имея исторический опыт СССР, в том числе ленинский НЭП, две сталинских модернизации с использованием в качестве драйвера современные достижения научно-технического прогресса**.** К этому подвигают серьезные вызовы сегодняшнего дня, требующие поиска эффективной экономической модели будущего, определения верных оснований и целей развития [1].

В 1917 г. Россия отвергла капиталистическую модель экономики, выбрав приоритетом социальную справедливость, свободу и равенство, в 2022 г. – в год столетия образования СССР – история представляет ей второй шанс отстоять свой суверенитет, отвергнув ортодоксальный либерализм, сформулировать и решить задачи будущего развития на основе учета интересов всего общества.

---

[5] В соответствии с Федеральным законом «О некоммерческих организациях», решением Минюста РФ от 5 сентября 2016 г. Центр включён в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции «иностранного агента»

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1) Галушка А. С., Ниязметов А. К., Окулов М. О. Кристалл роста к русскому экономическому чуду**.** – М., 2021. – 360 с. https://www.rbc.ru/economics /21/10/2021/ 617182b79a7947da0cfe221ahttps

2) Капитализм пора менять, иначе нас ждут революции, заявил основатель форума в Давосе https://incrussia.ru/news/pereosmyslit-kapitalizm/

3) Левада-центр»: одобрение Сталина россиянами достигло рекорда https://www.kommersant.ru/doc/3945712

4) Путин заявил об исчерпании современной модели капитализма: https://www.rbc.ru/economics /21/10/2021/ 617182b79a7947da0cfe221ahttps

5) Экстренное заявление Римского клуба https://midgard-edem.org/?p=9147

УДК 37.017.4

ПОИСКОВАЯ РАБОТА И ЕЁ ПРЕЗЕНТАЦИЯ ЧЕРЕЗ МУЗЕЙНО-ВЫСТАВОЧНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ФОРМА ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИИ МОЛОДЕЖИ

Еремин Сергей Владимирович
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, доцент кафедры истории России и документоведения,
Нижневартовский государственный университет, г. Нижневартовск,
e-mail: serjomin@mail.ru

Теняев Никита Александрович
студент гуманитарного факультета,
Нижневартовский государственный университет, г. Нижневартовск
e-mail: nikita.tenyaev@mail.ru

Аннотация: На примере деятельности студенческого поискового отряда «Следопыт» Нижневартовского государственного университета раскрывается значимость поисковой работы в деле патриотического воспитания молодёжи.

Ключевые слова: патриотизм, патриотическое воспитание, поисковый отряд, музейно-выставочная деятельность, экспонат.

SEARCH WORK AND ITS PRESENTATION THROUGH MUSEUM AND EXHIBITION ACTIVITIES AS A FORM OF PATRIOTIC EDUCATION OF YOUTH

Eremin Sergey V.
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History, Associate Professor of the Department of Russian History and Documentation, Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk,

e-mail: serjomin@mail.ru

Tenyaev Nikita A.

4th year student of the Faculty of Humanities,

Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk

e-mail: nikita.tenyaev@mail.ru

Abstract: On the example of the activity of the student search party «Pathfinder» of Nizhnevartovsk State University, the importance of search work in the patriotic education of young people is revealed.

Key words: patriotism, patriotic education, search party, museum and exhibition activities, exhibit.

Патриотическое воспитание молодежи является одной из приоритетных задач в современной России. В нашем понимании, патриотическое воспитание – это целенаправленное формирование у человека чувства любви к своей Родине, преданность своему Отечеству, стремление служить его интересам и готовность, вплоть до самопожертвования, к его защите. Великий русский педагог К.Д. Ушинский ещё XIX в. писал: «Главным в воспитании является развитие у молодежи патриотизма, любви к родине. Любовь к родине не должна проявляться только в каких-то экстремальных, чрезвычайных ситуациях. Она должна присутствовать в человеке всегда, и задача народного воспитания состоит как раз в том, чтобы пробудить эту любовь» [3, с. 87].

О формах, средствах и методах работы по патриотическому воспитанию было написано немало работ, в том числе посвящённых деятельности поисковых отрядов [1]. Тем не менее, актуальным остаётся вопросы, касающиеся форм популяризации этой деятельности в молодёжной среде. В данной статье мы хотим поделиться своим опытом работы,

связанной с деятельностью студенческого поисково-археологического отряда «Следопыт» и её презентации через музейно-выставочную деятельность.

Отряд «Следопыт» был создан в декабре 2014 г. в Нижневартовском государственном университете по инициативе кандидата исторических наук С.В. Еремина. Основными направлениями работы отряда является поисковая деятельность, которая включает в себя работу в архивах, переписку с родственниками пропавших без вести солдат и выезд в места боевых действий, участие в археологических экспедициях, работа по сохранению воинских мемориалов и памятников культурно-исторического наследия страны, организация выставок и экспозиций, посвящённых военной истории страны, а так же проведение «уроков мужества» с участием ветеранов Великой Отечественной и локальных войн [2].

С 2015 по 2021 гг. члены студенческого поискового отряда «Следопыт» приняли участие в одиннадцати поисковых экспедиций на территории г. Севастополь, Керчь, Городищенского района Волгоградской области, в Эльбрусском районе Республики Кабардино-Балкария. Ими были обнаружены и переданы для перезахоронения останки более 100 бойцов РККА и РККФ. Университетские поисковики участвовали в торжественных захоронениях советских воинов на мемориальном кладбище советских воинов в п. Дергачи (г. Севастополь) и в п. Терскол (Республика Кабардино-Балкария), регулярно участвуют в установке и благоустройстве памятников погибшим воинам в годы Великой Отечественной войны на территории районов поиска и в г. Нижневартовск [2].

В ходе этих экспедиций, «следопыты» находят необычные военные артефакты, которые наряду с фотоматериалами, становятся предметными иллюстрациями отчетов об итогах прошедшей экспедиции, дополняют музейную экспозицию «Битва за Севастополь», находящуюся в музее истории Нижневартовского государственного университета [4].

В ноябре 2014 в университете был открыт музей истории, ставший своеобразной учебно-методической лабораторией поискового движения в

НВГУ. На базе музея проводится активная воспитательно-патриотическая работа. Здесь проводятся экскурсии для студентов и гостей университета, занятия со студентами-историками в рамках учебной проектно-технологической практики, на которой они осваивают азы музейного дела, получают навыки экспозиционной и экскурсионной работы. К 70-летию Победы в музее истории НВГУ открылась экспозиция «Битва за Севастополь», посвящённая героической обороне города в 1941-1942 гг. В настоящее время в университете реализуется программа «Передвижная выставка «Битва за Севастополь». Выставка регулярно пополняется за счет новых экспонатов, привозимых «следопытами» с вахт памяти.

Об одном из таких предметов мне хотелось бы рассказать подробнее. Речь пойдёт о самодельном котелке, изготовленном кустарным способом из корпуса допзарядника к 152-мм мортире раздельногильзового заряжания образца 1931 года. Данный предмет был найден «следопытами» весной 2021 года во время Межрегиональной военно-поисковой экспедиции «Севастопольский рубеж».

Солдатский или армейский котелок – предмет на войне не менее важный, чем оружие. Походный котелок в армии нужен скорее не для приготовления пищи, а для ее переноса и употребления. С 1936 года на Ленинградском заводе «Красный Выборжец» был налажен выпуск овального алюминиевого котелка европейского образца. В начале 1940-х гг. их стали покрывать зеленой краской. С началом войны запасы алюминия в стране начали очень быстро сокращаться, поэтому алюминиевые овальные котелки, примерно с 1943 года, заменили на стальные зеленого или коричневого цвета [5, с. 90].

Найденный нами котелок является предметом окопного творчества. Само слово «окопное» не подразумевает, что предмет сделан именно в окопе, хотя некоторые несложные изделия могли быть сделаны и «на коленке» на передовой. Данный предмет был обнаружен недалеко от высоты 60.0. Здесь находилась 365-я зенитная батарея и мы можем предположить, что

принадлежал одному из защитников города. Севастопольцам высота 60.0 известна как «Высота Героев» или «батарея Пьянзина». С ней связана одна из ярких страниц героической обороны Севастополя. В течение 213 дней эта батарея сдерживала крупные силы противника на основном направлении на город. Высота, где находилась батарея, главенствовала над северной частью города, поэтому немецко-фашистское командование придавало ее ликвидации большое значение [6, с. 244]. 13 июня 1942 г. командир батареи 22-летний старший лейтенант Иван Пьянзин вызвал огонь советских батарей на себя и 365-я зенитная батарея перестала существовать. Трое военнослужащих этой батареи в период обороны Севастополя стали Героями Советского Союза: старшие лейтенанты Николай Воробьев[6] и Иван Пьянзин и краснофлотец Петр Липовенко [6].

Найденный самодельный котелок был в плохом состоянии и требовал реставрации. Сначала необходимо было его очистить, загрунтовать и покрасить. После реставрационной работы предмет стал частью выставочной экспозиции «Битва за Севастополь» в музее истории НВГУ. Кроме того, он стал самостоятельным артефактом и использовался на уроках мужества, которые проводили «следопыты» для нижневартовских школьников в Совете ветеранов г. Нижневартовска.

Наш рассказ о поисковой деятельности, о героических сражениях периода Великой Отечественной войны с использование необычных военных артефактов неизменно вызывает у слушателей интерес, побуждает желание больше узнать, а иногда и приобщиться к поисковой работе.

Таким образом, поисковая деятельность и её презентация через музейно-выставочную деятельность играет важную роль в патриотическом воспитании. Поисковая работа, изучение военных артефактов пробуждает у молодых людей интерес к изучению военной истории, укрепляется чувство

[6] В 1954 г. Н.А. Воробьев был лишен звания Героя Советского Союза за совершение уголовного преступления. Не реабилитирован – прим. ред.

сопричастности к событиям, проходившим на полях сражений в период Великой Отечественной войны, чувство гордости за свою страну.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1) Подготовка учащейся молодёжи к поисковым работам: организационно-методические, правовые основы/ Сост. И.П. Цуканов. – Курск, 2008

2) Студенческий поисковый отряд «Следопыт». Режим доступа: http://nvsu.ru/ru/stud_org/1616/ (дата обращения: 01.03.2022)

3) Ушинский, К.Д. Педагогические сочинения: В 6 т. Т. 1. / Сост. С.Ф. Егоров. – М., 1989.

4) Музей истории НВГУ. Режим доступа: http://nvsu.ru/ru/museumnvsu/ (дата обращения: 01.03.2022).

5) Рио Ф. Советский солдат Второй мировой войны: униформа, знаки различия, снаряжение и вооружение. – М., 2014.

6) Форт «Сталин» (365-я зенитная батарея). Режим доступа: http://sevdig.sevastopol.ws/issl/365.html (дата обращения: 01.03.2022).

УДК: 9 (575.1)

СИСТЕМА ТРАДИЦИОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СРЕДНЕЙ АЗИИ: ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ИННОВАЦИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX –XX ВВ.)

Мухамедов Шухрат Бахронович
доктор исторических наук, и.о. профессора Филиала РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина в Ташкенте.
e-mail: shukhrat.mukhamedov@gmail.com

Аннотация: В статье в исторической ретроспективе рассматриваются состояние, трансформационные процесс и инновации в системе традиционного образования в Средней Азии. Особое внимание уделяется развитию женского образования.
Ключевые слова: Туркестанское генерал-губернаторство, Узбекистан, образование, наука, женщины, трансформационные процессы, инновации.

THE SYSTEM OF TRADITIONAL EDUCATION IN CENTRAL ASIA: TRANSFORMATIONAL PROCESSES AND INNOVATIONS (THE SECOND HALF OF THE XIX –XX CENTURIES)

Mukhamedov Shukhrat B.
doctor of Historical Sciences, Acting Professor of the Branch of the Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University) in Tashkent
e-mail: shukhrat.mukhamedov@gmail.com

Abstract: The article in historical retrospect examines the state, transformation process and innovations in the system of traditional education in Central Asia. Special attention is paid to the development of women's education.

Keywords: Turkestan governor-general, Uzbekistan, education, science, women, transformational processes, innovations.

Российская наука и исламское образование: опыт взаимовлияния и взаимообогащения

Во второй половине XIX века, после вхождения территории Средней Азии в состав Российской империи, началось взаимовлияние и взаимообогащение восточной и европейской культуры, науки и образования.

Необходимо учитывать, что мусульманское просвещение в Туркестанском генерал-губернаторстве включало мактабы и медресе, в которых, в основном, давались знания, базировавшиеся на изучении основных положений Корана. Начиная с 70-х гг. XIX века, в крае открываются русско-туземные школы, перед которыми ставилась цель приобщения детей местного населения к русской [европейской – *прим. авт*.] культуре. Приведем несколько примеров взаимовлияния и взаимообогащения мусульманского и христианского светского образования в Туркестанском крае, малоизвестных в исторической науке.

1 декабря 1898 г. исполняющий должность Главного инспектора училищ Туркестанского края обратился с письмом к инспектору народных училищ Туркестанского края 1-го района, в котором высказал о желании Туркестанского генерал-губернатора познакомить местных учителей и мударисов [руководители медресе – *прим. авт*.] города Ташкента с волшебным фонарем и фонографом. «В этих целях, предлагалось собрать в зале Ташкентского реального училища означенных лиц и демонстрировать в их присутствии опыты с волшебным фонарем и фонографом, а также показать им классные помещения названного училища» [1, л. 1-1 об.].

В конце 1898 – начале 1899 гг. в туркестанской «Туземной газете» была напечатана работа С.М. Граменицкого «О пользе наук». Позже эта работа была опубликована в виде отдельной брошюры на двух языках, узбекском и русском, и распространена среди учителей русско-туземных школ и мударисов медресе города Ташкента. По приказу начальника края Туркестанское учебное ведомство начинает готовить публичные лекции среди мусульманской интеллигенции о развитии русской науки и техники.

Был составлен список мударисов крупнейших медресе Ташкента, приглашенных на эти публичные чтения. В списке значились 23 человека, из которых было 20 старших мударисов. В числе их приглашены были мударисы следующих медресе: «Шариф этдин бай», «Ахмат магзум», «Барак хан», «Бегляр Беги», «Махмут Дастурхончи» и др.

14 февраля 1899 г. в здании Ташкентской мужской гимназии состоялось первое народное чтение для представителей местного населения под названием «О пользе наук» (сост. С. М. Граменицким). По словам директора этой гимназии Н.П.Остроумова, высокопоставленным мусульманским деятелям были показаны: «глобус, полушария, карта Азии, и разные опыты на приборах физического кабинета – термометр, барометр, воздушный насос, Магдебургские полушария, электрическая машина, паровая машина, фотография с разными картинками и между другими видами русско-туземных школ и железнодорожный мост на Сырдарье, графофон, магнит и др.» А затем в темной комнате при помощи волшебного фонаря были показаны картины замечательных зданий Москвы, Парижа, Лондона и Берлина [1, л. 35-35 об.].

На чтении присутствовали исполняющий должность генерал-губернатора, генерал-лейтенант Н.А. Иванов, Главный инспектор училищ Ф.М. Керенский, военный губернатор Сырдарьинской области Н.И Корольков, Председатель комиссии народных чтений в городе Ташкенте А.И. Николаенко и др.

При всей своей кажущейся помпезности, на наш взгляд, народные чтения имели положительный момент в том, что старшие мударисы, будучи ответственными за учебный процесс в медресе, наглядно увидели многие технические новинки, которые использовались в Российских учебных заведениях.

По окончании чтений генерал-лейтенант Н.А. Иванов высказал представителям присутствовавших на чтении местных религиозных деятелей надежду на скорое открытие курсов русского языка при мусульманских мадрасах города Ташкента. «Сибзарский народный судья Мухитдин-ходжа заявил о своей готовности исполнить означенное желание Главного Начальника края С.М. Духовского…» [1, л. 35-35 об.].

Российская администрация при Туркестанском генерал-губернаторе С.М.Духовском с 1899 года начинает образовательные поездки для детей местного населения по крупным городам внутренней России с целью ознакомления с образом жизни русских и детей, населяющих мусульманские регионы Империи.

В июле 1898 года Туркестанский Генерал-губернатор направляет письмо на имя Военного министра Алексея Николаевича Куропаткина, в котором просит у своего руководителя содействия в организации учебно-образовательных поездок «молодых сартов и киргизов» в Российские города. По словам начальника краевой администрации, «там они увидят величие, могущество и богатство Империи, а также занятия, промышленность и торговлю жителей. Увидят, что под могуществом Великого Белого царя мирно живут и благоденствуют все верноподданные Его – русские и инородцы, христиане и мусульмане. Полученные путешественниками сведения широко разнесутся по краю. Надеюсь, что такие поездки возбудят интерес в молодых туземцах и могут ежегодно повторяться на собственные средства состоятельных родителей» [2, л. 433-433об.].

По мнению Туркестанского генерал-губернатора, первая поездка должна была состояться в июне-июле 1899 года по следующему маршруту:

от Ташкента до Красноводска по железной дороге. Далее на пароходе в Астрахань и Саратов. Из Саратова по железной дроге в Москву и в С.Петербург. Обратный путь через станцию Бологое в Рыбинск. Отсюда по Волге в Ярославль, Кострому, Н. Новгород, Казань, Астрахань и Баку, оттуда безостановочно в Ташкент [2, л. 433об.].

В экскурсию планировалось отправить 15 человек из воспитанников «инородческих квартир при городских училищах» и из окончивших курс в русско-туземных школах, в возрасте от 15 до 20 лет, и с ними домулла русско-туземной школы и служитель. Руководителем экскурсии должен был быть назначен один из учителей городских училищ. Туркестанский генерал-губернатор просил Военного министра помочь «в удешевлении проезда по железным дорогам и пароходах, а при остановках в городах, которые указаны в маршруте, безплатное помещение в учебных заведениях Министерства Народного Просвещения» [2, л. 434]. Кроме того, начальник Туркестанского края просил содействия в организации экскурсий в этих городах.

Продолжительность поездки планировалась в 64 дня, при стоимости проезда по железным дорогам и продовольствии одного ученика в 126 руб. 40 коп. Экскурсии проводились с1899 по 1903 год. В первый год для всех 15 участников поездки был организован бесплатный проезд. Последующие годы количество учеников колебалось от 10 до 15 человек. Причем, основная часть экскурсантов должна была оплатить поездку. Пароходная компания «Кавказ и Меркурий» оплачивала плавание туркестанских детей на своих судах по Каспийскому, Черному морям и по Волге за свой счет.

Программа экскурсии была довольно насыщенной. Например, в 1902 году Военное министерство направляет письмо руководителю туркестанских учеников учителю Кузнецову, в котором предлагалась следующая программа: принятие Военным министром экскурсантов в Красном Селе. Кроме того, он приглашал детей на Красносельские скачки. Туркестанским ученикам предлагалось так же осмотреть: Зимний дворец, Эрмитаж, Монетный двор, экспедицию заготовления Государственных бумаг, музеи-

Академии наук, Художественно-промышленный, Сельскохозяйственный и Морской, лучшие филантропические заведения – больницу, богадельню и училище глухонемых. В программу осмотра входили в том числе – Путиловский завод, Фарфоровая и стеклянная фабрики, а также предлагалось совершить поездки в Кронштадт, Пулково (обсерваторию), Петергоф, Павловск, Царское и Красное села, Гатчино и Парголово» [2, л. 398об.].

В Царском Селе туркестанских учеников ежегодно приветствовал Император России Николай II. Военное министерство всю поездку туркестанских детей-туземцев держало под непосредственным контролем. Естественно, что на детей эти поездки оказывали неизгладимое впечатление.

Отбор учеников для экскурсий в центральные города России учебное ведомство Туркестанского края во главе с Ф. Керенским проводило тщательнейшем образом. В состав экскурсантов 1902 года, по мнению Керенского, должны были входить лишь лучшие ученики русско-туземных школ не моложе 15 лет, отличающиеся безукоризненной нравственностью, хорошим здоровьем, внешней опрятностью и достаточным знанием русского языка. Учебно-образовательные поездки мусульманских детей в неведомую Россию, естественно, имели для них большое познавательное значение.

Трансформационные процессы в системе женского образования в Средней Азии (историческая ретроспектива)

После вхождения Средней Азии в состав Российской империи происходит изменение образа жизни местного населения. Под влиянием принесенной христианской культуры происходит также трансформация традиционной мусульманской культуры и образа жизни местного населения. По словам одного из крупных политических деятелей Российской империи Куропаткина А.Н. о том, что три категории людей в Туркестане останутся довольны Российским правлением, а именно крестьяне, торговцы и женщины, можно определить основной вектор действия имперской политики в Средней Азии. Российское правительство прекрасно понимало то, что

именно через женщин – хранительниц семейного очага было возможно влиять на местное население в нужном для государства русле.

В Туркестанском генерал-губернаторстве (образовано в 1867 г.) было в основном 3 типа учебных заведений: это строго конфессиональные – мусульманские мактабы и мадраса, правительственные – российские учебные заведения, и с 1876 года открываются русско-туземные школы. Но местное население настороженно отнеслось к русско-туземным школам, так как мусульманские религиозные деятели на местах стали пугать родителей тем, что в этих школах будут насильно крестить детей. Тем более, родители девочек категорически отказывались отдавать своих детей в эти школы, где учителями были в основном русские, христианские люди. Поэтому, как свидетельствует статистика, в начале XX века ни одной мусульманской девочки в русско-туземной школе не обучалось. Местные родители предпочитали отдавать своих девочек в мактабы и медресе. Но в начале XX века положение в корне меняется. В Туркестанском крае начинают открываться новометодные школы по методике крымско-татарского просветителя Исмаила Гаспринского. Более прогрессивные школы, в которых давались знания в большей степени и по светским наукам, за короткий срок завоевали доверие родителей мусульманских мальчиков и девочек. Возможность сравнивать уровень обучения и оснащенности учебного процесса в старых мусульманских учебных заведениях и европейских имел решающее значение для местных элит. Именно национальные интеллектуальные элиты-джадиды, начинают приобщать местное население к прогрессивному европейскому образованию. Краевая администрация Туркестанского генерал-губернаторства была, в общем, далека от этих процессов и слабо разбиралась в мусульманском образе жизни. Лишь только в начале XX века царская администрация Туркестанского края начинает подробно знакомиться с основами шариата и гендерного баланса народов этого региона.

Прибывшая в 1907 году в Туркестанское генерал-губернаторство ревизия графа К.К. Палена подробно знакомится с правовым бытом местного населения. Комиссия приходит к выводу, что на территории Туркестанского края не было до сих пор единого шариатского законоположения, по которому бы осуществляли свои полномочия народные суды. Комиссия констатировала тот факт, что правовой быт народов Средней Азии основан на разных законоположениях, а именно для оседлого населения актуальны были законы «шариата», а для кочевого населения – законы «адата». Естественно, что гендерные взаимоотношения у этих народов были на разном уровне.

Например, как указывают эксперты ревизии графа Палена, женщина находилась в более приниженном состоянии по отношению к своему мужу, что естественно было закреплено нормами шариата. Так, в пункт 37, подготовленного и обобщенного членами комиссии сборника шариатских законов «Дуруль-Мухтар» и «Казыхан» для Туркестанского генерал-губернаторства, вошло следующее положение: «Непокорную жену муж вправе лишать свободы [права выходить из дома – *прим. авт.*] и после увещаний подвергать телесным наказаниям. Однако в этом же документе указывается на принципы веротерпимости, заложенные в основах шариата. Так, в примечании к главе – I «О браке» указывается, что «мусульманин может жениться на женщине, верующей в Святое Писание, признаваемое и мусульманами священным, т.е. на христианке или еврейке». Эти положения гендерных взаимоотношений, закрепленные в своде шариатских законов, в целом, сохраняются в начале 20-х годов XX века и при Советской власти.

Несомненно то, что по сравнению с мусульманскими учебными заведениями правительственные учебные заведения в Туркестанском крае были оснащены учебным инвентарем гораздо лучше. В гимназиях и училищах использовалась кабинетная система изучения предметов. И все это было, прежде всего, благодаря государственному субсидированию.

Мусульманские учебные заведения вплоть до 1917 года находились на самофинансировании.

Надо учитывать и тот факт, что уровень развития Российской империи и завоеванных ею мусульманских окраин, прежде всего в экономическом плане, можно характеризовать понятием «небо и земля». Сложно сравнивать быстро развивающиеся капиталистические отношения огромной империи и отсталое феодальное экономическое состояние трех завоеванных во 2-й половине XIX века среднеазиатских государств – Бухарского эмирата, Кокандского и Хивинского ханств.

Точно так же, сложно сравнивать положение женщин в европейском и мусульманском обществе. Даже если сравнивать туркестанскую женщину и женщину Кавказа, сравнение будет не в пользу среднеазиатской женщины. Ислам в его радикальном виде лишал женщину этого региона практически всех прав, не говоря о том, что женщина здесь была закрыта от всего общества в прямом и переносном смысле. Ношение паранджи здесь длилось до 1930-40-х годов XX века. Однако женщина в Туркестанском крае внимательно следила за изменениями, которые происходили после вхождения региона в состав Российской империи. Красивая европейская одежда, как женщин, так и мужчин, оформление европейских домов, новая утварь домашнего обихода, естественно, не оставляли равнодушной стремящуюся к новшествам женскую натуру. Поэтому, в первую очередь, в домах состоятельных местных жителей происходят разительные перемены, благодаря именно практичности восточных женщин. Однако в области образования женщин перемены происходят не так быстро.

Уровень свободомыслия и прогрессивности у восточной и европейской женщины, конечно же, был совсем не одинаковым. В сознании восточной женщины изменения происходили эволюционным путем. Самое решительное, на что пошла восточная женщина в начале XX века, это признание новометодных [усули джадид – прим. авт.] школ. Исследователи утверждают, что в Хиве в этих школах девочки и мальчики учились вместе

[4, с. 15]. Но это не означало, что новометодные школы становились в один ряд с европейскими образовательными учреждениями. Это был всего лишь необходимый шаг вперед от отсталого «многовекового» исламского образования. Однако, этот шаг еще не раскрепостил восточную женщину до конца.

Чтобы иметь некоторое представление о том, на каком уровне в начале XX века находилось самосознание европейских женщин в Средней Азии и иметь возможность сравнивать ее с ментальностью восточной женщины, приведем один пример. События 1905 года не обошли своим влиянием и учеников гимназий Туркестана. Например, ученицы Самаркандской женской гимназии выдвигают ряд требований к администрации своего учебного заведения [3, л. 47]. На собрании, которое проходило 20 октября 1905 г., лидеры учениц гимназии, выдвигают ряд требований, которые, по их мнению, должны были привести к улучшению учебного процесса. Например, предлагалось разрешить участие родителей в Педагогическом Совете гимназии; дать свободу собраний в стенах гимназии для обсуждения своих нужд; разрешить посещение театров и библиотек-читален без контроля членов педсовета; предлагалось прекратить замечания в публичных местах и требовать более вежливое обращение; рекомендовалось заменить гимназического врача женщиной-врачом, а также наладить преподавание мусульманского закона божьего исламским священнослужителем [3, л. 47]. В стенах женских гимназий в Туркестане обучались девочки различных национальностей, как местных, так и представителей Кавказа, Волжского региона и др.

Естественно, что ничего подобного не могло быть в мусульманских учебных заведениях Туркестанского края, тем более в тех, в которых учились девочки. Однако все познается в сравнении. Возможность сравнивать – великая вещь. Женщины Туркестанского края вместе со своими семьями получили возможность посещать европейские страны и сравнивать развитие восточных и западных стран. Причем сравнение оказалось не в пользу

восточных стран. Европейское образование покорило среднеазиатскую молодежь. И в середине 20-х годов XX века большая группа юношей и девушек из Узбекистана едет на учебу в Германию. Это были первые ласточки, которые приобщились к европейскому образованию в новом для себя формате.

Можно по-разному относиться к рассматриваемому нами и советскому периоду в истории нашего региона, однако, несомненно, что они сыграли свою положительную роль в эмансипации женского населения и поднятии роли женщин в общественном развитии, что на наш взгляд было воистину великим переломом в развитии региона и в целом способствовало огромному прогрессу, который привел к обретению независимости этих стран.

Однако, Советская власть в Средней Азии предпринимает решительные действия для борьбы с «религиозными исламскими предрассудками», что вылилось в компанию «Худжум», когда многие женщины бросали свои паранджи, и в первую очередь это коснулось жен руководящего состава различных уровней административно-партийной номенклатуры Узбекистана и других республик Средней Азии, традиционно мусульманских. Эта борьба с предрассудками совершалась слишком революционным путем, что привело к необоснованно большим жертвам.

Бабушка автора этих строк, будучи женой руководителя одной из крупных организаций Бухарской области, в 1929 году вынуждена была по требованию своего мужа выйти вместе с другими женами руководителей области на центральную площадь города и бросить свою паранджу в специально разожженный костер [движение «Худжум» – прим. авт.]. Это было для восточной женщины шокирующим состоянием, после которого она долго еще приходила в себя. Однако уже в 1933 году бабушка (Расулова Нарзия) спокойно выходила на улицу без паранджи и даже начала работать заведующим детским садом и проработала в этой должности более 40 лет.

Советская власть решительно изменила гендерный баланс в этом мусульманском крае. Законодательно было закреплено равенство мужчин и

женщин перед законом. Мама автора этих строк (Расулова Мунира, 1933 г.р.) прошла жизненный путь, несвойственный традиционно мусульманской женщине. Закончив в 1967 году Высшую партийную школу при ЦК КПСС в Москве, в течении 12 лет проработала на высоких должностях в Бухарской области Узбекской ССР.

Автору этих строк воочию пришлось убеждаться в огромных переменах, которые происходили в гендерном отношении в Узбекистане с 1970 г. по настоящее время.

После обретения Узбекистаном независимости произошел ряд непростых перемен в общественной и личной жизни населения нашей страны, традиционно считающего себя мусульманским. Однако руководству нашего государства удалось сохранить светский строй нашего общества и предотвратить сползание к радикальному исламу. Руководством государства провозглашается идеология светского общества на основе просвещенного ислама. В нашем обществе законодательно закреплены равные права и возможности мужчины и женщины. Большую роль в контроле над соблюдением гендерного баланса в обществе имеют махалинские комитеты – органы самоуправления граждан на местах.

Однако в быту присутствует еще ряд проблем, которые связаны с ролью мужчин и женщин в семье. Не редко проблемы в семьях возникают благодаря самим женщинам, которые хотят соблюдать старые обычаи и обряды, часто ничего общего не имеющие с мусульманской религией.

В целом надо отметить, что система образования в современном Узбекистане состоит в основном из светской модели и в то же время совершенствуется и мусульманское религиозное обучение. Руководство страны ставит задачу сохранения баланса в этих системах обучения, и проводит большую работу по предотвращению в обществе всех форм религиозного фундаментализма и радикализма.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1) Национальный архив Республики Узбекистан (далее – НАРУз). Ф. И-47. Оп. 1, Д. 518.

2) НАРУз. Ф. И-47. Оп. 1, Д. 600.

3) НАРУз. Ф. 47. Оп. 1. Д. 787.

4) Полванов Н.Т. Хоразмдаги ижтимоий характлар ва сиесий партиялар тарихи (1900-1924 йиллар). Автореф. дисс. канд. ист. наук. – Ташкент, 2005.

УДК 78

СОВЕТСКИЙ БАЛЕТ 20-х ГОДОВ XX ВЕКА – НАЧАЛО ПУТИ

Палий Елена Николаевна

доктор культурологии, профессор кафедры истории РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, Россия, Москва

e-mail: elenapaliy07@mail.ru

Аннотация. Балет – это уникальный социокультурный феномен, особый жанр, который имеет исключительную силу воздействия как на эмоциональную, так и на интеллектуальную сферу человека. Широкий спектр воздействия балета на личность нередко в этот период использовался в пропагандистских целях. Нужно отметить, что советский балет не смотря на все сложности и противоречия смог выжить и сумел породить настоящих гениев хореографического искусства.

Ключевые слова: советский балет, хореографического искусство, Борис Асафьев, Рейнгольд Глиэр, музыкальная драматургия, идеал революции, коммунистическое будущее страны.

SOVIET BALLET OF THE 20S OF THE XX CENTURY - THE BEGINNING OF THE PATH

Paliy Elena N.

Doctor of Cultural Studies, Professor of the Department of History Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University, Moscow

e-mail: elenapaliy07@mail.ru

Annotation. Ballet is a unique socio-cultural phenomenon, a special genre that has the exceptional power of influencing both the emotional and intellectual spheres of a person. A wide range of ballet's impact on the personality was not rarely used during this period, but for propaganda purposes. It should be noted that the Soviet ballet, despite all the difficulties and

contradictions, managed to survive and managed to give birth to real geniuses of choreographic art.

Key words: Soviet ballet, choreographic art, Boris Asafiev, Reinhold Gliere, musical dramaturgy.

Советское балетное искусство стало складываться сразу после Октябрьской революции. Нужно отметить, что оно вобрало в себя лучшие достижения – традиции академического и фокинского балета. Михаил Фокин (1880 – 1942) основоположник классического романтического балета XX века. Он много работал с Анной Павловой и Сергеем Дягилевым. В конце XIX века и в начале XX века сложились три основные структуры в балете, которые предопределили становление развития музыкальной драматургии советского балета: это – **классическая структура**, которая характерна для творчества П.И. Чайковского и А.К. Глазунова, структура которой предстала в рамках большого трехактного спектакля романтического склада.

Поэмная структура, намеченная А.К. Глазуновым. В последствии поэмная структура закрепилась как в многоактных, так и в одноактных балетных миниатюрах. **Контрастно-составная структура** ещё более противостояла романтическому типу спектаклей. Все эти три структуры могли претворяться и в своём, так сказать, чистом виде, в синтезированном, где признаки одной структуры сочетались с признаками другой. Именно такой синтез отмеченных музыкальной драматургией характерен для советского балета.

В начале 20-х годов XX века у советской власти достаточно остро стоял вопрос: быть балету или не быть? Все прекрасно понимали, что только при сохранении богатства прошлого можно создать новое. А В. Луначарский в своей работе «Для чего мы сохраняем Большой театр» писал, заглядывая в будущее и предсказывая большие возможности искусству: «Тут в особенности найдет место балет … ибо стихия эта необычно зажигает массы … способна дать острое выражение в любом переживании [1, с. 295].

Современность требовала создание произведений, которые отражали героический дух эпохи. Балет достаточно специфический вид искусства, поэтому передать в балете новые темы революционной борьбы, подвига народа задача стояла не из легких.

Надо отметить, что Петроградский балет потерял в годы гражданской войны многих артистов. Несмотря на регулярные выпуски балетной школы, в труппе, которая насчитывала 182 человека осталось 119 [2, с. 36]. Если московская труппа в 1912-1913 годах насчитывала, по данным ежегодника Императорских театров 160 человек, то в 1924-1925 году – 129 [3]. Но дело не только в цифрах. В этот период эмигрировали: М. Фокин, Н. Легат, Б. Романов. Петроградский балет остался без балетмейстера. Уехали и балерины: М. Кшесинская, Т. Карсавина, Л. Егорова, В. Фокина, О. Спесивцева. Все уехали ведущие танцовщики: П. Владимиров, А. Обухов, А. Вильзак. В тяжелейших условиях и разрухи театры продолжали свою работу. Зимой во время спектакля зрители сидели в шубах. На сцене была такая стужа, что пар шёл из-за рта, у артистов руки и ноги коченели. В оркестре инструменты переставали держать строй.

Советские власти потратили много сил, чтобы сохранить балет. Зимой 1919-1920 года в пору серьезных трудностей с топливом, судьбу Большого театра решило мнение Владимира Ильича Ленина: «Наследство от буржуазного искусства нам рано ещё сдавать в архив». В Российском государственном архиве литературы и искусства находятся документы, которые были сданы в архив в 1937 году. Эти документы долго были не востребованы. Интересны протоколы заседаний художественного совета при ГАТОБе, который был организован в 1917 году. В период с 1928 по 1941 годы главный секретарём этого художественного совета был выдающейся музыковед, театральный и музыкальный критик Иван Иванович Соллертинский (1902–1944). Широта взглядов и глубокое понимание балетного жанра, а также стремление сохранить завоевание балетной школы в условиях социалистической революции, предъявляли совершенно новые

требования к балету. В экстремальных условиях становления отечественной культуры приходилось участвовать в пропаганде новых ценностей, нового образа жизни, идеалов революции и коммунистического будущего страны. Необходимо было найти особый советский путь балетного жанра в условиях страны, победившего пролетариата.

Для формирования советского балета, был необходим подходящий сюжет, достойное либретто. 25 марта 1924 г. на заседании художественного совета Соллертинский сказал, что поступило на конкурс 40 либретто. В первую группу либретто вошла революционная тематика, отсылающая к истории Франции. Для данного времени это было актуально, так как было необходимо прославить события Октябрьской революции, поэтому в основу балета композитора Бориса Асафьева был положен роман-хроника писателя Ф. Гра «Марсельцы». Либретто к балету написали В. Дмитриев и Н. Волков. Спектакль состоялся 7 ноября 1932 г. в театре оперы и балета им. Кирова в Ленинграде. В Большом театре премьера состоялась в 1933 году. В наше время балет «Пламя Парижа» восстановлен в 2013 году в Михайловском театре Санкт-Петербурга. Нужно отметить, что балет как жанр требовал высоконравственной темы, поэтому были созданы в это время балеты: «Красный мак» 1927 год, композитор Р.М. Глиэр, «Бахчисарайский фонтан» 1934 год, композитор Б. Асафьев.

Помимо государственных хореографических училищ в Москве и Петрограде были открыты студии: А. Дункан, Л.И. Лукина, Л.Н. Алексеевой. Один из выдающийся балетмейстеров того времени был Фёдор Лопухов, который первый поставил танцсимфонию «Величие мироздания» на музыку Л. ван Бетховена. Хореограф аллегорически изображал революцию, обращаясь к традициям народного танца. Он создавал новые редакции классических балетов, сохраняя наследие М. Петипа, а также обосновал один из главных законов о взаимодействии музыки и хореографии в балете.

Подготовкой балерин и танцовщиков в те сложные времена занимались старейшие балетные школы Москвы и Санкт-Петербурга. В Санкт-

Петербурге хореографическая школа была основана императрицей Анной Иоанновной 4 мая 1738 г., как «танцóвальная Ея императорского Величества школа». Инициатором создания был французский танцмейстер Жан Батист Ланде. В специально оборудованных комнатах Зимнего дворца он начал обучение 12 русских мальчиков и девочек. Шло время…

В 1921 году балетное училище получило в пользование бывшую царскосельскую дачу З.И. Юсуповой – загородная вилла использовалась для летнего отдыха воспитанниц до 1933 года. В 1928 году балетная школа стала хореографической техникумом. В 1937 году стала ленинградским хореографическим училищем. В 1957 году ему было присвоено имя педагога, автора книги «Основы классического танца» Агриппины Яковлевны Вагановой (1879–1951). Современное название с 1991 года академия русского балета имени А.Я. Вагановой. Выдающийся балерина Галина Сергеевна Уланова закончила в 1928 году Ленинградское хореографическое училище. Она одна из титулованных балерин современности. У неё учились: Е. Максимова, Н. Тимофеева, В. Васильев, М. Сабирова и др. Она также работа с солистами зарубежных стран. Своим искусством Г.С. Уланова развивала принципы и традиции русской хореографической школы. Училище имени А. Вагановой в это время закончила балерина М. Семёнова.

Вторым по счёту хореографическим училищем стала московская государственная академия хореографии. В 1773 году МГАХ создавалось как классы «театрального танцования» в воспитательном доме. В 1806 году курсы переименовал в «московское императорское училище». Так академия хореографии называлась 114 лет, пока в 1920 году название изменилось и стало называться «Положение о государственной балетной школе ГАБТ». 28 июля 1931 г. школа получила название государственный московский балетный техникум при ГАБТ. Название училища менялись до нашего времени. Хочется назвать имена выдающихся балерин, которые закончили московскую академию хореографии. Это: М. Плисецкая в 1943 году, Е. Максимова 1958 году, В. Васильев 1958 году. Владимира Васильева

причисляют к лучшим танцовщикам XX века. Он стал классическим танцовщиком нового типа, способным исполнить хореографию любого стиля, расширяя границы амплуа.

Традиции русского балета заложены на протяжении нескольких веков (с середины XVII века) актуальны и в наше время. Я уверена, что эти традиции отечественного балета будут иметь продолжение и дальнейшее развитие этого уникального социокультурного феномен.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1) Луначарский А. «Для чего мы сохраняем Большой театр» // В мире музыки. – Москва, 1958. – 295 с.

2) «Академические театры в эпоху революции. Государственный академический балет» – «Ежегодник петроградских госакадемических театров, 1923 г. № 8. 5 ноября (с.36);

3) Государственный Центральный театральный музей. Ф. 154. Ед. хр. 168694/1207

УДК 37.036.5

ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Хилтухина Евгения Геннадьевна
доктор философских наук, доцент, профессор
Департамента гуманитарных наук Финансового университета
при правительстве Российской Федерации, Россия, Москва
e-mail: genicave@mail.ru

Аннотация. В статье раскрывается исторический взгляд на становление эстетического образования. Показаны три этапа советского периода, которые тесно связаны между собой, но в тоже время резко отличаются. Каждый этап имеет свою специфику и влияет на формирование советского эстетического образования.

Ключевые слова. Эстетика, образование, этапы, воспитание, эстетические школы, эстетическое образование, научная дисциплина, культура, традиции, категории эстетики

AESTHETIC EDUCATION IN THE SOVIET PERIOD

Khiltukhina Evgeniya G.
Doctor of Philosophy, Associate Professor,
Professor of the Department of Humanities of the Financial University
under the Government of the Russian Federation, Russia, Moscow
e-mail: genicave@mail.ru

Annotation. The article reveals a historical view on the formation of aesthetic education. Three stages of the Soviet period are shown, which are closely related to each other, but at the same time sharply different. Each stage has its own specifics and influences the formation of Soviet aesthetic education.

Keywords. Aesthetics, education, stages, upbringing, aesthetic schools, aesthetic education, scientific discipline, culture, traditions, aesthetics categories

Советское образование всегда считалось качественным, несмотря на определенные догматические идеологические концепции марксистской философии. Хотя марксистская философия наряду с негативными моментами несет в себе ряд положительных основополагающих положений, является одной из главных направлений мировой философской мысли. Диалектика развития мира и философской мысли свидетельствует о том, что все в мире взаимосвязано и находится во взаимодействии. Поэтому образование несет в себе взаимообусловленные взаимовыгодные процессы обучения и воспитания, благодаря которым раскрывается новое понимание мира.

Понимание мира начинается с чувственного познания, в основе которого лежит ощущение, восприятие прекрасного в жизни. Не случайно в Советском Союзе эпиграфом звучат слова выдающегося русского писателя психолога – романиста Ф. М. Достоевского, которому в 2021 г. исполнилось 200 лет: **«Красота спасет мир!»**. А это возможно благодаря эстетическому началу в процессе познания, которое проявляется благодаря воспитанию и образованию.

Советский период эстетического образования, как и в целом образование и культура проходят три этапа. Первый этап определяется годами с 1917 по конец 1920-х – сер. 1930-х гг. и характеризуется влиянием и отголосками культуры Серебряного века 2-й пол. XIX в. Второй этап – это время с середины 1930-х и до середины 1950-х гг. Данный этап можно назвать этапом становления и укрепления сталинской идеологии и формированием культуры военного времени, где почти полностью отсутствовало эстетическое образование. Третий этап начинается с восстановления народного хозяйства, с середины 1950-х до конца 1980-х гг. XX века. Это период расцвета советского образования и особенно философско-эстетического образования и формирования советской эстетической школы.

Таким образом, первый этап – это период, когда еще очень сильно было влияние классической русской религиозно-идеалистической философии

и эстетики, которая явилась теоретической платформой культуры Серебряного века. Данный этап продолжает развитие эстетической мысли в лице представителей религиозно-идеалистической эстетики таких как П.А. Флоренский, Г.Г. Шпет, А.Ф. Лосев, которые оказали значительное влияние на эстетику как науку и на эстетику образования советского времени.

Это время, когда происходит становление и наивысшая степень развития марксистской философии, которая, превратившись в руководящую идеологию, начала уже превращаться в догматическое учение. Хотя именно в советский период начинает развиваться и новая советская эстетическая наука, исследующая в основном виды искусства и прежде всего литературу. Этим занимались Г. Плеханов. А. Богданов и А. Луначарский. Также для данного этапа характерным становится утверждение и расцвет реализма, модернизма и авангардизма. Такие понятия как модернизм и авангардизм, с одной стороны, тождественные; с другой стороны, отличные в силу того, что модернизм возникает во второй половине XIX века и представляет собой художественно-философское монологичное течение, направленное на «изменения внутри творческих традиций, не отрицая их». В то время как авангардизм предстает революционным движением как в культуре, так и в общественно-политической жизни, резко отрицающее старое, уже изжившее существование. 20-е годы Советской России представлены яркими именами как реализма, так и модернизма, и авангардизма, среди которых С. Есенин, М. Горький, И. Бунин, А. Куприн А. Ахматова, О. Мандельштам, В. Маяковский, Б. Пастернак, А. Платонов, М. Цветаева. Некоторые вскоре эмигрировали из Советской России.

Также на этом этапе получает развитие техническая эстетика, которая стремилась соединить художественную деятельность с технологической, развивается дизайн. Начинает обращаться внимание на красоту внешнего мира, где промышленное производство должно представлять собой прекрасную основу – это есть главная задача советского государства. Возникают всесоюзные художественно-технические мастерские или

ВХУТЕМАС, где работают такие известные представители технической эстетики А. Родченко, В. Татлин, Л. Лисицкий, М. Гинзбург, И. Леонидов и др. Особое место принадлежит М.М. Бахтину, который в своем научном творчестве соединил две традиции: классическую религиозную и советскую новую, создав теорию средневековой смеховой культуры.

Тем не менее, на первом этапе советского периода эстетическое образование рассматривалось как художественное и те теоретические вопросы воспитания и образования в полной мере не раскрывались. Получается, что как такового эстетического образования в молодой Советской стране не было.

Второй этап советского эстетического образования характеризуется полным отсутствием разработок теоретического и практического исследования. Хотя на тот период становится известным творчество М. Лифшица, советского эстетика и философа, популяризатора марксистской эстетики. По мнению М. Лифшица, марксистская эстетика создала целостную концепцию художественного творчества. В целом же данный период, особенно с началом Великой Отечественной войны приобретает характер эстетического воспитания. Это происходит через военную тематику, раскрывающую художественную культуру, как естественный и закономерный выход из трагической ситуации – необходимость победы советского народа над фашистской Германией. В основе такой художественной деятельности стали преобладать основные эстетические категории как героическое и ужасное, трагическое и комическое, вскрывающие суть понятий как прекрасное и безобразное, возвышенное и низменное. Результатом явилось творчество поэтов О. Берггольц, С. Маршака, К. Симонова и др.; художников-сатириков Кукрыниксов – М. Крылова, П. Куприянова, Н. Соколова и др.; музыкантов Д. Шостаковича, Т. Хренникова, И. Дунаевского и др. Большое количество представителей исполнительского искусства влияло на эстетическое воспитание советского

человека, который боролся против фашизма – это Л. Русланова, К. Шульженко, Е. Самойлов и многие другие.

Получается, что два этапа советской культуры и образования носили, в первую очередь, практический характер и представляли собой прежде всего обучение на практике. Объяснялось это отсутствием социально-гуманитарных теоретических дисциплин в высших учебных заведениях и связано в определенной степени с Великой Отечественной войной, определявшей преимущественно культурные аспекты эстетического воспитания. Кроме того, идеологическая основа марксизма была направлена на освоение практического понимания мира, которая не желала познавать традиционные классические теории.

Третий этап эстетического образования предстает как начало и расцвет советского образования, как и вся философская наука, включая эстетическую. Происходит возрождение эстетической мысли, традиции которой заложены еще русской классической философией. С середины 1950-х годов начинается обращение в вузах на эстетическое образование. Хотя в отличии от философии, эстетике не уделяется достаточного внимания. Эстетика была второстепенным, но обязательным курсом, на который отводилось 18 часов.

Рождение новой поросли советской интеллигенции сказалось и на эстетической науке, которую было решено преподавать, поскольку советское общество нуждалось в утверждении прекрасного в социалистическом государстве, в основе которого лежал социалистический реализм. Развитие эстетического образования началось с дискуссий по вопросам эстетического, яркими представителями этих дискуссий были М. Каган, Л. Столович, Г. Недошивин и др. Для этого периода определяющим становится демократизация общественной жизни, проявившаяся благодаря хрущевской «оттепели», которая, тем не менее, не ярко отобразилась в сфере эстетики и искусства. Именно в этот период формируются крупные научные школы по эстетике, как вузовские, так и академические в Москве, Ленинграде, Киеве,

Свердловске, Воронеже, Тарту и др. Научные школы возглавлялись известными учеными – преподавателями, такими как М. Овсянников в Московском университете, М. Каган в Ленинградский университет, Л. Левчук представитель Киевского университета, А. Еремеев ведущий эстетик Уральского университета. В. Мазепа – представитель Института философии АН УССР. Проблемы эстетики исследовали также известные представители диалектической логики и философии такие как Т. Ойзерман, П. Гайденко, Э. Ильенков, Н. Мотрошилова, В. Асмус и многие др.

Именно в третий этап ставятся особо остро актуальные вопросы взаимодействия нравственного и эстетического, категорий эстетики, предмета эстетики, раскрывается роль эстетического сознания в процессе познания мира. Однако все эти теоретические вопросы решались в русле марксистско-ленинской философии, которая сдерживала объективные высказывания ученых. Но особенность эстетиков – преподавателей высших учебных заведений данного этапа состояла в том, что они прорывали идеологический догматизм марксистской философии и, тем самым, давали возможность выхода за пределы советских границ, поскольку опирались на классические философско-эстетические труды представителей мировой философии.

Такое научное творчество требовало выхода в эстетическом образовании, что и свидетельствовало о необходимости введения эстетики как обязательной дисциплины в высших учебных заведениях, хотя и с малым количеством часов. Но это был прорыв во всеобщем образовании и, в частности, в эстетическом. Уже в 1970-е годы начинает создаваться комплексный подход в изучении дисциплины эстетики в вузе, который сопровождался обязательным посещением художественных музеев.

УДК 94(470+323)

СУРОВЫЕ БУДНИ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ БОЛЬШЕВИКОВ: 1922 ГОД

Шуленина Надежда Викторовна

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социально-политических технологий, РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, Россия, Москва

e-mail: nadshulenina@mail.ru

Слизовский Дмитрий Егорович

доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Российский Университет дружбы народов, Россия, Москва,

e-mail: de373@mail.ru)

Аннотация. На основе разнообразных архивных документов предпринята попытка показать природу и характер применения партией большевиков после Гражданской войны культурной политики. Результаты исследования показали, что это была политика исключительно неоднородного, контрастного и динамичного развития. Логика этого процесса – суровая атмосфера открытого, полемичного обсуждения вопросов развития культуры и искусства на высшем партийно-государственном уровне, споров внутри руководящего ядра партии, как овладеть царско-буржуазным аппаратом, потенциалом и ресурсами культуры и искусства, и как поставить их на службу идеалам социалистической революции в мирных условиях.

Ключевые слова: 1922 год, культурная политика большевиков.

THE HARSH EVERYDAY LIFE OF THE BOLSHEVIKS' CULTURAL POLICY: 1922

Shulenina Nadezhda V.

Ph.D. in philosophy, Associate professor, Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University, Russia, Moscow.
e-mail: nadshulenina@mail.ru

Slizovskiy Dmitriy.E.
Doctor of sciences (history), Professor, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Russia, Moscow.
e-mail: de373@mail.ru)

Abstract. On the basis of various archival documents, an attempt is made to show the nature and nature of the application of cultural policy by the Bolshevik Party after the Civil War. The results of the study showed that it was a policy of extremely heterogeneous, contrasting and dynamic development. The logic of this process is the harsh atmosphere of an open, polemical discussion of the development of culture and art at the highest party-state level, disputes within the party's governing core, how to master the tsarist-bourgeois apparatus, the potential and resources of culture and art, and how to put them at the service of the ideals of the socialist revolution in peaceful conditions.
Key words: 1922, the cultural policy of the Bolsheviks.

Актуальность проблемы овладения большевиками культурой и культурной политикой в 1922 году

1922 год был, возможно, болевой точкой эпохи раннего советского социализма. 1922 год стал переломным годом низвержения монархическо-буржуазной культуры и подступов к выработке практической политики пролетарской культуры и искусства. Партия большевиков, возглавившая руководство страны, ее политическое ядро в центре и на местах, включающее в себе относительно молодых, необычайно одаренных и потому амбициозных, тяготеющих к индивидуалистическому и конфликтному складу мышления и поведения политиков и государственных деятелей, должна была сформировать стратегию и политику для создания своей – партийной культуры и искусства. Именовали такую политику – рабоче-

крестьянской политикой диктатуры пролетариата. Проблема подходов, ценностей и мер такой политики во всех смыслах была далеко не самой простой и понятной ни в теории, ни на практике. Что для этого предстояло сделать, и что надо было делать конкретно в обстановке и условиях 1922 года, когда в сознании и поступках еще живо было ожесточение Гражданской войны, – вряд ли было понятно в реальности даже самым теоретически подготовленным представителям советской революции. Шли не столько от теории, больше от практики и постепенно, наощупь. Небольшая иллюстрация к этому. Так, 13 января 1922 г. Л.Д. Троцкий обращается в политбюро ЦК РКП(б) с просьбой о получении гонораров за свои статьи. А спустя пять дней, 17 января – в то же Политбюро он пишет: «Чем больше будет развиваться новая экономическая политика, тем больше будет тяготение к созданию «информационных», «объективных» беспартийных советских газет» [2, с. 39].

Если искать ответы на то, как формировалась культурная политика с точки зрения актуальности затронутой темы, то прежде надо признать – проблему овладения большевиками культурой и определения содержания культурной политики ее видные деятели понимали по-своему не только как коллективный орган большевиков, например, Политбюро ЦК РКП(б). Но еще были в ходу мнения и позиции, была открытая и свободная форма вынесения на обсуждение, обсуждение и принятие (или отклонение) аргументированного решения или предложения того или иного члена этого партийного органа. При этом, коллективное мнение, индивидуально-личностные воззрения и позиции, даже сугубо личные вопросы, находились под воздействием инерции революционной практики и последствий Гражданской войны.

Качество и уровень ментального понимания культурной политики нужно рассматривать сами по себе проблематичными, контрастными, противоречивыми, идейно, политически неоднородными и новыми во всех возможных смыслах – теоретически-практических, твердого и ясного

понимания обострения международной и внутренней классовой борьбы как пролонгации цепочки сложностей эпохи продолжения революции. Подчинение идеалам социалистической революции и в культурной политике большевиков делало эту политику набором мер, принимаемых решений, регулятивных действий, среди которых можно было отчетливо видеть противостояние чётко сформулированных представлений о добре и зле. Такая политика обнаруживает себя в 1922 году, в текстах постановлений Политбюро ЦК РКП(б) о закрытии и о сохранении Большого театра, постановлений этого самого Политбюро о границах политической цензуры, записках о молодых писателях, поэтах и художниках, об отношении к видным деятелям литературы, персонам с ярко выраженными небольшевистскими взглядами, о формировании в структурах партийно-государственного аппарата отделов агитации и пропаганды, о большевистской и белогвардейской литературе.

Важно отметить, что особенности культурной политики партии большевиков оказались куда более глубокими, чем даже социальный или политический революционный протест. Решение которых, для достижения схожих целей, осуществлялось с предпочтением то грубых, то эффектных, то эффективных мер.

Противоречия некоторых оценочных суждений культурной политики большевиков

Характер культурной политики партии большевиков уже имеет спектр оценочных рефлексий. Угадывание и предугадывание будущего для большевиков переплеталось и сочеталось в сложной социальной и политической комбинации событий и процессов. В этой сложности остается, должно оставаться, место самыми мелким, повседневными делам, которыми полна была повседневная жизнь в 1922 году. Крупные и даже частные процессы, явления и случаи в деле культурничества и культурной политики оказались соотносимыми с ординарными представлениями об этом процессе теоретиков и практиков большевизма. Этот срез представлений, как нам

кажется, наиболее емко и специфически выражал тогда Л.Д. Троцкий, который писал: «Сейчас, в годы передышки, у нас, в Советской республике, могут на этот счет создаваться иллюзии… Мысленно протягивая линии сегодняшних наших забот в будущее на долгий ряд лет, можно додуматься до пролетарской культуры» [10, с. 258].

Если дополнить авторитет мнения и воззрений одного из самых влиятельных фигур ортодоксального большевизма мнением исследовательских представлений, то обнаруживаем следующую картину. Активную линию в исследовании в целом советского политического режима под видом благих намерений в поиске единственной истины стали занимать сторонники так называемого «современного прочтения истории». Истиной в описании истории стали мнения и соображения, подкрепленные и архивными материалами. Удивительно и совсем парадоксально то, что среди ученых и исследователей проблем культурной политики большевиков определенное место было занято сторонниками и авторами этого самого современного прочтения истории, которые стали отождествлять нацистский, германский и советский, ленинско-сталинский политический режимы [5, с. 5-15]. Абсурдность и вредность подобных воззрений признают даже некоторые их идейные попутчики. В частности, Д. Быков недавно еще писал: «Можно сколько угодно стращать человека результатами фашистского и коммунистического эксперимента, можно даже ставить их на одну доску – что не только аморально, но и антинаучно, поскольку генезис их диаметрально противоположен…» [3, с. 16]. Но такая аморальная и антинаучная оценка политического режима и политики советской системы пролонгировалась на все без исключения его элементы: идеологию, политику, органы управления, стилистику поведения и характер принимаемых решений его руководителей. И конечно на культурную политику.

Противостоять и разоблачать такого рода суждения и домыслы крайне сложно. Цели по разоблачению искривления сложности исторического

процесса становятся еще более недостижимыми, когда сводятся такого рода разоблачения к констатации тезиса о фальсификации исторического процесса. Поиск истины в истории – величина перманентная. И фальсификаторы истории, и их разоблачители в равной мере имеют дело с потенциальными угрозами для истины: измышлением фактов (сознательным и непроизвольным), односторонним подбором и произвольным толкованием фактов, выстраиванием ложных причинно-следственных связей путем манипуляций, в том числе с источниками. В нашем случае, признавая за собой такого же рода непроизвольные допущения в неверной трактовке исторических документов, чтобы их минимизировать, мы берем для анализа те же архивные документы, которыми оперировали наши оппоненты. Мы исходим из того, что и архивный документ, это тоже продукт конкретных человеческих соображений, интересов, пристрастий, способов решения задач. Абсолютизация даже архивного документа – не исключает однобокость подхода и односторонность интерпретации смыслов.

Вот почему мы, осознавая сложность процесса познания, склонны считать, что большевики в конкретных исторических условиях 20-х гг. XX века не исключают иллюзий в деле культурной политики. И преодоление их связывают с необходимостью додуматься: и в культурной политике, и в пролетарской культуре. Если это не упрощение, а можно все же думать, что здесь недопустимо упрощение. Тогда большевики, совершившие революцию и одержавшие победу в гражданской войне, совсем не были профанами и деятелями, обуреваемые только иллюзиями и додумыванием своих дел вне особенностей общественно-политической обстановки. Но и иллюзии, и только додумывание нельзя исключать в их повседневных, частных делах и заботах по укреплению своего политического режима. И то, и другое в комбинации объективных и субъективных факторов формировало ту политику, которая стала доминантной политикой раннего советского проекта. Односторонняя эволюция этого социально-политического проекта предопределила до конца сущность его исторического существования.

Понять эту сущность лучше и точнее можно, если обратиться не только к хорошо известным системообразующих событиям и процессам. Нет причин полностью отказывать в такого рода проявлениях, в стилистике культурной политики большевиков, политика которых протекала под спудом действий объективных глобальных, масштабных и частных, мелких фактов и процессов, которым был наполнен этот самый 1922 год. Очевидна связь этих событий, предопределивших значение 1922 год. Очевидной должна быть также связь этих событий с завершением величайшей из трагедий – пятилетней Гражданской войны и иностранной интервенции, с образованием на руинах распавшейся царской империи новой, советской империи под названием СССР. В 1922 год страна вступила с экономическим ущербом свыше 50 млрд. золотых рублей, с промышленным производством в отдельных отраслях всего 4-20% от довоенного уровняв, сокращением почти на 40% сельскохозяйственного производства, массовым голодом в Поволжье и других регионах страны; с исчезновением значительной части научно-технического потенциала, полностью разрушенными товарно-денежными отношениями, общими потерями приблизительно в 13-18 млн. и безвозвратными людскими потерями в 900 тыс. человек [6, 7]. Если и были позитивные результаты итогов Гражданской войны, то они касались лишь того, что страна выжила, осталась под управлением советского правительства и партии большевиков, а руководству и гражданам страны предстояло еще вычленить, определить конкретные примеры позитивного исхода, и понять – это действительно позитивные последствия революции и военного времени, чтобы опереться на этот потенциал, или нет?

Осознанно или интуитивно, не столь важно, но очевидно то, что в 90-е годы XX века и первое десятилетие XXI века многие российские ученые (историки, политологи), опираясь на серию сборников архивных документов, по разным причинам, в том числе под влиянием доминирующих, своеобразно понятых либерально-демократических подходов в анализе и оценке исторического материала, стали 20-е годы XX века и 1922 год тоже

толковать не иначе как временем формирования карательной культурной политики карательными органами [1, с. 5-10].

Мы склонны избегать столь резких суждений и оценивать, и рассматривать исторические документы, сам исторический процесс того времени насыщенным более сложной, неоднородной и очень контрастной реальностью. И эта реальность формировала не только условия карательной политики и саму карательную культурную политику. Легко подобрать документы, представления и мнения известных людей, которые только о карательной культурной политике и свидетельствуют. Конечно, карательная политика в содержании культурной политики была, и ее смыслы и дела постепенно закреплялись, доходя до известных и еще неизвестных в деталях пределов. Возможно, детали и мелочи той исторической эпохи могут внести серьезные поправки к той политики, которой навешено клеймо – «карательная политика». Нельзя игнорировать того, что культурная политика большевиков эволюционировала, на разных этапах ее эволюции можно обнаружить примеры компромиссов, поиска решений, никак не подпадающих и не соответствующих смыслам понятия «карательная культурная политика» «партийного аппарата» или ее каким-либо паллиативам.

Это был исторический процесс исключительного проблемного характера, социально-политического конфликта небывалого нигде масштаба и свойства. Решались крупные и частные проблемы овладения культурной политикой на фоне острой полемики о профсоюзах, ленинской концепции НЭПа, ее содержания и механизмов реализации. В то же самое время шла острая дискуссия по национальному вопросу, внутрипартийной борьбе, «политическому завещанию» В. Ленина. И в такой динамической и тяжелейшей обстановке сила, энергия, воля руководящей партии сконцентрировалась на изучении и анализе проблем поиска партией большевиков генеральной линии развития, доставшейся от прошлой власти и обновляемой на свой лад страны. В фокусе внимания была необходимость

выработки стратегического курса всеобщей модернизации на совершенно невиданных ранее основах, которые оформлялись, как оказалось, как однопартийная и командно-административная система. История показала, что другая, альтернативная версия такой политики если и была, то она не состоялась, и тому причин столько, что мы знаем лишь малую их часть.

Прошлое 1922 года уже приоткрыло много свидетельств и фактов о культурной политике во многих публикациях [12]. Но еще остаются лакуны, закулисная сторона культурной политики. Это естественно. Естественно и то, что по мере введения в научный оборот новых архивных документов, расширяется поле более точного и верного описания той истории, истории культурной политики того времени. Но в современных условиях предстоит по-иному взглянуть и оценить ту культурную политику, серьезно скорректировать данные ей оценки совсем недавнего, другими словами, буквально вчерашнего времени. И еще более сложная задача: во-первых, обнаружить в той культурной политике системные изъяны и просчеты, которые привели к пагубным последствиям; во-вторых, понять и объяснить то время небывалой энергии и силы, способных, как оказалось, выполнить историческую миссию продолжения национальной культурной традиции и истории.

Когда мы сегодня обращаемся непосредственно к 1922 году, это означает, что мы лишь помним о предпосылках, которые говорят о сложном процессе формирования новой культуры как процесса длительного и противоречивого. И при этом, нам все же удается по традиции увидеть и объяснить крупномасштабные действия, события и процессы, их результаты. Ткань этих самых крупномасштабных процессов и результатов позволяет описать и объяснить не достижения завершенности эпохи крушения одной культуры и искусства. В исторической памяти остаются крупные сдвиги, заметные события и процессы. Но выпадают очень часто из сферы анализа крупицы рождения новой, пролетарской, конструируемой культурной политики тоже новой по типу партией, ставшей по главе государства и

заставившей все политические и гражданские силы считаться с такой ее ролью. Вот почему в сложный истории страны особе место занимает 1922 год.

Конечно, сотни и тысячи других мелких и незаметных, известных и не очень событий и процессов сопровождали 1922 год. Потом, спустя многие годы, окажется, что большинство этих самых повседневных даже рутинных дел, событий, фактов, процессов, станут событиями и процессами сущностного порядка. И предопределят логику и смыслы государственного устройства и государственной политики советского типа.

Специфика исторического времени породила многообразие форм социально-экономического развития и политических деяний по всем направлениям. Их противоречивость как в целом историческом процессе, так и в частностях, например, и в культурной политике [9], оказалась той генеральной линией, которая вошла в кровь и плоть не только генеральных и знаковых событий и процессов. В описании этих самых больших историко-политических процессов и деяний трудно порой заметить, как еще открытая политическая жизнь внутри правящей группы большевиков, ее высшего политического и исполнительского ядра давала примеры живой полемики, открытого обсуждения повседневных жизненно важных вопросов. В конце концов, если и говорят, и пишут о том, что политика большевиков была до поры до времени открытой, способной к эффективной организации даже повседневных дел и забот, то уже изначально ей присуща был флер тоталитарного и грубого подавления всего живого и творческого. Много написано и объяснено с тех пор, когда об этом писал еще Л. Троцкий, как эта открытая политика превратилась в свою противоположность, став политикой «цинического отношения большевиков к законам морали» [11, с. 5]. Но, обращаясь, на первый взгляд, к частным случаям, касающихся политики в сфере культуры 1922 года, как мы полагаем, есть возможность увидеть перечень тех обычных, повседневных, важных и не очень для того времени дел и забот, которыми приходилось заниматься руководству страны.

Заниматься и не откладывать тех дел и забот, которые, казалось бы, могли быть проигнорированы, коль на повестки дня был вопрос о голоде в стране, о «людоедстве» [8, с. 40-41]. Есть возможность при таком подходе с большей детализацией увидеть и объяснить природу и содержание той самой противоречивой, еще не лишенной живости полемики, возможности признать ошибки в своих делах и решениях, пересмотреть их с пользой для той или иной сферы повседневных дел и забот. Но одновременно увидеть признаки нарождения угрожающей системы в организации и управлении культурой и в целом страной.

Суровые мелочи культурной политики, пропитанные духом партии большевиков.

После завершения гражданской войны партия большевиков приступила прямо, что называется «с колес», к решению задач по государственному овладению важнейшими элементами не просто культуры, а старой культуры. Это была сложная задача ради того, чтобы прокладывать дорогу к новой, пролетарской культуре. Предстояло насколько это возможно найти контакт и обеспечить работой работников этой сферы, подчинить целям и идеалам советской власти прежний аппарат: школы, институты, издательства, прессу, театры и прочее.

Архивные документы показывают, что Политбюро ЦК РКП(б) и его члены не только разрабатывали вопросы стратегии и теории развития культуры. Большая часть их работы была связана с решением самых насущных, почти рутинных и повседневных вопросов хозяйственной жизни, экономики, партийной и советской работы. Кто-либо подумает, что мы берем тему погруженности в работу руководства партии и советской государственной власти слишком широко. Полной, развёрнутой картины этого процесса нет и не будет, но все же высокая степень и характер растворения руководства страны в повседневной жизни, деловой включенности в разнохарактерную и сочетаемую с исполнением разных функций атмосферу – очевидны. На это указывают архивные документы [2,

с. 31-32], постановление Оргбюро ЦК от 22 августа 1921 г. «О работе агитотдела ЦК», где на И. Сталина возлагалось наблюдение и общее руководство отделом Агитпропаганды ЦК и связанные с ним отрасли партийно-советской работы. Также Сталину предлагалось уделить этой работе 1-2 часа ежедневно (спустя некоторое время Сталину было предложено около трех четвертей своего времени уделять партийной работе и не менее полутора часов Агитпропотделу и остальное время, большую часть времени посвятить Рабкрину. И. Сталин возражал против такого предложения. В то время и в той обстановке прием использования заявлений об отставке был очень распространенным явлением среди высшего политического руководства. Заметны в тот период следы обострения конфликтов, хотя суть их на поверхности была пустяшной. Этот самый конфликт вокруг Агитпропа его участниками и свидетелями, в частности, И. Сталиным, рассматривался либо недоразумением, либо легкомыслием. Да и по факту причина конфликта – это разногласия относительно численности сотрудников агитотдела. Но большую тревогу вызывало то, что к этому недоразумению имели отношение Крупская и Луначарский. Еще большую опасность для устойчивого политического положения создавала атмосфера межличностных отношений и обострения борьбы внутри большевистского руководства.

Авторы и организаторы пролетарской культурной политики отдавали себе отчет в том, что в работе пролетарского поколения мастеров культуры появляются лишь зародыши, зачатки новой культуры. Им были известны и по-своему ими были интерпретированы законы и принципы развития мировой культуры, литературы, искусства: от церковной мистики к театру Ибсена, от живописи монахов к импрессионизму, кубизму и футуризму. Вряд ли они предполагали и считали возможным прервать этот процесс, но было стремление у политического руководства понять, как сами деятели культуры и литературы понимают новые направления в поэзии. 30 августа 1922 г. Л. Троцкий пишет В. Маяковскому письмо: «Я с большим вниманием

ознакомился со всеми материалами, которые Вы мне так любезно передали. К сожалению, я нигде не нашел определения футуризма вообще или только русского футуризма. Был ли у футуристов какой-либо манифест? Есть ли основные документы школы?... Не могли ли бы Вы сами, в нескольких словах, если не охарактеризовать, то просто перечислить основные черты футуризма?» [2, с. 57]. Большевикам, лидерам большевизма, видим, хотелось и можно было встроиться в логику движения культурного прогресса. Движение в этом направлении прилагалось и достаточно серьезное. Но по факту их культурничество было поглощено текущими делами и вопросами на злобу дня, что мешало в полной мере продолжать политику переформатирования политической культуры в культурную политику, и даже по советским меркам демократическую политику.

Линейка из сотен документов показывает, что повседневность культурной политики была связана и перенасыщена мелкими и не очень крупными, но злободневными заботами и делами. Целая группа работников высокого ранга внутри страны и вовне решает в начале 1922 года вопрос о переводе М. Горького на государственное снабжение. Фотиева Крестинскому сообщает, что «Горький в письме к Владимиру Ильичу пишет между прочим: жить очень дорого». Полпреда Крестинского в Берлине просят «немедленно начать оказывать Горькому необходимую финансовую поддержку…» [2, с. 36]. Такая поддержка М. Горькому была оперативно и полно оказана. Не со всеми деятелями культуры страны так любезно обходились. Но Горькому материальная помощь и содействие оформлялось постановлением Политбюро ЦК РКП(б) от 25 февраля 1922 г. И постановлением того же органа о договоре между торговым представительством РСФСР в Германии и А.М. Горьким от 29 июня 1922 г. [4, с. 35].

Максим Горький бесспорно представлял принципиально новый тип не только литератора в ту эпоху. Политическая партия большевиков и ее лидеры высоко ценили его роль и значение не только на литературном поприще. Ему свойственно были политическая активность. Идейная направленность его

литературных трудов еще выше ценилась организаторами пролетарской культуры. Но его отличала еще особая миссия – неоспоримый моральный авторитет, признаваемый всеми, даже его противниками, готовыми по любому случаю уязвить, упрекнуть, опорочить писателя. И Горький подтверждал свой моральный авторитет, рискуя быть подвергнутым остракизму. В письме к А.И. Рыкову от 1 июля 1922 г. он писал: «Если процесс социалистов-революционеров будет убийством – это будут убийство с заранее обдуманным намерением – гнусное убийство. Я прошу Вас сообщить Л.Д. Троцкому и другим это мое мнение» [4, с. 37-38]. Брали или не брали во внимание мнение М. Горького и других в защиту лидеров партии эсеров, судимых в феврале 1922 года Верховным революционным трибуналом. Но ни одного из осужденных все же не расстреляли, хотя 12 из 34 обвиняемых были приговорены к высшей мере наказания [13].

Можно продолжать затеянный уже спор о том, могла ли партия большевиков избежать в своей культурной политике тех громадных просчетов и даже преступлений. Из событий 1922 года, в документах о том времени видно, что партия могла сделать больше для культуры и искусства. Но не сделала и не смогла. Хотя явственно документы свидетельствуют о серьезной и последовательной, даже упорной работе ради того, чтобы поддержать особенно молодых писателей, художников. В записке Л. Троцкого в Политбюро ЦК РКП(б) от 30 июня 1922 г. есть критика и подтверждение той линии, что партия рискует растерять молодых представителей культуры. И что нет никакого или почти никакого внимания к ним, в том числе и материальной поддержки. И есть лишь случайное внимание к отдельным лицам. Чтобы преодолеть пагубные последствия такого положения Л. Троцкий в своей записке предложил перечень мер из 7 развернутых пунктов внимательного, «вполне индивидуализированного» отношения к молодым дарованиям страны [4, с. 36-37]. Спустя четыре дня, 3 июля 1922 г., в записке И. В. Сталина в Политбюро ЦК РКП(б) по поводу предложений Л.Д. Троцкого о молодых писателях и художниках читаем:

«Возбужденный тов. Троцким вопрос о завоевании близких к нам молодых поэтов путем материальной и моральной их поддержке является, на мой взгляд, вполне своевременным… Формирование советской культуры… теперь только началось»[4, с. 38].

Существует дополнительная документально подтвержденная информация, говорящая о том, что были острые дебаты и непоследовательные решения о судьбе Большого театра. Это отражено в записке В.И. Ленина В. М. Молотову от 12 января 1922 г., в постановлении Политбюро ЦК РКП(б) о закрытии Большого театра от 12 января 1922 г. [4, с. 34, 35]. Сохранение или закрытие Большого театра, существование театров и Большого театра тоже после революции и Гражданской войны было под угрозой. Естественно, что вопрос об их судьбе, судьбе их творческих коллектив был предметом детального обсуждения, и в то же время, скороспелых и угрожающих для этой сферы культуры решений. Итоговая составляющая таких решений оказалась все же жизнеутверждающей.

Свидетельств и документов, описывающих десятки и сотни деяний, связанных с решением очень больших, судьбоносных, и мелочных вопросов, определивших судьбу советской пролетарской культуры, ее кадров и организаций, сущностных моментов советской культурной политики, – более чем предостаточно.

Как всякий внутренне сложный и не имеющий в истории аналогов исторически неординарный процесс – культурная политика большевиков – содержала в себе одномоментно системные уязвимости и невероятную силу живучести и результативности. Уязвимость её – это, прежде всего, пределы и ограниченность того уровня теоретического и практического понимания, каким располагали большевики и их лидеры. Это не позволило отвратить такую политику от рецидивов создания аппарата цензуры и введения самой цензуры военно-политического характера, и других крайне негативных последствий: идеологических, политических, государственных и психологических ограничений, преследований и даже репрессий. Сила жизни

такой политики оказалась такой величины, что и было продемонстрировано как твердость, последовательность и решимость в формировании совершенно нового типа культурной политики и культуры, выполнившей, в конце концов, свою историческую миссию сопровождения процесса существования, потом защиты и пролонгации конкурентного развития советской государственности на протяжении семидесяти лет.

Культурная политика большевиков вошла сущностным элементом в расколотое революцией российское общественно-политическое движение, про свое структуре она включала дюжину отдельных направлений, сотни представителей по самым разным аспектам. Естественно, что культура нового типа оказалось в центре внимания политики большевиков. Большевики, ее ведущие представители, поддерживали и до революции, и в первые годы советской власти тесные связи и отношения с представителями культуры и искусства, общественно-политическим движением разных идейных девиаций. Цели этих отношений в рассматриваемый период, по нашему мнению, состояли в том, чтобы привлечь на свою сторону тех представителей общественно-политических движений и направлений культурной сферы, которые принимали советскую власть и политику правящей партии. Иные мнения и представления, и их представители стали подвергаться в сфере культуры остракизму, цензуре на плоды и смыслы своей профессиональной деятельности. С идейными противниками поступали более жестко, вплоть до репрессий.

Надо признать, что к выработке практической культурной политики большевики стали подходить только после ослабления напряжения и по завершению Гражданской войны. Отсутствие высокой культурной пролетарской среды в стране осложняло отношения правящей партии и культурного слоя. Писатели, поэты, художники сами по себе находились в лоне дореволюционной эпохи. Революция погрузила их в обстоятельства и атмосферу, которая навязала им условия работать не по законам культуры и искусства, а по законам применения революционного языка и безоглядного

использования революционных образов. Проблема формирования культурной политики в рассматриваемую эпоху обострялась не только тем, что партия и ее верхний слой недостаточно помогали деятелям и организациям культуры и искусства. В культурной политике были как успешные и продуктивные акции и меры, решения, так и ошибочные, даже угрожающие. Деятели культуры сами по себе, ее низы и верхи тоже не были подготовлены к своему ремеслу как искусству, способному найти язык для объяснения нового времени без издержек для себя и своего места в этой обновленной атмосфере. Законы творчества и искусства излишне сводились к жалобам и претензиям культурного слоя к власти, потом к взаимным жалобам и обвинениям, к настроениям и поступкам, не свойственным для мирного и спокойного развития культуры и культурного слоя в самом широком значении.

Общий итого наших суждений на заданную тему можно сформулировать в следующих терминах. Культурная политика партии большевиков в рассматриваемый период – это политика демонстрации того, как нужно быстро, твердо и результативно государственно овладевать важнейшими ресурсами (экономикой, аппаратом, кадрами, школой, театром, прессой, издательством и пр.) царско-буржуазной культуры в той мере, чтобы открыть путь к массовой пролетарской культуре. Решались вопросы буквально физического существования или упразднения базовых основ культуры, их структуры и организаций. И, одновременно, сохранения их коллективов и условий (не только материальных) такого сохранения. Эта политика, когда были еще возможности диалога внутри партийного ядра, что на политическом и партийном уровне обеспечивало независимость мышления, свободного и творческого отношения к поддержанию разнообразных центров, коллективов культуры и создание по сути революционных (новаторских), новых по содержанию направлений. В 1922 году не было еще явных признаков унификации подходов к пониманию, что и как развивать сферу культуры. И все же уже были признаки все большего

насаждения цензурных ограничений в культурной сфере. Но это была эпоха, когда все же шел поиск пути для определения политики сотворчества между партией и представителями культуры и искусства, межу партийной линией и свободной от контроля и цензуры работы творческих коллективов. Этот путь имел и обеспечил величайшие достижения и заслуги советской культуры и искусства, но завершился спустя много лет известным теперь финалом по причине грубейших ошибок в политике и потерей идеалов социалистической советской революции.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1) Артизов А., Наумов О. Введение. / Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП (б) – ВКП (б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917-1953. – М.: 2002;

2) Большая цензура: Писатели и журналисты в Стране Советов 1917-1956. – М.: МФДЖ: Материк, 2005;

3) Быков Д.Л. Советская литература. Расширенный курс. – М.: ПРОЗАик, 2015;

4) Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП (б) – ВКП (б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917-1953. – М.: 2002;

5) Максименков Л. Введение. / Большая цензура: Писатели и журналисты в Стране Советов 1917-1956. – М.: МФДЖ: Материк, 2005;

6) Поляков Ю.А. Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население / Ю.А. Поляков; Ан СССР, отд-ние истории, Ин-т истории СССР. – Москва: Наука, 1986. – 270 с.

7) Почешхов Н.А., Абрегова Ж.О., Шхачемуков Р.М. Потери населения в годы гражданской войны в России (1917-1922 гг.): дискуссионное пространство исторической демографии. / Электронный ресурс. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/poteri-naseleniya-v-gody-grazhdanskoy-voyny-v-rossii-1917-1922-gg-diskussionnoe-prostranstvo-istoricheskoy-demografii/viewer (дата обращения: 22.02.2022);

8) Семашко. В политбюро о печатании сообщений из голодных мест о «людоедстве» / Большая цензура. Писатели и журналисты в Стране Советов 1917-1956. – М., 2005;
9) Табейкина Е.К. Культурная политика Советской Власти в 1920-1930 гг. / Электронный ресурс. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnaya-politika-sovetskoy-vlasti-v-1920-1930-gg/viewer (дата обращения: 21.02.2022);
10) Троцкий. Перманентная революция. – М.: АСТ. 2005;
11) Троцкий Л. Сталинская школа фальсификации. Поправки и дополнения к литературе эпигонов. – Берлин, 1932;
12) Лысенко Е.А. Российская интеллигенция и «смена вех»: 1921 г. / Электронный ресурс. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-intelligentsiya-i-smena-veh-1921g/viewer (дата последнего обращения: 02.03.2022);
13) Maysurean/ 95 лет назад. Суд по итогам Гражданской войны / https://maysuryan.livejournal.com/531405.html (дата обращения: 06.03.2022);

УДК 379.8

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ПЕРВОЦЕЛИННИКОВ

Кузнецова О.В.

кандидат исторических наук, доцент, Филиал РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина в г. Оренбурге, Россия, Оренбург.

e-mail.ru: olgavk1983@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются особенности проявления советской культуры на целине. Анализируются возможности целинных совхозов в удовлетворении культурных потребностей новоселов в первое десятилетие освоение целины. Характеризуется праздничная обрядовость и ее особенности на целине.

Ключевые слова: целина, советская культура, повседневность, кинематограф, праздники, традиции, обычаи.

FEATURES OF THE MANIFESTATION OF SOVIET CULTURE IN THE DAILY LIFE OF THE FIRST TSELIN RESIDENTS.

Kuznetsova O.V.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Branch of the Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University in Orenburg, Russia, Orenburg.

e-mail.ru: olgavk1983@mail.ru

Annotation: The article discusses the features of the manifestation of Soviet culture in the virgin lands. The possibilities of virgin state farms in meeting the cultural needs of new settlers in the first decade of the development of virgin lands are analyzed. Festive ritualism and its features in the virgin lands are characterized.

Key words: virgin lands, Soviet culture, everyday life, cinematography, holidays, traditions, customs.

Советская культура – явление неоднозначное и сложное. Для каждого ее периода будет характерна своя особенность. Период освоения целинных и залежных земель совпадает с периодом эпохи «Оттепели» – этап в советской культуре, где происходи значительное освобождение от цензуры сталинского времени, появление новых возможностей и точек зрения. Передовыми становятся литература и кинематограф. Именно эти направления широко используются для пропаганды новой экономической авантюры середины 50-х гг. XX века.

Художественный образ, созданный на экране, особо воздействует на сознание человека. Он заставляет поверить в себя, поднять дух, вселить надежду. Такой силой обладало и кино исследуемого периода. По мнению А.А. Левандовского «Кино 60-х играло совершенно особую роль в нашей тогдашней жизни; оно являло собой не зрелище, а Школу...» [6, с.75.].

Учитывая, что посещение кино – популярное и интересное времяпрепровождение, то, судя по данным средней посещаемости на целине, приходящейся на одного жителя к началу 1960-х гг. в среднем по целинным совхозам Оренбургской (Чкаловской) области составляла 10-11 сеансов в год. [3, л. 86] К 1965 году средняя посещаемость значительно возросла и составила по целинным районам в среднем 21,73 посещения в год или 2-4 раза в месяц [4, л. 10].

Событием для целинников стали съемки кинофильма «Иван Бровкин на целине». Съемки проходили в совхозе «Комсомольском» Адамовского района. Даже сегодня нет единства среди самих первоцелинников в достоверности снятых кинокадров. [7, с. 236]

Неотъемлемым явлением советской культуры на целине стало введение особое сочетание традиционности и инновационности в проведении праздников на повседневном уровне. Особенно это интересно в связи с тем,

что большинство из первоцелинников были горожанами по социальной принадлежности по статистическому подсчету на 1954-1957 гг. по целинным районам процент городского населения, прибывших на освоение целины по стране составил 54,4 %.[1, с. 128,129, 2228; 8, с. 19]. И, конечно, их уровень запроса на удовлетворение их культурных потребностей был значительно выше, чем возможности целинных совхозов, которые строились, что называется, с колышка.

Отсюда, следует отметить, что целинной среде происходит слияние городской и сельской культуры, что тоже накладывает свой отпечаток на формы проявления советской культуры на целине.

Введение новой обрядовости в жизнь целинников стало возможным только после принятия Постановления Совмина РСФСР №203 от 18 февраля 1964 года «О внедрении в быт советских людей новых гражданских обрядов», где наметили серьёзные меры по пересмотру всей системы обрядов. В городах строились новые помещения для отделов ЗАГСа по специальным архитектурно-планировочным проектам с залами, в которых предусматривалась торжественная регистрация брака. Разрабатывались ритуалы проведения торжественной регистрации рождения, обряды гражданской панихиды. Создавались и совершенно новые советские обряды торжественного вручения паспортов, проводы молодежи в армию, вечера молодой семьи.

Изменилось проведение свадеб и на целине. До принятия указанного постановления свадьба считалась вполне обычным праздником, часто не имевшим своего ритуала, Свадьбу справляли просто и без затей. Свидетельством этому может стать типичный пример свадьбы в новом совхозе «Ириклинский» Ново-Орского района в июле 1954 г.: «Гости сидели не за столом, а прямо на мягкой, свежей траве, неподалеку от речки Джусы. Вместо лампы светил молодой месяц, а небо, усыпанное звездами, заменяло крыши. Патефон и две гармоники старались за целый оркестр, и хотя вина маловато, всем было очень весело. А песен? Сколько хороших песен! Одна

сменялась другой. Никто не жалел голоса. Каждый хотел пожелать друзьям самого наилучшего» [2, с. 56].

Нужно учесть, что в июле 1954 г. в целинных поселках кроме незастроенной территории ещё ничего не было, поэтому празднование под открытым небом с небольшой снедью – нормальное явление в среде целинников. Если мы обратимся к семейным фотографиям, то увидим, что свадьбы второй половины 1950-х гг. ни в чем практически не изменились. Стол был накрыт просто – вареная картошка, соленые огурцы, водка; невеста и жених ничем не выделяются среди гостей [10]. Символ молодоженов, по воспоминаниям Л.Д. Панкратовой, – золотые кольца часто заменялись символическими, переплавленными из советских монет колечками [5].

Регистрация проходила в сельсовете, часто в присутствии только молодожёнов, в обыденной обстановке. Молодые подавали заявление, им давался испытательный срок 7-10 дней, придя на регистрацию, они платили пошлину в размере 15 руб. [9, л. 4]. При регистрации брака делались записи в книгах актовой записи, книгах о выдаче брачного свидетельства и др. Фактически регистрирующий писал, не поднимая головы. Затем бракосочетающимся вручалось свидетельство, представляющее собой «серенькие бумажки, ничем не отличающиеся от свидетельства о разводе или смерти» [9, л. 16] произносились стандартные поздравительные слова [9, л. 4]. Свадьба продолжала оставаться личным праздником, не имевшим общественного значения.

В 1958 г. рассматривался проект постановления «О придании торжественности акту вступления в брак», которым вносился ряд изменений в процесс бракосочетания. Предлагалось проводить так называемые «комсомольские свадьбы», где важную роль играют сваты, сватавшие невесту и присутствовавшие на регистрации брака, «дружка» – молодой человек, организовывающий веселье на свадьбе [9, л. 8]. Предлагалось организовывать свадебные вечера в столовых как обязательные составляющие торжественного бракосочетания.

Проведение свадебного вечера включало рассаживание гостей в определенной последовательности; на вечере должна происходить демонстрация умений и навыков жениха и невесты; в адрес молодоженов и их родителей должны звучать добрые пожелания; обязательно использование на таких вечерах песен, танцев, шуток и игр, как народных, так и советских. [9, л. 31-32]

В результате этого постановления происходит некоторое возвращение народных традиций в повседневную жизнь людей. В конце 1950-х гг., по свидетельству первоцелинников, свадьба становится общественным явлением с активным участием директоров совхозов в обустройстве жизни молодоженов: совхоз предоставлял жилье новой семье или отводил место для строительства своего дома. Ритуал бракосочетания стал проводиться в клубах или красных уголках, регистрация – в сельсоветах, обязательно звучали поздравления от руководителей совхоза, но свадебные вечера чаще проводили дома, а не в столовых ввиду слабого развития сети предприятий общественного питания. Проведение вечера в столовых стало возможным только в первой половине 1960-х гг., когда и питание стало доступнее и качественнее, и в целинных совхозах столовых стало больше. Невеста чаще шила себе платье и делала фату, готовую одежду для свадьбы покупали редко.

После Постановления Совмина РСФСР № 203 от 18 февраля 1964 г. «О внедрении в быт советских людей новых гражданских обрядов» в быт целинников начинает широко внедряться новая обрядовость. Особыми считаются проводы в ряды Советской армии.

Подводя итоги, отметим:

- ✓ традиции и новации в проведении праздников на целине были продиктованы во многом волей партии и государства;
- ✓ введение новаций отразилось в полной мере и на свадебном обряде, претерпевшем значительные изменения;

- ✓ многие праздники, несущие политическое значение, были официальными и важными в жизни целинников и на общественном, и на семейном, родственном уровне;
- ✓ со временем новации становятся традиционными в жизни целинников, обрастая реалиями текущей повседневности.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1) Богденко М. Л. Совхозы СССР (1951-1958 гг.). – М.: Наука, 1972.
2) В краю просторов и подвигов. Молодежь на целине: сб. док. / под ред. Ю. С. Борисова. – М.: Молодая гвардия, 1962.
3) Государственный архив Оренбургской области (далее – ГАОО) Ф. Р-2138. Оп. 2. Д. 194.
4) ГАОО Ф.Р-2138. Оп. 2. Д. 560.
5) Из беседы с Л.Д. Панкратовой от 12.05.2007. Из личного архива автора.
6) Левандовский А.А. Последняя застава // Отечественная история. – 2003. – № 6.
7) Никоноров Н. На целине Ивана Бровкина // Планета целина: сб. ст. / под ред. В. Дубровкиной. – Оренбург: Оренбургский край, 2004.
8) Пахомова Е.В. Обеспечение районов освоения целинных и залежных земель трудовыми ресурсами в 1954-1956 гг. (на материалах Южного Урала): автореф. дисс… канд. ист. наук. – Оренбург, 2007.
9) Российский Государственный архив социально-политической истории. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 940.
10) Фото из семейного архива Д.М. Фаттахова.

УДК 82-31, 791.43/.45. 7.094

«ПЕРВЫЙ УЧИТЕЛЬ» – ПОВЕСТЬ Ч. АЙТМАТОВА И ФИЛЬМ А. КОНЧАЛОВСКОГО: ДВА ВЗГЛЯДА НА СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Левина Лариса Александровна
доктор филологических наук, профессор кафедры истории,
РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, Россия, Москва
e-mail: larissa.a_mail@mail.ru

Аннотация. Статья содержит сравнительный анализ повести Ч. Айтматова «Первый учитель» и экранизации этой повести А. Кончаловским как двух взглядов на становление советской власти в Средней Азии

Ключевые слова: Айтматов, Кончаловский, «Первый учитель», сценарий, экранизация, киноадаптация.

«FIRST TEACHER» – STORY BY CH. AITMATOV AND FILM BY A. KONCHALOVSKY: TWO VIEWS ON FORMATION OF SOVIET POWER IN CENTRAL ASIA

Levina Larisa A.
Ph/D in philology, Professor of history
National University of Oil and Gas «Gubkin University», Russia, Moscow
e-mail: larissa.a_mail@mail.ru

Abstract. The article contains a comparative analysis of the story by Ch. Aitmatov «First Teacher» and adaptation of this story by A. Konchalovsky as two views on formation of soviet power in Central Asia.

Key words: Ch. Aitmatov, A. Konchalovsky, «First Teacher», scenario, ecanization, film adaptation.

Повесть Ч. Айтматова «Первый учитель» вышла в свет в 1962 году, а фильм появился в 1965 – очень быстро по тем временам. Фабула их практически идентична, но сегодня, по прошествии 60 лет, очевидны идеологические различия. Фильм поражает такой откровенной антисоветчиной, что даже странно, как он вообще вышел на экраны.

Рассмотрим ключевые события обоих произведений.

В повести молодой художник, приглашенный в родной аил на праздник по случаю открытия новой школы, вспоминает зеленые тополя и холм, который называли «школа Дюйшена» [1, с. 5]. На празднике присутствует самая знаменитая уроженка аила академик Алтынай Сулайманова. И вскоре от нее приходит письмо с воспоминаниями об этой школе. Такое начало – уже «хэппи энд» вне зависимости от того, что произойдет дальше. Это светлое будущее, ставшее не менее светлым настоящим.

Фильм же начинается жестко, без сентиментальных воспоминаний и ретроспектив. Белые горы. Белое небо, серый камень. Черные холмы. Чахлая растительность. На всю округу один (!) тополь. Небогатый аил – несколько десятков глинобитных домов. Небольшая толпа и парень в буденовке, повторяющий как мантру:

«– Я учитель – я буду учить ваших детей – мы построим школу – я приехал из города – сейчас все учатся – я буду учить ваших детей – я учитель – мы построим школу».

В толпе смех.

«–Разве ты мулла, чтобы учить? Ты же оборванец».

Тон резко меняется.

«–Советская власть отменила нищих – я красноармеец – я был в Москве – я видел телефон и говорил по телефону, а ваш мулла видел телефон?»

Хохот уже гомерический.

«– А зачем нашим детям школа? Ты нас силой заставишь?

– Меня послал комсомол – сказано: учить детей обязательно – вы против советской власти?»

Переход к политической конфронтации происходит не только на словах – Дюйшен распускает руки, набрасывается на стариков [2, 1:22-4:40][7].

В повести это спокойный разговор, без насмешек, рукоприкладства [1, л. 11-12] и без такой концентрации лозунгов, что они больше похожи на заклинания. Здесь же совершенно очевидно: есть уклад жизни. Есть люди, для которых советская власть – сила, о которой они толком ничего не знают. И которой в их аиле нет. Ничего там не изменилось по существу.

Что собой представляет Дюйшен-учитель? В фильме видим три его урока.

На первом он показывает детям портрет Ленина, обещает научить политграмоте и арифметике и предлагает задавать вопросы. Дети задают.

«– Почему люди умирают? – Потому, что они люди. – А лошади умирают? – И лошади! (радостно) – Все умрут? – Все! – И я? – И ты! – И вы? – И я! (все радостнее) – И Ленин? – Кто сказал тебе эту контрреволюцию?!!»

И набрасывается уже на ребенка, выталкивает его с криком про байских детей и про мировую революцию. По школе ходят куры. Дети плачут и разбегаются [2, 8:23-11:120].

Второй урок – некоторое время спустя. Дети и учитель просто скандируют: «Социализм, социализм, социализм…» [2, 22:40-23:05].

Третий урок – примерно по прошествии года. Дети выучили, кто их враги (баи, капиталисты, миллионеры, муллы) и кто друзья (бедняки, батраки, мировой пролетариат, чекисты, негры). Обещанная политграмота. Они умеют считать до трех (обещанная арифметика) и знают три города – Москву, Ташкент и Бишкек (бонусом география) [2, 49:20-51:10]. При первой встрече Дюйшен обещал жителям аила, что дети смогут прочитать любую книгу, но незаметно, чтобы он учил их читать.

[7] Здесь и далее в ссылках на фильм после запятой – хронометраж

В повести уроков нет, но сказано, что Дюйшен детей все-таки учил, и говорится о его бесконечном терпении [1, л. 19], а фильме он сразу же начинает на них кричать. Все это выглядит злой пародией на школу, какой-то сектой идолопоклонников.

Не лучше и со взрослыми. Узнав о смерти Ленина, Дюйшен негодует, что все спят. Среди ночи. С криками: «Никому на дам спать! – Не смейте спать! – Никому не позволю спать никогда! Враги не дремлют, а вы спать?! Изменники! Стрелять будем!» – он бегает между домами, молотит во все двери, а чтобы все наверняка выбежали на улицу, выгоняет овец из хлева и устраивает пожар. Да еще и мешает тушить его. За кадром женские всхлипывания – непонятно, по Ленину или по сгоревшему хлеву [2, 28:10-31:40]. Следует монолог Дюйшена про партию, в которую вливаются сто тысяч коммунистов, от чего станет она стальной и будет у нее сто тысяч солнц. Снова все очень похоже на идолопоклоннический ритуал. В повести Дюйшен всего лишь заставил мальчишек снять шапки, поставил в почетный караул и сказал, что едет на три дня в волость – вступать в партию [1, л. 23].

И теперь о главной сюжетной линии.

Алтынай – сирота, ее дядя и тетка считают, что она в девках засиделась. В начале действия, по повести, ей 14 лет, к весне – 15. Для Средней Азии 20-х годов это, безусловно, брачный возраст. Но в конце фильма Алтынай говорит, что ей 16! Возможно, год добавили, потому что балансирование Алтынай и Дюйшена на грани отношений «учитель – ученица» в фильме более конкретно и менее романтично, чем в повести. Но тогда тем более естественно выдать ее замуж, и совсем непонятно, как она оказалась в школе в качестве ребенка.

Это самая эмоционально напряженная часть как повести, так и фильма. Но с обратными знаками. В повести бай, жених – краснорожий, грузный, как пень, развалившийся на кошме потный пьяница, который ходит медведем, хамит, храпит и бьет кошек, и т.д. [1, л. 31]. В фильме же это ладный сильный мужчина с ослепительной улыбкой и умными глазами, и появляется

он верхом на коне [2, 26:52]. На весеннем празднике он всех угощает и с легкостью побеждает в поединке здорового местного кузнеца. «У меня руки, как ослиная спина, я всю жизнь работаю», – говорит бай, и это правда. Девчонки вьются вокруг него – догадываются, что бай присматривает себе вторую жену [2, 36:50-42:25].

Замужество Алтынай начинается с драки. В повести краснорожий замахнулся камчой и тогда Дюйшен ударил его ногой в живот [1, л. 34]. В фильме же бай здоровается и протягивает руку, а в ответ получает ногой в живот [2, 31:35]. Разница впечатляющая.

Разнится и облик старшей жены бая. «У потухшего очага сидела угрюмая, высохшая, словно коряга, старая женщина. Лицо у нее было темное, как земля» [1, л. 35]. В фильме же это просто средних лет женщина со следами былой красоты.

А потом появляется Дюйшен на белом коне с двумя чекистами, бьет спящего бая ногой в лицо [2, 1:03:50] (в книге просто пинком открывает дверь) и его увозят. Причем так и непонятно за что – за драку, за то, что взял вторую жену, или за табуны и батраков? И снова резкий контраст в изображении старшей жены. В книге: «Она, точно сумасшедшая, подскочила к мужу и сбила камнем его лисью шапку.

– За кровь мою выпитую, душегуб! – орала она истошным голосом. – За черные дни мои, душегуб! Не отпущу тебя живым!» [1, л. 38]. И далее довольно длинный монолог в том же духе.

В фильме – припав к ноге мужа: «Дорогой ты мой, самый лучший, самый красивый! Род наш обезглавили, что нам теперь делать…» [2, 1:05:33].

Без пафоса и гораздо убедительнее. Плюс потрясенные люди – родня, дети, батраки, за спинами которых полуразобранные юрты, – от всего этого веет растерянностью и безысходностью.

Возвращение в аил тоже сильно различается.

В повести сказано, что ехали на коне, что Дюйшен говорил красивые слова и Алтынай по дороге купалась в реке – красочной, искрящейся. «–

Унеси, вода, с собой всю грязь и погань этих дней! Сделай меня такой же чистой, как ты сама, вода! – шептала я и смеялась, сама не зная чему» [1, л. 39]. И далее: «Тропа эта для меня – всем дорогам дорога. Да будут благословенны тот день, та тропа, тот путь моего возвращения к жизни, к новой вере в себя, к новым надеждам и свету… Спасибо тому солнцу, спасибо земле той поры…» [1, л. 39].

Черно-белый фильм исключает красочность. Идет проливной дождь. Вода и серый камень – как первооснова мира. Разорванное платье. Рыдающая Алтынай. Дюйшен с криками срывает с нее украшения, и даже в какой-то момент бьет. А купание в мутной воде под проливным дождем и с безудержными слезами – что угодно, только не возвращение к жизни [2, 1:06:20-1:10:05].

Собственно возвращения в аил в повести нет, просто сказано: «Оставаться в аиле после всего, что случилось, я не хотела. Новую жизнь надо было начинать на новом месте. Да и люди нашли мое решение правильным. (…) Ученики из нашей школы долго бежали за бричкой и долго махали мне вслед…» [1, л. 39].

В фильме возвращение в аил – безобразная сцена: оскорбления, проклятия и крики о позоре на весь род и на девушек аила, которым теперь не выйти замуж, грозят перерасти в побивание камнями. А Дюйшен твердит про первую освобожденную женщину Востока. И про то, что хотел «как вам всем лучше». Звучит резонный вопрос: а мы тебя просили? Беснуется толпа. Рыдает Алтынай. «Свобода торжествует в нашем аиле», – вещает Дюйшен [2, 1:11:00-1:15.04]. По-хорошему, он теперь должен на ней жениться…

А потом старый человек говорит мудрые слова. Что общество держится обычаями, что силой никого ничему научить нельзя, что Алтынай не может выйти на улицу, а потому им надо уехать. Обоим. Их изгоняют, ни о каких ее желаниях и речи нет [2, 1:15:20-1:16:35]. Ей предстоит учиться и работать на фабрике, которая делает телефоны... А потом, может быть, на рабфак или на завод. А может быть, уедет. Ключевое слово – может быть. Нет и намеков на

карьеру. Реальность – фабрика телефонов [2, 1:19:01-1:20.07]. Дюйшен гордился тем, что говорил по телефону. Круг замкнулся. В повести Дюйшен не поехал с Алтынай, потому что понимал – без него она может добиться большего, чем добился он сам [1, л. 40]. И оказался прав. В фильме он остался только из-за школы. Но в аиле его ждет сожженная школа, похороны любимого ученика, погибшего на пожаре, и новые проклятия [2, 1:24:10-1:28:40]. В книге этого нет и быть не могло – там же воспоминания Алтынай.

Последние кадры: Дюйшен рубит единственный в аиле тополь [2, 1:30:12-1:32:50]. В книге он сажал тополя. Диаметрально противоположный по символике финал.

В повести найден беспроигрышный сюжетный ход – воспоминания успешной пожилой женщины, в которой все еще живет влюбленная девочка. Ее точка зрения все лакирует. Фильм же – беспристрастный взгляд со стороны на цивилизационный конфликт. Патриархальное, во многом – родовое общество, и невежественный фанатик, который собирается все разрушить до основанья, а затем… И несет только горе и разрушение. Но, как показала жизнь, это общество оказалось устойчивым и смогло эффективно сопротивляться разрушению даже в куда больших масштабах. И не надо лезть туда неумелыми руками. Не надо нести туда просвещение, блага цивилизации, демократические ценности etc. Оно об этом не просило.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1) Айтматов Ч. Первый учитель. 2006. [Электронный ресурс] https://massolit.site/book/pervij-uchitel/pre-download?format=docx&key=WC4N7Oq3FHXy Дата обращения: 30.01.2022

2) Первый учитель. Х/ф. реж. А. Кончаловский. Производство киностудий «Киргизфильм» и «Мосфильм», Творческое объединение «Глобус». 1965. [Электронный ресурс] https://my.mail.ru/v/ussr_hd/video/films/1196.html Дата обращения: 30.01.2022

УДК 327 (575) + 94 (575)

СРЕДНЯЯ АЗИЯ – ЕДИНСТВО В МНОГООБРАЗИИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ)

Турсунова Ранохон Юсубжановна
доктор исторических наук, и.о. профессора кафедры Общественно-гуманитарных и социально-экономических дисциплин, филиал Московского Государственного Университета М.В. Ломоносова в г. Ташкенте
e-mail: turrena72@mail.ru

Хасанова Мавлюда Батыралиевна
Кандидат исторических наук, доцент кафедры Социально-гуманитарных наук, Филиал РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина в г. Ташкенте
e-mail: M_khasanova.55&mail.ru

Аннотация. В статье отражен историко-культурный аспект среднеазиатских советских республик. Народы Средней Азии объединяет общая история и религия, которые оказали значительное влияние на развитие мировой цивилизации.

Ключевые слова: регион; культура; традиции; обычаи; идентичность; религия; атеизм; идеология; духовность; единство; многообразие.

CENTRAL ASIA – UNITY IN DIVERSITY IN THE SOVIET PERIOD (HISTORICAL AND CULTURAL ASPECT)

Tursunova Ranohon Y.
doctor of historical sciences, acting professor of the department Social-humanitarian and socio-economic disciplines, branch of Moscow State University M.V. Lomonosov in Tashkent

e-mail: turrena72@mail.ru

Khasanova Mavlyuda B.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Social Sciences and Humanities, Branch of the Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University in Tashkent

e-mail: M_khasanova.55&mail.ru

Abstract. The article reflects the historical and cultural aspect of the Central Asian Soviet republics. The peoples of Central Asia are united by a common history and religion, which had a significant impact on the development of world civilization.

Key words: region; culture; traditions; customs; identity; religion; atheism; ideology; spirituality; unity; manifold.

С 1924 года в Средней Азии стартовало национально-территориальное размежевание, в результате чего оформились среднеазиатские советские республики. До национально-территориального размежевания на территории Средней Азии существовало 3 государства – Туркестанская АССР, Бухарская и Хивинская народные республики. В результате проведенного размежевания были созданы шесть национально-государственных объединений:

- Узбекская ССР;
- Туркменская ССР;
- Таджикская АССР в составе Узбекской ССР (до 1929 года);
- Каракиргизская (Киргизская) автономная область в составе РСФСР;
- Казахская АССР в составе РСФСР;
- Каракалпакская автономная область в составе Казахской АССР. С 1936 года Каракалпакская АССР войдет в состав УзССР.

Таким образом, политическая карта СССР на южном направлении оформлялась до середины 1930-х гг. Национально-территориальное размежевание сыграло важную роль в дальнейшей судьбе образовавшихся

республик и на сегодняшний день мы имеем пять независимых центральноазиатских республик, входивших в СССР.

Вопрос, связанный с национально-территориальным размежеванием, до сих пор остается открытым из-за разницы в подходе его освещения. Имеется одна точка зрения, которая указывает на своевременность и правильность проведенного важного государственного оформления южных республик СССР. Однако есть, и противоположная точка зрения, которая указывает на не продуманный подход к столь важному вопросу как разделение народов региона. А именно – при проведении границ молодых государственных образований не учитывалось компактное проживание той или иной этнической группы региона в целом. В итоге размежевание в его национальном аспекте было условным.

В советское время по отношению к южным советским республикам использовалась категория «Средняя Азия и Казахстан». Сегодня же эту категорию используют в основном историки. Что касается обозначения региона, где они были расположены, активно используется термин Центральная Азия[8].

[8] Впервые термин «Центральная Азия» встречается в трехтомнике «Центральная Азия. Исследование горных цепей и климатического сопоставления» Александра фон Гумбольдта, выпущенном в Париже в 1843 г. Проведя свое исследование, автор вычленил Центральную Азию как отдельный регион (Humboldt, A. de. Asie centrale. Recherches sur les chaines de montagnes et la climatologie comparee, – Paris, 1843). Вплоть до XXI в. понятие «Центральная Азия» использовалось в качестве исторической или географической дефиниции, но не геополитического определения. Более того, не были ясны ни границы региона, ни его состав. Даже само наименование в разные периоды истории и у разных народов существенно разнилось. Исторически главными параметрами были географические ориентиры. Для греков и римлян это была «Трансоксония», – земля, лежащая за рекой Oxus (Аму-Дарья), для китайцев – «Западный край», для арабов – «Мавераннахр» (Междуречье). Иран отделялся от «Турана». Иногда определение базировалось на этнолингвистической основе, и регион назывался «Туркестан». Порой давалось расширительное толкование «Внутренняя Азия» (InnerAsia) с включением в регион Монголии, Западного Китая, Севера Индии, Пакистана и юга российской Сибири. По крайней мере так выглядит регион в книге «История цивилизаций Центральной Азии», изданной ЮНЕСКО (HistoryofcivilizationsofCentralAsia. – Paris: UNESCOPublishing, 1996). Иногда же, наоборот, как в СССР, границы Центральной Азии суживались до понятия «Средняя Азия», включавшего всего четыре республики – Киргизию, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан.

В нашей статье хотелось бы уделить внимание историко-культурному аспекту и разобраться в чем единство и разнообразие государств Средней Азии в советский период.

Итак, на момент проведения национально-территориального размежевания на территории Средней Азии проживали народы которых объединяла не только история, религия и язык (за исключением таджикского) но и такое понятие как национальное самосознание.

Однако в то же время мы можем указать на различия в культурном аспекте, причиной которому служит особенность эволюции местного населения. Так, узбеки и таджики – это представители оседло-земледельческих народов, а казахи, киргизы и туркмены – это народы, которые издревле вели кочевой образ жизни.

В свою очередь различия имеются и внутри самих народностей, относящихся к оседло-земледельческому типу хозяйства – у узбеков и таджиков.

Тоже самое мы можем утверждать и по отношению к народам представляющих тип кочевников. Кочевники кочевникам рознь, эту мысль подтверждают казахи, которые кочевали в основном по степям в свою очередь туркмены по пустыням, а киргизы освоили кочевой образ жизни в горах. Эта специфика географическая отразится на всем укладе жизни кочевых народов.

Географическая общность стран региона, представленная пятью государствами – Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном, Туркменистаном, Узбекистаном объединялось в понятие «Средняя Азия и Казахстан». Почему Казахстан не попал в число среднеазиатских республик?

Арнольд Тойнби в своем монументальном труде «Постижение истории» отмечает, что бассейн Окса-Яксарта (т.е. междуречье Амударьи и Сырдарьи), как и Ближний Восток, "представляет собой своеобразный поворотный пункт, как бы центр, где сходятся дороги со всех концов света. Природные условия способствовали превращению этих мест в международный перекресток» (Тойнби А.Дж. Постижение истории. – М.: «Прогресс», 1991. С. 556-557). Именно этим, указывает Тойнби, обусловлено то, что здесь зародились и мощно развивались главные мировые религии (см.: Сафаев С. Геополитика Центральной Азии. – Ташкент, 2005. С. 9).

Вероятно, причиной была территориальная «протяженность» Казахстана к северу и преобладание русскоязычного населения на территории Северного Казахстана, хотя культурологически, географически и политически республика находилась в центре советской Азии [7, с. 3].

Своеобразное расположение Казахстана состоит в том, что республика оказалась на стыке трех регионов – Великой степи, Сибири и Центральной Азии. Как отмечают политологи, Казахстан не является в полном смысле частью ни одного из них [9, с. 8].

Необходимо указать на общие черты исторического пути, пройденного странами региона. Само положение Средней Азии на стыке великих мировых цивилизаций предопределило ее уникальную роль в межцивилизационном диалоге, в обмене культурными ценностями, в развитии человеческих обществ, народов, государств. Эту миссию регион выполнял веками и тысячелетиями, в его истории нашло отражение все многообразие этнических, культурных, конфессиональных процессов [11].

Как уже сказано выше до XX в. ни одно из государств в том виде, что появилось на карте мира как независимое, не существовало. В регионе имелись локальные области, условно делимые по территориальному, цивилизационному и конфессиональному признакам.

Например, территория Казахстана может быть условно разделена на пять крупных регионов, отличающихся по хозяйственно-культурным характеристикам, – это Западный Казахстан (Западно-Казахстанская, Атырауская, Мангистауская и Актюбинская области), Северный Казахстан (Петропавловская, Акмолинская, Кокшетауская области), Южный Казахстан (Кзыл-Ординская, Жамбыльская и Южно-Казахстанская области), Юго-Восточный Казахстан (Алматинская область) и Восточный Казахстан (Восточно-Казахстанская область). Казахстанские аналитики признают тот факт, что «Казахстан – государство с очень рыхлым «ядровым» (центральным) пространством…» [5].

В основе исторической разобщенности населения Казахстана прослеживается история кочевников, состоящих из трех жузов: Большого, Среднего и Малого. Отличием одного жуза от другого стала хозяйственно-культурная специализация, формировавшаяся в трех частях страны – в Семиречье, Западном и Центральном (включая Северный и Восточный) Казахстане.

В Таджикистане номинально выделяются три группы населения, в основу выделения лег географический принцип: северные таджики (ленинабадцы), центральные таджики (кулябцы, каратегинцы, гиссарцы) и южные таджики (памирцы). Такое условное деление приводит к мысли, что гораздо большее влияние приобретает так называемый «оазисный патриотизм». Языковая принадлежность также определенна, особенно если обратиться к жителям Горного Бадахшана, население которого использует восточноиранский диалект, отличный от таджикского языка.

Северный Таджикистан (вернее, Худжант с прилегающими к нему территориями) был частью культурного массива в составе Ферганы. Именно в этой части долины в советский 70-летний период был относительно более высокий уровень промышленного развития, а вместе с ним образования и культуры. Южный Таджикистан отличался стойким консерватизмом, да к тому же эти земли были разделены на локальные субкультуры (каратегинскую, кулябскую и др.).

В Кыргызстане условное деление общества на северо-кыргызскую и южно-кыргызскую общности также составляет сложную проблему, так как на самом деле это более сложное переплетение, связанное с подразделением на исторически сложившиеся области: Чуйскую, Иссык-Кульскую, Таласскую, Ошскую, Нарынскую.

Традиционно кыргызская палитра представлена субэтнорегиональными взаимоотношениями внутри кыргызского этноса, восходящими к исторически сложившимися противоречиям между основными территориально-племенным общностями [5].

В Узбекистане эксперты также выделяют несколько культурных кланов. Так, одни специалисты по истории формирования узбекского этноса включают в этот список древних хорезмийцев, южных узбеков и население Ферганской долины. Другие специалисты выделяют как исторически сложившиеся кланы ферганский (даже наманганский, андижанский, ферганский), ташкентский, самаркандский, бухарский, хорезмский и суркаш (образованный на стыке Сурхандарьинской и Кашкадарьинской области), а также джизакский.

В Туркменистане разобщенность социума связана не с географией, а с исторически сложившимся племенным составом туркмен. Выделяются пять замкнутых субэтнических делений: теке, живущие в центральной части (Ашгабат), иомуды (емуды) в западной (современный Балканский велаят), салыри и сарыки в южных, граничащих с Афганистаном районах, эрсары вдоль среднего и верхнего течения р. Амударья (современный Лебапский велаят) и човдуры, живущие в Дашховузском и на севере Лебапского велаятов. Как отмечают Д.Х. Жетписов и Т.С. Хабиев, «каждое племя-землячество говорит на общепонятном для всех туркмен языке, но имеет свой диалект, ассоциирует родину со своей территорией страны, но имеет регион основного расселения и, наряду с общей легендой о происхождении, свою легенду о происхождении и о своих героических персонах (шеджере)» [5].

Культура у народов, населяющих наш регион, формировалась и развивалась на протяжении многих тысячелетий, она складывалась под влиянием сложных экономических, социально-политических и культурных процессов, в том числе религиозных.

Еще в XIV – XV вв. в Центральной Азии сложились такие замечательные традиции, как «қуғирчок уйини» (кукольные представления), выступления «қизикчи масхоробоз» (комиков), «аскиячи» (острословов), «дорбоз уйни» (канатоходцев), «ёғоч уйини» (ходоков на ходулях), «чини уйини» (жонглеров с фарфоровыми чашками), «тоғора уйини» и других

актеров различных жанров, которые выступали перед народом на улицах, базарах, площадях [12, с. 46].

Для этносов Средней Азии характерна яркая отличительная особенность – общность исторических и этнокультурных факторов развития народов региона. Эти факторы обуславливают наличие схожих национальных интересов стран региона. В данном случае термин «схожие» не аутентичен понятию «одинаковые», это скорее всего совпадения, которые позволяют идентифицировать интересы [2, с. 18].

Культура человечества движется вперед не только путем перемещения в «пространстве и времени», но и путем накопления ценностей. Ценности не сменяют друг друга, новые не уничтожают старые, а, присоединяясь к старым, увеличивают их значимость для сегодняшнего дня [12].

Необходимо напомнить, что закрытый характер советской системы практически лишал граждан страны возможности общения вне пределов СССР с носителями и западно-христианской, и мусульманской культур. Господствовала унифицированная система образования, ориентированная на закрепление, в первую очередь среди местной интеллигенции, прорусской культурной ориентации на внутреннюю миграцию, смешанные браки и многое другое. В жестко навязывавшейся обществу официальной идеологии, в которой с 1970-х годов обозначилась установка на создание новой общности – «советского народа», у составляющих страну этносов принадлежность к своим традициям отодвигалась на второй план и сводилась к «этнографическим частностям» [8].

Самый невосполнимый урон советская система нанесла пропагандой атеистических ценностей, хотя отметим, что создать «безбожное» государство так и не удалось. Атеистической обработке подлежала в большей степени интеллигенция, которая по праву может считаться стержнем любого общества, его ядром. Атеизм стал одной из составляющих в достижении главной цели – построении нового социалистического советского государства и воспитании усредненного советского гражданина.

Необходимо помнить, что религия – специфическая, глубоко своеобразная сфера духовного бытия людей. Государственная политика может заглушать религиозные чувства людей (как это было во времена советского атеизма) или предоставлять им свободу проявления. Однако отменить или ликвидировать эти чувства никакая политика не в состоянии. Более того, любое насилие в данной сфере может вызвать весьма острую обратную реакцию [1, с. 15].

Несмотря на существование с древних времен природных и политических ограничений, человеческой разобщенности на планете, культурно-историческая однородность и схожесть (языковая и религиозная) служили важным элементом для складывания схожей идентичности у населяющих те или иные регионы племен и народов и появления на территории их проживания политической власти, которые совокупно мы называем государством. В этом смысле, Средняя Азия с древних времен представляла собой единую культурно-историческую зону, где на протяжении многих веков существовало единое политическое пространство [3].

«Вследствие общности исторических судеб, географических условий и действия общих культурных закономерностей Средняя Азия и Казахстан всегда представляла собой достаточно целостную и своеобразную культурно-историческую «провинцию» на карте Евразии. Причем важную роль играло не только единство этнокультурных процессов, но и отсутствие внутренних границ, что обусловливало постоянные и широкомасштабные контакты внутри региона. Именно поэтому Средняя Азия всегда была самодостаточным и целостным регионом с четко выраженной спецификой культурно-исторических процессов» [3].

Для такого утверждения достаточно оснований, так как Средняя Азия – одна из древнейших колыбелей человеческой цивилизации, имеющая чрезвычайно богатую историю, живое культурное наследие. Расположенный на перекрестках маршрутов между Востоком и Западом, этот регион в

течение многих столетий способствовал диалогу и взаимодействию культур, языков и религий вдоль Великого Шелкового пути. Поэтому пять основных стран региона – Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан объединяет много общего в их истории, культуре и социально-политическом развитии [3].

«…Средняя Азия… была особым узлом этногенетических процессов. Племена и народы здесь возникали, исчезали и вновь возникали в новом качестве. Связи и процессы эти были разнохарактерны и разнонаправлены, давали в разных пунктах Центральной Азии неодинаковый результат. Но главное в том, что это был особый центр, особая зона этногенеза, так же, как и разнообразных культурных, хозяйственных, политических, идеологических связей» [3].

Помимо географической близости, культурных, духовных и религиозных связей, страны региона обладают общей историей, которую условно можно разделить на три периода: нахождение стран в составе государств – Западно-Тюркского каганата, Саманидов, Караханидов, Ануштегинидов, Сельджукидов, империи Чингисхана и его наследников, Тимуридов и т.д.; в составе Российской империи; в составе СССР. В то же время, присутствие в регионе колониальной администрации в лице Российской империи, а затем и СССР во многом стало причиной разобщенности исторической непрерывности и разобщения культурной общности народов региона [3].

Однако колониальный период истории народов Средней Азии в составе Российской империи и СССР, – как отмечают узбекские эксперты В. Парамонов и А. Строков, – несмотря на свои отрицательные моменты, имел и положительные стороны. Вхождение в единое (по сути, евразийское) экономическое пространство предопределило существенный прогресс Центральной Азии. Как в случае Великого Шелкового пути, начиная со второй половины XIX века, вновь имела место интеграция [3].

Особенно стремительно развивались экономика и социальная сфера региона в советский период вследствие глубокого включения в единую систему межреспубликанских экономических отношений. В итоге страны Средней Азии превратились в развитые индустриально-аграрные государства с высоким уровнем образования, здравоохранения, культуры, искусства, науки и благосостояния населения [4, с. 20].

После обретения независимости у всех народов Средней Азии началось переосмысление ценностей, возвращение собственной истории, а это, в свою очередь, привело к возрастанию значимости национальной культуры, которая оказывает влияние на формирование национального самосознания.

Народы Средней (Центральной) Азии заметно преуспели в преодолении серьезных проблем, с которыми они столкнулись после распада Советского Союза. Им удалось воссоздать национальное самосознание и построить государственные структуры [4, с. 20]. Средняя Азия стала регионом, который вошел в политический, экономический и культурный континуум. Без сомнения, именно в переходный период обновления общественной жизни увеличивается интерес к национальному самосознанию и к духовной культуре.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1) Абидов Д.Т. Государственная политика независимого Узбекистана в сфере религии и культура ее освещения в республиканской печати: Автореф. дисс. … докт. полит. наук. – Ташкент, 2007.

2) Акобиров С.Р. Соотношение национальных и общечеловеческих интересов в обеспечении национальной безопасности: Автореф. дисс. … канд. полит. наук. – Ташкент, 2005.

3) Байдаров Е. Культурно-цивилизационные основания для региональной интеграции в Центральной Азии https://www.caa-network.org/archives/9492

4) Доклад о человеческом развитии в Центральной Азии. В будущее без барьеров: Региональное сотрудничество в области человеческого развития: Региональное бюро ПРООН по странам Европы и Содружества Независимых Государств, 2005. С.20.

5) Жетписов Д.Х., Хабиев Т.С. Проблема складывания национальной государственности в Центральной Азии. http: //www.postsoviet.ru/

6) Сафаев С. Геополитика Центральной Азии. – Ташкент, 2005.

7) Klowson P. Former Soviet and Muslim Word. P.3.

8) Малашенко А. Конфессиональный фактор в отношениях России со странами Центральной Азии. http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:v1173PTSaZ8J:www.analitika.org/article.php

9) Маннопова О.С. Политологическое изучение проблем регионального развития и безопасности в Центральной Азии в зарубежной русскоязычной литературе: Автореф. дисс. … канд. полит. наук. – Ташкент, 2004.

10) Наджимов Г.Н. Народные традиции и культура. – Ташкент: Узбекистан, 1992.

11). Назаров Р.Р. Традиции межэтнического и межконфессионального диалога: на примере Центральной Азии. http://www.idmedina.ru/books/materials/rmforum/4/nazarov.htm?

12) Юлдашева М.Р. Межкультурный и межрелигиозный диалог как проблема культурной глобализации. file:///C:/Users/user/Downloads/mezhkulturnyy-i-mezhreligioznyy-dialog-kak-problema-kulturnoy-globalizatsii.pdf

УДК 7.011.26

ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ СОВЕТСКОГО КИНЕМАТОГРАФА

Топорина Екатерина Алексеевна

Кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии и социально-гуманитарных технологий, РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, Россия, Москва

e-mail: top-kate@yandex.ru

Аннотация. В работе рассмотрены некоторые темы советского кинематографа, уделено внимание женским образам, их смысловой нагрузке.

Ключевые слова: советский кинематограф; женские образы; классическая русская литература; фильмы о войне; деталь.

FEMALE IMAGES OF SOVIET CINEMA

Ekaterina A. Toporina

PhD in Philosophy, Senior Lecturer of Department of Philosophy, Social and Political Technologies Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University, Russia, Moscow

e-mail: top-kate@yandex.ru

Abstract. The paper considers a few issues of the Soviet cinema. It focuses on female images.

Key words: Soviet cinema; female images; Russian classical literature; films about Great Patriotic War; artistic detail.

Сегодня, когда закончилась эпоха большого кино, можно вполне констатировать актуальность и важность замыслов советского кинематографа, давшего необыкновенное богатство образов. Рассмотреть все это многообразие не представляется возможным. Однако уделить внимание

хотя бы некоторым темам необходимо. Одной из таких тем является женщина в советском кинематографе.

Советская традиция во многом продолжает традиции дореволюционной русской культуры, с успехом развивая темы русской классической литературы в других видах искусства. Возможно, по этой причине экранные, да и театральные интерпретации классической литературы советского периода остаются эталонными (можно вспомнить «Войну и мир» С. Бондарчука, «Анну Каренину» А. Зархи, экранизацию произведений Ф.М. Достоевского И. Пырьевым…). Успешными были и экранизации зарубежной классики. Среди героинь советского кинематографа мы встречаем рафинированных интеллектуалок и аристократок, рабочих девушек и крестьянок, «обычных» и не очень персонажей. Всех их волнуют вполне современные проблемы: одиночество и семья, поиски счастья и собственного пути в жизни, стремление к идеалу. Искусство нашего времени, увы, подобной остротой поиска не отличается.

Тема одиночества становится особенно заметной в кинематографе 1970-1980-х годов. Так, в работах «О любви» (реж. М. Богин, 1970) и «Дневной поезд» (реж. И. Селезнева, 1976) возможные избранники оказываются недостойными внимания, как бы проигрывают по содержательности, «интересности», наполненности женским персонажам. Проблема несоответствия звучит и в тонком, поэтичном фильме «Из жизни отдыхающих» Н. Губенко (1981). Герои-мужчины мучаются от опустошенности, «предательства» таланта, нереализованности, вызывающей чувство ненужности и муки совести («Ты и я», «Из жизни отдыхающих»). Темы эти, безусловно, драматичные, но не вызывают у зрителя ощущения безнадежности. Возможно, это связано со спецификой советского нарратива с его правдой мечты и человечности [3]. Когда другой мир пел песню раздвоенности человеческого сознания, отечественное искусство пело гимн гуманизму. «Советское искусство – это гимн человеку, каким он должен быть» [3], а в этом, выражаясь словами классика, заключен реализм в

высшем смысле слова (Ф.М. Достоевский). Это не просто антропоцентричное искусство (может ли оно быть иным?), но искусство человекомерное.

Мы видим, как в фильме «Городской романс» (реж. П. Тодоровский, 1970) интеллектуалка Нины Корниенко проигрывает наивной и не столь эрудированной героине Марины Леонидовой, «берущей» за душу своей непосредственностью. Умелая женственность уступает женственности наивной. Вообще, к образу последней вполне можно отнести слова В.С. Соловьева: «Любовь есть самоотрицание существа, утверждение им другого, и между тем этим самоотрицанием осуществляется его высшее самоутверждение» [2, с. 234]. Собрав всю силу воли, ей приходится уйти от любимого человека, обрести внутреннюю силу, мужество, сохранив при этом доброту и мягкость. И снова здесь, как и во многих произведениях русской классической литературы, звучит тема нравственного превосходства женщины над мужчиной, ее цельности («Евгений Онегин», произведения И.С. Тургенева).

Киноведы (Ирина Павлова) выделяют такое понятие, как советская красота. Это красота строгая, не обязательно связанная с внешней привлекательностью, но почти всегда – с требовательностью к себе, внутренним нервом, даже пафосом, с тем, что зовется жизнью духа. Интересны в этом контексте женщины-руководители: ученый-океанолог Ольга Сергеевна («Ольга Сергеевна», 1973) прекрасной и женственной Татьяны Дорониной, директор фабрики Анна Смирнова («Старые стены», 1973) в исполнении неожиданно строгой Л. Гурченко, Надежда Петрухина Майи Булгаковой («Крылья», 1966), Анна Андреевна Натальи Медведевой («За витриной универмага», 1955)... Все эти героини разные, но они – личности. Нельзя не сказать о тех актрисах, которые обладали не только выразительной красотой, но и особым талантом – даже при кратком появлении на экране задать тон, создать атмосферу, настроить зрителя. В

этом (и не только), на наш взгляд, проявился гений Руфины Нифонтовой («С любимыми не расставайтесь», 1979).

О красоте писали многие. Можно вспомнить замечательный рассказ А.П. Чехова «Красавицы», который можно интерпретировать как свидетельство существования Бога. Можно – заметку-«мгновение» «Красота» Ю.В. Бондарева. «Красота связана с жизнью, жизнь – с любовью, любовь – с человеком. Если прерываются эти связи, погибает вместе с человеком и красота» [1, с. 38]. С красотой связана вера в бессмертие, высокая грусть об идеале. У Юрия Бондарева мы находим рассуждения о красоте, женственности на войне. С войной связан экзистенциальный ракурс – единственно возможный, при этом свободный выбор.

Так, героиня Руфины Нифонтовой из «Контрольной по специальности» (реж. Б. Шадурский, 1981) остается с человеком, который спас ее из застенок после пыток, а не с тем, которого она любила. Она осталась с ним не из благодарности, выхаживая его после тяжелого ранения, но потому, что оба пережили такое, после чего не могли не быть вместе («соприкоснулись наши жизни»). Фильм интересен тем, что в нем есть исповедальность; он может быть рассмотрен и как свидетельство. Музыкальная тема призывает задуматься, сосредоточиться, побыть в тишине (песня «Размышление» на слова М. Матусовского, музыка В. Баснера) – то, чего не хватало героине Евгении Симоновой – Але. Она за небольшой промежуток времени фактически проживает две жизни – молоденькой студентки и взрослой женщины, берущей под опеку чужих детей, потому что жизни их из-за трагедии «тоже соприкоснулись». Меняется и ее внешний вид, прическа, манера двигаться – становятся более сдержанными, строгими. В итоге к финалу фильма героиня приходит к совсем другому кредо в жизни – от «В жизни каждый за себя» до умения принять и оценить помощь («Одна я ничего не могу»).

Страшный, но единственно правильный выбор делает героиня фильма «Дочь Стратиона» (реж. В. Левин, 1964). Осознав, что полюбила врага, она

отдает ребенка своему отцу и подрывает себя вместе с врагом, заманив в ловушку. Ее гибель становится оправданием; любовь – ненавистью: ненависть оказывается чище, благороднее любви. «Ненавистью и мщением она утверждала справедливость…» [1, с. 66].

Великая Отечественная война, женщина на войне – важнейшие темы в советской культуре, недостаточно раскрытые современными исследователями. Здесь же хочется сказать, что отголоски войны звучат в том числе в тех кинопроизведениях, которые напрямую ей не посвящены. В фильме «О любви» М. Богина мы слышим фрагмент из радиопередачи Агнии Барто «Ищу человека», благодаря которой люди могли разыскать пропавших во время войны родственников; видим разрушенные залы Екатерининского дворца, в котором трудятся люди, совершающие будничный подвиг, возвращая из небытия разрушенную фашистами красоту. Для них подвиг, как и для воинов – нормален; совершающие подвиг – люди скромные. То же самое можно сказать о главной героине фильма, скульпторе Галине, интеллигентной, требовательной к себе, деликатной и тактичной.

Галина – петербургский персонаж не только по «месту положения», но и по образу существования. Галина – «спокойная, тихая», если вспомнить буквальный перевод имени; постоянная. Она предана своей работе, городу, людям, которые ее окружают; это возвышенная и чистая натура. Все это – не только в музыке Е. Крылатова, о которой много говорят. Зритель обращает внимание на маску Пушкина в интерьере квартиры героини, как характеризующую ее деталь. Интересно, что Алексей Толстой в трилогии «Хождение по мукам» отмечает, как любима была поэтами его времени маска Петра Первого.

Вообще, роль детали в советском кинематографе трудно переоценить. В ряде случае она как бы говорит сама за себя, роль детали-характеристики могут исполнять и картины, и музыка, которую слушают герои фильма, элемент одежды, интерьер… Все это, конечно, требовало усердной работы как от художников, так и зрителей, ведь, чтобы увидеть, нужно приучиться

видеть. В «Ты и я» (реж. Л. Шепитько, 1971) в домике рабочих мы видим репродукцию «Рождения Венеры» С.Боттичелли, вырезанную, видимо, из журнала. Несмотря на то, что это языческая богиня, она представлена художником целомудренной, сострадающей и даже кроткой. Знатоки и любители живописи отмечают, что перед нами скорее Мадонна, чем Венера. Для раскрытия одной из сюжетных линий фильма это неслучайно. Героиня Н. Бондарчук (нецентральный персонаж фильма), с которой и связывается образ Венеры-Мадонны, несмотря на резкость характера, даже колючесть, сострадает, находит силы попросить прощения, как бы вызывает на разговор хирурга, спасшего ей жизнь. Другой женский образ – девушка-пациентка – символизирует собой совесть (возможны и другие прочтения), которая терпеливо, но настойчиво «ждет» пробуждения главного героя.

Смысложизненная ориентация, пожалуй, была характерна для советского кинематографа на протяжении всей истории его существования. Хочется надеяться, что в сегодняшней ситуации темы поиска правды жизни, справедливости, ценности нормальных человеческих отношений все же «пробьют» дорогу в исковерканном постмодернизмом сознании. Иного пути в будущее у нас нет.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1) Бондарев Ю.В. Мгновения. Рассказы. – М., 2014.

2) Соловьев В.С. Философские начала цельного знания // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. – М., 1990. Т. 2.

3) Фатеев Е. О правде в советском искусстве (zavtra.ru)

УДК 111.83

ЭВОЛЮЦИЯ КУЛЬТУРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ИДЕАЛОВ ЭКРАННЫХ ОБРАЗОВ КИНОИСКУССТВА СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА И СОВРЕМЕННОСТИ

Катюхина Татьяна Викторовна
кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социально-политических технологий, РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, Россия, Москва
e-mail: tatyana.katyuhina@gmail.com

Семенова Татьяна Николаевна
кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социально-политических технологий, РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, Россия, Москва
e-mail: semenovataniya@gmail.com

Аннотация. В статье проводится анализ эволюции культурных и социальных идеалов экранных образов киноискусства разных эпох. Проводятся параллели между созданными культурными киногероями и формированием личностных ориентиров человека. Рассматривается несколько примеров социальных идеалов в кинематографе советского периода и сегодня. Делаются выводы о том, что киноискусство сегодня должно понимать особую меру ответственности за формирование высоких культурных, социальных и духовных идеалов подрастающего поколения.

Ключевые слова: Социальные идеалы; образы киноискусства; культура; формирование мировоззрения; духовный мир человека.

EVOLUTION OF CULTURAL AND SOCIAL IDEALS OF SCREEN IMAGES OF CINEMA ART OF THE SOVIET ERA AND MODERNITY

Katyuhina Tatyana V.
candidate of philosophical Sciences, associate Professor of philosophy
Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University,
Russia, Moscow
e-mail: tatyana.katyuhina@gmail.com

Semenova Tatyana N.
candidate of philosophical Sciences, associate Professor of philosophy
Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University,
Russia, Moscow
e-mail: semenovataniya@gmail.com

Abstract. The article analyzes the evolution of cultural and social ideals of screen images of cinema of different eras. Parallels are drawn between the created cultural film heroes and the formation of personal orientations of a person. Several examples of social ideals in the cinema of the Soviet period and today are considered. It is concluded that cinema today should understand a special measure of responsibility for the formation of high cultural, social and spiritual ideals of the younger generation.

Key words: Social ideals; images of cinema; culture; the formation of a worldview; the spiritual world of a person.

Мы привыкли к тому, что культура в лице кинематографа – является зеркальным отражением событий и процессов, происходящих на данный момент в обществе и мире. Кино всегда было, есть и будет зеркалом цивилизации. Советское кино является ярким тому примером. Оно являлось важнейшим социальным институтом, т.к. оказывало активное влияние на жизнь человека, способствовало его социализации и формированию сознания человека. Кино во все времена выполняло множество функций: познавательную, культурную, эстетическую, этическую, воспитательную, но одной из самых важных является функция проводника социального поведения на протяжении всей жизни личности, когда происходит

приобщение человека к нормам и ценностям общества, когда человек формируется как личность, определяя для себя главные ценностные ориентиры в жизни. Особенно актуальна эта функция кинематографа сегодня, когда перед глазами подрастающего поколения предстает бескрайнее поле интернетресурсов, и ребенок сам выбирает себе героев своего времени и формирует свой внутренний мир и самого себя. А значит и ответственность за свою высокую миссию культурного и социального идеала киноискусство должно ощущать с особой значимостью. Если раньше с этой важнейшей своей ролью киноиндустрия справлялась замечательно, то сегодня мы видим такой синкретизм образов и идеалов, что провести границу между добром и злом, правдой и неправдой становится крайне сложно даже сформировавшемуся зрелому человеку, не говоря уже о ребенке, который только начинает свой жизненный путь.

Таким образом, если сравнивать киноискусство советского периода и нынешнего времени, то можно увидеть процесс эволюции образа человека и его ценностных идеалов. Если в советский период выбор ребенком профессии будущего был обусловлен просмотром героических фильмов о войне или прочтением занимательных книг о подвигах сказочных героев, то в современном мире выбор будущего пути развития ребенка обусловлен совсем иными героями и идеалами. «Дядя Степа» сменился на «Супермена», а «Доктор Айболит» на «Бизнесмена».

Эта тенденция позволяет нам говорить о том, что происходит смена «социальных идеалов» в обществе, когда под ними мы подразумеваем «представление о совершенном состоянии социальных объектов, отражающее наиболее значимые ценности культуры, являющиеся критерием оценки реальности и ориентиром деятельности индивида и социальных групп» [2, с. 879]. В советский период такими идеалами культуры мы можем назвать «героя труда», «защитника Отечества», «мудрого отца», «справедливого человека», «гуманного человека», ибо они отражали ценностные ориентации и социальные установки посредством

кинематографа. Социальный идеал «Герой труда» был построен на приоритетной ценности профессиональной деятельности человека, где труд являлся неотъемлемым свойством полноценной личности. В данном прообразе рассматривались не только передовые рабочие с большим трудовым стажем, но и труженики советской деревни, как мы видим на примере фильма «Трактористы» 1939 года. Социальные идеалы советского времени формировались не только в кинокартинах, но и посредством мультипликации. Ярким тому примером является образ смелой и доброй падчерицы в мультфильме «Двенадцать месяцев» или образ трудолюбивой Золушки в одноименном мультфильме. Данные образы формировали у зрителя пример того, что только такие черты характера смогут помочь изменить мир и людей вокруг к лучшему.

Социальный идеал «Защитник Отечества» сконцентрировал в себе такие качества как пример для будущих мальчиков как мужество, сила духа, патриотизм, воинская честь, внутреннее нравственное достоинство человека, доблесть, благородство души и чистая совесть. Этот идеал мы встречаем, например, в фильме «Летят журавли» 1957 года, где повествуется о героических жизнях людей, в судьбы которых безжалостно вторгается война, или в легендарном фильме «А зори здесь тихие» 1972 года, когда война стирает грани между мужским и женским героизмом.

Социальный идеал «Мудрый отец» был ярко отражен в советском кинематографе в виде примера гуманного и нравственного человека, который выше всего ставит принципы доброты, уважения, добросовестности, великодушия и ответственности за воспитание детей. Примером данного прообраза можно назвать фильм «Евдокия» 1961 года, который показывает образец идеального мужчины, основанного на надежности, решительности, доброте и идеальной женщины, заботливой и порядочной. Именно такие черты родителей формируют образ идеальной советской семьи, основанной на взаимопонимании и доверии. Социальный идеал «Гуманный человек» воплощает в себе духовные ценности как неотъемлемую часть внутреннего

мира советского человека, формируя всесторонне развитую личность, которая соединяет в себе ответственность, уважение к людям, высокую нравственность, добро и справедливость. Примеры данного социального идеала можно проследить почти во всех картинах советского периода, вспомним хотя бы эпизод с котенком в легендарном фильме «Дорогой мой человек» 1958 года.

С изменением же социально-экономических, политических, культурных воззрений и ценностных ориентаций в обществе происходит серьезная динамика социальных идеалов современного киноискусства. Изменения в иерархии ценностей в мире и обществе находят свое отражение в современном кинематографе и как следствие в умах и душах современного поколения. Сегодня идеал «Герой труда» легко заменяется понятием «успешный бизнесмен», социальный идеал «Защитник Отечества» сменяется на образ «Супермена» со сверхвозможностями личности, а идеал «Гуманный человек» почти полностью размывается, стирая границы между «добром и злом», «можно и нельзя», «нравственностью и безнравственностью». Тем самым нарушается баланс восприятия экранной информации и формирования культурных и социальных идеалов у современного подрастающего поколения.

Таким образом, современные социальные идеалы вскрывают проблемы состояния индивидуального и общественного сознания, поведения личности, показывают иные образцы и модели социально-конструктивного поведения, которые должны менять общество к лучшему через положительные социальные образы. Сегодня молодой человек, который только начинает формировать себя и свое будущее мировоззрение должен сам построить и определить для себя эти идеалы, будет ли он жить по принципу «Защитника Отечества» как Герой нашего времени офицер Нурмагомед Гаджимагомедов или по принципу «Бизнесмена».

Современный биполярный мир бросает человека в огромное информационное пространство, выбраться из которого можно, только имея

высокие нравственные и духовные ориентиры. Поэтому сегодня как никогда раньше киноискусство должно понимать особую меру ответственности за формирование высоких культурных, социальных и духовных идеалов подрастающего поколения, учить их думать, мыслить, созидать, формировать самих себя и мир вокруг, а не только брать и получать наслаждение от жизни, как учит нас сегодня современный безумный мир. Только создав и сохранив свой глубочайший внутренний духовный потенциал, мы сможем противостоять современной безнравственной и обезумевшей вокруг нас «империи лжи».

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1) Георгиевская Д.А. Социализирующие функции сказкотерапии в работе с современными детьми дошкольного возраста / Д.А. Георгиевская, С.П. Акутина // Молодой ученый. – 2015. – № 22. – С. 896-899.

2) Социология: Энциклопедия/ Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко и др.- Минск: Интерпрессервис; Книжный дом, 2003. – 1312 с.

3) Хилько Н.Ф. Духовно-нравственный потенциал детского кино и телевидения в России: теория, история и современность: Монография. – Омск, 2011. – 88с.

УДК 791.43/.45

О СОВМЕСТНЫХ КИНОПРОЕКТАХ СССР И ЯПОНИИ КАК СПОСОБЕ СБЛИЖЕНИЮ ДВУХ СТРАН (1966-1991)

Куланов Александр Евгеньевич

лаборант-исследователь,

Институт востоковедения Российской академии наук, Россия, Москва

e-mail: kodzin@mail.ru

Аннотация. В статье отражены процессы по организации съемок совместных советско-японских художественных фильмов в период с 1966 по 1991 гг., как попытка сближения советского и японского народов через кросскультурные коммуникации.

Ключевые слова: Япония; кинематограф; кросскультурные коммуникации; совместные фильмы; советско-японское сотрудничество.

USSR-JAPAN JOINT FILM PRODUCTION. WAY TO ESTABLISH CORDIAL RELATIONS (1966-1991)

Kulanov Alexander E.

Research assistant, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow

E-mail: kodzin@mail.ru

Abstract. This article reflects the processes of USSR- Japan joint film production from 1966 to 1991 as a way to establish cordial relations between the Soviet people and the Japanese through cross cultural communications.

Keywords: Japan; cinema; cross-cultural communications; joint films production; Soviet-Japanese cultural cooperation.

В послевоенный период СССР открыл процесс нормализации отношений со странами – бывшими противниками Антигитлеровской коалиции. Не в последнюю очередь это касалось Японии, гораздо быстрее пошедшей на сближение с США, чем с Советским Союзом, и с каждым годом набиравшей все больший вес на международной арене. Однако, несмотря на то что формально отношения между нашими странами были нормализованы в октябре 1956 года, кросскультурное взаимодействие в полной мере развернулось только после Токийской олимпиады 1964 года, вызвавшей интерес к Японии по всему миру. Сразу после этого в СССР прошли гастроли японских театров, выступления мастеров борьбы сумо, визиты мастеров культуры, включая суперзвезду японского кино Мифунэ Тосиро. Именно на кино, как на «важнейшем из искусств», оказалось сосредоточено внимание обеих стран на последующем этапе.

Первым значительным шагом в этом направлении стала постановка фильма «Маленький беглец» режиссеров Э.Н. Бочарова и Кинугаса Тэйносукэ. В основе сюжета лежит сказочная история о путешествии 10-летнего мальчика по имени Кэн в Советский Союз, где, как он узнает случайно, живет его отец, отправившийся когда-то в СССР на лечение. Кэн не находит отца, но проезжает через всю Сибирь, оказывается в Ленинграде, дружит с Юрием Никулиным, которого встречал еще в Японии (гастроли советского «Большого цирка» там – важная примета времени), и в конце концов остается в Москве, чтобы окончить консерваторию и стать знаменитым скрипачом. Особая роль музыки в сюжете роднит «Маленького беглеца» с тоже совместным, но детским советско-японским проектом, вышедшим еще раньше, в 1962 г. Сценарий фильма «10000 мальчиков», в котором советский скрипач на гастролях в Японии помогает японскому ребенку найти друзей, был написан А.Л. Барто, а в качестве режиссера выступила Окада Ёсико. Бывшая до войны звездой японского экрана, Окада вместе со своим мужем и режиссером Сугимото Рёкити, мечтавшим учиться у Вс. Мейерхольда, в январе 1938 г. бежала из Японии в СССР, но попала в

НКВД. Сугимото расстреляли, а Окада провела в советских лагерях 10 лет. Выйдя на свободу, она окончила ГИТИС, снялась в нескольких японских фильмах, организовала первый совместный кинопроект, но на родину так и не вернулась.

Попытку развить успех «Маленького беглеца» без участия советской стороны предпринял японский режиссер Хорикава Хиромити. Главный герой фильма снова музыкант, джазовый продюсер и пианист Китами. Он безуспешно пытается найти в СССР оазис настоящей культуры, в том числе джазовой. В картине, снятой в 1968 г., можно увидеть советских бюрократов, фарцовщиков, драки, суд – все, сыгранное японскими актерами в фанерных декорациях. В результате фильм был запрещен к показу в СССР, а его автору закрыт въезд в Советский Союз. После этой неудачной попытки на несколько лет наступило затишье [1, с. 233].

Режиссер картины «Москва, любовь моя» А.Н. Митта вспоминал: «Меня вызвал министр культуры и сказал: „Не хочешь ли заняться вот таким фильмом с японцами?“ Я согласился, и вопрос был решён» [2, с. 113]. Снятый в 1974 г. на «Мосфильме» в сотрудничестве с кинокомпанией «Тохо» (режиссер Ёсида Кэндзи), фильм повторял тему мечты об СССР, как о стране высокой культуры. По сюжету, японская девушка Юрико приехала в Москву учиться балету. Там она встретила свою любовь, победила на балетном конкурсе в Большом театре, но узнала, что у нее лейкемия. Юрико родилась в Хиросиме и оказалась подвержена радиации в результате атомной бомбардировки. Сыгравшая главную роль японская суперзвезда Курихара Комаки и в жизни училась у педагога из Большого театра и хотела стать актрисой балета. «В фильме моей мечте суждено было сбыться: я танцевала на сцене Большого театра и была счастлива!» – вспоминала она [2, с. 269].

Уже в 1976 г. Курихара Комаки снялась в очень похожей по духу киноновелле «Мелодии белой ночи» режиссеров С.А. Соловьева и Нисимура Киёси. На этот раз она сыграла талантливую пианистку, работающую с ленинградским дирижера. Что же касается условий, в которых снималась

картина, то С.А. Соловьев вспоминал: «... тогда была очень трудная политическая ситуация. Всем было ясно, что после недолгой оттепели снова наступает зима, и мир, в том числе и Япония, уже был охвачен антисоветской волной. ...тогда появилась новая идея, суть которой сводилась к следующему: „Не надо углубляться в политические дискуссии, надо заняться налаживанием общественных и культурных связей, простого человеческого общения». [2, с. 233]. При этом многие «... элементарные вопросы, такие как: „В каком костюме должен быть герой? Носить ему галстук или нет?“, решались порой на уровне министров иностранных дел. Присутствовало и очень мощное участие КГБ, ожидавшего, что „сильная японская разведка“ воспользуется съёмками фильма, чтобы устроить провокации или что-то такое ужасное в наш адрес. ...мне пришлось бы столкнуться ещё и с японской бюрократической машиной. Я до сих пор удивляюсь, как мне удалось снять эту картину, оказавшись между двумя такими мощными государственными прессами» [2, с. 234].

Советского дирижера в «Мелодиях белой ночи сыграл» Ю.М. Соломин, уже прославившийся по всему миру своей ролью в картине «Императора японского кино» - Куросава Акира. Еще в 1971 г. во время визита в Японию режиссер С.А. Герасимов сделал предложение Куросава снять совместную кинокартину. В качестве литературной основы Куросава выбрал книгу русского исследователя Приморья В.К. Арсеньева «Дерсу Узала», а адаптированный сценарий по ней написал Ю.М. Нагибин. Картина несла значительную политическую нагрузку даже одним фактом своего появления. В Китае, с которым у СССР тогда были чрезвычайно обостренные отношения, еще на стадии съемок высказывалось следующее мнение: «Этот кинофильм по своему характеру является антикитайским… Желательно, чтобы производство фильма каким-то образом было приостановлено или же чтобы не был допущен его показ» [3, л. 17,18].

Однако, в 1975 г. «Дерсу Узала» не просто успешно вышел на экраны, но и был продан в 96 стран, где собрал массу призов, а 1976 г. получил премию «Оскар» в номинации «Лучший иностранный фильм».

Успех этих трех картин был так велик, что в преддверии Московской олимпиады 1980 г. было принято решение снять еще один фильм. Режиссерами «Пути к медалям» выступили Сато Дзюнъя и Н.В. Орлов. Теперь из СССР и Японии навстречу друг другу тянулись не музыканты и артисты, а спортсмены. Точнее, спортсменки-волейболистки. Фильм действительно мог бы стать успешным, но перед самой олимпиадой Япония объявила бойкот Играм из-за ввода советских войск в Афганистан, и картина была изъята из проката. Фильм 33 года пролежал на полке, после чего попал в интернет, и сегодня его можно увидеть на нескольких специализированных ресурсах для любителей старого кино. [1, с. 239].

Восстановление отношений произошло только спустя 8 лет, когда был снят фильм «Шаг» по сценарию В.И. Мережко, корреспондента АПН в Токио В.Я. Цветова и японского автора Ивами Ёсики. В главным ролях снялись Л.А. Филатов и Курихара Комаки, а режиссером снова выступил А.Н. Митта, который вспоминал: «“Шаг“ появился из совершенно конкретного желания сделать новый фильм вместе с японцами. ...Я показал реальную историю о том, как Япония когда-то страдала от полиомиелита, и как спасли многих японцев советские врачи... В центре этой истории стояли врачи — абсолютные фанатики, преданные своему делу и готовые помочь людям. В Японии же были силы, которые не хотели покупать вакцину у русских. В общем, получилось кино, соединяющее в себе историческое расследование и цепь мелодраматических ситуаций» [2, с. 110].

Фильм «Сны о России» начали снимать при Советском Союзе, но на экраны он вышел уже после распада СССР, а потому остался незамеченным. Жаль, потому что, возможно, это лучшая советско-японская работа по качеству исполнения, зрелищности и гуманитарной составляющей. Режиссером снова выступил Сато Дзюнъя, а среди актеров с советской

стороны главные роли исполнили Ю.М. Соломин, О.И. Янковский, Е.А. Евстигнеев, и многие другие. Роль Екатерины II сыграла Марина Влади. О.И. Янковский отмечал, что «несмотря на то, что речь шла о средневековой Японии, в этой истории можно было бы усмотреть немало аналогий с Советской Россией. ...закрытая страна, моряки терпят кораблекрушение, оказываются в чужом государстве, большинство погибает, а те, кто сумел вернуться, попадают в опалу, что нам вполне понятно и близко» [2, с. 208]. Однако, пересматривая эту картину сегодня, можно констатировать, что эти аналогии, если и есть, то уже забылись и не давят на зрителя, и фильм, поставивший красивую точку в истории строительства советско-японского киномоста, достоин того, чтобы его не забывали даже с чисто художественной точки зрения.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1) Катасонова Е.Л. Как русские и японцы вместе снимали кино //Актуальные проблемы современной Японии. М., 2017. //Актуальные проблемы современной Японии. М., 2017.

2) Т@йва. Диалоги о Японии. 2012. Сборник интервью.

3) Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 67. Д. 973.

УДК 008

МАРКСИСТСКАЯ ФИЛОСОФСКАЯ КОНЦЕПЦИИ ЧЕЛОВЕКА И СОВРЕМЕННОСТЬ: ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Фалеев Алексей Николаевич
кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социально-политических технологий, РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, Россия, Москва
e-mail: anfaleev@mail.ru

Филатова Марина Николаевна
доктор социологических наук, профессор кафедры философии и социально-политических технологий, РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, Россия, Москва
e-mail: filatova.m@gubkin.ru

Аннотация. Раскрываются теоретические вопросы и методологические принципы решения проблемы человека в философии К. Маркса. Отмечается, что марксистской философской концепции человека предстоит новое прочтение и введение её в новые социокультурные контексты.

Ключевые слова: Человек, философская концепция человека, проблема человека, человеческая история, практика.

MARXIST PHILOSOPHICAL CONCEPTS OF MAN AND MODERNITY: THEORY AND METHODOLOGY

Faleev Alexey N.

candidate of the philosophical Sciences, associate Professor of philosophy Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University,
Russia, Moscow
e-mail: anfaleev@mail.ru

Filatova Marina N.
full doctor of the sociological Sciences, Professor of philosophy Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University, Russia, Moscow
e-mail: filatova.m@gubkin.ru

Abstract. Theoretical issues and methodological principles of solving the problem of man in the philosophy of K. Marx are revealed. It is noted that the Marxist philosophical concept of man is to be re-read and introduced into modern socio-cultural contexts.
Keywords: Man, the philosophical concept of man, the problem of man, human history, practice.

В философской мысли последних лет на одно из самых видных и значительных мест уверенно выдвигается проблема человека, что наглядно отражает существенные особенности современного этапа культурно-исторического развития. Резкое нарастание остроты и глубины социальных конфликтов, угроза ядерного самоуничтожения и экологической катастрофы, опасность «одномерности» человека и его духовного оскудения - всё это заставляет философию вновь и вновь обращаться к вопросам: что такое человек? каково его место в природе и истории? как далеко простирается его творческая сила? чем он руководствуется в своей деятельности? Эти и подобные им вопросы приобрели в наши дни особую остроту и непосредственное практическое значение.

Для современной российской философии интерес к человеку диктуется настоятельной общественной потребностью теоретического осмысления закономерностей формирования социально-значимых качеств человека,

живущего в информационном мире со всеми его реальными противоречиями. Для практического решения задачи воспитания подрастающего поколения необходимо точное знание процесса социализации человеческого индивида, механизма присвоения им социального опыта, формирования тех или иных установок, той или иной ценностной ориентации, на основе которых человек сам строит новые отношения.

Проблема человека – это сложная, многогранная проблема, поскольку в ней отражаются и перекрещиваются самые разнообразные стороны жизни общества. Её исследование возможно в общесоциологическом, правовом, нравственном, педагогическом, психологическом, эстетическим и др. аспектах. В силу этого человек является предметом изучения целого ряда конкретных наук. Однако, это не исключает, а предполагает и философское исследование проблемы человека.

Философская концепция человека является существенной частью философской системы, в которой рассматриваются вопросы существования и развития человека, его места в мире. В отличие от исследования отдельных философских аспектов проблемы человека философская концепция человека рассматривает его в целом. Философская проблематика в связи со спецификой решаемых ею вопросов органически сливается с этической, и концепция человека в любой философской системе с необходимостью приобретает этико-философский характер.

Пожалуй, в условиях нынешнего усиленного интереса к человековедческой проблематике в марксистской философии интерес вызывают два важных аспекта. Во-первых, это исследование человека как субъекта, точнее говоря, субъекта деятельности. При этом особую роль приобретают вопросы, связанные с оценкой конкретного общества, с изучением в нём возможностей «культивирования» самого человека, развития его стремления к самосовершенствованию во имя человечности.

Марксизм не признает никаких сверхестественных, внеприродных и внечеловеческих сил, способных осуществлять исторический процесс.

Поэтому изучение источников и побудительных сил деятельности человека - одна из важнейших задач в рассмотрении марксистской философской концепции человека.

Во-вторых, это вопрос о некоторых фундаментальных, устойчивых характеристиках человека, присущих людям на протяжении всего существования человечества. Это вопрос справедливо связывается обычно с понятием природы и сущности человека. Но едва ли оправдано стремление не только отрицать возможность использования этих понятий в марксизме, но и вообще зачеркивать всю проблематику, с ними связанную. К глубокому сожалению, очень часто сама постановка вопроса о существовании каких-то постоянных, неизменных свойств, качеств, признаков человека воспринималась и воспринимается как отход от марксизма. Беда в том, что, воюя против рассуждений о «человеке вообще», часто забывают, что и конкретно-исторический человек всё-таки человек, что он, этот конкретно-исторический человек, остается родовым существом, принадлежащим к единому человеческому роду. Сама логика вещей показывает, что если мы признаём существование человечества как особой качественной определенности в природе, то мы должны признать и наличие таких качеств, признаков, которые присущи человеку как носителю этой качественной определенности всегда, которые составляют природу этого явления - природу человека. Этот вопрос непосредственно сливается с вопросом о единстве человеческого рода.

Таким образом, вопрос о побудительных силах человеческой деятельности, о наличии у человека фундаментальных, постоянных свойств нам кажутся наиболее актуальными в сегодняшних попытках интерпретировать взгляды К. Маркса о человеке.

В центре Марксовой концепции человека находится его учение о решающей роли общественно- производственной практики в историческом развитии. Процесс практической производственной деятельности человека определяет формирование человеческого индивида, его качеств, содержания

и свойств человеческого мышления. Данный процесс предметной деятельности есть одновременное осуществление в одном акте двух противоположных процессов – опредмечивания и распредмечивания. Именно в этом процессе и в силу его происходит очеловечивание природы и общества, мир культуры предстаёт как овеществление сущностных сил человека, а сам человек как продукт очеловеченного мира, мира человеческой культуры.

Вторым важнейшим методологическим принципом учения К. Маркса является принцип историчности. Конкретное рассмотрение человека определённой социально-исторической эпохи – это первый шаг от теории к практике, гарантия того, что философ не останется только «философом и теоретиком», что он не просто объяснит мир, но и укажет реальный путь к его преобразованию. Этот принцип основывается на том, что ничто в мире не остаётся неизменным. Это наглядно проявляется в истории человеческого общества, которая есть процесс, в котором осуществляется взаимодействие человека как субъекта деятельности с объективным миром его человеческой действительности (весь мир цивилизации – материальное производство, формы общения, формы мышления, само знание и т.д. даны индивиду как сущее, они созданы предшествующей деятельностью), такой процесс, в ходе которого одно поколение людей, постигая (распредмечивание) опыт, знания, продукты деятельности предшествующего поколения, формирует себя как конкретно-исторических индивидов и своей деятельностью создает в свою очередь базу для жизни и развития последующего поколения (опредмечивание).

Последующие поколения должно идти дальше по пути развития богатства человеческой природы, чем их предшественники. Всемирную историю в ее целостности марксизм понимает, как саморазвитие человека «безотносительно к какому бы то ни было заранее установленному масштабу…Человек не воспроизводит себя в какой-либо одной только определённости, а производит себя во всей своей целостности, он не

стремится оставаться чем-то окончательно установившимся, а находится в абсолютном движении становления» [1, т. 46, ч. 1, с.476]. Именно развитие сил и способностей, заложенных в человеке, является самоцелью истории, которая есть процесс становления и реализации подлинной сущности человека.

Если во всём историческом процессе становление и развитие человека является главным, то, очевидно, с этих позиций и нужно подходить к определению задач конкретного общества, к его оценке. Каких людей формирует общество, что они представляют собой «изнутри», в духовном плане – этот показатель должен быть признан наиважнейшим. Совершенно очевидно также, что от духовного фактора в настоящее время зависит решение многих острых и сложных проблем.

Слова К. Маркса о развитии человека «безотносительно к какому бы то ни было заранее установленному масштабу» не следует интерпретировать как отрицание всякой меры, всякого масштаба, как право на вседозволенность. Речь идёт именно о заранее установленном масштабе, идеале, который вырабатывается самим человеком и стимулирует его развитие, совершенствование, движение вперёд – к обществу, в котором «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех».

В экзаменационном сочинении «Размышление юноши при выборе профессии» молодой К. Маркс выделяет целый ряд критериев, которым, по его мнению, необходимо следовать при выборе жизненной стратегии. Не честолюбие, не тщеславие, а достоинство личности и благо человечества должны быть нравственным компасом. «Если человек трудится только для себя, - заключает свой анализ К. Маркс, – он, может, пожалуй, стать знаменитым ученым, великим мудрецом, превосходным поэтом, но никогда не сможет стать истинно совершенным и великим человеком. История признает тех людей великими, которые, трудясь для общей цели, сами становятся благороднее; опыт превозносит, как самого счастливого, того, кто принес счастье наибольшему количеству людей» [1, т. 40, с.7]. Нет более

высокого призвания, чем служить своему отечеству и народу в соответствии с духом своего времени, и с любовью относясь ко всем людям, способствовать их нравственному возвышению.

Характерной чертой марксовой концепции человека является ее глубокое гуманистическое содержание. Высшей ценностью для К. Маркса всегда – начиная с гимназического сочинения и кончая последней строчкой «Капитала» – является человек. Высшая цель деятельности людей – это они сами, их общее совершенство и счастье. И это не вызывает сомнений ни у кого, кто читал К. Маркса внимательно и непредубежденно. Сегодня ширится осознание того, что именно человек должен стать целью общественного развития. По мере того, как данное осознание будет усиливаться и углубляться, можно с большой долей вероятности утверждать, что работам К. Маркса предстоит новое прочтение, а его идеи ожидает введение в новые социокультурные контексты.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1) К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд-е 2.

УДК 141.821/822

ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЙ КРИЗИС МАРКСИЗМА И ПРЕДПОСЫЛКИ ВЫХОДА ИЗ НЕГО

Котельников Михаил Евгеньевич

доктор философских наук, профессор кафедры социально-гуманитарных и общеправовых дисциплин Московский финансово-юридический университет – МФЮА, Россия, Москва

e-mail: mekmoji@gmail.com

Аннотация. С утратой в конце XIX в. своей первоначальной целостности классический марксизм вступил в полосу затянувшегося идентификационного кризиса. Логика его исторического развития не получала адекватного осмысления и объяснения ни в формате господствующей ортодоксальной разновидности, ни, тем более, со стороны непримиримых идеологических противников. Между тем, объективные предпосылки для выхода марксизма из кризисного состояния уже имеются налицо и нуждаются в методологически продуктивной систематизации.

Ключевые слова: диалектика; основное противоречие марксизма; ортодоксия; бифуркация; неомарксизм; «критический» марксизм; идентификационный кризис марксизма.

IDENTIFICATION CRISIS OF MARXISM AND EXIT BACKGROUNDS

Kotelnikov Mikhail E.

doctor of philosophical Sciences, Professor of the Department of socio-humanitarian and combustion disciplines Moscow Financial and Legal University of MFU, Russia Moscow

e-mail: mekmoji@gmail.com

Abstract. With a loss at the end of the XIX century. His initial integrity, classic Marxism entered the lane of the protracted identification crisis. The logic of its historical development did not receive adequate understanding and explanation in the format of the dominant orthodox species, neither more, by the side of irreconcilable ideological opponents. Meanwhile, objective prerequisites for the release of Marxism from the crisis state are already available and need methodologically productive systematization.
Key words: dialectics; the main contradiction of Marxism; orthodox; bifurcation; neomarxyism; «critical» marxism; identification crisis of marxism

По мере утверждения индустриальной фазы капитализма в историческом развитии марксизма чем дальше, тем больше давали о себе знать противоречия, обусловленные, в конечном счете, растущим несоответствием его «буквы» (т.е. теоретических положений различной степени общности) и «духа» (методологии). В соответствии с этой фактической коннотацией созданная Марксом теоретическая система должна рассматриваться, следовательно, сквозь призму ***основного противоречия,*** представляющего собой своеобразный «генетический код». Исторически-конкретная формула разрешения этого противоречия выводится, в свою очередь, из диалектического сочетания общенаучных методов познания и вненаучных факторов.

Следует учитывать, что, будучи синтезом философии, науки и идеологии, марксизм базируется на принципах, интегрирующих эти существенно различающиеся формы общественного сознания во *внутренне противоречивую систему теоретического знания,* своего рода «систему сообщающихся сосудов». Весь драматизм новейшей истории и состоит в том, что, следуя логике эволюции учения Маркса, его многочисленные последователи просто *вынуждены* были исходить из приоритетности одной из сторон ОПМ. Поэтому на всем протяжении XX в. мы, вопреки утверждению знаковой фигуры ортодоксального марксизма В.И. Ленина, и наблюдаем малопонятную картину «растаскивания» классического марксизма именно «по частям» [1, с. 470].

Очередная проблема заключается в том, что и в отечественной, и в зарубежной литературе отсутствуют критерии определения специфики марксистской ортодоксии. Дело доходит до того, что к ортодоксам причисляют самих основоположников. В значительной мере этим обстоятельством объясняется и тот факт, что мифологемы, сконструированные ортодоксальными марксистами, даже в первой четверти XXI в. остаются не выявленными и теоретически не преодоленными.

Понятие ортодоксии имеет, как известно, религиозные корни. В этимологическом значении слова под ортодоксией понимается *неуклонное следование правоверных приверженцев какому-либо направлению* учения. Но все дело в том, что для оппонентов Э. Бернштейна в условиях озвученного им идентификационного кризиса марксизма термин «ортодоксия» служил общим «символом веры» (credo). Поскольку пафос ревизионизма был направлен непосредственно против диалектической сущности марксизма, вполне естественным казалось убеждение в том, что «ортодоксия», как утверждал по примеру всех сторонников этого направления Д. Лукач, «относится *исключительно* к методу» [2, с. 105].

Между тем, в практике политической борьбы становилось все более очевидным, что ортодоксия не приемлема в рамках диалектической философии, для которой, по выражению Энгельса, «нет ничего раз навсегда установленного, безусловного, святого». Зато атрибут «ортодоксии» оказывается вполне органичным для идеологической теории. Провозгласив идеологическое содержание марксизма *непререкаемой* (т.е., по сути, абсолютной) истиной, ортодоксальный марксизм порывает тем самым с принципами научного познания. И весь опыт советского периода убедительно доказывает, что *идеологизация* научного знания означает *разбалансировку* диалектического единства «составных частей» марксизма.

Весьма симптоматично, что в ленинской оценке империализма при всей «объектной» теоретической полноте представленных в ней социально-экономических и политических признаков качественно нового этапа

игнорируется именно тот ряд явлений, который выражает, на языке марксистской методологии, *диалектическое тождество объекта и субъекта*. Ленин фактически (но, разумеется, не на словах) не просто *отступает* от этого философского «principia» марксизма, но, весьма эффектно используя незаурядный интеллектуальный ресурс и «убойную» силу идеологической аргументации, убеждает многих (и не только российских) последователей Маркса, в обратном: *при любых изменениях* в капиталистическом обществе положение индустриального пролетариата как «самого передового класса», а, следовательно, и эксклюзивная политически-монопольная роль коммунистической партии как его авангарда, остаются *неизменными*.

Ленинский диагноз кризисного состояния марксистской теории, исчерпывавшийся главным образом ссылками на обостряющуюся идеологическую борьбу, явился, таким образом, односторонним, поверхностным, не отвечающим критериям научности. Более того. Фиксируя достигнутую в историческом развитии марксизма точку бифуркации, становление ленинизма в этом смысле не препятствовало, а *объективно способствовало* хроническому закреплению кризисных симптомов, которые ошибочно ассоциируются у Ленина с отходом от марксистской ортодоксии.

Идеологические постулаты классического марксизма вполне соответствовали реалиям *формирующегося* индустриального общества и у Маркса в решении вопроса о *реальном* субъекте мирового революционного процесса попросту не было выбора. Чтобы раскрутить маховик социально-преобразующей практики, нужно было обеспечить притягательность социалистического идеала и вовлечь в борьбу за его реализацию десятки и сотни миллионов пролетариев.

Но если Энгельс в своих последних работах уже использует понятие «пролетариат умственного труда», то Ленин считает своим долгом поддерживать получившую распространение в социал-демократической среде совершенно абсурдную постановку вопроса о наличии «*антагонизма*»

между рабочим классом и интеллигенцией. В ущербности этой позиции, характерной для всех представителей ортодоксального марксизма, отразилась, в том числе, историческая ограниченность классового подхода, обозначенного контурами индустриальной эпохи.

Между тем, формирование «когнитариата» как носителя новой – интеллектуальной формы собственности, – не только не противоречит методологически-основополагающим (социально-философским) установкам Маркса, но является самым веским подтверждением прогнозируемого им превращения науки в непосредственную производительную силу и продиктованных этим фактором совершающихся на наших глазах беспрецедентных социальных изменений. Индустриальный пролетариат как бы передает эстафетную палочку «авангарда» социального освобождения от гнета капитала и всех исторически возникших на этапе предыстории форм отчуждения когнитариату – носителю «всеобщего труда».

В общеисторическом измерении эта закономерность также находит подтверждение в том, что побеждает не тот класс, который начинает борьбу за свое социальное освобождение, а тот, что приходит ему на смену. Разумеется, с поправкой на то, что речь впервые в истории идет о классе эксплуатируемом.

Что касается формата революционной практики, то проблема заключается в том, что, фактически уже являясь основной производительной силой общества, интеллектуальный пролетариат все еще остается «классом в себе» и по уровню своего классового самосознания в целом, к сожалению, ненамного отличается от западноевропейского *индустриального* пролетариата двухсотлетней давности.

Назревшая потребность в смене (качественном обновлении) базисной идеологической парадигмы и выступает способом разрешения ОПМ на современном этапе. А симптомами, свидетельствующими о *завершении* кризисного состояния марксизма, т.е. о «фазовом» переходе к новому, третьему этапу, являются следующие.

Во-первых, сам факт состоявшегося на рубеже 80-х – 90-х гг. XX в. крушения «реального социализма» в СССР доказывает теоретико-методологическую несостоятельность лишь одного – ортодоксального – направления в марксизме, противостояние которого другой его базовой (критической или диалектической) версии также насчитывает столетнюю историю. Его дальнейшая эволюция обостряла и углубляла противоречия, изначально заложенные в *идеологизированной* (ортодоксально-большевистской) модели, и привела к закономерному финалу.

Во-вторых, на протяжении последних десятилетий в мире происходит достаточно интенсивный, но искусственно сдерживаемый и деформируемый (в условиях России – особенно) процесс формирования интеллектуальной и культурной элиты общества как инициатора прогрессивных преобразований, призванного взять на себя всю полноту ответственности за будущее человечества. Этот процесс, обусловленный фактором «онаучивания» общественного производства, в общих чертах был проанализирован и предсказан Марксом и выражает долговременную историческую тенденцию превращения человека из источника прибавочной стоимости в «основной капитал».

В-третьих, анализ осуществляющегося перехода современного капитализма на постиндустриальную ступень развития позволяет говорить о появлении «ростков» социализма в виде нового социально-экономического уклада на основе трудовой коллективной собственности на средства производства. О «кооперативных фабриках рабочих», в пределах которых «уничтожается противоположность между капиталом и трудом», Маркс упоминает в 3 томе «Капитала» [3, с. 484]. Несмотря на то, что удельный вес этой формы собственности в структуре смешанной экономики социализирующегося капитализма пока незначителен (около 10%), она уже достаточно убедительно продемонстрировала свою жизнеспособность и эффективность, конкурируя с другими формами собственности.

И, наконец, в-четвертых, выявляя особенности современного этапа развития научного знания, нельзя не указать на происходящую в современную эпоху смену самой стратегии научного поиска, связанную с утверждением *постнеклассического* типа научной рациональности, в обосновании которого исключительная заслуга принадлежит Марксу. Именно ему впервые удалось создать целостную общенаучную картину мира за счет экспликации органической связи внутринаучных целей с вненаучными, социально значимыми (гуманистическими) ценностями и целями. Благодаря введению «антропного принципа» в формируемый идеал научной рациональности техногенная цивилизация приобретает реальный шанс на выживание и трансформацию в новое качественное состояние.

Преодоление затянувшегося кризиса находится теперь в прямой зависимости от продуктивного осмысления накопленного исторического опыта с учетом специфики как *научной*, так и *идеологической* сущности самого марксизма. Восстановление его потенциала связано, иначе говоря, с утверждением *теоретического приоритета науки* по отношению к *обновленному* идеологическому содержанию.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1) См.: Ленин В.И. Оценка Маркса международным либерализмом // ПСС. Т. 16.

2) Лукач Г. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. – М.: «Логос-Альтера», 2003

3) Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 3. Кн. 3//Соч. Т. 25. Ч. I

УДК 1(091)

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕОРИИ ОТЧУЖДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ЗАПАДНОМ МАРКСИЗМЕ

Балычева Марина Борисовна

кандидат философских наук, доцент Кафедры философии и социально-политических технологий, РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, Россия, Москва

e-mail: balycheva.m@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается позиция норвежского исследователя Э. Эверсвина относительно фундаментальной марксистской теории – теории отчуждения.

Ключевые слова: отчуждение, капитализм, критическая теория, марксизм, общество.

INTERPRETATION OF THE THEORY OF ALIENATION IN MODERN WESTERN MARXISM.

Marina B. Balycheva

candidate of philosophical sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy and Socio-Political Technologies, Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University, Russia, Moscow

email: balycheva.m@gmail.com

Annotation. The article examines the position of the Norwegian researcher E. Everswin concerning the fundamental Marxist theory, namely the theory of alienation.

Keywords: alienation, capitalism, critical theory, Marxism, society.

Марксистская философия продолжает развиваться, что говорит о ее большом потенциале. В гуманитарных исследованиях выделяются классический марксизм, неомарксизм, постмарксизм. При этом марксистская

философия сегодня является результатом свободного теоретического и интеллектуального поиска философов, разделяющих основные положения марксизма, к которым относится и теория отчуждения.

Во многом это связано с современными вызовами истории, обусловленными политическими, экономическими, социальными проблемами. «Возможность будущего: эпоха бессилия и горизонт возможностей», «На руинах неолиберализма: подъем антидемократической политики на Западе», «Век одиночества. Как жить в мире, который разделяет нас» – названия работ [2, 3, 6] западных исследователей говорят о проблемах, стоящих перед современным обществом, которое все чаще характеризуется с позиций марксизма как капиталистическое.

Показательной является работа норвежского исследователя Э. Эверсвина «Капитализм и отчуждение: к марксистской теории отчуждения для XXI века». [7]

Глобальный рост одиночества, парадоксальное бессилие человечества перед культурными технологическими и экологическими изменениями созданными самим человеком, рост политических движений, стремящихся извлечь выгоду из чувств социального разочарования и политического бесправия – все эти проблемы по мнению Э. Эверсвина могут быть объяснены марксистской теорией отчуждения. [7, с .2] В своем исследовании Э. Эверсвин опирается исключительно на «Экономические рукописи 1857 – 1859 годов» К. Маркса, полагая, что именно этот источник содержит уникальные сведения о теоретическом и политическом мышлении К. Маркса, на которые только намекается в других его работах.

Во многих работах западных исследователей отчуждение понималось как индивидуальный и субъективный опыт, неотъемлемая часть человеческой деятельности, неизбежное следствие социальных отношений. [1, с. 75-85; 4, с. 105-122; 8, с. 161-179]

По мнению Э. Эверсвина марксистская философия рассматривает отчуждение как специфическую особенность капиталистических обществ, объективный процесс организации производства.

Такая интерпретация марксистской теории отчуждения, по мнению автора, позволяет дать социологическое объяснение отстраненности и изоляции индивида в современном обществе, а также подчеркивает важность критического понимания капитализма в борьбе за более справедливые и экологически устойчивые общества. [8, с. 7]

Э. Эверсвин делает вывод о социализирующих последствиях капитализма, сущностными из которых являются: создание и развитие новых потребностей, интересов и желаний; разрушение традиционных социальных отношений; расширение социальной системы формально равных отношений; увеличение производительной силы социального коллектива. В то же время автор обращает внимание на конфликт между социальным развитием и капитализмом как экономической системой. Данный конфликт обусловлен результатами диалектической борьбы между обобществлением и отчуждением вследствие присвоения результатов производства и их превращении в капитал.

Капиталистическое развитие значительно увеличивает материальную и социальную мощь человечества благодаря научно-техническому развитию, устранению традиционных, пространственных и естественных барьеров, диверсификации потребностей и расширению социального сотрудничества. Однако эта мощь подрывается экономической системой, при которой развитие общественного производства служит созданию реальности, противостоящей личности как чуждая и неприступная сила. В этой реальности само общество предстает как величайшая угроза человеческому развитию и процветанию, а расширение человеческого сотрудничества и взаимозависимости, приводит к ощущению одиночества и воспринимается как фатализм и бессилие. В совокупности эти явления приводят к ослаблению способности к коллективным действиям, к растущему

расхождению между объективным потенциалом человечества и нашими способностями контролировать и использовать этот потенциал.

Например, предполагается, что развитие технологий автоматизации и искусственного интеллекта приведут к изменениям в социальной структуре общества. В лучшем случае значительная часть сегодняшней рабочей силы будет вынуждена работать в других секторах занятости, в худшем – существует угроза самому институту наемного труда, что радикально дестабилизируют повседневную жизнь миллионов работников во всем мире.

Таким образом, развитие производства не только угрожает значительным слоям трудящихся безработицей, увольнением или переквалификацией, но и дестабилизируют сам капиталистический социальный порядок.

Развитие интернет-технологий сбора и анализа поведенческих данных, которые используются Facebook и Google для прогнозирования и контроля поведения людей в коммерческих целях, приводят к многочисленным вредными психологическим и социальным последствиям.

Таким образом, прогрессивный потенциал технологического развития подрывается экономическими императивами капитала, а производственный потенциал человечества превращается в угрожающую и, по-видимому, неконтролируемую силу. В обоих случаях отчуждение возникает из результатов живого труда и технологического развития, но только в той мере, в какой они воплощены в форме капиталистической системы. [8, с. 12]

Сущность человека заключается в способности к развитию, изменениям и переосмыслению – аспектах, в которых общественное производство обеспечивает основной механизм для этой способности. Следствием теории отчуждения является то, что мы будем отчуждены, если нас лишат возможности свободно использовать и развивать наши производственные возможности или если результаты нашей деятельности будут отчуждены от нас и направлены против наших намерений.

Э. Эверсвин полагает, что отчуждение не возникает в результате конфронтации между индивидом и обществом как внешним объектом, что означало бы, что отчуждение может быть преодолено только путем регрессии к менее развитым формам социальности. Скорее, отчуждение является выражением противоречия, коренящегося в социальной организации производства и которое может быть преодолено только посредством большего, а не меньшего социального развития и сотрудничества. [8, с.16]

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1) Acevedo, G. A. (2005). Turning anomie on its head: Fatalism as Durkheim's concealed and multidimensional alienation theory. Sociological Theory, 23.

2) Berardi, F. B. (2017). Futurability: The age of impotence and the horizon of possibility. Verso.

3) Brown, W. (2019). In the ruins of neoliberalism: The rise of antidemocratic politics in the west. Columbia University Press.

4) Choquet, P. L. (2021). Alienation and the task of geo-social critique. European Journal of Social Theory, 24.

5) Jaeggi, R. (2014). Alienation. Columbia University Press.

6) Hertz, N. (2020). Ensomhetens århundre. Hvordan finne sammen i en verden som splitter oss. ResPublica.

7) Øversveen, E. (2021). Capitalism and alienation: Towards a Marxist theory of alienation for the 21st century. (In Press). European Journal of Social Theory.

8) Tyler, C. (2011). Power, alienation and performativity in capitalist societies. European Journal of Social Theory, 14.

УДК 316.4.051

РАЗВИТИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ МАРКСА В ТЕОРИИ ПРАЗДНОГО КЛАССА ВЕБЛЕНА И МАККАНЕЛЛА

Рябчун Наталья Петровна

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социально – политических технологий, РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, Россия, Москва

e-mail: ryabchun@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется развитие основных постулатов социологической теории Маркса в трактатах американских социологов Торстейна Веблена и Дина Макканелла, посвященных теории праздного класса. Анализируется модификация ключевых положений теории Маркса в новых экономических условиях перехода от индустриального общества к постиндустриальному.

Ключевые слова: Праздный класс, труд, товар, стоимость, постиндустриальное общество, отчуждение, общественный институт.

THE DEVELOPMENT OF THE SOCIOLOGICAL CONCEPT OF MARX IN THE THEORY OF THE LEISURE CLASS BY VEBLEN AND MACCANNELL

Ryabchun Natalia P.

candidate of the philosophical sciences, associate professor

Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University, Russia, Moscow

e-mail: ryabchun@mail.ru

Abstract. The article analyzes the development of the main postulates of the sociological theory of Marx in the treatises of the American sociologists Thorstein Veblen and Dean McCannell,

devoted to the theory of the leisure class. The modification of the key provisions of Marx's theory in the new economic conditions of transition from an industrial society to a post-industrial one is analyzed.
Keywords: Leisure class, labor, goods, value, post-industrial society, alienation, social institution.

Социологическая концепция Маркса основывалась на следующих постулатах: общественное бытие определяет общественное сознание; главную роль в развитии общества играет экономический фактор; экономический фактор определяется уровнем развития производства; общество состоит из классов – социальных групп, тем или иным образом имеющих отношение к общественному производству; общественная мораль носит классовый характер. Также Маркс разработал теорию отчуждения, которая определяет различные аспекты и степень отчуждения человека между его личностной сущностью и фактическим существованием в обществе, где производственные отношения носят характер господства и подчинения.

Примерно через полвека американский социолог и экономист Торстейн Веблен (1857–1929) пишет свой фундаментальный трактат «Теория праздного класса» (опубликован в 1899 году), в котором он создает свою социологическую концепцию, используя аксиомы и терминологию Карла Маркса.

Веблен делает объектом своего рассмотрения так называемый «праздный класс». Под ним он подразумевает социальную группу, которой свойственна общая экономическая особенность: ее деятельность носит внепроизводственный характер; непроизводительные виды деятельности данного слоя общества можно разделить на области управления, военное дело, исполнение религиозных обрядов и развлечения [1, с. 8].

В соответствии с отношением к процессу производства (непроизводительная деятельность) у праздного класса формируется мораль.

И здесь бытие полностью определяет сознание. Институция праздного класса складывается постепенно с переходом от первобытного дикарства к варварству, что сопровождается переходом от мирного образа жизни к воинственному. И поэтому есть два фактора, определяющие мораль праздного класса. Первый – хищнический уклад жизни (война, охота); представители зарождающегося праздного класса должны были привыкнуть применять силу и военную хитрость. Второй – средства к существованию добывались относительно просто, без тяжелого, длительного и изнурительного труда. Веблен отмечает, что сражения и охота – занятия одного рода: охотник и воин жнут там, где сами не сеяли. И таким образом под влиянием экономических факторов формируется хищническая мораль, хищнический образ жизни, где общепризнанной нормой становится убийство, уничтожение соперников в борьбе за существование, военная хитрость, обман противника и т.п. «Никакое занятие и никакое приобретение невозможны с точки зрения морали, если они не зиждутся на доблести, то есть на силе или на обмане» [1, с. 21].

Начальная стадия собственности в истории общества, т.е. стадия приобретения путем захвата, по Веблену, сменяется следующей – это период организованного производства, в основе которого лежит частная собственность. И здесь у праздного класса формируется та же хищническая мораль: экономический процесс формирования частной собственности сопровождается противостоянием членов общества из-за притязаний на имущество. При этом технический прогресс и эффективность производства постепенно достигают такого уровня, когда есть возможность производить значительно больше, чем необходимо для выживания. Это стимулирует неизбежное накопление. А мотивом такого накопления становится мотив подражательного соперничества, который является основным принципом поведения праздного класса в индустриальном обществе. Обладание богатством служит поводом для зависти, наделяет человека почетом со всеми вытекающими привилегиями, является условием заметного положения в

обществе. При этом материальные ценности, богатство, состояние становятся общепризнанной основой почета независимо от того, какими средствами они добыты – хитростью, обманом, путем агрессивных усилий, или получены пассивно, за счет получения наследства. Веблен утверждает, что «хищнический инстинкт наряду с последующим одобрением хищнических навыков глубоко укореняются в образе мышления тех людей, которые подверглись длительному влиянию хищнического образа жизни» [1, с. 35].

С развитием капитализма с его финансовой системой доступ в праздный класс все больше пролегает через денежные занятия. Веблен отмечает, что «денежный человек» (тот, кто приобретает благосостояние посредством финансовых операций) схож с преступником – умным хищником. И это соответствует марксистскому принципу «бытие определяет сознание»; потому что у «человека производительного» в процессе труда формируются совсем другие качества: смирение, покорность, отсутствие агрессивности. «Идеальный денежный человек похож на идеального преступника в беззастенчивом использовании материальных благ и людей к собственной выгоде и в бессердечном игнорировании чувств и желаний других людей, а также отдаленных последствий своих действий [1, с. 231].

Итак, мы видим, что Веблен, так же, как и Маркс, использует конкретно-исторический метод анализа экономических и социальных явлений, в соответствии с которым изучение общественных институтов осуществляется в их развитии, тесно связанном с уровнем развития производства (производительные силы).

В 1976 году вышла книга «Турист. Новая теория праздного класса» американского социолога, профессора Калифорнийского университета Дина Макканелла. В ней он рассматривает теорию праздного класса, заимствовав объект изучения у Веблена, используя в своем анализе ключевые термины социологии Маркса – класс, товар, труд, производство, отчуждение. Исследование Макканелла создавалось в новых экономических условиях перехода от индустриального общества к постиндустриальному.

Определяющей чертой данного процесса Макканелл называет то, что досуг вытесняет труд из центра общественного устройства. Социальные классы и группы больше не формируются на заводах и в офисах, как это наблюдалось в эпоху механизации и образования профсоюзов. Мир труда исчерпал свой потенциал к обновлению (2, с. 45). Новые формы общественной организации возникают на почве свободного времени. Отныне не отношение к производственной сфере, а досуг отражает и формирует общественную структуру.

Маркс объяснял отношения социальных классов, исходя из анализа товарной стоимости. В современном мире, в рамках постиндустриального общества, возникают новые виды товаров, тем самым меняется сущность товара как такового. Согласно Макканеллу, товар в современном обществе имеет ценность в связи с тем, в какой степени он стал частью культуры – рекламы, комиксов, музыки, кино и литературы. «Товар стал неотъемлемой частью повседневной жизни современного общества в силу того, что его оригинальная форма является символической репрезентацией (рекламой) самой себя, суля и направляя опыт в преддверии фактического потребления» (2, с. 63). Основой современных форм общества становится не столько потребительские товары, сколько отражение общественной жизни в искусстве, науке, образе жизни, СМИ, спорте, общественных движениях.

Ценность событий, поездок, конференций, курсов, статей, зрелищ определяется не количеством труда, затраченного на их производство, а качеством опыта, который они в себе несут.

В принципе, именно Маркс первый открыл понятие товарного фетишизма. Он различал в товаре объективную и субъективную стоимость, ему присуща способность образовывать значение и заставлять потребителя стремиться к вещам, которые не являются необходимыми для материальных нужд. Но в рамках индустриальной экономики не было условий для развития товарного фетишизма. В постиндустриальном обществе аспекту

производства находятся во власти «атмосферы», «стиля», «чувства», а опыт продается как товар.

Основополагающая категория социологии Маркса – труд – в постиндустриальном обществе и также претерпевает изменения. Как пишет Макканелл, труд стал в значительной мере объектом туристического любопытства. Производство и труд – темы экскурсий на фабрики и в мастерские. Современное общество заключает работу на периферию существования, делая ее объектом досуга, игры и наблюдений.

На примере теорий Веблена и Макканелла мы видим, что социологическая концепция Маркса претерпевает модификации за прошедшие полтораста лет; и тем не менее ее основополагающие постулаты и ключевые термины остаются неизменными и служат точкой отсчета для дальнейших рефлексий социологов.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1) Веблен Т. Теория праздного класса. – М.: Издательство АСТ, 2021.
2) Макканелл Д. Турист. Новая теория праздного класса. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2016.

УДК 130.2

ОТЧУЖДЕННАЯ ТЕЛЕСНОСТЬ В ЭПОХУ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОТЕХНИИ

Торопова Анастасия Александровна

кандидат философских наук, преподаватель кафедры философии Кафедра философии и социально-политических технологий в РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, Москва, Россия

e-mail: ya-est-atanasija@yandex.ru

Аннотация. В статье развивается концепция отчуждения Маркса. Помимо выделенных им четырех стадий отчуждения, автор выделяет пятую стадию – отчуждение от собственного тела, которое появляется в эпоху цифровизации общества. Автор статьи прибегает к термину французского философа Жан-Люка Нанси «экотехния», которое помогает осмыслить техническую среду как «ойкос» современного человека, которая способствует тому, чтобы проблематизировать тело в качестве неотъемлемой части идентичности человека.

Ключевые слова: телесность, тело, отчуждение, экотехния, техносфера, Маркс, Нанси.

THE ALIENATED CORPOREALITY IN THE AGE OF CONTEMPORARY ECOTECHNICS

Toropova Anastasia A.

Candidate of Philosophical Sciences, Lecturer of the Department of Philosophy, Department of Philosophy and Socio-Political Technologies at Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University, Russia, Moscow

e-mail: ya-est-atanasija@yandex.ru

Abstract. The article develops Marx's concept of the alienation. In addition to his four stages of the alienation, the author identifies a fifth stage - alienation from one's own body, which appears

in the era of digitalization of society. The author resorts to the term of French philosopher Jean-Luc Nancy «ecotechnics», which helps to comprehend the technical environment as an «oikos» of modern man, which contributes to the problematization of the body as an integral part of human identity.
Key words: corporeality, body, alienation, ecotechnics, technosphere, Marx, Nancy.

Категория отчуждения благодаря немецкой идеалистической философии Фихте, Шеллинга и Гегеля стала актуальной в философии XIX века. Ницше писал, что отчуждение возникает, когда культурный человек блокирует свои инстинкты. Фрейд интерпретировал отчуждение как конфликт культуры и желаний. Карл Маркс в работе Экономическо-философские рукописи 1844 года разработал оригинальную концепцию, согласно которой отчуждение – это состояние, в котором люди ощущают неподлинность своего существования, перестают творить и чувствовать себя свободными. По Марксу, феномен отчуждения выражается в том, что рабочий создает вещи и при этом воспринимает их как чужие предметы, которые восстают против него – обогащают других и обедняют творца. Маркс писал, что в период капиталистической формации дух отчуждения охватывает все общество.

Сегодня добавляется новый фактор, влияющий на социальную жизнь, и усугубляющий процесс отчуждение: в современную цифровую эпоху развивается особого рода экотехния. Жан-Люк Нанси вводит термин «экотехния» (écotechnie), образованный из древнегреческих слов: οἶκος («обиталище, жилище, дом») и τέχνη («искусство, мастерство, умение»). Будучи по своей сути разновидностью техники, экотехния особым образом подключает нас к искусственным приспособлениям [5]. Манипулируя людьми посредством техники, вписанной в культуру, экотехния помогает удовлетворять потребности и желания, но вместе с тем создает отчуждение в межчеловеческой коммуникации.

Стоит обратить внимание на то, что возникает новый тип отчуждения, который не был зафиксирован Марксом – это отчуждение

человека от собственной телесности. Телесность – это неотъемлемая составляющая любой человеческой идентичности, которая является не естественным образованием, а формируется как культурный конструкт. Для начала следует различить понятия тело и телесность, поскольку зачастую их используют как синонимы. Тело – это природная вещь, телесность – процесс и результат культурного воздействия, это искусственно созданная система отношений между плотью и наносимыми на нее знаками культуры.

Маркс одним из первых стал трактовать телесность как эффект общественных отношений. Это позволило включить телесное измерение человека в философскую систему. Человек вынужден трудиться, что побуждает его расширять диапазон своих телесных возможностей. Именно в процессе труда человек конструирует собственное тело. «Предмет, которым человек овладевает непосредственно, – мы не говорим о собирании готовых жизненных средств, например, плодов, когда средствами труда служат только органы тела рабочего, – есть не предмет труда, а средство труда. Так данное самой природой становится органом его деятельности, органом, который он присоединяет к органам своего тела, удлиняя таким образом, вопреки библии, естественные размеры последнего» [2, с. 190].

Не только процесс труда влияет на формирование человеческого тела, но также и результаты труда. Всякая экотехния порождает медиа. Мы понимаем медиа в духе Маршалла Маклюэна широко – как любую форму передачи чувственного опыта и мыслительных процессов человека [1].

С одной стороны, медиа – это неотъемлемая часть антропогенеза, человек – это медийное животное. Ведь медиа это протезы наших тел, которые расширяют возможности каналов восприятия. С другой стороны, медиа сами структурируют и оформляют поступающий к человеку поток информации. И эти эффекты медиа в цифровую эпоху практически невозможно полностью отрефлексировать. Маклюэн для описания этого эффекта ввел специальный термин — «нарциссический наркоз», который бы описал эту ситуацию, когда человек не замечает психических и социальных последствий влияния

технологий на себя, людей и мир. Любая человеческая культура – это способ расширить человеческие возможности. Все вещи, которые нас окружают, – это телесные амплификаторы, то есть расширители свойств и возможностей тела. Как и Маклюэн, Маркс также указывал на компенсаторный характер отношений человека с миром: природное тело, присущее человеку, в процессе труда обнаруживает свою ограниченность, что вынуждает человека искать во внешнем мире материалы и инструменты, помогающие человеку выживать и удовлетворять свои потребности. «Родовая жизнь как у человека, так и у животного физически состоит в том, что человек (как и животное) живет неорганической природой, и чем универсальнее человек по сравнению с животным, тем универсальнее сфера той неорганической природы, которой он живет. <…> Практически универсальность человека проявляется именно в той универсальности, которая всю природу превращает в его неорганическое тело, поскольку она служит, во-первых, непосредственным жизненным средством для человека, а во-вторых, материей, предметом и орудием его жизнедеятельности. Природа есть неорганическое тело человека, а именно – природа в той мере, в какой сама она не есть человеческое тело. Человек живет природой. Это значит, что природа есть его тело, с которым человек должен оставаться в процессе постоянного общения, чтобы не умереть» [3, с. 564-565].

Поскольку человеку свойственно укореняться в мире, в этом ему помогает техника, которая, с одной стороны, расширяет возможности человеческого тела, но с другой, формирует ложный образ человеческого тела как вещи, инструмента в ряду прочих инструментов. Хайдеггер сделал вывод, что тело отчуждается от человека, если мыслить его инструментально, используя для представления тела образ машины: «тело не менее мифологично, чем душа. В древних культурах главенствующим образом действия тела было в первую очередь священнодействие, ритуал, а это никакая не машинальность» [4]. Эти рассуждения Хайдеггера приводят нас к мысли о том, что телесность человека формируется в зависимости от

того, как человек выстраивает отношения с миром – как он пользуется языком, техникой и другими культурными посредниками.

В цифровую эпоху развивается виртуальное пространство, вследствие чего проблематизируется сама необходимость для человека тела. Радикальный проект предложила киберфеминистка Донна Харауэй: увидеть в цифровом пространстве не опасность, а освобождение, возможность получить протеичную бестелесную личность - которая способна отказаться от границ, заданных телом. Кроме того, тело не только является «темницей души», которая страдает, стареет и подвластна смерти. Из опыта тела рождается дуальность мышления, которая сковывает разум бинарными оппозициями. освободить человека от влияния тела. Но это можно осуществить лишь в киберпространстве, в виртуализированном мире. Харауэй считает, что там человек сможет проявить свою субъектность как полную свободу от каких-либо ограничений – возраста, пола, даже принадлежности к человеческому роду [6].

Экотехния – это способ производства пространства для жизни. А расширение власти виртуального пространства углубляет не коллективное сознание, а индивидуализированное. Происходит отчуждение между людьми нового - пятого - порядка, о котором Маркс еще не догадывался. Термин écotechnie выражает состояние пантехницизма, в котором oikos является обителью технизированных тел, а инструменты и разного рода техника становятся продолжением индивидуализированных тел.

Сегодня экотехния, по сути, создает гомогенное время и пространство, которое создает предрасположенность для эскапизма и одиночества, но не для создания коллективов и творческой деятельности.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1) Маклюэн, М. Понимание медиа. – М.; Жуковский: КАНОН-пресс-Ц., Кучково поле, 2003. – 464 с.

2) Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии. Т.1 (Кн.1) // Сочинения в 39 т. Т. 23. – М., 1960.

3) Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1844 года / К. Маркс, Фр. Энгельс // Из ранних произведений. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. – С. 517-642.

4) Мурзин Н. Н. Хайдеггер о технике: существо вопроса // Vox. 2009. № 6. URL: https://vox-journal.org/content/vox6murzin.pdf (дата обращения: 03.03.2022).

5) Нанси, Ж.-Л. Corpus / Ж.-Л. Нанси. – М.: Ad Marginem, 1999. – 255 с.

6) Харауэй, Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х гг. / Д. Харауэй // Гендерная теория и искусство. Антология 1970- 2000. – М.: РОССПЭН, 2005. – С. 322-369.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕЛОСТНОСТИ В ПОСТСОВЕТСКУЮ ЭПОХУ

УДК 327.88

РУСОФОБИЯ БРИТАНСКИХ СМИ В КОНТЕКСТЕ БОРЬБЫ ВЕЛИКОБРИТАНИИ С РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИЕЙ, СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ И НОВОЙ РОССИЕЙ

Душин Андрей Владимирович
кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры философии и социально-политических технологий РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, Россия, Москва
e-mail: Dushin.rgung@gmail.com

Аннотация. В статье показаны причины резкого изменения отношения Великобритании к России с XIX века, связанные с территориальной экспансией, борьбой за природные ресурсы и новую рабочую силу. Тогда впервые была опробована технология газетных «уток», подстрекательских брошюр, откровенной клеветы на Россию. Была использована технология массированной пропаганды в западной в прессе в целях манипуляции общественным мнением, сопровождающейся растущей русофобией. Враждебная британская политика продолжалась на протяжении XX века и имеет место сейчас, провоцируя вооруженный кризис в Восточной Европе.

Ключевые слова: манипуляции общественным мнением, пропаганда западной прессы, русофобия.

BRITAIN'S STRUGGLE WITH THE RUSSIAN EMPIRE, THE SOVIET UNION AND THE NEW RUSSIA

Dushin Andrey V.

candidate of philosophical Sciences, associate Professor, Professor of philosophy.
Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University,
Russia, Moscow
e-mail: Dushin.rgung@gmail.com

Abstract. The article shows the reasons for the sharp change in the attitude of Great Britain to Russia since the XIX century, related to territorial expansion, the struggle for natural resources and new labor. Then, for the first time, the technology of newspaper «ducks», inflammatory pamphlets, outright slander against Russia was tested. The technology of massive propaganda in the Western press was used in order to manipulate public opinion, accompanied by growing Russophobia. The hostile British policy continued throughout the 20th century and is taking place now, provoking an armed crisis in Eastern Europe.
Keywords: manipulation of public opinion, propaganda of the Western press, Russophobia.

Исторически, со времени создания Московской торговой компании в начале XVI века Лондон и Москва поддерживали тесные отношения, являясь союзниками в международных конфликтах. Однако, начиная с 1815 года в политике британского правительства и общественном мнении симпатии к России сменяются агрессивной русофобией.

Первой причиной этого явился экономический расцвет Великобритании XIX века в результате промышленной революции, а наличие мощного военного флота помогало торговой экспансии. Англия нуждалась в расширении империи, поскольку контроль над бывшими колониями в Северной Америке был утрачен. В поисках природных ресурсов и новой рабочей силы она обратила свои экспансионистские устремления на Северную Африку, Ближний Восток, Центральную Азию, Индию и Австралию.

В этот период у Великобритании не было серьезных противников. Франция и Пруссия были обескровлены в результате наполеоновских войн, Османская империя ослабла в русско-турецких войнах. Единственным международным противником Англии могла стать Россия, которая победила

Наполеона, чем «уважать себя заставила» европейские страны. Имея свои интересы в Центральной Азии, Россия не могла не стать основным международным противником набравшей силу Великобритании.

Исследователь английской русофобии Джон Хоус Глисон справедливо замечал, что Великобритания в споре с Россией почему-то игнорировала российские возражения и протесты против «провокационной политики Великобритании на Балканах, Кавказе, в Константинополе, Афганистане, Сирии и Египте». «Если бы беспристрастный судья должен был вынести решение, оно, вероятно, было бы в пользу русских», – пишет Глисон [7, p. 3]. Британская империя продолжала игнорировать международные интересы Российской империи в Восточной Европе, Центральной Азии и на Ближнем Востоке в XIX веке, затем интересы СССР в XX в., продолжая игнорировать интересы новой России в конце XX – начале XXI века.

Второй причиной роста антироссийских настроений в Великобритании Джон Глисон считает то, что политические партии намеренно раздували опасность России для Британской империи, оправдывая военную и торговую экспансию англичан в южные и юго-восточные регионы, «пока их не захватили русские «варвары». Во время греческой войны за независимость в британских партиях и СМИ началась настоящая истерика по поводу усиления мощи России. Например, в 1827 году газета «Морнинг геральд» писала: «Очевидно, что истинное намерение России – сделать Грецию зависимой от себя, а не от турок. Это означает, что Россия будет обладать тем, что давно пытается получить – военно-морской базой в Средиземном море… При таком росте власти она может, когда ей вздумается, со сравнительно небольшими трудностями, овладеть Константинополем и простереть руки на восток, поколебав основы наших азиатских владений» [8, pp. 83, 86].

С этого времени русофобия в Великобритании расцвела пышным цветом. В 1828 году полковник Джордж де Ласи Эванс опубликовал подстрекательскую брошюру «Замыслы России», в которой предупреждал

Европу, что захват Россией Константинополя и проливов сделает ее способной захватить господство в Средиземноморье и Центральной Азии, подорвать торговлю и мощь Франции и Великобритании, и, таким образом, Россия окажется в одном шаге от мирового господства. На самом деле, это не имело ничего общего с реальностью, однако продолжало убеждать английское общество в агрессивности и опасности Российской державы.

Началась, так называемая, «Большая игра» между Лондоном и Москвой. Этот период был полон английских провокаций против России. Так, в 1836-1837 годах англичане вооружали черкесов с целью организации восстания против России. Английский офицер Артур Конноли пытался поднять племена Туркестана на восстание против России, но был обезглавлен в Бухаре в 1842 году. Пытаясь защитить выдуманный захват Индии Россией, англичане захватили Афганистан, ввязавшись в англо-афганские войны 1839 года, 1878-1880 годов и 1919 года.

К началу 1840-х годов, менее чем за двадцать пять лет британские политики и пресса, подстрекаемая оголтелыми русофобами во главе с премьер-министром Великобритании, министром иностранных дел лордом Палмерстоном, полностью изменили общественное мнение. Из привилегированного союзника, который отказался присоединиться к континентальной блокаде и вступил в войну с Наполеоном на стороне англичан, Россия стала врагом Великобритании номер один. Из крупного союзника либеральной Англии царь превратился в деспота, варвара, вероломного захватчика [1, с. 245]

Пальмерстон искал предлог, чтобы не допустить Россию к проливам. Фактически англичане спровоцировали Турцию объявить в октябре 1853 г. войну России. Однако 18 ноября 1853 г. русская эскадра под командованием П.С. Нахимова разгромила турецкий флот в Синопской бухте, что вызвало на Западе лютую ненависть. Негодующая Британия послала британские боевые корабли в Черное море для уничтожения русского черноморского флота. Англо-французские войска и войска Сардинии высадились в Крыму, с целью

захвата русской военно-морской базы в Севастополе. Для привлечения общественного мнения Палмерстон использовал традиционный антирусский прием, представляя войну как «борьбу демократии с тиранией». Он даже назвал войну в поддержку мусульманской Турции, возглавляемой деспотом-султаном, «войной за христианские ценности»! Его наглость можно сравнить разве что с беспринципностью современных американских «мозговых центров» think tank, которые в 2004 году представляли чеченских исламистов борцами за свободу [1, с. 246].

Именно в Крымской войне были впервые использованы массированная пропаганда западной прессы для манипуляции общественным мнением и сокрытия истинных империалистических амбиций западных стран (например, военкорами из «Таймс» и фотографами из «Иллюстрейтед Лондон ньюс»). Западная пресса представила причину войны как гуманитарную интервенцию для защиты христиан в Палестине и во имя борьбы против русской тирании. На самом же деле именно Турция представляла настоящую тиранию. Эта война впервые была представлена англичанами «борьбой добра и зла, цивилизации и варварства». В подтверждение этого Мартин Малиа цитирует британского журналиста, по мнению которого «русские понятия не имели, чем руководствуются нормальные цивилизованные люди» [9, p. 207].

В восьмидесятых годах XIX века антирусская истерия достигла пика. Бывший консул Великобритании в Индии и Персии сэр Генри Роулинсон предостерег Англию от «неумолимого продвижения России в Центральную Азию», грозящего войной с Индией» [6, p. 48]. Расцвет английской русофобской литературы пришелся на 1885 год, когда была опубликована книга радикального британского русофоба Арминия Вамбери «Грядущая борьба за Индию: сводка российских посягательств на Центральную Азию и очевидные сложности, которые они несут для Великобритании». Автор оправдывал британскую колониальную экспансию в Индии, Афганистане и Персии «необходимостью насаждения цивилизации силами Англии и только

Англии, поскольку русские доказали свою полную непригодность» [4, p. 145].

Английская, а затем и американская русофобия были вызваны имперскими амбициями этих стран и неукротимым стремлением к мировому господству. Эти государства были и остаются морскими державами в поисках новых земель. Обе страны как в XIX-XX веках, так и сегодня пытаются навязать свою волю другим нациям. Военные операции с использованием дипломатии канонерок, самолетов B-52 или дронов-беспилотников, экономические меры с насаждением свободы торговли, культурные шаги с мобилизацией ресурсов «мягкой силы» – в ход идут любые средства [1, с. 259].

Тысячи «газетных уток» были созданы Великобританией против нашей страны в советский период. Например, в декабре 1975 г. телекомпания Би-би-си выпустила «сенсационный документальный фильм о концентрационном лагере в Советском Союзе». На самом деле в нем была снята строительная площадка, расположенная под Ригой, на которой работают заключенные, осужденные за различные уголовные преступления, а показанные в фильме постройки представляют собой подсобные помещения. Тогда советское телеграфное агентство ТАСС и «Литературная газета» без труда разоблачили акцию Би-би-си как примитивную фальшивку [2]. Вокруг конфликта в Южной Осетии в августе 2008 года западной прессой была организована глобальная информационная война, а соотношение позитивных и негативных статей о России в ходе данного конфликта в англо-американской прессе составляло 1:12 [3].

Блестящая антироссийская пропаганда Британии в XIX веке была умело подхвачена после 1945 года Соединенными Штатами Америки и стала мейнстримом в обострении сегодняшней ситуации в Восточной Европе. Нельзя не согласиться, например, с бывшим ливанским министром Жоржем Кормом, писавшем еще в 2009 г.: «Тот факт, что расположенная на севере Европы Англия завладела Средиземным морем, Атлантическим и Индийским

океанами, никак не комментируется в большинстве учебников истории. Зато желание царской или большевистской России, границы которой расположены недалеко от Средиземного моря, иметь к нему выход всегда трактовалось как извращенная форма славянского или большевистского империализма. Сегодня никого не возмущает, что Соединенные Штаты, расположенные за пятнадцать тысяч километров от Ближнего Востока, оккупируют Ирак и устанавливают в нем свои законы. Но стоит Ирану и Сирии, ключевым региональным государствам, подать голос, как мы оказываемся на грани войны в результате столь «враждебного акта»» [5, p. 21].

За период с 2009 года разразились срежиссированные Западом войны в Сирии, Ливии, Йемене, поставлен на грань вымирания Афганистан, НАТО подобрался к границам России, планируя принять в свой агрессивный военный блок Украину и Грузию. Западные СМИ и сетевые интернет-гиганты выключили из мирового медийного пространства все альтернативные источники информации и привычно начали обвинять в агрессивности Россию.

За последние 200 лет, выйдя за рамки интеллектуальных кругов, английская русофобия подчинила себе прессу, проникла в популярнейшие жанры карикатуры и романа и в совершенстве отточила искусство «мягкой силы». Английские журналисты, карикатуристы и писатели намного раньше Голливуда мобилизовали ресурсы индустрии развлечений, а Соединенные Штаты по сей день используют эту стратегию для популяризации русофобии [1, с. 260].

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1) Ги Меттан. Запад – Россия: тысячелетняя война. Издательство Паулсен. 2017. – 463 с.

2) Хуберт Рейхель. Русские придут наверняка. – URL: http://www.plam.ru/polit/_russkie_pridut_navernjaka/index.php. (дата обращения: 05.03.2022).

3) Юферев Сергей. Война в Южной Осетии: информационная составляющая конфликта. – URL: https://topwar.ru/17455-voyna-v-yuzhnoy-osetii-informacionnaya-sostavlyayuschaya-konflikta.html. (дата обращения: 09.03.2022).

4) Arminius Vambery, «The Coming Struggle for India». – London, Cassell, 1885. – P.255.

5) Georges Corm, «Les causes des guerres à venir». – Genève, Cahier du GIPRI, 2009. № 7.

6) Henry Rawlinson, «England and Russia: A Series of Papers on the Political and Geographical Condition of Central Asia». – New York, Praeger, 1875.

7) John Howes Gleason, «The Genesis of Russophobia in Great Britain. A Study of the Interaction of Policy and Opinion». – Cambridge, Harvard University Press, 1950.

8) «Морнинг геральд» от 24 октября 1827, цит. по John Howes Gleason, «The Genesis of Russophobia in Great Britain. A Study of the Interaction of Policy and Opinion». Cambridge, Harvard University Press, 1950. P 83, 86 (статья из «Морнинг геральд», перевод Е. Д. Чкоидзе).

9) Martin Malia, «L'Occident et l'énigme russe. Du Cavalier de bronze au mausolée de Lénine». – Paris, Le Seuil, 2003.

УДК 1

«ВЕК ЖИВИ – ВЕК УЧИСЬ»

Юдина Мария Евгеньевна

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социально-политических технологий, РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, Россия, Москва

e-mail studmari@mail.ru

Аннотация. В статье говорится о проблемах российского образования в эпоху все большего ускорения и изменения всех сфер жизнедеятельности человека.

Ключевые слова: образование; образовательные технологии, реформы образования, неопределенность выбора будущего, критическое мышление, коммуникации, творчество.

"LIVE FOREVER - LEARN FOREVER"

Yudina Marie E.

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy and Socio-Political Technologies Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University, Russia, Moscow

e-mail: studmari@mail.ru

Abstract. The article talks about the problems of Russian education in the era of increasing acceleration and changes in all spheres of human activity.

Key words: education; educational technologies, educational reforms, uncertainty of the choice of the future, critical thinking, communication, creativity.

Современный мир настолько быстро меняется, что возникает вопрос, а есть ли что-то постоянное в изменчивом? Как подготовить себя, своих детей к миру масштабных неопределенностей. Какие навыки понадобятся им,

чтобы понимать происходящее, ориентироваться в нем, чтобы найти работу наконец. Люди всегда плохо предсказывали будущее, но сегодня это сделать еще сложнее. Технологии достигают такого уровня, что когда они позволят нам конструировать собственное тело, задавать определенные способности, в том числе и когнитивные, мы уже ни в чем не будем уверены. Особенно в тех вещах, которые казались неизменными.

Еще полвека назад, мы были почти убеждены в том, что основные черты человеческого общества и человека не изменятся. Могут меняться лишь количественные характеристики, но никак не качественные. Возрастет продолжительность жизни, но никак не безгранично и человеческое тело останется таким же. Необходимы будут те же навыки в овладении профессией, знании истории, философии, математики, физики и т.д.

Сегодня мы плохо представляем, как будет выглядеть мир 2100 года. Как люди будут зарабатывать на жизнь, как будет функционировать бюрократия, какими будут отношения между полами. Вероятно, само человеческое тело изменится благодаря биоинженерии и интерфейсам «мозг-компьютер». Поэтому, многое из того, что изучают наши дети сейчас, окажется невостребованным и попросту ненужным. Сейчас в образовании, в соответствии со средневековыми стандартами, основной упор делается на запоминание информации. Основная форма обучения в средневековых университетах: лекция – диспут, продолжается и по сей день. Только запомнившим лекционный материал давалось право участвовать в диспутах (семинарах). И это было правильно. Но все дело в том, что информации было неизмеримо меньше. Не было ни радио, ни телевидения, ни ежедневных газет. В наше время, мы, напротив, тонем в огромных массивах информации, остановить поток которых невозможно. Мы можем подключаться почти к любым сервисам, слушать доклады и сообщения, участвовать в конференциях и онлайн-курсах. Но возникает новая опасность: слишком много противоречивых сообщений и данных. Каким из них верить? Кроме того, огромные данные мешают сосредоточить внимание на чем-то одном. А

когда политика и наука кажутся нам слишком сложными, возникает соблазн, переключится на что-нибудь развлекательное.

В таких условиях меньше всего учащимся нужна информация. Мы все ей и так перегружены. Востребовано умение понимать информацию, отличать важное от несущественного, а главное – соединять разрозненные фрагменты в единую картину мира. Но ускоренные темпы научно-технического развития предъявляющие особые требования к трансляции знаний и их обновлению в системах образования, как раз все меньше дают возможности достичь целостного мировоззрения. Школа подобна закрытой книге: узнаешь, если возьмешь и прочтешь, а используешь в жизни столько, сколько поймешь. Познавательные ценности добываются настойчивым и упорным трудом, ведь высшее образование, в сущности, есть самообразование. «Как пособие школа /вуз/ может дать учащемуся прежде всего ряд понятий, правильно раскрытых и анализируемых, затем небольшой круг представлений – фактов, связанных той или иной системой классификаций или раскрытыми зависимостями, и, наконец, что самое важное, умение ставить вопросы и разрешать их, т.е. методы мышления и исследования» [1, с. 12] Подавляющая масса наших первокурсников не умеет ни логически мыслить, ни следить за чужими мыслями, ни читать книги, ни выражать свои мысли. Возникает необходимость введения неких вводных семинаров, где бы обучали навыкам критического мышления (если говорить на языке современных методологий образования, т.е. излагать, обсуждать, полемизировать, аргументировать). К сожалению, во всяческого рода стандартах они не предусмотрены.

Напрашивается грустный вывод: т.к. без указанных навыков невозможно создание целостной, осмысленной картины мира, а без такого целостного мировоззрения выбор будущего будет осуществляться случайным образом.

Мы не знаем, как будет выглядеть мир и рынок туда в 2100 году, и потому не знаем какие именно навыки понадобятся людям. Многие

специалисты в области образования сходятся во мнении, что необходимо перейти к четырем главным навыкам: **критическому мышлению, сотрудничеству, коммуникации и творчеству** [3]. Чтобы идти в ногу со временем, нужно будет постоянно обновлять самих себя. Вот как описывает подобный сценарий известный ученый Ю. Харари: «В 25 лет вы опишете себя на сайте знакомств как гетеросексуальную женщину, живущую в Лондоне и работающую в ателье мод. В 35 лет вы представитесь как гендерно неспецифическая личность в процессе возрастной перестройки, чья неокортикальная активность протекает преимущественно в виртуальном мире. А когда вам исполниться 45, не будет уже ни сайтов знакомств, ни самоопределений. Вы просто будете сидеть и ждать, когда алгоритм найдет или создаст для вас идеальную пару…». [2, с. 314]

Как будет решать и сможет ли решить эту проблему система образования?

Современная практика управления (в том числе, и в образовании) в большой мере опирается на методологию социальной инженерии, когда проектируется желаемая модель будущего и сразу внедряется в жизнь. Управленческая политика в высшем образовании России за последнюю четверть века породила ряд парадоксов, а это означает, что «реформы были либо изначально плохо спроектированы, либо их неправильно проводили в жизнь» [1, с. 14]. Такой результат реформ высшего образования, рассматриваемый с точки зрения рыночной экономики, подводит к выводу о том, что «фактически исходная идея о формировании полноценного рынка вузов оказалась нереализованной» [1, с. 14]. Причины системных ошибок в реализации реформ многие авторы видят в следующем. Во-первых, установка на повышение качества образования обернулась торжеством формализма: введение Единого государственного экзамена (ЕГЭ) планировалось как мера борьбы против внутривузовской коррупции на вступительных экзаменах, но реально эта широкомасштабная мера привела к примитивизации образования. К формализации и упрощению ведет

непродуманное дистанционное образование и тестирование. Единая система тестов навязывается всем, но при этом в тени оказался вопрос о выборе организаций, которые разрабатывали тесты. В таких творческих дисциплинах, как философия, формальное тестирование наносит серьезный вред, поскольку во многих случаях ответы на вопросы множественны, они зависят от искусства интерпретации, которое воспитывается в учебном процессе. При административно-командном подходе в вузах увеличивают нагрузку профессоров и преподавателей, вводя дополнительные обязанности. В итоге усиливается интенсификация труда. Во-вторых, установка на повышение качества образования по замыслу авторов предусматривала введение системы государственных стандартов образования (ГОС). При этом не учитывалось, что ни чиновники, ни даже экспертное сообщество не в состоянии спрогнозировать быстрорастущие перемены в развитии научных специальностей. Это во многом делают сами лекторы, которые следят за развитием своей дисциплины. Все стандарты несовершенны и стремительно устаревают, поэтому работа, связанная с их корректировкой, превращается в постоянный невроз. В-третьих, с установкой на повышение качества образования были связаны меры по усилению научно-исследовательской работы профессорско-преподавательского состава (ППС), но и они привели к недееспособным институтам. Требование активно публиковать свои работы привело к увеличению нагрузки на ППС и росту формализма. Вузы отреагировали на эти меры созданием всяческого рода «Вестников», которые образовали своеобразную информационную свалку, в которую сбрасывалось все то, что было на скорую руку написано ППС. На последний регулятор – наличие публикации в международных изданиях, которые входят в признанные научные базы данных («Web of Science», «Scopus») – отреагировали поиском «левых» журналов. Политика вхождения российских вузов в международное сообщество привела к полному извращению изначальных целей и установок. Вывод напрашивается сам собой. Интенсификация и строгая регламентация труда исследователя и

преподавателя менеджерами от «экономики знаний» грозит утратой и науки, и образования как творческих областей человеческой деятельности

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1) Герасимова И.А. Панорама эпохи: глобализация, культура, высшее образование. // Проблемы и риски инженерного образования в XXI веке: монография / Под общ. ред. И.А. Герасимовой – М.: Университетская книга, 2017. – 312 с.

2) Харари Ю.Н. 21 урок для XXI века. –М.: Синбад, 2019.- 416 с.

3) Cathy N. Davidson, The New Education: How to Revolutionize the University to Prepare Students for a World in Flux – (New York: Basic Books, 2017)

УДК 304,5

КАТЕГОРИЯ «ОТЧУЖДЕНИЕ» В СВЕТЕ НОВЫХ ПАРАДИГМ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Семенова Татьяна Николаевна
кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социально-политических технологий, РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, Россия, Москва
e-mail: semenovataniya@gmail.com

Ситнова Лариса Ивановна
кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социально-политических технологий РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, Россия, Москва
e-mail: cmp@gubkin.ru

Катюхина Татьяна Викторовна
кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социально-политических технологий РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, Россия, Москва
e-mail: tatyana.katyuhina@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена категории отчуждения. Это универсальная и многогранная категория, характеризующая сложные, противоречивые, зачастую враждебные отношения человека и социальной среды, человека и природного мира, межличностные отношения и внутренние отношения человека с самим собой. Термин «отчуждение» используется в юриспруденции, в философии, в политэкономии, в политологии, в социологии, в психологии. В эпоху цифрового общества появились новые формы отчуждения: социальное, техническое, цифровое. Это сложные трансдисциплинарные проблемы.

Ключевые слова: Отчуждение; цифровые технологии; социальное отчуждение; техническое отчуждение; социальные сети, цифровое неомальтузианство.

THE CATEGORY ALIENATION IN THE LIGHT OF NEW PARADIGMS OF SOCIAL DEVELOPMENT

Semenova Tatyana Nikolaevna

candidate of philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy and Socio-Political Technologies Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University, Russia, Moscow

e-mail: semenovataniya@gmail.com

Sitnova Larisa Ivanovna

candidate of philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy and Socio-Political Technologies Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University, Russia, Moscow

e-mail: cmp@gubkin.ru

Katyuhina Tatyana Viktorovna

candidate of philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy and Socio-Political Technologies Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University, Russia, Moscow

e-mail: tatyana.katyuhina@gmail.com

Annotation. The article is devoted to the category of alienation. This is a universal and multifaceted category that characterizes complex, contradictory, often hostile relations between man and the social environment, man and the natural world, interpersonal relationships and internal human relations with oneself. The term "alienation" is used in law, in philosophy, in political economy, in political science, in sociology, in psychology. In the era of digital society, new forms of alienation have appeared: social, technical, digital. These are complex transdisciplinary problems.

Key words: Alienation; digital technologies; social alienation; technical alienation; social networks, digital neo-Malthusianism

Категория «отчуждение» используется в юриспруденции, в философии, в политэкономии, в политологии, в социологии, в психологии. Отчуждение выступает как универсальная и многогранная категория, характеризующая сложные, противоречивые, зачастую враждебные отношения человека и социальной среды, человека и природного мира, межличностные отношения и внутренние отношения человека с самим собой. Некоторые мыслители используют этот термин в одном ряду с такими понятиями, как объективация, опредмечивание идей, мыслительных процессов (Ф.В. Гегель, Н.А. Бердяев[9]) [1, 2].

Понятие «отчуждение» появилось в XVII-XVIII вв. в связи с идеей «общественного договора» между человеком (обществом) и властью в лице суверена (руководителя государства). Концепция отчуждения в сфере государства и права («право» как отчуждение свободы человека) впервые была сформулирована Гоббсом и Локком в рамках теории общественного договора. У Гоббса частные права человека добровольно делегировались государству («Левиафан»), суверену, абсолютному монарху, который защищал своих граждан от внешней и внутренней опасности силой своей власти, защищал естественные права человека – на жизнь, безопасность, собственность. У Локка отчуждение естественных прав людей в пользу государства (конституционная монархия) совершалось в силу разумности людей, поскольку это давало безопасность и защиту частной собственности. Отказ от отчуждения естественных прав человека в пользу государства означало прекращение общественного договора, возврат к состоянию «войны всех против всех», первобытному состоянию «человек человеку волк»,

[9] Экзистенциальный вариант трактовки проблемы отчуждения. Объективация выступает как фундаментальная установка экзистенциального «я» (духа), которая заключается в отчуждении духа от самого себя и выбрасывании его вовне (экстериоризации).

поэтому процесс правового отчуждения не может быть преодолен, он навсегда [3, 10].

В философский обиход термин «отчуждение» был введен И.Г. Фихте и Г.В.Ф. Гегелем. Фихте, субъективный идеалист, полагал, что окружающий мир, («вещь в себе», не – Я) есть отчуждение во вне, в предметность чистого Я, где Я – это самосознание личности. Я творит мир вокруг себя, отчуждает себя во вне. Так, развитие общества есть процесс отчуждения Я, самосознания в культуру. Процесс не носит негативный характер, а скорее является синонимом процесса объективации, воплощения, «творения» внешнего мира, как его воспринимает Я [17].

Г.В.Ф. Гегель в «Феноменологии духа» рассматривал процесс объективации, воплощения понятий и категорий (как компонентов плана, схемы, замысла, становления природного и социального мира, человека), выработанных Абсолютной Идеей (тезис), непосредственно в природу, как второй этап (антитезис) диалектического процесса развития. Негативного, антагонистического, классового смысла процесс отчуждения не имел, а выражал объективный процесс отторжения, реализации, объективации планов, схем Абсолютной Идеи, как субстанции, как «архитектора» физического, социального, духовного бытия. Человек как таковой, как индивид (субъективный дух), как член разного рода сообществ (объективный дух), как носитель высших форм духовной деятельности (абсолютный дух) являлся центром естественно-исторического процесса, что и выражало философскую (а не религиозную) идею антропоцентризма. Весь окружающий мир выступал как «отчуждённый дух». Задача развития, по Гегелю, состоит в том, чтобы снять в процессе познания это отчуждение: дух отчуждает себя и лишает себя свободы, чтобы познать себя в инобытии и тем самым преодолеть самоотчуждение, вернуться к себе и обрести абсолютную свободу. Завершающей стадией этого процесса самопознания духа является философия [2].

Л. Фейербах использовал категорию «отчуждение» в своей работе «Сущность христианства» для объяснения процесса формирования идеи Бога в сознании человека. Человек создал Бога по образу и подобию своему, а не наоборот. Фейербах усматривал сущность религии в том, что человек отчуждает от себя свою человеческую сущность и переносит ее абсолютные качества на высшее существо - Бога. Все свойства, приписываемые Богу, есть свойства самого человека, но оторванные от него, представленные как самостоятельные, олицетворенные в Боге [15].

У К. Маркса в рамках концепции классово-антогонистического общества, основой которого является институт частной собственности на средства производства, отчуждение выражает прежде всего отторжение непосредственного производителя всех материальных богатств от этих богатств. Противоречие между трудом и капиталом в конечном итоге приведет к пролетарской революции, к замене частной собственности на средства производства на общенародную, читай государственную, собственность на этапе социализма. Экономическое отчуждение влечет за собой отчуждение власти от народа, духовной культуры от людей. Маркс выделял 4 вида отчуждения: от процесса труда, от продукта труда, человека от человека, от человеческой подлинной сущности в себе, расчеловечивание человека. Все созданное в мире капитала враждебно людям труда, все институты (экономические, политические, социальные, духовные), все результаты труда; извращены и межчеловеческие отношения. Преодолеть, ликвидировать экономическое отчуждение возможно лишь с изменением экономического и политического строя, что неизбежно произойдет, поскольку диалектика, как наука о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления, обосновывает закономерность перехода от классово-антагонистического общества к бесклассовому [11].

Отчуждение, как фундаментальная характеристика взаимоотношений человека, личности с общественно-политическими, экономическими, духовными артефактами, меняет формы своего проявления в различных

общественно-политических и экономических условиях. Процесс отчуждения присущ и рабовладельческому, и феодальному, и социалистическому обществам [12, 14].

В эпоху цифрового общества появились новые, внеэкономические формы отчуждения. Прежде всего это выражается в отторжении артефактов научно-технического прогресса от моральных норм, от необходимых природных и социальных ограничений (техническое отчуждение). Личное пространство человека и социальное пространство зачастую находятся в антагонистических отношениях на основе дилеммы: свобода или безопасность, свобода или материальное благополучие. Нарушаются глобальные коммуникационные процессы – в сфере труда, политических отношений, внутри и между социальными группами, в межличностном пространстве. Цифровые технологии становятся новым фактором социального неравенства и дискриминации. Человек в информационном обществе является пассивным объектом манипулирования. Обезличенность трудового процесса в условиях информатизации ведет к эмоционально-духовному опустошению работника [5, 7, 20].

Социальное отчуждение подразумевает, что люди, а в основном молодежь, сами ограничивают себя от живого, реального общения путём уделения большего внимания виртуальному миру, социальным сетям. Интернет стал подменой реального мира. В виртуальной реальности всё намного проще, чем в действительности, там гораздо легче знакомиться с людьми, общаться, дружить и также легко расставаться, создавать множество аккаунтов, виртуальных образов, далеких от реальности. Цифровое отчуждение выражается в том, что сетевые взаимодействия позиционируют себя как самодостаточный тип бытия, замещающий реальные связи и отношения, живое личностное общение и способы самореализации. Активно формируется информационная система ценностей (кибердемократия, электронное гражданство, электронное правительство, интерактивные

сообщества, дистанционное общение, обучение, консультирование, реклама, продажа и т. д.) [8, 22].

Другим ярким проявлением отчуждения, свойственного цифровой экономике, являются Big Data, понимаемые как «цифровой след человека» [21]. Человек перестает быть субъектом – он объект: объект рекламной деятельности, объект систем слежения и контроля, включая системы безопасности. Технологии «Big Data» находятся в противоречии с приватностью, с защитой личного пространства человека, как необходимого элемента свободы. Большие данные уже стали неотъемлемой частью нашей жизни (социальные сети, цифровая медицина, ритейл, логистика в целом). Цифровое общество требует формирования новых социальных институтов, например, социальных норм, регулирующих процесс формирования «больших данных»; права собственности на информацию (знания), на алгоритмы доступа к ней. Проблема «больших данных» вскрывает проблему потенциальной утраты анонимности. На конкретного человека уже накоплен значительный объем информации (цифровой след, в терминологии цифровых технологий – «озеро данных») [13]. Возможен тотальный контроль, потеря приватности, опасность распространения личной информации, мошенничества, манипуляции.

Неизбежность процесса развития новых информационных технологий, артефактов **ИИ**, как источников технологического и социального прогресса, не исключает развития противоположных, негативных тенденций, среди которых: тенденции деградации социальных институтов (напр., новые форматы образования, медицины, новые механизмы представительской демократии, связанные с электронным голосованием, переход на сетевые контакты между участниками системы управления), структуры экономики (нивелируется реальный сектор экономики), деградации человеческого капитала (уровень здоровья физического, психического, знания, моральные качества, уровень культуры) [4, 9]. Объем информации ставит вопрос о ее хранении и передачи, вопрос о субъектности и правосубъектности цифрового

мира с его доминирующим стремлением оставить свой «сетевой след», вне зависимости от ценностного содержания, вне проблемы истинности передаваемой информации.

При этом надо отметить, что несмотря на глобальную цифровизацию, четверть взрослого населения России не имеет навыков работы с цифровыми технологиями и не пользуется интернетом. При этом около 40% обладают лишь базовыми цифровыми навыками. Граждане, попадающие в эту категорию, фактически оказались под угрозой изоляции. Особенно на фоне социальных групп, которые в силу различных факторов более успешны в цифровой среде. Цифровой разрыв становится новым фактором социального неравенства и дискриминации [20]. Цифровое неравенство еще больше обнажает глобальную проблему неравенства между Севером и Югом, между богатыми европейскими странами и бедными странами Африки и Азии. Это можно квалифицировать как новое «цифровое неомальтузианство».

Феномен «цифрового отчуждения» – это сложная междисциплинарная и трансдисциплинарная проблема, которая находится в фокусе внимания специалистов и гуманитарных, и естественных, и технических наук, а также представителей общественности и важнейшего института гражданского общества – СМИ.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1) Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря. М., 1995. С. 194. https://predanie.ru/book/69718-carstvo-duha-i-carstvo-kesarya/ (Дата обращения 09.03.2022).

2) Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа (§ 8.4). – СПб., 1992. http://psylib.org.ua/books/gegel02/ (Дата обращения 09.03.2022)

3) Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. https://www.civisbook.ru/files/File/Gobbs_Leviafan.pdf (Дата обращения 07.03.2022)

4) Деградация человеческого капитала https://infopedia.su/14x5e89.html (Дата обращения 03.03.2022)

5) Дудник С. Отчуждение в цифровом обществе // Вопросы философии. 2020. Т. № 3. С. 17–20.)

6) Жулего В.Г., Балякин А.А., Нурбина М.В., Тараненко С.Б. Цифровизация общества: новые вызовы в социальной сфере// Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2019. – № 9-2. – С. 36-43; URL: https://vaael.ru/ru/article/view?id=718 (Дата обращения 04.03.2022)

7) Зиновьев Д.М. Методологические возможности категории отчуждения в изучении психологии личности.

Портал психологических изданий PsyJournals.ru — https://psyjournals.ru/sgu_socialpsy/issue/30271_full.shtml (Дата обращения 10.03.2022)

8) Катасонов В. Цифровые финансы. Криптовалюты и электронная экономика. Свобода или концлагерь? – М.: Книжный мир, 2017. https://www.litmir.me/br/?b=655151&p=1 (Дата обращения 10.03.2022)

9) Кузнецов Н.В. Всеобщая цифровизация и социальные риски. https://cyberleninka.ru/article/n/vseobschaya-tsifrovizatsiya-i-sotsialnye-riski/viewer (Дата обращения 02.03.2022)

10) Локк Д. Два трактата о правлении. https://www.civisbook.ru/files/File/Lokk_Traktaty_2.pdf (Дата обращения 29.02.2022)

11) Маркс К. «Философско-экономические рукописи» http://5fan.ru/wievjob.php?id=63883 (Дата обращения 29.03.2022)

12) Маркузе Г. Одномерный человек. – М.: Гнозис, 1994. С. 15. Источник: http://5fan.ru/wievjob.php?id=63883 (Дата обращения 01.03.2022)

13) Минюшев Ф.И. Социальное отчуждение. Опыт нового прочтения. https://ecsocman.hse.ru/data/2011/09/02/1267440595/Minyushev.pdf (Дата обращения 03.03.2022)

14) Саймон Ф. Озеро данных и хранилище данных – в чем разница?

https://www.sas.com/ru_ru/insights/articles/data-management/data-lake-and-data-warehouse-know-the-difference.html (Дата обращения 07.03.2022)

15) Трапезников С. И. Отчуждение труда при социализме: причины, следствия, перспективы преодоления. http://www.dslib.net/econom-teoria/otchuzhdenie-truda-pri-socializme-prichiny-sledstvija-perspektivy-preodolenija.html (Дата обращения 07.03.2022)

16) Фейербах Л. Сущность христианства. https://filosoff.org/feuerbach/tvorchestvo/sushhnost-xristianstva/ (Дата обращения 01.03.2022)

17) Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. https://librebook.me/escape_from_freedom (Дата обращения 01.03.2022)

18) Фихте И.Г. Соч.: В 2 т. Сост. и примечания Владимира Волжского – СПб.: Мифрил, 1993, 687 с. Т. 2. Наукоучение в его общих чертах. https://pseudology.org/Psyhology/Fihte_Tom1a.pdf (Дата обращения 01.03.2022)

19) Фрейд З. «Я» и «Оно» https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/freyd/ya_ono.php (Дата обращения 02.03.2022)

20) Хайдеггер М. Бытие и время. http://yanko.lib.ru/books/philosoph/haydegger-butie_i_vremya-8l.pdf (Дата обращения 02.03.2022)

21) Цифровое отчуждение и другие сложности нового мира. XXII Апрельской конференции Высшей школы экономики. Круглый стол «Человек в эпоху технологических трансформаций». https://www.kommersant.ru/doc/4803098 (Дата обращения 28.02.2022)

22) Чехарин Е.Е. Большие данные: большие проблемы. https://cyberleninka.ru/article/n/bolshie-dannye-bolshie-problemy (Дата обращения 01.03.2022)

23) Электронное правительство как концепция государственного управления в информационном обществе. https://www.myunivercity.ru (Дата обращения 03.03.2022)

24) Электронное правительство как концепция государственного управления в информационном обществе. https://www.myuniversity.ru (Дата обращения 10.03.2022)

УДК 930.1+323.4

БОИ ЗА ИСТОРИЮ В РЕВОЛЮЦИОННОЙ РИТОРИКЕ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ (20-е годы XX века)

Мауль Виктор Яковлевич
доктор исторических наук, профессор филиала ФГБОУ ВО
«Тюменский индустриальный университет» в г. Нижневартовске, РФ
e-mail: VYMaul@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются бои за историю, развернувшиеся в 1920-е годы в советской историографии. Показано, что основным инструментом этой борьбы стала революционная риторика, подменившая собой поиск научных аргументов.

Ключевые слова: Бои за историю; советская идеология и пропаганда; революционная риторика; историки-марксисты; борьба с дореволюционным наследием в историографии; поиск врагов.

BATTLES FOR HISTORY IN REVOLUTIONARY RHETORIC SOVIET HISTORIANS (the 20s of the XX century)

Maul Victor Ya.
Doctor of Historical Sciences, Professor of history
Tyumen Industrial University, branch in Nizhnevartovsk
Russia, Nizhnevartovsk
e-mail: VYMaul@mail.ru

Abstract. The article examines the battles for history that unfolded in the 1920s in Soviet historiography. It is shown that the main tool of this struggle was revolutionary rhetoric, which replaced the search for scientific arguments.
Key words: Battles for history; Soviet ideology and propaganda; revolutionary rhetoric; Marxist historians; the struggle against the pre-revolutionary legacy in historiography; the search for enemies.

Бои за историю являются органичной частью историографического процесса, после эмоциональных бурь и сломанных перьев, в конце концов, обеспечивая его динамичным потенциалом для последующего взрывного роста. Симптомами разлада равновесного состояния механизмов саморегулирования обычно становятся разного рода эпистемологические кризисы, историографические революции, методологические повороты, смены парадигм и мн. др. Впрочем, время от времени дело осложняется волюнтаристским вмешательством факторов, внешних по отношению к собственным процедурам детерминации, как это было, например, с пресловутой западной советологией, нагнетавшей политическую истерию вокруг Советского Союза с целью демонизировать его прошлое и настоящее. В периодически возникающей турбулентной ситуации чрезвычайно важно, чтобы без всякой наносной ангажированности именно внутринаучные императивы обеспечивали появление у «ремесла историка» возможностей с наименьшими потерями пережить великие потрясения и выйти из них обновленным за счет создания более совершенных теоретических моделей и результативных эвристических практик.

С одним из самых серьезных и затяжных вызовов исторической науке пришлось столкнуться в первые десятилетия прошлого века, когда выявилась неспособность прежних позитивистских схем выработать адекватные познавательные приемы для объяснения быстро менявшейся объективной реальности: «Если мы сегодня постоянно слышим о кризисе исторической науки, – признавался Э. Трёльч, – то речь идет не столько об историческом исследовании ученых-специалистов, сколько о кризисе исторического

мышления людей вообще» [18, с. 10]. Показателем общественного разочарования от ожидавшегося, но не сбывшегося «мифа прогресса» стало рождение так называемого исторического релятивизма с его откровенной антиобъективистской проповедью. Никакого объективного значения факты истории не имеют, – утверждали релятивисты, – им его придают только историки. Следовательно, объективное познание прошлого невозможно в принципе [1, с. 474-480]. Исходные посылки релятивистов опирались на признание «прошлого продуктом настоящего», которое «рисовалось как проекция настоящего, как воображаемый образ, не имеющий независимой от исследователя опоры в реальности». По характерному выражению К. Беккера, «каждый человек сам себе историк» [14, с. 209, 210].

Ярким манифестом научного пессимизма в зарубежной историографии стало двухтомное сочинение О. Шпенглера «Закат Европы» (1918-1922), в котором авторская концепция подводила к выводу о неизбежности грядущего падении западного мира. Вызвавшие ажиотажный интерес, но не всем пришедшиеся по душе взгляды немецкого мыслителя, привлекли внимание и в стране победившего социализма, в связи с чем первый том историософской дилогии был переведен на русский язык. Но здесь «мудреная» теория не нашла отклика в сердцах апологетов нарождавшейся пролетарской культуры, устремленной в светлое будущее. На уровне их дискурсивного восприятия, философия О. Шпенглера – это «плоская идеалистическая мешанина, совершенно антинаучная претенциозно-мистическая галиматья. Научное мышление не имеет с ней никаких точек соприкосновения», и, главное, никаких признаков «увлечения им в среде рабочего класса … как будто бы нет», – с облегчением резюмировал один из тогдашних критиков [13, с. 182].

Но и после О. Шпенглера историческая наука в Европе и Америке еще долго и интенсивно продолжала искать смысл истории, совершая один за другим лингвистический, антропологический и другие методологические повороты, пытаясь понять, что такое история, каково ее социальное

предназначение и т.п., прежде чем сумела прийти к современному состоянию историописания [14, с. 206-241].

Принципиально иные результаты боев за историю в 1920-е гг. были получены только-только становившейся на ноги советской историографией. Общая ситуация усугублялась тем, что оказавшись в кольце враждебного окружения, СССР не мог рассчитывать на помощь извне и изыскивал собственные резервы для строительства социализма в одной отдельно взятой стране. Изменение мировой конфигурации фактически очертило изоляционное одиночество нашей исторической науки, хотя первое время ведущих советских историков еще продолжали приглашать на международные конгрессы и симпозиумы. В условиях противостояния коллективному Западу в качестве ориентира на вооружение был взят априорный тезис о превосходстве марксистско-ленинской методологии истории над помещичье-буржуазной гносеологией. По словам «обворожительного героя революции» М.Н. Покровского[10], «теперь, когда мы слышим со всех сторон улюлюкание в сторону марксизма, обостряющаяся классовая борьба дает себя чувствовать все больше и больше. Несомненно, нам предстоят бои, на нас надеются в этих боях» [11, с. 296].

Невероятная сложность административных, военных, социально-политических и народнохозяйственных проблем, вставших перед страной, актуализировала борьбу за умы населения. Их, по образному выражению того же М.Н. Покровского, требовалось «накачивать марксизмом» [11, с. 301] для правильного понимания текущей повестки и готовности к мобилизации трудовых ресурсов с целью великих свершений. Это была архиважная задача пропаганды всемирно-исторического дела революции и тотального торжества идей социализма. Внутри же советской России ее значимость еще более возрастала, так как помимо рядовых рабочих и крестьян даже многие будущие корифеи марксистской историографии испытывали в те годы

[10] «Обворожительным героем революции» М.Н. Покровского назвал А.В. Луначарский. См.: Народное просвещение. 1928. № 10. С. 8.

серьезный когнитивный диссонанс, подобно недавней выпускнице Казанского университета М.В. Нечкиной. Спустя десятки лет она превратится в правоверного академика АН СССР, но тогда, в 1922 г., в деловом дневнике записала достаточно крамольную мысль: «Боже, до чего убого в науке все то, что исходит от марксизма!» [9, с. 96]. Распространение такого негативного отношения в узком кругу старой и новой интеллигенции и, тем более, в широких трудящихся массах требовалось пресекать на корню. Для этого, в том числе, под закономерность победы Великого Октября надо было подвести мощный исторический фундамент. Для идеологической обработки «жаждущих марксистского кислорода» [11, с. 315] обывателей задействовались различные ресурсы пропагандистской машины большевиков. На одну из заглавных ролей среди них призвана была историческая наука, вместе со всей страной окончательно отринувшая духовные и материальные скрепы старого общества – мира насилия и разрухи.

Многочисленные примеры показывают, что в СССР бои за историю с самого начала приобрели ожесточенный и весьма далекий от научного содержания формат. Их обличительная тональность задавалась и поощрялась партийным руководством: «Разве трудно понять, – поучал И.В. Сталин, – что без непримиримой борьбы с буржуазными теориями на базе марксистско-ленинской теории невозможно добиться полной победы над классовыми врагами» [17, с. 142].

При катастрофической нехватке профессиональных историков-марксистов в 1920-е гг. вместо научных аргументов главным оружием в боях за историю стали идеологически выверенные лозунги, демагогия и ультрареволюционная риторика, политизировавшие аксиологические крайности и не допускавшие сомнений, полутонов и оттенков (кто не с нами, тот против нас). Недостаток исторических знаний легко компенсировался бесцеремонной напористостью и осознанием, что ты, а не он, вписываешься в официальный тренд, что за твоей, а не его, спиной стоит мощь

государственного принуждения. Не удивительно, что в научных и квазинаучных публикациях, равно как и в полемических речах возобладал язык вражды, лучше всего пригодный для конфронтационных стратегий и без проблем позволявший отвергать и/или искажать любые возражения оппонентов. Именно таким нонконформистским пафосом пропитаны слова пролетарского поэта:

Мало,
Приходя в воинственный азарт,
Пищать,
Широко раскрывая ротик;
Если ты
Не выступаешь
За,
Значит ты
Выступаешь против! [5, с. 51].

На передовой фронт идеологических боев с остатками контрреволюции и буржуазно-помещичьим наследием в историографии рекрутировались все мало-мальски подкованные историки, будь то политработники, ученые, преподаватели или же просто учащиеся общественно-научных факультетов. Последние, кстати, проявляли особое рвение, чтобы «дать яркими красками картину методологической (классовой) борьбы в среде профессуры» [5, с. 51]. Часть из их контингента, успев закалиться в горниле революции и гражданской войны, уверовала в свое безошибочное чутье на замаскировавшихся врагов. Таковым теперь могли посчитать любого человека, чье поведение или взгляды давали хоть малейший повод к сомнениям в каноническом марксизме-ленинизме. Деятелей подобного рода следовало выявлять и безжалостно избавляться от них, в том числе, в вузовской среде, ибо сопротивление «враждебных нам классов и их идеологических представителей – контрреволюционной интеллигенции

требует особой бдительности и развернутой борьбы на методологическом фронте во всех его звеньях» [5, с. 52].

С неподдельным революционным энтузиазмом еще неоперившаяся в профессиональном отношении молодежь вместо учебных занятий с головой окунулась в яростную борьбу со скрытыми «вредителями» в профессорско-преподавательских рядах – биологами, медиками, анатомами, историками, юристами, математиками, да и с представителями прочих областей знания, ибо «все науки являются, если хотите, классовыми науками» [12, с. 4]. Например, благодаря упорству гонителей, подверглись травле и лишились работы профессора Саратовского университета В.А. Павлов, Н.М. Какушкин, Н.Г. Стадницкий, В.В. Голубев, В.Н. Охоцимский и мн. др., объявленные неблагонадежным элементом: «Органическая ненависть к диалектическому материализму, – сообщали студенты, – ярко выраженная идеалистическая методология, часто скрывающаяся под маской ”научного объективизма”, ”аполитичности”, ”беспартийности”, скрытое или явное сопротивление реконструкции вузовской жизни – вот их лицо» [4, с. 31]. Опасаясь, что «враги народа» за лекторской кафедрой «внушали вредные мысли студенчеству» [4, с. 30], чем наносили ущерб неокрепшему пролетарскому сознанию, авторы подобных надуманных пасквилей заключали: «мы были бы очень неприятно удивлены, если в числе профессоров Саратовского гос. университета» остались бы названные имена [4, с. 34].

От вышеупомянутых «светочей», по сведениям разоблачителей, ничем не отличался преподававший в университете известный историк П.Г. Любомиров, которому приписывали «органическое отвращение не только к социалистическому строительству сегодняшнего дня, но и ко всякого рода революционным идеям вообще» [8, с. 52]. Из столь категоричной характеристики вытекал и вывод о научном вкладе ученого: «Бесхребетный интеллигент делает глубокий реверанс в сторону царизма» [4, с. 31]. Его коллегу литературоведа В.Я. Каплинского также уличали в том, что он «предпочел мимикрироваться, швыряться марксистскими фразами, из-за

которых все же торчат, оттопыриваются уши беспринципного эклектика, пошлого вульгаризатора марксистско-ленинской критики» [5, с. 50].

Наибольший вклад в победу марксистского монополизма в советской исторической науке внес М.Н. Покровский в ходе «марксистской охоты» на «крупнейших ”зверей”, которые попадались Михаилу Николаевичу» [6, с. 12]. Не без помощи верных соратников ему удалось максимально четко сформулировать концептуальные догмы о взаимосвязи изучения прошлого с политической конъюнктурой [16]. История, – утверждал он, – «не есть самодовлеющая задача, история – величайшее орудие политической борьбы; другого смысла история не имеет» [2, с. 106]. Эту ключевую для себя мысль М.Н. Покровский неоднократно повторял в многочисленных публикациях и выступлениях: «История это есть политика прошлого, без которой нельзя понять политику настоящего», – заявил он на торжественном заседании, посвященном открытию Института истории при Комакадемии [11, с. 360]. И не переставал разъяснять, что борьба «на историческом фронте» – «есть борьба за генеральную линию партии» [2, с. 106].

Эпигонские рассуждения учеников «профессора с пикой»[11] мгновенно растиражировали эту достаточно спорную и, как показало время, губительную для исторической науки теоретическую установку. Так, начинающий историк Г.Е. Меерсон, обличая бывших членов Саратовской ученой архивной комиссии, писал: «Историческая наука, действенное орудие классовой борьбы, – сугубо политическая, сугубо партийная наука» [7, с. 35]. В унисон рассуждал будущий историограф Н.Л. Рубинштейн, который словно подытоживал доминирующее мнение признанием, что историческая теория всегда покорно следует за политикой [15, с. 106]. Перечень высказываний можно множить до бесконечности, а вывод из них предполагался только один: поскольку научную историографию «можно построить, как и научную историю, только на классовом принципе» [15, с. 6],

[11] «Профессором с пикой» Н.И. Бухарин назвал М.Н. Покровского в статье в честь его 60-летнего юбилея. См.: Правда. 1928. 25 октября. № 249

постольку вполне «последовательный, честный историк не может не быть марксистом» [6, с. 10].

Убежденные сторонники классовой точки зрения с пылким азартом требовали от научно-педагогических работников доказывания полной лояльности и глубокой преданности единственно верному учению. Не согласные с безгрешностью марксистских аксиом однозначно причислялись к тем классовым врагам, что искусно маскировались «в свободных складках ученой тоги жреца ”чистой науки”» [7, с. 35]. Впрочем, обмануть бдительную революционную интуицию им было не суждено. По признанию «рупора масс» М.Н. Покровского, «у нас развилась большая историческая чуткость и большой политический нюх, так что по книжке, по печатной строке или по докладу с трибуны мы сразу разбираем, наш это человек или не наш, враг или друг» [11, с. 371]. И весьма прозрачно намекал на ожидавшую их судьбу: «их уже разоблачаем не мы, а другие учреждения, которые этим ведают. Это в высокой степени знаменательное событие, товарищи», – говорил он на общем собрании историков-марксистов [11, с. 371].

Публичная поддержка пролетарскими учеными таких опасных прецедентов по факту обернулась трагедией советской исторической науки: «дело саратовских доцентов», «академическое дело», разгром славяноведов и другие дела, сфабрикованные ОГПУ/НКВД при активной поддержке снизу, нанесли советской историографии невосполнимые урон. По понятным причинам экзекуционные методы никак не могли повысить научный потенциал исследовательских работ, лишь помогая утверждению монистического взгляда на историю. Горький урок заключался еще и в том, что приветствуя третейскую роль силовых ведомств в боях за историю, активные борцы за торжество марксистско-ленинского историзма зашли не с того конца. За немногими исключениями способные лишь на подмену научных доводов броской революционной фразой, ритуальными ссылками на классиков и навешивание ярлыков, они договорились до признания

критерием объективности соответствие исторических концепций генеральной линии партии. Стремясь к самоочищению рядов от существовавшей в их воображении «пятой колонны», они объективно раскручивали маховик репрессий, не способный остановиться самостоятельно. Логично, что вслед за первыми жертвами по тому же скорбному пути вскоре последовали практически все упоминавшиеся выше разоблачители. Теперь уже не они других, а их самих объявили «оголтелой бандой врагов ленинизма», которая «долго и безнаказанно проводила вредительскую работу в области истории» [10, с. 5]. Потому и финал разгоревшихся в 1920-е годы боев за историю оказался единственно возможным и закономерным: Г.Е. Меерсон был расстрелян, Г.З. Минкин пять лет провел в лагерях, Н.Л. Рубинштейн – обвинен в космополитизме и уволен, физическому и идейному разгрому подверглась «так называемая» школа М.Н. Покровского, хотя сам он чудом успел вовремя умереть, находясь на вершине славы, будучи с почетом похоронен у кремлевской стены [3]. Своевременная кончина уберегла М.Н. Покровского от личного знакомства с вескими аргументами «других учреждений», однако, не избавило каждую страницу его научного наследия от уничтожающей критики бывших коллег-единомышленников. Ранее певшие осанну его научному гению, спустя несколько лет они без всякого смущения стали утверждать, что «точка зрения Покровского на историю ничего общего не имеет с марксизмом-ленинизмом», более того, она была антиленинской. И что все эти тревожные для революции годы около него «ютилась и под его руководством на историческом фронте подвизалась целая группа врагов народа» [19, с. 10, 13, 24], которых тоже ждали расстрельные и лагерные приговоры.

В качестве итогов заметим, что сотворенное руками первых историков-марксистов изгнание научного духа из исторической науки на десятилетия законсервировало набор дозволенных подходов к изучению прошлого. В безальтернативной ситуации многие историки превратились в послушное

орудие советской пропагандистской машины со всеми вытекающими отсюда последствиями. В массовом же сознании историческая наука, привыкшая мыслить марксистскими шаблонами, утратила былой общественный авторитет.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1) Арон Р. Избранное: Введение в философию истории. – М.: Per Se; СПб.: Университетская книга, 2000. 543 с.

2) Артизов А.Н. Критика М.Н. Покровского и его школы (К истории вопроса) // История СССР. 1991. № 1. С. 102-120.

3) Артизов А.Н. Судьбы историков школы М.Н. Покровского (середина 1930-х годов) // Вопросы истории. 1994. № 7. С. 34-48.

4) Буш В., Гольдберг М. За или против! (за марксистско-ленинскую методологию в стенах университета) // На культурном фронте. 1931. № 5-6. С. 29-34.

5) Буш В. За или против! (за ленинскую методологию в стенах ВУЗа) // На культурном фронте. 1931. № 9-11. С. 49-53.

6) Луначарский А.В. К юбилею М.Н. Покровского // Вестник Коммунистической академии. 1928. № 5 (29). С. 9-12.

7) Меерсон Г.Е. Люди «свободной чистой науки» с феодально-монархическим паспортом // На культурном фронте. 1931. № 5-6. С. 35-38.

8) Минкин Г.З. Огонь по проповедникам помещичье-буржуазных взглядов в исторической науке // На культурном фронте. 1931. № 15-19. С. 50-52.

9) «Очень много дел…» Из «деловых дневников» 1922-1923 гг. академика М.В. Нечкиной // Отечественные архивы. 2004. № 6. С. 91-124.

10) Панкратова А.М. Развитие исторических взглядов М.Н. Покровского // Против исторической концепции М.Н. Покровского – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. С. 5-69.

11) Покровский М.Н. Историческая наука и борьба классов: Историографические очерки, критические статьи и заметки. Т. 2. – М.: Либроком, 2012. – 448 с.

12) Покровский М.Н. Общественные науки в СССР за 10 лет (Доклад на конференции марксистско-ленинских учреждений 22 марта 1928 г.) // Вестник Коммунистической академии. 1928. № 2 (26). С. 3-30.

13) Пятаков Г. Философия современного империализма. (Этюд о Шпенглере) // Красная новь. 1922. № 3. С. 182-197.

14) Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания. – М.: Дрофа, 2004. – 288 с.

15) Русская историческая литература в классовом освещении. Т. 1. – М.: Изд-во Комакадемии, 1927. – 424 с.

16) Соколов В.Ю. История и политика (К вопросу о содержании и характере дискуссий советских историков 1920-х – начала 1930-х гг.). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. – 203 с.

17) Сталин И.В. К вопросам аграрной политики в СССР: Речь на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г. // Сталин И.В. Сочинения. Т. 12. – М.: Госполитиздат, 1949. С. 141-172.

18) Трёльч Э. Историзм и его проблемы. – М.: Юрист, 1994. – 719 с.

19) Ярославский Е.М. Антимарксистские извращения и вульгаризаторство так называемой «школы» Покровского // Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 5-24.

УДК 94(581), 94(47).084.9, 624.195, 355.48, 355.451

ПОБЕДА СОВЕТСКОЙ НАУКИ И ТЕХНИКИ В ГОРАХ ГИНДУКУША

Прямицын Владимир Николаевич
доктор исторических наук, заместитель начальника отдела,
Научно-исследовательский институт военной истории Военной академии
Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации,
Россия, Москва
e-mail: priamitzynvn@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена истории строительства тоннеля на перевале Саланг в горах Гиндукуш. В сложных геологических и климатических условиях советские инженеры выполнили то, за что что не брались специалисты из других стран, соединив дорогой север и юг Афганистана.
Ключевые слова: Афганистан; Гиндукуш; Саланг; тоннель.

THE VICTORY OF SOVIET SCIENCE AND TECHNOLOGY IN THE HINDU KUSH MOUNTAINS

Pryamitsyn Vladimir Nikolaevich
Doctor of Historical Sciences, Deputy Head of the Department,
Research Institute of Military History of the Military Academy of the General Staff
of the Armed Forces of the Russian Federation, Russia, Moscow
e-mail: priamitzynvn@mail.ru

Annotation. The article is devoted to the history of the tunnel construction at the Salang Pass in the Hindu Kush Mountains. In difficult geological and climatic conditions, Soviet engineers performed what experts from other countries did not undertake, connecting the north and south of Afghanistan by road.
Keywords: Afghanistan; Hindu Kush; Salang; tunnel.

В конце 1950-х годов руководство Афганистана обратилось за военной и экономической помощью к СССР. Москва активно откликнулась на просьбы, увидев в этом возможность продемонстрировать странам «третьего мира» привлекательность и преимущества дружбы с социалистическим лагерем [1, с. 21]. Сотрудничество двух государств развивалось по нескольким направлениям. Среди них одним из приоритетных стало развитие инфраструктуры. Масштабная строительная деятельность потребовала надежного дорожного сообщения СССР с Афганистаном [2, с. 3].

Наиболее амбициозной задачей, было налаживание устойчивого автомобильного сообщения через хребты Гиндукуша с его высокогорным перевалом Саланг [3, с. 10]. Ранее Афганистан уже обращался по этому вопросу к инженерам из США, Италии, Германии и других стран. Но их услуги стоили очень дорого. Кроме того, проведя предварительные изыскания, они отказывались браться за дело, считая его невыполнимым. Тогда король Захир-Шах обратился за помощью в СССР [4, с. 3].

В 1960 году в Афганистан была направлена группа специалистов московского Метростроя под руководством опытного горняка-тоннельщика В.К. Федорова. Им предстояло проложить тоннель в скальной породе Гиндукуша, который бы сомкнул подъездные дороги к высокогорному перевалу Саланг и обеспечил надежную автомобильную связь севера и юга Афганистана. Было принято решение строить тоннель с двух сторон. Вход со стороны Кабула получил наименование южный портал, а со стороны СССР – северный портал. Главным инженером северного портала был назначен В.П. Иванников, южного – Г.В. Овчаренко [2, с. 3].

Началу работ предшествовала существенная подготовка. Во-первых, специалистами Тбилисского метропроекта была изучена геология местности и подготовлен проект строительства. Как позже выяснилось, эта работа была проведена недостаточно качественно. Ось тоннеля была проложена через породы с разной степенью твердости, что потребовало на обширных участках организации подкрепления сводов бетоном. Зато, выбранный

вершинный вариант делал тоннель насколько это возможно коротким, а его строительство – относительно быстрым и дешевым [4, с. 3].

Во-вторых, в районе северного портала был возведен поселок тоннелепроходчиков Душак. В нем разместился штаб строительства, инженерные подразделения и жилой городок. В районе южного портала разбили палатки и поставили вагончики для советских строителей. К обоим объектам были доставлены афганские рабочие и солдаты.

В-третьих, между намеченными местами входа в скалу северного и южного порталов была проложена техническая дорога, так называемая «пионерка». Она была необходима для сообщения между двумя объектами одной стройки. Именно по ней на высоту 5600 м доставлялась аппаратура для бурения скважин. В числе первых по «пионерке» проехал король Афганистана Захир-Шах, проявлявший значительный интерес к работе советских метростроевцев. Ей, еще до открытия тоннеля уже активно пользовались афганские автомобилисты [5, с. 98].

В-четвертых, была создана локальная геодезическая сеть. Проведя расчеты и заложив на высоте 3000 м полигонометрические знаки, советские инженеры провели полигонометрические ходы по крутым склонам до высоты 5600 м. Так были увязаны координаты и высоты южного и северного порталов, рассчитана ось будущего тоннеля. Примечательно, что на склонах и перевале в изобилии встречались геодезические знаки и отметки, сделанные ранее немецкими и французскими инженерами, проводившими изыскания, но не решившимися на строительство.

Работы велись одновременно с двух сторон буровзрывным способом. Согласно проекту, строительство на северном портале началось сразу в полный профиль. Метростроевцы приступили к проходке в твердой гранитной породе тоннеля сечением 71 м^2 с одновременной бетонной отделкой сводов с использованием металлической передвижной опалубки. При этом им удавалось поддерживать рекордную по тем временам скорость проходки – до 95 погонных метров в месяц. На южном портале трасса

тоннеля проходила в трещиноватых и обводненных породах. В связи с этим сначала бурили штольни, которые впоследствии расширялись [2, с. 3].

Не только сложные геологические, но и сложные погодные условия затрудняли проходку тоннеля. Работа осложнялась сильными ветрами. Обильные снегопады формировали снежный покров толщиной в несколько метров, создавали опасность схода лавин. Инженеры и строители трудились в условиях холодов, нехватки кислорода и высокой солнечной радиации. Частыми были простуды и другие заболевания [4, с. 3].

Формально советские специалисты являлись консультантами, и должны были лишь обучать афганских коллег. Начальниками порталов являлись командиры афганских полков, выделенных на строительство. На практике советские инженеры сами выполняли все ответственные и опасные работы. Из-за так называемых «недовзрывов», когда остатки породы не позволяли продвинуть опалубку вглубь тоннеля, до 650 метров его глубины могли оставаться безо всякого подкрепления. Были и несчастные случаи технологического характера. Так, при проведении взрывных работ вместе с несколькими афганцами погиб инженер-взрывник Н. Урдин. Когда о трагедии узнал Захир-Шах, он от себя лично передал соболезнование семье советского строителя [2, с. 3].

2 сентября 1964 г. тоннель и примыкающие к нему инженерные сооружения были приняты в эксплуатацию. За успешное и своевременное выполнение этой сложной задачи большая группа метростроевцев была награждена советскими и афганскими орденами, которые вручали председатель Совета министров СССР А.Н. Косыгин и король Афганистана Захир-Шах. Покидая Афганистан, советские метростроевцы оставили этой стране всю инженерную технику. Но они увезли с собой бесценный опыт. Методом проб и ошибок за 4 года строительства Саланга было предложено и внедрено 12 рационализаторских предложений. Советские газеты не скупились на эпитеты. Особо подчеркивалось, что СССР не только оказал

Афганистану техническую помощь, но и помог обучить многочисленные кадры дорожников и автотранспортников [6, с. 25].

Для того, чтобы оценить величие достижения советских строителей, необходимо рассмотреть физико-географические условия этой высокогорной и труднодоступной местности. Горная система Гиндукуш имеет абсолютные высоты 2500–4000 м. Гребни ее хребтов узкие, зубчатые с остроконечными вершинами. Они имеют склоны крутизной 20–40º. Вершины и гребни хребтов покрыты вечными снегами и льдами.

В районе перевала находились 2 из 26 метеорологических станций Афганистана: Южный и Северный Саланг. Обе были открыты во время строительства тоннеля в 1962 году [7, с. 2]. Благодаря рядам наблюдений этих станций стало возможным установить климатические особенности перевала. Выяснилось, что зима здесь длится с ноября по апрель. Она сопровождается низкими температурами, до –25°С. Весна – с апреля по май. Лето начинается в мае, а заканчивается в сентябре. Лето холодное – днем +10+15°С, а по ночам заморозки. Осень приходится на сентябрь и октябрь. Уже осенью начинаются снегопады и сильные ветра. Ветра на Саланге преимущественно восточные и северо-западные [8, с. 95].

Необходимо отметить крайнюю изменчивость погоды с высотой. Перевал Саланг это не только тоннель в его верхней части, но и подъездные пути с севера и юга общей протяженностью около 100 км. Если у тоннеля летом отмечалась температура +15°С, то в нижней части перевала она могла составлять +35+40°С [9, с. 57].

Автомобильная дорога и тоннель на перевале Саланг являются сложными инженерными сооружениями, выполненными советскими строителями в тяжелых физико-географических условиях, притом, что специалисты из других государств оказались на это не способны с технической точки зрения. Их создание позволило Афганистану соединить север и юг страны надежным сообщением. Оно стало выдающимся

достижением советских науки и техники и ярким символом советско-афганской дружбы.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1) Война в Афганистане. – М.: Воениздат, 1991. – 367 с.

2) Соловьев В.А. Был в нашей жизни «Саланг» // Метростроевец №1 (13027), 11 января 2002 г. С. 3, 4.

3) Суходольский В. Перевал Саланг // За рулем. 1986. № 2. С. 10.

4) Волков В.В. Был в нашей жизни Саланг // Метростроевец № 5 (13415), 12 февраля 2010 г. С. 3, 4.

5) Слинкин М.Ф. Афганские встречи и беседы. – М.: МБА, 2019. – 228 с.

6) Дорога дружбы // «За рулём» № 11, 1964. С. 25.

7) Распределение гроз на территории Афганистана. – М.: ГАМС ВВС, 1967. – 9 с.

8) Авиационно-климатическая характеристика Среднего Востока. – М.: Воениздат, 1977. – 110 с.

9) Ловеров И.А. Особенности дорожного обеспечения советских войск на территории Афганистана. 1980–1982 гг. // Военно-исторический журнал. 2008. № 7. С. 56–60.

УДК 93(47)

1961 – ГОД НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Кузнецов Алексей Андреевич

кандидат исторических наук, заместитель начальника отдела, Научно-исследовательский институт военной истории Военной академии Генерального штаба ВС РФ, советник РАРАН, Россия, Москва

e-mail: onfp@yandex.ru

Аннотация. В докладе отражены ключевые события в области военных и космических технологий, которые произошли в 1961 г. К таковым отнесены: перехват ракеты, полёт человека в космос, принятие на вооружение ракеты Р-16, испытание самого мощного ядерного боеприпаса.

Ключевые слова: 1961 год; противоракетная оборона; межконтинентальная баллистическая ракета; ядерная бомба; полёт человека в космос; научно-техническая революция.

1961 – THE YEAR OF THE SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL REVOLUTION

Kuznetsov Aleksey A.

PhD in Historical Sciences, Deputy Head of Department, Military Academy of the General Staff (Research Institute of Military History) Russian Armed Forces, Adviser of the Russian Academy of Rocket and Artillery Sciences, Russia, Moscow

e-mail: onfp@yandex.ru

Abstract. The report reflects key developments in military and space technology that took place in 1961. These include: the interception of a rocket, the flight of a man into space, the adoption of the R-16 rocket, the testing of the most powerful nuclear weapon.

Keywords. 1961; missile defense; intercontinental ballistic missile; nuclear bomb; human flight into space; scientific and technological revolution.

Период советской эпохи, когда у власти находился Н.С. Хрущев, достаточно неоднозначен. Историки дают различные оценки этого периода. Однако в это было время был совершён существенный технологический прорыв.

Отдельное место в этом периоде занимает 1961 г. Именно тогда произошло несколько событий, каждое из которых можно охарактеризовать элементом научно-технической революции.

Успешный перехват баллистической ракеты

4 марта 1961 г. мишень, разогнанная до скорости 3 км в секунду, была поражена противоракетой на высоте 25 км. По соображениям секретности данный факт не нашел отражения в заявлениях и прессе.

Чтобы достичь заданного результата перед разработчиками системы противоракетной обороны (ПРО) стояло несколько задач, которые предстояло решать впервые: обнаружение боеголовок баллистических ракет (БР); построение модели их траекторий; наведение на движущуюся цель средств перехвата; поражение боеголовки в автоматическом режиме.

Для этого была создана испытательная инфраструктура: радиолокаторы обнаружения и точного наведения; радиорелейные линии связи; главный командно-вычислительный пункт; стартовые позиции противоракет, станция их визирования и передачи команд.

Принцип работы системы ПРО выглядел так: первый радиолокатор обнаруживал объект перехвата, брал его на сопровождение, определял координаты и передавал их на центральную вычислительную станцию для проведения расчетов. Определив траекторию полета БР, они передавалась на три радиолокатора наведения, которые брали цель на сопровождение по угловым координатам и дальности. Уточненные данные вновь пересылались на вычислительную станцию, которая более точно определяла траекторию перехватываемого объекта. По этим данным рассчитывался полет противоракеты и определялся момент пуска. После старта перехватчик брался на сопровождение и при помощи автоматических вычислений

выдавал более точные указания для приближения к цели, а затем и команду на подрыв боевой части. В комплексе использовался осколочный боеприпас, содержащий 15 тыс. поражающих элементов.

При разработке центральной вычислительной станции была создана самая быстродействующая на тот момент электронно-вычислительные машины М-40 и М-50. Машина позволяла выполнять до 50 тысяч операций в секунду, управляя разнесенными в пространстве объектами.

Радиолокационная станция дальнего обнаружения позволяла обнаруживать БР на расстоянии до 1200 км. Были разработаны новые технологии: пусковых установок для противоракет; радиолокационных станций наведения перехватчиков; системы передачи данных; перехватчика со скоростью в 1000 м/сек. Была применена двухступенчатая конструкция противоракеты: разгонный блок – твердотопливный, боевой – жидкостной. Противоракета разработана с учетом возможности изменения скорости, маневрирования и управления этими процессами [6].

Полёт человека в космос

Перехват противоракеты остался в тени другого, более публичного события – первого полёта человека в космос. Осуществил его 12 апреля 1961 г. Ю.А. Гагарин на космическом корабле «Восток». Полёт длился 108 минут [4, с. 6].

Ракету разрабатывал коллектив под руководством С.П. Королёва. Её основу составила первая межконтинентальная баллистическая ракета (МБР) Р-7. Вместе с боевыми возможностями изделие рассматривалось в качестве средства освоения космического пространства. Ракеты семейства Р-7 и сейчас составляют основу отечественной космонавтики.

Значение события можно оценить по международной реакции. Президент США Дж. Кеннеди написал Н.С. Хрущеву: «я выражаю искреннее пожелание, чтобы в дальнейшем стремлении к познанию космоса наши страны могли работать вместе» [7, л. 65]. После полёта Ю.А. Гагарин

посетил почти 30 стран мира. Встречался с руководителями государств и королевой Великобритании [9].

Вслед за этим 6–7 августа 1961 г. на космическом корабле «Восток-2» Г.С. Титов осуществил первый суточный полёт.

Ракета особой государственной важности

Больших успехов удавалось добиться в сфере разработки МБР. 20 октября 1961 г. была принята на вооружение ракета Р-16 с дальностью полёта больше 10 км. Создание изделия считалось «задачей особой государственной важности» [2, л. 96–98].

МБР имела два типа пусковых установок. Первая – наземного базирования «Шексна-Н» производила пуск со стартового стола. Во втором случае ракету Р-16 размещали в шахтной пусковой установке «Шексна». От возможного нападения её оберегала защитная крышка. Ракета поднималась из шахты за счет маршевых двигателей. Пусковая установка была сконструирована так, что исходящие от них факелы отводились через зазор между специальным «стаканом» и шахтой.

В изделии были и другие технологии, примененные впервые. До этого в СССР не производились ракеты на высококипящих компонентах топлива с автономной системой управления.

«Кузькина мать» стала «Царь-бомбой»

Выступая 17 октября 1961 г. на XXII Съезде КПСС, советский лидер заявил, что «в конце октября… вероятно, взорвем бомбу в 50 миллионов тонн тротила». Тем самым испытывалось «устройство для взрыва 100-миллионной бомбы», Н.С. Хрущев сообщил, что применять таковое пока не будут, иначе «можем окна у себя повыбивать» [1, с. 55].

Боеприпас получился громоздкий, и собирали его на железнодорожных путях. Большие габариты не позволили смонтировать её в цехах [3, с. 112].

Для испытания пришлось переоборудовать стратегический бомбардировщик Ту-95, добавив в его конструкцию устройство для подъема

и крепления изделия весом более 20 тонн [3, с. 112]. В самолёте пришлось заменить даже крылья и фюзеляж. В результате получилось новое изделие.

Мощность воздушного взрыва на высоте 4 тыс. км могла повредить самолёт-носитель. Для предотвращения этого разработана система замедления спуска боезаряда, состоящая из шести последовательно открывающихся парашютов [8]. Чтобы избежать нагрузок, которые вызовут взрыв и силовой удар, бомбардировщик покрасили в белый цвет [3, с. 113]. Была изготовлена автоматика подрыва и нейтронного инициирования [10, с. 190].

Бомба, оснащенная термоядерным боезарядом «602», была сброшена с высоты 10500 м. После подрыва боеприпаса образовалась «световая вспышка», которая «была видна на тысячекилометровом удалении». Затем образовалось облако высотой до 67 км и диаметром верхнего яруса 95 км. С самолётов облако взрыва было видно на расстоянии до 800 км. Ионизирующие излучение заблокировало радиосвязь на сотни км от места испытания на 40 минут. Сейсмическая волна обогнула земной шар трижды [8].

Для получения показателей автоматики бомбы и характеристик ядерного взрыва к испытаниям привлекались две летающие лаборатории и наземная аппаратура полигона Новая Земля [3, с. 115–116].

Разработчики бомбы много внимания уделили снижению уровня выпадения радиационных осадков. Как отмечалось, взрыв получился достаточно «чистым».

Всему миру была продемонстрирована научная и техническая мощь советских вооруженных сил и военной промышленности. 30 октября 1961 г. было проведено последнее сверхмощное ядерное испытание. После этого подобные эксперименты не проводил как Советский Союз, так и США.

В то же время на государственном уровне была провозглашена целевая установка на научно-техническую революцию. Это произошло во время XXII Съезда КПСС, прошедшего 17–31 октября 1961 г. С этой поры термин

«научно-техническая революция» находит всё большее применение в литературе и прессе [9. с. 79].

Демонстрация достижений в области вооружений и освоении космоса, оказала влияние на формирование престижа Советского Союза. Становится привлекательной профессия инженера. Заложенный в 1961 г. научно-технический задел позволил осуществить дальнейшее развитие вооружения и военной техники.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1) XXII Съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17–31 октября 1961 года. Стенографический отчет. Т. 1. – М., 1962. – 608 с.

2) Архив Президента Российской Федерации. Ф. 3. Оп. 47. Д. 233.

3) Губарев В.С. Супербомба для супердержавы. Тайны создания термоядерного оружия. – М., 2013.

4) Дело о рекордах первого космического полёта гражданина СССР Юрия Алексеевича Гагарина на космическом спутнике-корабле «Восток» 12 апреля 1961 г. 10 с.

5) Интеллигенция и интеллектуалы – такие разные… и похожие: проблемы самоопределения и деятельности в XX – начале XXI века: коллективная монография. – Иваново. 2016. – 200 с.

6) Кузнецов А.А., Захаров В.В. «В космосе в муху попасть». К 60-летию первого перехвата баллистической ракеты. URL: http://www.guraran.ru (дата обращения: 1.02.2022).

7) Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 3. Оп. 47. Д. 299.

8) Самая мощная водородная бомба. URL: http://www.biblioatom.ru (дата обращения: 28.10.2021).

9) Тысячи лондонцев встречали Ю. Гагарина // Известия. 1961. 11 июля.

10) Харитон Ю. Б., Бриш А. А. Ядерное вооружение // Вооружение России. Т. 1. – М., 2010.

УДК 316.422.44

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС И ЕГО РОЛЬ В РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВА

Железнякова Марина Алексеевна

преподаватель экономических дисциплин,

Областное бюджетное профессиональное образовательное учреждение

«Курский государственный техникум технологий и сервиса»,

Россия, Курск

e-mail: m.marina.81@mail.ru

Аннотация. Развитие науки и техники в XX столетии породили невиданную революцию, в результате которой наука стала решающей частью технологий. В статье рассматриваются тенденции развития науки и техники, как одного из основных факторов развития научно-технической революции. Проанализированы преимущества и недостатки отечественной науки в период существования СССР. Особое внимание уделено научно-технической революции, которая способствовала развитию производительных сил общества на основе коренных сдвигов в научных знаниях.

Ключевые слова: Наука, техника, научно-техническая революция, производственные силы, переворот, цивилизация.

SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL PROGRESS AND ITS ROLE IN THE DEVELOPMENT OF SOCIETY

Zheleznyakova Marina A.

teacher of economic disciplines, Regional Budgetary Professional Educational Institution "Kursk State College of Technology and Service", Russia, Kursk

e-mail: m.marina.81@mail.ru

Annotation. The development of science and technology in the XX century gave rise to an unprecedented revolution, as a result of which science became a crucial part of technology. The article examines the trends in the development of science and technology as one of the main factors in the development of the scientific and technological revolution. The advantages and disadvantages of domestic science during the existence of the USSR are analyzed. Special attention is paid to the scientific and technological revolution, which contributes to the development of the productive forces of society on the basis of fundamental shifts in scientific knowledge.

Keywords. Science, technology, scientific and technical revolution, production forces, revolution, civilization.

Достижения современной техники базируются на фундаментальных научных открытиях и исследованиях. Очевидно, что понятия «наука» и «техника» связаны между собой. Но в чем проявляется эта связь? Как правило, наука и техника всегда существовали и существуют в конкретных культурных, экономических, социальных условиях. Однако, следует отметить, что социокультурный контекст способствует определенному уровню развития науки и техники. Более того, наука и техника не восприимчива к социокультурным отличиям.

Неотъемлемой частью культуры разных народов – научные знания и технические артефакты, что подразумевает под собой единство и всеобщий характер науки и техники.

Наше поколение является современниками и свидетелями разнообразных изобретений, открытий, которые вносят и еще внесут много изменений в материальную, социальную, культурную и духовную жизнь человечества.

Человеческая культура, психология и сознание людей во многом зависит от техники. Характерной особенностью развития нынешнего этапа общества является взаимодействие науки, техники и производства [1, с. 95].

Одним из основных факторов научно-технической революции является взаимосвязь науки и техники, что напрямую влияет на развитие научно-

технического прогресса. Однако, хочется обратить внимание на тот факт, что 60–70% всех научных разработок в производство вообще никогда не внедряется, т.е. научно-исследовательский процесс охватывает значительно больший объем знаний, чем та его часть, которая является выходом научно-технического прогресса в практику.

Научно-технический прогресс – это непрерывный и сложный процесс открытия и использования новых знаний и достижений в хозяйственной жизни. Благодаря ему происходит развитие и совершенствование всех элементов производительных сил. Быстрый скачок в сближении научно-технического процесса произошел в период промышленной революции. Именно с этого момента и началось превращение науки в непосредственную производительную силу, который продолжался около полутора веков и завершился в середине 50-х годов XX века развертыванием научно-технической революции [3, с. 637].

Скачок в науке и культуре СССР, который произошел за период существования этого государства, сложно переоценить. В то же время организационная сторона отечественной науки имела свои недостатки:

ориентированность мощного научного комплекса преимущественно на реализацию программ по обороне, наращиванию военной мощи государства;

отсутствие технологий двойных стандартов, которые позволили бы использовать достижения оборонной промышленности в гражданских производственных отраслях;

децентрализация научного сообщества, разобщенность;

приоритет крупных специализированных научных учреждений в отраслевых секторах науки, которые требовали использования огромного количества ресурсов;

несоответствие финансирования научно-исследовательских институтов народно-хозяйственным потребностям в научно-технических разработках;

государственная форма собственности научно-исследовательских учреждений;

изолированность от мирового научного сообщества [2, с. 401].

Периодом упадка советской науки принято считать конец 80-х годов. С момента принятия ЦК КПСС постановления о переводе научно-исследовательских институтов на самостоятельное финансирование, которое было принято в 1987 году, начался кризис. Любые труды ученых признавались продуктом интеллектуальной деятельности и оплачивались, как и любой другой товар. Научное сообщество перешло к оплате научно-технической продукции на договорных основаниях, при этом никакой поддержки со стороны государства не было. Радикального обновления требовало оборудование, помещения, кадровый потенциал. В последние годы существования СССР эксперты отмечали, что состояние технологического базиса народно-хозяйственных отраслей значительно уступало западным странам.

Изобретение и внедрение в производство принципиально новых научно-технических разработок приводят к существенным изменениям в трудовом процессе, предусматривают расширение производительных возможностей человечества. Поэтому в данном случае речь идет о научно-технической революции, которая является качественным скачком в развитии производительных сил общества на основе коренных сдвигов в научных знаниях. Такие перевороты в науке, технике и производстве происходят регулярно. Научно-техническая революция открыла новые способы и методы управления высокопроизводительными многоотраслевыми технологическими системами. Все эти и другие процессы требуют существенных изменений в условиях жизни и труда человека. Освоение более сложных профессий возможно только для людей с достаточным образовательным, профессиональным (экономическим) и культурным уровнем [3, с. 639]. Прогресс – движение вперёд к более совершенному состоянию; изменение к лучшему. Но всегда ли так бывает?! В настоящее время общий, а особенно научно-технический прогресс, достиг такого высокого уровня, что, например, энергетика, электроэнергетика и

промышленность оказывают весьма существенное и далеко не положительное влияние на биосферу и окружающую среду из-за несоизмеримости мощностей в созданных человеком системах и глобальных процессов в природе [4]. Как отмечают многие исследователи, характерной чертой нынешнего этапа научно-технического прогресса является то, что, создав всемирные коммуникационные сети, человек окончательно превратил себя в часть чего-то большего, чем он сам.

Техника как древнейший вид деятельности человека с момента своего возникновения является уникальным средством преобразования всей действительности. Исторически цивилизация возникла на Земле на основе преобразующей деятельности человека и общества. Именно преобразование среды, природы, самого человека и человеческого общества лежит также в основе развития культуры и цивилизации [5].

Подводя итог, хочется отметить, что тот прорыв, которого достигла наука в период всего существования СССР, можно назвать самым кардинальным за всю историю нашей страны. После Октябрьской революции был определен курс на формирование научного потенциала государства, чему не смогли помешать ни сталинские пятилетки, ни годы репрессий, ни голод, ни война. Наука СССР стала самостоятельной многоотраслевой сферой, отличаясь от зарубежной уверенным развитием одновременно во всех направлениях. Советские исследователи старались идти в ногу с запросами власти и работали на благо экономики страны. Ученые ставили перед собой две основные задачи цели: вывести экономику на новый уровень и укрепить обороноспособность страны. Несколько прожитых советских десятилетий стали основополагающими для истории науки современной России. Несомненно, научно-техническому прогрессу в СССР способствовало желание руководства государства развить и приумножить имеющиеся достижения, открыть новые изобретения, чтобы сократить отрыв и превзойти зарубежные страны. Для решения поставленных партией и правительством задач требовались огромные вложения бюджетных средств.

Государственная поддержка научно-исследовательской отрасли – одна из причин подъема науки в период СССР.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1) Ерасов Б. С. Наука и техника: в 2-х ч. Ч.1 – М.: АО «Аспект Пресс», 1994.

2) Линкин А. С. Развитие науки и техники и его влияние на человечество //Молодой ученый. – 2019. – №2 (240). – С.399-401.

3) Пузакова А. А. Влияние развития техники и технологий на жизнь людей// Молодой ученый. – 2015. – №20. – С.635-640.

4) Общество и научно-технический прогресс [Электронный ресурс] – [http://www. lodo.ru/parts/part4.html]

5) Технологические революции [Электронный ресурс] – [http://www. revolution.allbest.ru/manufacture/00308969_0.html]

УДК 62.091

ПРОБЛЕМЫ И ДОСТИЖЕНИЯ СОВЕТСКОЙ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Сазонова Наталья Алексеевна

ОБПОУ «Курский техникум связи», Россия, г. Курск,

e-mail: natka.sazonova@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы и достижения советской науки и техники, приводятся основные направления реформирования научно-исследовательской деятельности, формы государственной поддержки науки.

Ключевые слова. Наука, техника, государство, реформы, советское время.

PROBLEMY I DOSTIZHENIYA SOVETSKOY NAUKI I TEKHNIKI

Sazonova Natal'ya A.

OBPOU «Kurskiy tekhnikum svyazi», Rossiya, g. Kursk,

e-mail: natka.sazonova@mail.ru

Annotation. The article examines the problems and achievements of Soviet science and technology, provides the main directions of reforming research activities, forms of state support for science.

Keywords. Science, technology, state, reforms, Soviet times.

Бедствия гражданской войны, развал экономики привели к кризису научно-технического потенциала страны. Наука и научное сообщество Российской империи понесли серьезные потери. До Первой мировой войны российская наука была на пятом месте в мире, а по ряду направлений российские ученые занимали лидирующие позиции. После Октябрьской революции более тысяч специалистов эмигрировали за границу, свыше тысяч

погибли от голода, болезней, стали жертвами войны и революции. В стране осталась лишь треть научной и технической интеллигенции.

Оценка политической и экономической ситуации в России в тот период выходит за рамки возможностей статьи, но следует отметить, что молодое советское государство к этому времени оказалось отброшенным к началу промышленного переворота. Очевидно, что руководство страны достаточно быстро оценило сложность ситуации. Для сближения науки и техники с производством был организован научно-технический отдел ВСНХ (Высший совет народного хозяйства). Важно то, что в него вошли такие видные ученые и инженеры как Н. Жуковский, А. Туполев, Н. Зелинский, А. Бах, И. Губкин и другие. К концу гражданской войны число научных учреждений было увеличено в три раза и составило около тысячи, включая академии, институты, лаборатории и научные центры.

Среди них следует назвать институты оптики, радиологии и рентгенологии, ФИАН, Физтех, ЦАГИ и другие, которые стали базовой основой советской науки и техники в дальнейшем.

Большую роль стала играть Академия Наук СССР. Советская наука сохранила традиционные для дореволюционной России формы организации науки: Академия наук как собрание ученых и как финансируемое государством научное учреждение, занимающееся исследованиями и подготовкой кадров; университеты и специальные высшие учебные заведения, в которых преподавание сочетается с научно-исследовательской деятельностью, а также научные и научно-технические общества. Следует заметить, что в формах организации науки и в исследовательской работе преемственность не нарушалась, за исключением социально-гуманитарных наук: в них приоритетную роль играл идейно-политический фактор − марксистско-ленинская философия. Принципиально новым в организационной сфере научной деятельности была организация исследовательской работы на основе институтов Академии наук, НИИ при

университетах и ведомствах. Государство считало своей задачей поддержку и развитие научных институтов в области фундаментальных исследований.

Прикладные исследования велись в основном ведомственными НИИ. Вузовская наука оказалась слабее академической, так как университеты и вузы не обладали потенциалом необходимым для проведения исследований.

Наука стала одним из важнейших факторов развития народного хозяйства страны, укрепления ее обороноспособности. К сожалению, массовые репрессии затронули научно- техническую интеллигенцию. Из ста тысяч ученых был репрессирован каждый десятый. Среди репрессированных были ученые мирового уровня. Были арестованы такие ученые как С. Королев, А. Туполев, вертолетостроитель А. Черемнухин, ракетостроитель В. Глушко, А. Минц, которые даже в тюремных камерах продолжали научную деятельность. Репрессии серьезно ослабили научно-технический потенциал страны [1, с. 251].

Еще больший урон нанесла Великая Отечественная война, в ходе которой погибло более тысяч представителей научно-технической интеллигенции. Несмотря на потери, ученые внесли огромный вклад в победу страны над немецко-фашистскими захватчиками: именно советскими учеными, инженерами и техниками были созданы и внедрены в производство более видов оружия, включая ракетно-термическое. Несмотря на войну, советская наука продолжала развиваться. В 1944 г. была создана Академия медицинских наук СССР и новых научных учреждений самого широкого профиля [2, с. 118].

После войны были резко увеличены ассигнования на науку. На образование и науку шло 12% национального дохода, что в три раза превышало аналогичные показатели в США. В 1947г. был создан Госкомитет по внедрению новой техники, который возглавил работу по применению достижений науки и техники в народном хозяйстве и по организации важнейших научно-технических исследований отраслевого и межотраслевого характера. Была заложена фундаментальная база научных достижений в

области космических исследований, ядерной энергетики и электроники. В послевоенные годы в системе Академии наук СССР возникает новых институтов на стыке фундаментальных наук: физической химии, геохимии и аналитической химии, высокомолекулярных соединений, точной механики и вычислительной техники, высшей нервной деятельности, радиотехники и радиоэлектроники, научной информации, языкознания, славяноведения.

Эффективность советской науки наглядно проявилась в создании термоядерного оружия массового поражения. Через четыре года был произведен взрыв водородной бомбы, разработанный академиком А. Сахаровым.

В 1953-1963 гг. с развитием научно-технической революции резко увеличился объем научной работы. Было создано свыше 1700 научных учреждений. Численность научных сотрудников увеличилась с 170 тысяч до 650 тысяч. Быстрое экстенсивное развитие науки происходило до середины 1970-х годов, затем рост замедлился. Однако советская наука и образование в это время занимали лидирующие позиции в мире. Изменилась география науки. Резко расширилась сеть вузовской науки. К сожалению, эти позитивные процессы не были закреплены в социально-политических сферах общества.

В СССР были созданы и успешно работали научные школы мирового значения, которые обеспечивали научный приоритет и высокий интеллектуальный потенциал страны. Огромная работа была проведена по освоению Арктики, изучению Антарктики, поискам полезных ископаемых. Советский Союз стал лидером в овладении ядерной энергией, в исследовании космоса.

Позже в советском обществе и, соответственно, в науке наступил кризис, вызванный как внешними и внутренними причинами. Большой вред развитию науки нанесла ее чрезмерная идеологизация и политизация, что, например, проявлялось в борьбе против «буржуазных лженаук» − генетики и кибернетики, в государственной поддержке различного рода лжеученых.

Советские ученые и правящая элита не смогли вовремя спрогнозировать и проанализировать социально-экономические последствия нового технологического уклада. В СССР государственный монополизм, жесткая плановая дисциплина, ведомственная разобщенность, параллелизм и дублирование научных исследований объективно способствовали отторжению новаций в народном хозяйстве. К этому следует добавить милитаризацию научных исследований [3, с. 118].

В результате распада СССР и «шоковых» реформ произошла трансформация политической и экономической системы. В условиях столь радикальных изменений всей общественной системы постсоветского пространства оказалась и наука. Ассигнования в научно- техническую сферу были кардинально сокращены и, в настоящее время, недостаточное финансирование науки – одна из главных проблем большинства бывших советских республик [4, с. 147].

Проблемы современной науки реальны и конкретны. Наука стала гигантским социально-экономическим институтом, вплетенным в промышленное производство, с мощными финансовыми потоками и финансирующими структурами. Наука − важнейший элемент национальной безопасности и национальной гордости.

Сегодня в научной сфере происходят серьезные изменения. Меняется ее инфраструктура и мотивация научно-исследовательской работы, стандарты оценки знания. И сегодня – различать и внятно определять тенденции этих изменений очень важно. Основными направлениями реформирования должны стать: устаревшие механизмы финансирования; система организации научной деятельности; формы взаимодействия науки и образования; взаимоотношения бизнеса и науки. Что касается конкретных путей и организационных форм решения этих проблем, то они могут быть различными. Главное – разобраться в том, что происходит с современной наукой, оценить реальные тенденции ее динамики и наметить перспективы эффективной работы по ее поддержке.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1) Великая Отечественная война 1941-1945: Энциклопедия / Гл. ред. М.М. Козлов. – М., 1985.

2) История развития науки и техники в России / И.С. Шатило, А.В. Бухарина, Т.Л. Кащенко и др.; Под ред. И.С. Шатило. – М., 2007.

3) Лебедев, С.А. Современная философия науки / С.А. Лебедев. – М., 2010.

4) Новая Российская энциклопедия: В 12 т. Т. 4 (2) / Редкол.: А.Д. Некипелов, В.И. Данилов-Данильян и др. – М.: «Издательство Энциклопедия», 2008.

УДК 372.881.161.1

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ «ВЕЛИКИЕ РУССКИЕ» КАК ОДИН ИЗ ИНСТРУМЕНТОВ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ИМИДЖА РОССИИ У ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ

Александрова Ирина Николаевна

старший преподаватель кафедры русского языка

РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, Россия, Москва

e-mail: iralex6585@mail.ru

Акишин Александр Петрович

методист УНЦ ДП РГУ нефти и газа (НИУ) им. И.М.Губкина

РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, Россия, Москва

e-mail: alpetaki@mail.ru

Аннотация. В статье рассказывается о выпущенном на кафедре русского языка РГУ нефти и газа (Национальный исследовательский университет) им. И.М. Губкина пособии для иностранных учащихся «Великие русские». Подчёркивается его важная роль для формирования у иностранных обучающихся позитивного имиджа России.

Ключевые слова: великие русские; образ России, лингвострановедение; социокультурная компетенция; иностранные обучающиеся.

THE EDUCATIONAL AND METHODICAL MANUAL "GREAT RUSSIANS" AS ONE OF THE TOOLS FOR FORMING A POSITIVE IMAGE OF RUSSIA AMONG FOREIGN STUDENTS

Aleksandrova Irina N.

Senior lecturer, Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University, Russia, Moscow

e-mail: Iralex6585@mail.ru

Akishin Alexander P.

educational supervisor of the Educational and Scientific Center of Pre-University Training of Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University, Russia, Moscow

e-mail: alpetaki@mail.ru

Annotation. The article describes the tutorial published by the Russian Language Department of the Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University). The important role of the formation of a positive image of Russia among foreign students is emphasized.

Key words: great Russians; image of Russia, linguistic and cultural studies; socio-cultural competence; foreign students.

В 2004 г., выступая перед российскими послами, Президент РФ В. В. Путин заявил, что «представления о России… часто далеки от реальности. Нередки и спланированные кампании по дискредитации страны, вред от которых очевиден и для государства, и для отечественного бизнеса», и подчеркнул необходимость выработки «непредвзятого благоприятного представления о внутренней и международной политике России, ее истории и культуре» [4].

Одним из методических аспектов преподавания русского языка как иностранного является лингвострановедческий подход. Лингвострановедение – это методика последовательного и систематического ознакомления обучаемых с историей, литературой, культурой и традициями страны изучаемого языка в процессе его изучения. В ходе реализации лингвострановедческого подхода на уроках иностранного языка обеспечивается формирование и развитие коммуникативной и социокультурной компетенций иностранных учащихся, толерантного отношения к фактам и событиям истории и современности.

Реализация лингвострановедческого подхода в практике обучения иностранных учащихся РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина призвана, в

частности, воздействовать на формирование у них положительного образа нашей страны, дружественного отношения к ней.

Лингвострановедение в определённой степени коррелируется с национальной идеей России – патриотизмом. Патриотизм – это любовь к Родине, а нам есть чем гордиться в различных областях науки, техники, культуры. Движимые этим чувством, авторы статьи создали, а затем переработали и переиздали учебно-методическое пособие «Великие русские», в котором каждое имя, каждый факт должны показать иностранным учащимся роль и значение России в мировом цивилизационном процессе.

Учебно-методическое пособие «Великие русские» адресовано иностранным обучающимся, достигшим А-2, В-1 уровней владения русским языком и продолжающим обучение.

Цель пособия – познакомить иностранных обучающихся с жизненным путём россиян, имена которых знает весь мир и которыми по праву гордится Россия. Задача пособия – обучение самостоятельному чтению без предварительного снятия трудностей, увеличение словарного запаса, формирование навыков просмотрово-поискового чтения с общим охватом содержания, а также навыков пересказа и работы со словарём, развитие языковой догадки и прогнозирования, расширение знаний о науке и культуре народа, говорящего на русском языке.

В пособие входит 16 текстов о выдающихся деятелях русской науки и культуры: «Пётр I», «М.В. Ломоносов», «А.С. Пушкин», «П.М. Третьяков», «П.И. Чайковский», «Г.С. Уланова», «С.В. Ковалевская», «Д.И. Менделеев», «В.И. Вернадский», «А.С. Попов», «В.Г. Шухов», «И.М. Губкин», «С.П. Королёв», «Ю.А. Гагарин», «А.М. Прохоров», «Ж.И. Алфёров». При отборе текстов авторы стремились дать ответы на вопросы, которые часто задают студенты: чем велик тот или иной известный всему миру россиянин, какой вклад он внёс в развитие цивилизации, за что его любят и ценят на родине и в мире?

Тексты пособия снабжены фотографией (фотографиями) каждого персонажа и дополнены послетекстовыми вопросами и заданиями, необходимыми для контроля понимания содержания и для нахождения информации, которая поможет построить собственные высказывания. Эти вопросы и задания способствуют развитию языковой интуиции, логического мышления, умения рассуждать и доказывать свою точку зрения. Полезным представляется стандартное для всех текстов задание: «Дайте тексту другое название». Здесь-то и проявляется степень понимания обучающимся прочитанной информации: умение увидеть главное, ключевые слова, разгадать образные выражения и превратить что-то из этого в название текста. Каждый обязательно высказывает своё предложение, завязывается дискуссия, в результате которой какие-то названия пополняют «копилку» преподавателя, а какие-то обоснованно отклоняются.

Заключительные задания предлагают обучающимся самостоятельно найти дополнительную информацию в интернетресурсах, посетить соответствующий музей, ознакомиться с имеющимися видеоматериалами.

Следует отметить, что многие имена учёных, представленные в пособии, уже знакомы студентам-иностранцам, прошедшим обучение на подготовительном факультете РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина. Ещё на начальном этапе изучения русского языка иностранные учащиеся из различных источников узнают, например, о М.В. Ломоносове как об учёном, обогатившем многие отрасли науки, в частности, как об одном из создателей биогенной теории происхождения нефти.

Знакомо им также и имя Д.И. Менделеева, не только как автора закона периодической зависимости свойств химических элементов от их атомных масс и периодической таблицы химических элементов, но и как яркого представителя абиогенной теории происхождения нефти и инициатора строительства первого в России трубопровода.

Естественно, что студенты-губкинцы ещё на подготовительном факультете знакомятся с биографией и научными достижениями создателя

русской нефтяной геологии, основателя нашего университета – Ивана Михайловича Губкина.

Такую масштабную личность, как В.Г. Шухов, невозможно обойти вниманием даже на подготовительном факультете. Говоря о строительстве первого трубопровода, о появлении нефтеналивного флота, о хранении нефти наши студенты узнают о замечательном русском инженере, создавшем это и многое другое. Постижению инженерно-изобретательского феномена Шухова иностранными учащимися помогает красочный стенд «Шухов – гений российской инженерной мысли», созданный и расположенный на кафедре, чтение адаптированных текстов, просмотр документальных фильмов («В.Г. Шухов–великий русский изобретатель» (2012, 6:15) https://www.youtube.com/watch?v=N91oasSfDIw, «Инженер Шухов: котлы, стропила, башни» (А. Сбигнев, школа «Интеллектуал» 2014, 45:18) https://www.youtube.com/watch?v=WboyHHAay2c).

К вышеназванным, уже знакомым студентам великим именам следует добавить имена Петра I, А.С. Пушкина, П.И. Чайковского, Ю.А. Гагарина и др. Однако на продвинутом этапе приходит время познакомиться с новыми великими русскими людьми: А.С. Поповым, С.В. Ковалевской, В.И. Вернадским, А.М. Прохоровым, Ж.И. Алфёровым и др., чьи яркие биографии не могут оставить равнодушным, а выдающиеся достижения являют собой славу не только российской, но и мировой науки и культуры.

Таким образом, целенаправленная, системная работа с учебно-методическим пособием «Великие русские» служит не только формированию у иностранных обучающихся профессиональной, коммуникативной и социокультурной компетенций, но и созданию позитивного имиджа России у будущих специалистов нефтегазовой отрасли, которые будут работать по всему миру и, надеемся, останутся друзьями нашей страны.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Александрова И.Н., Акишин А.П. Великие русские: Учебно-методическое пособие. – М.: Издательский центр РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, 2019. – 99 с.

2. Кумышева Р. М. Содержание и структура имиджа страны с теоретических и методологических позиций. – Вестник МГЛУ. Образование и педагогические науки. Вып. 1 (830) / 2019 Кумышева_soderzhanie-i-struktura-imidzha-strany-s-teoreticheskih-i-metodologicheskih-pozitsiy

3. Напалкова. И.Г. Имидж современной России: Специфика и перспективы формирования. // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования.2017. № 2 (38).

4. [Электронный ресурс] // newsru.com / Новости России. – Режим доступа: http://www.newsru. com/russia/12jul2004/imidj.html.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

III МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ 100-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ СССР (МОСКВА, 13 МАЯ 2022 Г.)

В авторской редакции

Сведения о программном обеспечении, которое использовано для создания электронного издания:
Microsoft Word - набор, вёрстка текста, генерация PDF https://www.microsoft.com/

Техническая обработка и подготовка материалов выполнены авторами

Подписано к использованию: 20.06.2022;
Объём издания: 3,58 Мб; Тираж: 300 экз.;
Комплектация издания: 1 CD-ROM;
Запись на физический носитель: Комков А.Н., komkov.a@gubkin.ru.
119991, Город Москва, проспект Ленинский, дом 65, корпус 1, РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, управление наукометрических исследований и поддержки публикационной активности (040)